ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 4

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 4

Москва
Издательство МАИ
2004

ББК 13.5.1
О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 4. —М.: Изд-во МАИ, 2004. — 416 с.: ил.
ISBN 5-7035-1386-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003 году в рамках целевой программы Академии исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам-авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По 4 экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России (по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек президентов стран и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице Академии исторических наук, доступной пользователям бесплатно по сети Интернет по адресу **www.kontragent.ru/~ain** в любой точке земного шара (в том числе в любой школе, университете, войсковой части) для копирования.

Спонсоры издания тома:
Левочкин Станислав Анатольевич, Президент группы компаний «БАУФЛЕКС»,
Крошнев Евгений Альбертович, Директор рекламного агентства «ПРОФИС».

ISBN 5-7035-1386-3
© Академия исторических наук, 2004

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 6
Предисловие ко 2-му тому 11

1 **Абламонов Петр Федорович**
Меж сопок Заполярья 13

2 **Адамович Андрей Фёдорович**
На мне этот «график» и закончился 21

3 **Алексеева Марина Владимировна**
Он видел, что я в него стреляю 28

4 **Андрианова Зинаида Ивановна**
Бойцы химзащиты 45

5 **Араев Иван Матвеевич**
Испытание войной 53

6 **Бабкин Борис Владимирович**
Начало атаки — проход танков через боевые порядки 56

7 **Безвитный Михаил Степанович**
День был жарким 67

8 **Бобков Егор Андреевич**
Отдельный гвардейский тяжелый танковый
Криворожский полк прорыва 73

9 **Борисов Михаил Михайлович**
Тихая разведка в тихом поселке 76

10 **Брагин Анатолий Дмитриевич**
Передняя стойка не встала на «замок» 81

11 **Бурмистрова Виталия Павловна**
Летчики называли нас лунатиками 95

12 **Визун Юрий Ильич**
В окне четвертого этажа на Унтер-ден-Линден 107

13 **Владимирский Сергей Александрович**
В моей полевой сумке — Красное знамя 119

14 **Голышев Николай Герасимович**
Фашисты вот-вот должны были затопить подвал 130

15 **Козлов Владимир Сергеевич**
Такие же знаки нарисовали американцы 143

16 **Колишер Леопольд Гаврилович**
На каждого было по четыре бронебойных снаряда 146

17 **Лаврентьев Валентин Петрович**
О друзьях-товарищах 151

18 **Левченко Мария Анатольевна**
Раненого положили на операционный стол,
а там оказалась мина... 155

19 **Левченко Николай Фёдорович**
Уничтожение Бродской группировки 161

20 **Либман Михаил Львович**
Командир саперного взвода 164
21 **Маздрина Раиса Фоминична**
Был издан приказ о формировании женских авиационных полков 167
22 **Малафеев Евгений Васильевич**
На бомбардировщике — к цели 172
23 **Минаев Владимир Васильевич**
Встреча в лесу 181
24 **Миронов Лев Николаевич**
К винтовкам и противогазам добавились еще и лыжи 184
25 **Надолько Николай Дмитриевич**
Снайпер, как и сапер, ошибается один раз 197
26 **Наливалкин Дмитрий Алексеевич**
Дивизия возвращалась с войны, из Австрии, пешком 207
27 **Нечева Клавдия Михайловна**
Нам было намного труднее 213
28 **Новоченко Иван Ефимович**
Родных своих я нашел в блиндаже 221
29 **Огоновская Лидия Георгиевна**
Был шанс подорваться на мине 232
30 **Осипова (Лемешко) Валентина Тихоновна**
Проспав несколько часов, возвращались в операционную 241
31 **Пеганов Сергей Иванович**
Поддержка пехоты огнем и колесами 246
32 **Пермогенский Владимир Сергеевич**
887 дней войны 257
33 **Подольская Юлия Дмитриевна**
Правда о войне 260
34 **Попкова Маргарита Ивановна**
16-летний боец противовоздушной обороны 264
35 **Порхаев Павел Иванович**
Через 60-80-километровую зону болот 268
36 **Пыликова Екатерина Егоровна**
Девушка с санитарной сумкой 272
37 **Рясин Вячеслав Николаевич**
В плен сдавались тысячи итальянцев 277
38 **Тарасенко Сергей Иванович**
Я был одет в «бандеровский» пиджак и гуцульскую шляпу 283
39 **Терешкин Андрей Никитович**
С осколком у сердца 317
40 **Тотенков Алексей Иванович**
Мне удалось вывести колонну из-под обстрела 321

41 **Тумашевский Михаил Дмитриевич**
Доброволец Одесского коммунистического
и Орловского танкового 324
42 **Устинов Владимир Федорович**
Освобождение города Пропойска 327
43 **Фомин Николай Михайлович**
В железнодорожных войсках 333
44 **Хватова Александра Александровна**
Перед тем как уйти в разведку,
бойцы заходили к нам 337
45 **Хорошев Николай Гаврилович**
Первый немец 342
46 **Шаповалов Ромуальд Алексеевич**
Особенно тяжелый день для полка 349
47 **Шинд Владимир Ильич**
На мундштуке были выгравированы буквы: «В.Ш.» 353
48 **Шпер Светлана Исааковна**
И снова бежала туда, где была смертельная схватка 366
49 **Юдин Дмитрий Андреевич**
Под Берлином находился лагерь военнопленных 370
50 **Яценко Василий Никифорович**
От Кавказа до Берлина (1013 дней и ночей
с боями и пешком) 373

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над Рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленый маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие.

Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они — носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутимым стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколе-

ния высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны продолжена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны — от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 650 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 550 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003 году факультетами и кафедрами военного обучения еще восьми российских высших учебных заведений — Московского авиационно-технологического университета, Московского государственного горного университета, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного строительного университета, Московского государственного технического университета им. Косыгина, Московского государственного университета природоустройства, Московского инженерно-физического института, Московского энергетического института. В результате этой работы подготовлены материалы воспоминаний еще для пяти томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института начата работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания, и это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» — «Никто не забыт, ничто не забыто». Накопленный в МАИ опыт может стать методической основой для использования кафедрами истории других университетов России.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 4-му тому

Неумолимый и безвозвратный ход времени с каждым годом отдаляет от нас исторические события Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Все меньше остается в живых непосредственных ее участников. Большинство из них, в силу ряда причин, не могли воспользоваться печатными средствами информации, чтобы поделиться с потомками воспоминаниями о суровых буднях, проведенных на полях сражений, о мужестве и героизме друзей-однополчан, о радости побед и горечи поражений, о скорби по погибшим за честь, свободу и независимость Родины.

Ветераны-фронтовики в тяжелые послевоенные годы, сменив боевое оружие на мирные орудия труда, активно включились в восстановление народного хозяйства страны, демонстрируя завидную трудоспособность, самоотверженное усердие и героизм на трудовом фронте. Они подняли могущество Вооруженных сил и обороноспособность нашего государства на более высокий организационный и технический уровень.

Страна по праву гордится своими ветеранами, воздает должный почет и уважение всем, кто внес огромный вклад в великое дело Победы над немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами, кто ценой жизни защищал и восславил Отчизну.

Задача воспитания молодежи на добрых традициях предков – дело особой важности. Изучение истории Великой Отечественной войны, являясь одной из форм патриотического воспитания, формирует у молодежи чувство гордости за свою страну и свой народ.

Неслучайно Постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2001 года (№ 122) утверждена программа «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». В ней говорится о необходимости формирования патриота Родины, способного встать на защиту государственных интересов страны; о необходимости использования славных традиций своих предков, воспитания уважения к ратному труду, любви к Родине и почетной обязанности защищать ее. Главную роль в этом должны сыграть примеры героического прошлого Отчизны.

Чтобы не потерять связь времен, научить молодое поколение любить живых и помнить о погибших, Академия исторических наук предприняла издание настоящего многотомника.

Содержащиеся в этих томах воспоминания дадут богатый материал для развития школьных музеев. Их значение для молодежи можно понять, прочитав сочинение ученицы 11-го класса школы № 231 г. Москвы Татьяны Мягких, представленное на конкурс среди учащихся средних учебных заведений г. Москвы по темам «Наш музей боевой славы» и «Они защищали Москву».Вот что пишет она о музее Боевой славы 6-го гвардейского Львовско-Берлинского орденов Ленина и Красного Знамени механизированного корпуса нашей 4-й гвардейской танковой армии:

Храм памяти — это наш школьный музей,
Сюда мы приводим лишь близких людей,
И здесь, только здесь сквозь всю боль тишины
Мы слышим далекое эхо войны.

О героях, павших в боях:

Мы рядом с теми, кто легендой стал,
Они покой и мир завоевали —
Мы память возвели на пьедестал.

О бывшем командире корпуса – Герое Советского Союза Василии Орлове:

Сын Родины, России верный сын,
Бессмертие витает над тобою,
Ты по дороге славы на Берлин
Пал смертью храбрых на исходе боя.

Вураки Андрей Федорович,
Член Президиума Совета ветеранов
4-й гвардейской танковой армии,
генерал-майор в отставке

Абламонов Петр Федорович

МЕЖ СОПОК ЗАПОЛЯРЬЯ

Я родился 18 августа 1926 г. в селе Зубовка Сергиевского района Самарской области. Русский. Был членом ВЛКСМ, КПСС. Член Союза писателей Российской Федерации.

В 1943 г. окончил 9 классов Зубовской средней школы, начал учебу в 10-м классе и со школьной скамьи был призван на флот. Направлен с группой одноклассников в г. Куйбышев, в школу младших авиаспециалистов, которую закончил в мае 1944 г. После войны, когда проходил службу в авиации Северного флота, предложили учиться в Ленинградском Военно-Морском политическом училище им. А.А. Жданова. Поступил в училище в 1946 г. и закончил его в 1949 г. В 1953 г. поступил в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, которую закончил в 1958 г.

* * *

Война застала меня в родном селе Зубовка, во время сельскохозяйственных работ в колхозе «Новый быт» Кутузовского района. Во время школьных каникул, когда мы, ребята, помогали косить траву, на полустанок приехал бригадир и сообщил о начале войны. Мы в то время не представляли всей опасности случившегося. В те дни по селу развозили повестки, и многие мужчины нашего села под плач родственников отправлялись на фронт.

В ноябре 1943 г. нас, группу десятиклассников, призвали в военкомат и направили в областной город Куйбышев в школу младших

авиаспециалистов. Здесь, на берегу Волги, где размещалась школа, я прошел основы военной службы. Было трудно, но нас приободряло то, что мы носили форму военного моряка и приобщались к традициям флота.

Школа позже была переведена в г. Сарапул (Удмуртия). В мае в 1944 г. мы завершили учебу и получили назначение в авиацию Беломорской флотилии, на остров Ягодник, что под Архангельском. Здесь я получил предписание в отряд «Бостон» 54-го смешанного авиаполка. Командир отряда капитан Хрыпов встретил нас, младших специалистов, приветливо и распределил по экипажам. С первых дней мы столкнулись с боевыми буднями нашего отряда «Бостон». Самолеты вылетали на просторы Баренцева моря на свободную охоту. Я быстро освоил свои обязанности авиационного моториста. Через два месяца командир отряда поручил мне обязанности старшины отряда. Я занимался вещевым довольствием, хозяйственными заботами. Но служить на острове Ягодник пришлось недолго. В связи с предстоящей Петсамо-Киркенесской операцией нас, группу младших авиаспециалистов, направили в Ваенгу в 36-й минно-торпедный полк 5-й дивизии Военно-Воздушных сил Северного флота. Дивизией командовал мастер торпедных ударов Герой Советского Союза генерал-майор Г.П. Губанов. В Ваенге меня определили в 3-ю авиаэскадрилью. Комэск капитан Илья Тихонович Волынкин накануне нашего приезда удостоился звания Героя Советского Союза за успешное выполнение заданий командования. С первых дней пребывания в полку мы ощутили дыхание приближающейся операции. Летный состав изучал обстановку на театре, тактику действий, мы тренировались в подготовке самолетов к полетам. Еще будучи на острове Ягодник, мы были в курсе «свободной охоты» самолетов типа Бостон. Они вылетали на задание при определенных метеоусловиях-облачности, малой видимости. Вначале на «свободную охоту» вылетали одиночные самолеты, а затем парами. Поиск противника на вражеских коммуникациях производился на высотах, не превышающих 50 метров. Торпеды сбрасывались с дистанции 400 метров и более от цели.

Позже, когда разведка начала обеспечивать торпедоносцы данными обнаружения кораблей и конвоев противника, удары стали наносить группами самолетов.

В то время эти вопросы, как и вопросы тактики действий экипажей, для нас, мотористов, были недосягаемыми. У нас был свой, земной круг обязанностей — прибежать по сигналу на стоянку и гото-

вить самолет к полету. Старшим на стоянке был техник или механик самолета, а мотористы были подручными. Неслучайно ходила прибаутка: «Вечно грязный, вечно сонный моторист авиационный». Действительно, мы всегда ходили с тряпками, ключами, инструментами, оставались на самолете допоздна, когда уже все уходили в кубрик. И все же мы осознавали важность своих обязанностей и выполняли их усердно.

Подробности боевых вылетов до нас не доходили. Уже после войны, заинтересовавшись боевым путем своей эскадрильи, я восстановил картину участия в Петсамо-Киркенесской операции. 14 октября 1944 года самолет-разведчик обнаружил в районе Тана-фьорда конвой (2 транспорта,12 кораблей охранения). Для уничтожения конвоя вылетело 5 торпедоносцев. Ведущим был наш командир капитан И.Т. Волынкин. Погода благоприятствовала их действиям. В 12 часов 22 минуты самолеты обнаружили конвой, скрытно подошли к нему и, перестроившись в строй фронта, внезапно вышли в атаку. Ведущий четко руководил действиями других экипажей. Торпеды были сброшены с дистанции 500-700 метров и поразили цели. И только после этого противник открыл сильный зенитный огонь. Загорелся самолет нашего командира капитана Волынкина. Но искусным маневрированием командиру удалось сбить пламя.

Исключительное мужество и самоотверженность в этом бою проявил экипаж лейтенанта В.А. Вельдяскина. Направив подбитый самолет на корабли противника, он отвлек весь зенитный огонь на себя. Вместе с командиром погибли лейтенант М.Н. Башкатов, старшина Г.Д. Мирошниченко и сержант А. И. Моспан.

В результате внезапной и решительной атаки враг потерял оба транспорта, тральщик и сторожевой корабль.

Октябрь месяц 1944 г. запомнился интенсивными полетами на задание. Мы, специалисты, пропадали на стоянках. 16 октября снова проводили в воздух командира эскадрильи. Совместно с торпедоносцами 9-го гвардейского полка (ведущий командир полка подполковник Б.П. Сыромятников) группа представляла грозную силу. Удар нанесли две шестерки торпедоносцев: одна 9-го полка, вторая 36-го полка (ведущий капитан И.Т. Волынкин). Действия торпедоносцев прикрывали 15 истребителей. В этом бою враг потерял 2 транспорта, сторожевой корабль, тральщик, катер и 5 самолетов.

Этот вылет не обошелся без потерь. В трех километрах от цели в левый мотор самолета подполковника Сыромятникова угодил вражес-

кий снаряд. Машина загорелась, но командир полка продолжал атаку, выводя другие машины на цель. Когда расстояние до транспортов уменьшилось до 500 метров, самолет Сыромятникова выпустил две торпеды. Так был уничтожен транспорт противника.

Но и наш флагман погиб. Объятый пламенем, он упал в море. Всем членам экипажа флагманского самолета: подполковнику Б.П. Сыромятникову, штурману полка майору А.И. Скнареву и стрелку-радисту старшему сержанту Г.С. Асееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Весть об успешной операции наших летчиков молнией облетала аэродром. Радость была общей для всех. Торжественная встреча экипажей, сообщения о победе поднимали дух личного состава. Все это помогало нам преодолевать трудности службы в суровых условиях Севера.

Зимой в землянках, вырытых у подножия сопок, где размещался технический состав, несмотря на непрекращающую топку печек-буржуек, температура была близкой к нулю. Мы, мотористы, напяливали на себя все что можно. Утром, чтобы умыться, трудно было найти воду: она замерзала в умывальниках.

Суровым испытанием было несение вахты на стоянках наших самолетов. Несли вахту по специальному графику. Сборы были необычными. Напяливали на себя шубу, валенки, шапки-ушанки, рукавицы. В таком виде мы прохаживались по стоянке два часа. Вернее, не прохаживались, а ходили в быстром темпе, чтобы не замерзнуть.

Стоянки самолетов были искусно замаскированы на фоне сопок. По сигналу мы прибегали на стоянку и начинали готовить машину. Часто сильный мороз затруднял наши действия — работать приходилось в шубе и валенках. Прежде чем начинать обслуживать самолет, расчищали стоянку, да и аэродром от снега. Но эти трудности легко преодолевались — сказывалась молодость.

Служба моя в авиации продолжилась в 10-й смешанной авиаэскадрилье, которая размещалась на этом же аэродроме. Командир эскадрильи майор Плотко часто вел с нами беседы, советуя после службы учиться. В этой эскадрилье мне посчастливилось встретить день Победы.

Летчики встречали этот радостный момент в своем кругу, мы, мотористы, в своем. Где-то раздобыли разведенного спирту и железными кружками чокались за победу.

В последние месяцы службы на Севере избрали меня комсоргом эскадрильи. Эта работа расширила круг моих знакомств. Пришлось

участвовать в семинарах политотдела. Близко познакомился и сошелся с помощником политотдела по комсомолу лейтенантом В. Деркачом. В послевоенное время мы встретились с ним на Тихоокеанском флоте. Воспоминаниям не было конца. Общественная работа сыграла свою роль при определении кандидата для учебы в Военно-морское политическое училище им. Жданова. В 1946 году после успешных вступительных экзаменов я был принят в училище, которое закончил в 1949 году. Так круто повернулась моя жизнь, которую связал с военной службой. Передо мной открылись двери флотской печати — вначале редакции газеты Балтийского флота «Страж Балтики», затем Беломорской флотилии «Северная вахта», после «Красной звезды», газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» и в заключение журнала «Советский воин». В 1985 году был уволен в запас, но продолжал работать в Союзе писателей РСФР, в редакции «Память».

Награжден медалью «За боевые заслуги», 832066, орденом Отечественной войны (№ ордена 1037511), медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и другими.

Война не обошла стороной моих родственников. На фронте погиб мой дядя Горбунов А.Н., был тяжело ранен в голову средний брат Михаил, который в 1943 г. приехал после излечения в госпитале домой. Старший брат Иван имел броню, работал в системе народного хозяйства. Наш отец Федор Иванович был мобилизован для работы на военном заводе.

Будучи журналистом, опубликовал ряд книг о войне, флотской службе.

1. Бессмертие. — М. Воениздат, 1981 г. 112 стр. (Серия «Героическое прошлое нашей Родины»).

2. Ракетный старт: документальная повесть. — М. ДОСААФ, 1967г. 72 стр.

3. Молодость выходит в океан. Документальная повесть. — М. ДОСААФ 1978 г. 78 стр.

4. Курсом через океан. Документальная повесть. — М. ДОСААФ. 1982г. 80 стр.

5. Координаты дружбы. — М. ДОСААФ, 1974г. 112 стр.

6. Адмирал: о дважды Герое Советского Союза С.Г. Горшкове. — М. Политиздат, 1986 г. 112 стр.

7. Через моря и океаны. — М. ДОСААФ 1981г. 200 стр.

Подготовлена рукопись о боевом пути С.Г. Горшкова, более подробная. Рукопись была запланирована Воениздатом, но из-за начавшихся реформ ее так и не издали.

И вновь возвращаюсь к воспоминаниям о службе на Севере.

Первые месяцы в авиации на Беломорской флотилии мне запомнились встречей наших авиаторов с английскими летчиками, которые оказались на нашем острове для ударов по немецкому линкору «Тирпиц». Неоднократные попытки потопить этот линкор не удавались. Возникла мысль применить в этих целях тяжелые четырехмоторные бомбардировщики «Ланкастер» не с авианосцев «Викториес» и «Фьюриес», откуда раньше поднимались бомбардировщики, а с береговых аэродромов. Правительство Великобритании договорилось с советским командованием о базировании «Ланкастеров» на наших аэродромах. В начале сентября на аэродром острова Ягодник приземлились десятки «Ланкастеров». Мы с интересом рассматривали бомбардировщики. Вспомнилось дружеское отношение наших моряков к союзникам. При встрече мы пожимали им руки, старались как-то объясниться с ними. Наше командование позаботилось об их питании, медицинском обслуживании, отдыхе. Этими делами занимались полковник Логинов, начальник политотдела полковник Р.И. Эренпрайс.

Полковник Эренпрайс часто бывал на нашем аэродроме и всегда в сопровождении наших командиров. Я его видел лишь издалека, но позже он сыграл в моей судьбе важную роль. Когда я прибыл для прохождения службы в Ваенгу в 36-й минно-торпедный полк, узнал, что начальником политотдела 5-й минно-торпедной дивизии был полковник Эренпрайс. В дальнейшем, когда меня избрали комсоргом, мне приходилось с ним встречаться чаще. Собственно, он благословил меня на учебу в училище. Полковник пользовался большим авторитетом у всех авиаторов — у летчиков, техников, хозяйственников. Впоследствии его судьба круто изменилась, и я встретил его через 50 лет в поликлинике Военно-Морского флота. В мемуарах многих флотских начальников Эренпрайс упоминается как яркая личность. При его участии у нас, в Ваенге, организовывали встречи с шефами. Обычно молнией распространялось сообщение об их приезде. Мы старались не пропустить такое событие. В Доме офицеров негде было приткнуться. При переполненном зале нам представляли членов делегации. Шефы рассказывали о работе, жизни тружеников области, края. Их наказы точно поражать цели противника, приближать победу воспринимались нами, как наказ Родины. Встречи обычно заканчивались концертом.

В период моей службы в 54-м смешанном авиаполку, в отряде «бостон» произошла трагическая история с тральщиком ТЩ-120,

которым командовал капитан-лейтенант Д.А. Лысов. Эту историю я подробно описал в своей книге «Бессмертие», изданной после войны. Дело обстояло так. Тральщик находился в охранении конвоя, следовавшего из моря Лаптевых к острову Диксон. 4 транспорта шли в сопровождении 7 боевых кораблей. Около часа ночи 23 сентября один из сторожевых кораблей заметил в тумане фашистскую подводную лодку, но тут же ею был потоплен. Тральщик «Т-120» получил приказ обнаружить и уничтожить лодку. Конвой же продолжал путь.

Утром погода резко ухудшилась. К тому же на тральщике вышла из строя гидроакустическая аппаратура — глаза и уши корабля. Тральщик получил разрешение идти на Диксон, но в10 часов 15 минут был атакован вражеской лодкой, акустическая торпеда угодила в его кормовую часть. Произошел сильный взрыв. Тральщик потерял ход и стал крениться. Вышла из строя радиоаппаратура. Командир принял все меры к спасению личного состава, и в первую очередь раненых. 26 человек были размещены на катере и 20 на понтоне. На корабле остались 38 моряков, в том числе командир, его помощник старший лейтенант Ф.А. Демченко, командир электромеханической части инженер-капитан-лейтенант Н.А.Сосницкий, командир артиллерийской боевой части К.К.Наконечный. Они прикрывали уходивших товарищей, соблюдая традиции флота. Но у борта вскоре разорвалась вторая торпеда, и тральщик вместе с 38 героями скрылся в холодных арктических волнах.

Тяжелые испытания выпали на долю спасавшихся моряков. Им пришлось выдержать 8-балльный шторм. Через двое суток катер подошел к какому-то острову, а на следующий день к нему прибило и понтон.

Лишь через несколько дней наиболее крепкие моряки добрались до материка и сообщили на Диксон о случившемся. Вскоре оттуда подоспела помощь.

Часто во сне передо мной встают картины ночной вахты зимой, на стоянке самолетов. Помню,как я впервые увидел северное сияние. Вначале я опешил — такое это было чудо. Все небо полыхало огнем, разными красками переливаясь от края до края. В ночной темноте, среди голых сопок, окутанных снегом, эта картина на какое-то мгновение внушила страх, а уж потом, приглядевшись, пришел в себя.

Расставшись с Севером, я часто переношусь в те края, вспоминаю своих командиров, друзей и матросский кубрик, куда мы, обветренные, приходили обогреваться.

Тридцать лет назад я по командировке посетил верхнюю Ваенгу, которая ныне именуется Североморском, и побывал на родном аэродроме. Воспоминания волной нахлынули на меня. Окидывая взглядом сопки, я с гордостью думал, что мои друзья-североморцы не напрасно здесь стояли насмерть, несли боевую вахту. И отстояли эту землю.

Декабрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Павлюк Оксана Витальевна***, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Адамович Андрей Фёдорович

НА МНЕ ЭТОТ «ГРАФИК» И ЗАКОНЧИЛСЯ

Родился в Москве 14 января 1924 г., русский, атеист, член КПСС с 1950 до 1991 г., член ВЛКСМ с 1939 по 1950 г.

Весной 1941 г. закончил девять классов московской средней школы №660.

О начале войны узнал из выступления В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. Жил в центре Москвы, неподалеку от немецкого посольства. Пошли с друзьями туда, но непосредственно к посольству милиция подходить запрещала. С другой стороны ул. Станиславского (ныне — Леонтьевский переулок) было видно разбитое камнем (?) стекло в двери. Пошли домой, у магазинов уже начали выстраиваться очереди за продуктами, на что мы смотрели с недоумением и негодованием, ведь мы были уверены, что скоро победим...

В июле-августе 1941 г. был на оборонительных работах в Смоленской области: копали противотанковые рвы, окапывали в виде уступов (противотанковых эскарпов) берега рек и т.д. В конце августа при приближении немцев нас вывезли поездами в Москву, которую уже начали бомбить. За рытье окопов нам что-то заплатили, и я на эти деньги купил маме подарок — очень красивую фарфоровую чашку, которая до сих пор хранится у нас дома как семейная реликвия. Это были первые деньги, заработанные мной...

Зимой 1941/42 гг. был в Москве, снова копал окопы и рвы, но теперь уже в районе Тушино, учился на каких-то курсах «за 10-й

класс», так как нормальные школы в Москве не работали. Сдал экзамен за 10 классов и получил об этом справку, которая затем затерялась где-то в недрах Райвоенкомата.

Летом 1942 г. устроился на работу в трест «Гидроэнергопроект» учеником коллектора (что-то вроде «младшего техника») и был направлен на полевые работы в город Белая Холуница Кировской области, где велись изыскания по укреплению плотины, на которой стояла ГЭС, обеспечивавшая энергией машиностроительный завод.

В сентябре 1942 г. был призван в армию и направлен на сборный пункт в г. Слободской той же области, а затем в город Владимир в запасной курсантский полк, в батарею 5-мм противотанковых орудий. Там заболел, лежал в госпитале во Владимире, а по выздоровлении был направлен в Гороховецкие лагеря в Горьковской области, откуда в составе маршевой роты был отправлен (но через Москву!) в запасной полк Западного фронта в г. Калуга. Через несколько дней нас выстроили поротно, и была дана команда: «Кто имеет 7 классов образования — пять шагов вперед, кто 8-9 классов — десять шагов вперед, кто 10 классов — пятнадцать шагов вперед!» Первую шеренгу, куда кроме меня вышли из роты человек пять, какие-то командиры (офицеров тогда еще не было) отвели в сторонку, стали спрашивать — хотим ли мы учиться на командиров взвода. Я честно сказал: «На командира пехотного взвода не хочу!» Один из командиров засмеялся, отвел меня в сторону и стал расспрашивать о родителях, о Москве, что читал и т.д., а потом он сказал: «Этого беру к себе». На другой день мне сказали, что если у меня есть знакомые — члены партии и они за меня поручатся, то меня возьмут в школу штабных офицеров, но для этого надо поехать в Москву — получить эти рекомендации. Я не очень понимал — у кого я могу их получить, но поездка в Москву все перевесила, и меня на 10 дней отпустили в командировку в Москву. Каким-то чудом у малознакомых мне лично людей, с помощью тети (мама умерла в 1941 г.) я эти рекомендации получил и гордый вернулся в Калугу. Пока меня (как я потом понял) проверяли соответствующие органы, я и еще один отобранный вместе со мной казах — старшина Рахибеков не подлежали отправке на фронт, хотя уже началась Курская битва. Мы почти ежедневно ходили в караул, на разводы в комендатуру города (с оркестром!), охраняли вход в городок, который потом, бывая в Калуге, я так и не смог найти. По формуле пост у нас под охраной и обороной находились ворота, орудие 76 мм и две плащ-палатки, которыми орудие было прикрыто, два

раза в день по четыре аса стояли «на часах». Спали 8 часов в сутки, а остальное время дежурили в караульном помещении. В июле нас обоих «проверили окончательно» и направили нас и еще несколько человек в г. Можайск, где располагался еще один запасной полк Западного фронта. Тут выяснилось, что мы теперь «курсанты команды 8-го отдела штаба Западного фронта» и нас будут учить «на шифровальщиков».

Проучились в г. Можайске, а затем в городе Ярцево Смоленской области месяца четыре, а в конце 1943 г. нас отправили в штаб Западного фронта, располагавшийся в лесах на границе Смоленщины и Белоруссии, южнее г. Красное. Считались мы курсантами-стажерами, и после примерно шестимесячной стажировки нам было присвоено звание младших лейтенантов, а так как офицеров в резерве более трех месяцев держать не полагалось, то осенью 1944 г. мы были направлены «в войска».

Пока я трудился в штабе фронта, сам Западный фронт был переименован в Третий Белорусский фронт и продвинулся от границ Смоленщины до Восточной Пруссии, освободив северную часть Белоруссии, включая Минск и Молодечно, западную часть Литвы — Каунас, Вильно, но я лично в боевых действиях участия не принимал, не считая десятидневного выезда на передовую, где я сопровождал офицера Генштаба, обеспечивая его шифрованной связью с штабом фронта и с Москвой во время нашего прорыва на дальние подступы к Кенигсбергу. В этой поездке был ранен шофер нашего «Виллиса», а мы остались целы.

Во время службы в штабе фронта, о деталях которой я и сейчас писать считаю неуместным, я много видел выдающихся людей: командира фронта генерала армии И. Д. Черняховского, главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова, Л. З. Мехлиса, будущего министра связи СССР Н. Д. Псурцева, тогда начальника связи фронта, и многих других. Все они были очень разные люди, но никто из них на нас (шифровальщиков) не кричал и не ругал, и только как-то раз Н. Н. Воронов, которому я принес на доклад шифровку, взял ее и, не глядя на меня, сказал «Садитесь!» Я, конечно, не сел, а отошел к двери и стоял там. Воронов оторвал глаза от бумаги и, увидев, что я стою, так грозно рявкнул «Садитесь!» (на ВЫ, к солдату!), что я просто рухнул на оказавшийся, к счастью, рядом стул. Еще раз Л.З. Мехлис, Первый член Военсовета фронта, о котором так много написано и плохого, и хорошего, написав лично шифровку, велел мне прочитать ее вслух, а на

мой робкий ответ, что «мы там поймем... товарищ член Военсовета», объяснил мне, что у него плохой почерк и текст надо прочитать, чтобы я потом ничего не напутал. До сих пор помню лист хорошей бумаги из большого блокнота, где сверху было крупно напечатано «Л. З. Мехлис», а ниже лист был разлинован типографскими еле видными голубыми строчками, отстоящими друг от друга на 2 — 3 сантиметра. Тут я понял, в чем дело: у него, видимо, плохо работала правая рука, и он писал крупными полупечатными буквами, которые было бы нелегко разобрать. Прослушав мое чтение вслух, он улыбнулся и, сказав что-то вроде «Ну, теперь не перепутаешь», отпустил меня с богом. Он был очень требователен к тексту и, как-то получив шифровку от начальника ВОСО (военных сообщений фронта), которая была написана по схеме «казнить нельзя помиловать», потребовал от шифровальщиков проверить, кто виноват. Мы все тряслись за наших друзей, зашифровавших телеграмму, — вдруг это они пропустили запятую, но выяснилось, что запятую не поставил генерал — автор шифровки.

Генералу был сделан разнос, и, поскольку в телеграмме шла речь о медленном продвижении эшелонов с овсом, Мехлис еще добавил «Генерал! (фамилию я запамятовал). Лошади вашу телеграмму читать не будут, а дохнуть начнут». (Фразу я привожу дословно, так она засела в памяти.)

Итак, в ноябре 1943 г. я и еще два моих друга были направлены в штаб Второй гвардейской армии, который располагался уже в Восточной Пруссии. Прибыли в 8-й отдел штаба армии, где были подвергнуты неожиданному допросу: «Где папа и мама, женат или холост, есть ли дети и т.п.». Потом выяснилось, что эти вопросы задавались не зря. Старший из нас по возрасту — сержант М. В. Кузнецов — был женат, имел дочь 8 лет, он был оставлен в штабе армии, как более спокойном месте. Меня же, как не имеющего ни отца, ни матери, ни жены, ни детей, направили в 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Только потом я узнал, почему так решило начальство. Оказалось, что за шифровальщиками этой дивизии закрепилась «дурная слава». В этой дивизии из трех офицеров шифровального отделения раз за разом выбывал по ранению или вообще на тот свет помощник начальника отделения, причем именно тот, который пришел в дивизию раньше. Узнав эту новость от начальника 6-го отделения штаба дивизии гв.капитана Кемпера я, как истинный неверующий, подумал: «Ну и чепуха». Однако буквально через неделю при внезапном артналете

немцев по штабу дивизии прямо у меня на глазах (я сидел напротив окна, старший по стажу помощник гв.лейтенант Колесников — слева от меня, а капитан — справа) Колесников был ранен осколком в голову, а нас даже не поцарапало. Но на мне этот «график» и закончился, и я пробыл в дивизии до конца войны и не был даже ранен, хотя по положению в боях всегда находился рядом с командиром дивизии.

В составе дивизии я участвовал во взятии Кенигсберга, а затем и крепости Пиллау.

После взятия Пиллау дивизию вывели из боев, и мы пешим порядком пошли на восток, к Кенигсбергу. А вот моей друг из 18-й гвардейской дивизии Витя Сурков был убит. Части его дивизии выходили из Пиллау по узкому шоссе, идущему вдоль берега Балтийского моря на север. Естественно, возникали пробки. Наскучило сидеть в них, и друзья Виктора предложили ему вместе с ними идти пешком по шоссе. Тут как на грех у берега всплыла немецкая подводная лодка, которой идти на базу в Пиллау было уже поздно — там были русские, и, видимо, «на прощанье» стала стрелять по стоящей колонне из своей небольшой пушки. При этом был убит и Витя Сурков...

8 мая мы располагались в небольшом немецком городке (названия не помню), расположенном между Фишхаузеном и Кенигсбергом. Днем, видимо, чтобы порадовать нас, наши летчики скинули на городок листовки, предназначенные солдатам Либавской группировки немцев с извещением, что Германия капитулировала. Переводчики из разведывательного отдела перевели ее на русский, но верить мы все еще суеверно боялись. Только в ночь на 9 мая (я как раз дежурил на узле связи) передали сообщение о Победе из Москвы. Я и до своих не успел добежать, а уже начался народный салют в честь Победы. Разве что из зачехленных орудий не стреляли, а все ручное оружие пошло в ход. Проснувшиеся и не понимавшие в чем дело люди думали, что откуда-то прорвались немцы, но, узнав о причине, также изводили весь свой боезапас. На другой день был проведен дивизионный Парад Победы: люди шли в старых, часто простреляннных гимнастерках, в разбитых сапогах и ботинках, но парад был как Парад!

Потом мы дошли до г. Гумбиннен (ныне г. Гусев Калининградской области) и встали там гарнизоном. Начались разговоры, что нас направят на Японию, но мы так и остались на месте, хотя соседняя 5-я армия и убыла на Дальний Восток.

Съездив одним из первых в отпуск в Москву, я вернулся в г. Гумбиннен осенью 1945 г. и стал задумываться о дальнейшей жизни. Не

имея ни хорошего военного образования, ни гражданской специальности, ни желания прозябать в Гумбиннене до конца дней своих, я сделал свой выбор: надо демобилизоваться и идти учиться. После долгих мытарств, уговоров, споров и ссор с начальством в июле 1946 г. я был уволен в запас по ст. 43 п. «А» (Приказ ПрибВО №0748 от 13.06.46) в звании гвардии лейтенанта (Приказ II гв.А №0192 от13.03.45) с должности помощника начальника 6-го отделения штаба 84-й гвардейской Карачевской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

В дальнейшем мне было присвоено звание старшего инженер-лейтенанта (Приказ Ком. МВО №266 от 4 ноября 1970г.).

Путь мой домой шел той же дорогой, что и из дома на Кенигсберг: Каунас, Минск, Орша, Смоленск, Ярцево и, наконец, Москва.

Здесь оказалось, что справка о десятиклассном образовании утеряна, и концов курсов, выдавших мне эту справку, найти не удалось, а без нее в вуз не поступишь. И пошел я опять в трест «Гидроэнергопроект» на должность техника, одновременно учась в вечерней школе рабочей молодежи, после окончания которой поступил на геологический факультет МГУ, который закончил в 1952 г. С тех пор до выхода на пенсию в 1994 г. работал по специальности в Сибири, Туве, Румынии, на Кубе и в Монголии, а последние годы — в Отделении геологии АН СССР. Кандидат геолого-минералогических наук.

Награжден орденом Красной Звезды №1456723 (орденская книжка А №239053). Этот орден я... вручал себе сам! Дело было так. Перед моим отъездом в отпуск в 1945 г. в столовой я встретил начальника отдела кадров дивизии майора Демченко. На ходу он мне бросил: «Едешь в отпуск, а орден не привинтил», на что я ответил, что орден еще не получил, хотя о своем награждении знаю. Он извинился за спешку, спросил, когда я уезжаю в отпуск, и, узнав, что завтра утром, сказал: «Твой орден получен, он вместе с удостоверением у меня в письменном столе. Вот тебе ключ, пойди и возьми, а меня извини — я сейчас еду в Кенигсберг. Ключ оставь дежурному».

Орденом Отечественной войны 2-й степени я награжден Указом ВС СССР от 11 марта 1980 г. Орден вручал мне вице-президент АН СССР академик А. Л. Яншин.

Награжден также медалями:

— «За победу над Германией в 1941-45 гг.»;

— «20, 30, 40 и 50 лет Победы»;

— «50, 60, и 70 лет Вооруженных сил СССР»;

— медалями Жукова и 850-летия Москвы;

— монгольской медалью «Найрамдал» (дружба).

Ранений и контузий не имею, родственников, погибших на войне, — тоже.

Мной лично и в соавторстве опубликовано до 30 научных статей по геологии, карт, написано много неопубликованных отчетов, список которых приводить здесь не считаю нужным. Непосредственно о войне ранее не писал.

22 июня 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Иванников Михаил Валентинович***, студент 3-го курса Московского государственного текстильного университета им. Косыгина

Алексеева Марина Владимировна

ОН ВИДЕЛ, ЧТО Я В НЕГО СТРЕЛЯЮ

Родилась 18 ноября 1908 года, в Москве. Русская. Православная. Комсомолка с 1928 года. Кандидат в члены КПСС с 1939 года. Член КПСС с 1940 года. После перестройки в партии не переоформлялась, по состоянию здоровья (являюсь инвалидом I группы по зрению). Просто так, не принимая активного участия, числиться в рядах партии мне совесть не позволяет.

В 1926 году я окончила школу и сразу же после ее окончания поступила в Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А.Тимирязева на агрономический факультет, который через год, то есть уже в 1927 году, стал называться садово-огородным, а ныне это плодово-овощной факультет. В марте 1930 года мы окончили Академию пораньше, так как весь выпуск направили на весеннюю посевную в районы сплошной коллективизации. Я была направлена в Средне-Волжский край, Оренбургскую область, Бугурусланский округ, Пономаревский район. Это 100 километров от железной дороги и еще 25 километров от района, в деревню Борисовка, где организовывался колхоз. В сентябре я вернулась в Москву, досдала 2 экзамена и получила диплом. Затем встала на биржу труда, которая на мне и закрылась. Кафедра плодоводства Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева

взяла меня и направила по заданию Садвинтреста в экспедицию по определению земель для закладки садов экспертного назначения. Всего по России было направлено пять групп. Я поехала в Средне-Волжский край обследовать крестьянские сады на полтора года. После этого декан Заочного сельскохозяйственного образования Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева взял меня на работу. Через год я стала младшим научным сотрудником Всесоюзной радикологической (корнеизучающей) станции, на которой проработала 2 года. С 1935 года я аспирант кафедры овощеводства Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева. В 1940 году была оставлена ассистентом на той же кафедре.

Прохождение моей службы:

— октябрь 1941 — ноябрь 1941 года. Доброволец 3-й МКСД (3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия), медсестра;

— ноябрь 1942 — февраль 1942 г. Легкий артиллерийский полк 3-й МКСД, медсестра и секретарь политчасти полка;

— февраль 1942 — август 1942 г. Политотдел 130-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта, секретарь политотдела дивизии;

— август 1942 — март 1943 г. 122-й Отдельный медсанбат 130-й стрелковой дивизии, политрук роты и замполит батальона;

— март 1943 — сентябрь 1945 г. 53-я Гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия, Ленинградский 2-й и 3-й Прибалтийские фронты, начальник клуба;

— сентябрь 1945 — октябрь 1945 г. Резерв Политуправления МВО.

18 октября 1945 г. была демобилизована как специалист народного хозяйства, после чего вернулась на кафедру овощеводства Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева. С декабря 1945 г. по сентябрь 1947 г. работала ассистентом. С сентября 1947 г. по декабрь 1950 г. помогала восстановлению разрушенного хозяйства Украины, работала заведующей кафедрой овощеводства Уманского сельскохозяйственного института. С января 1951 г. по декабрь 1952 г. являлась докторантом Института генетики Академии наук СССР. Январь 1953 г. — сентябрь 1966 г. являлась директором Мичуринского плодово-овощного института и профессором кафедры овощеводства г. Мичуринск Тамбовской области. С октября 1967 г. и до конца трудовой деятельности — Заведующая кафедрой овощеводства ВСХИЗО (Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования).

Доктор биологических наук с 1953 года, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Являюсь кандидатом сельскохозяйственных наук с 1946 года. Подготовила 24 кандидата и 3 докторов сельскохо-

зяйственных наук. Имею около 150 научных статей. Имею авторские свидетельства. Написала первый и единственный тематический словарь «Культурные и дикорастущие пищевые луки». Это учебное пособие вышло в 1996 г. и допущено Главным управлением высших учебных заведений Минсельхозпрода России в качестве учебного пособия для студентов, аспирантов, научных работников, специалистов сельского хозяйства и широкого круга читателей.

Пенсионер с 57-летним стажем работы, не считая учебу в Академии и годы войны.

Награждена Орденом Трудового Красного Знамени за общественно-пропагандистскую работу от имени Всесоюзного общества «Знание» в 1958 г., а также награждена орденом «Знак Почета» за научные достижения от ВАСХНИЛ в 1948 г.

* * *

В субботу 21 июня 1941 года я поругалась с человеком, с которым хотела соединить свою судьбу, за которого собиралась выйти замуж. Он уехал от меня из квартиры на Студенческой улице, в которой проживала я с мамой и шестилетней дочуркой. А в воскресенье в 5 часов утра я встала и с первым трамваем уехала в поле ТСХ (Тимирязевской сельскохозяйственной Академии), где проводила полевые опыты. Проработав целый день, опять же на трамвайчике возвращалась домой. Мне показалось, что Москва какая-то необычная: люди все молчат, очереди везде небольшие, даже в воздухе чувствовалась тревога. Дверь мне открыла мама и сказала, что началась война. Я тут же оставила свою сумочку и поехала в Тимирязевку. А там в Главном здании уже собрался партком Тимирязевской академии, уже возвращались студенты и велось откребление коммунистов. Я была членом партбюро факультета и поэтому сразу же подключилась к работе.

Пришлось дежурить по ночам на овощной опытной станции или на чердаке своего дома, так как буквально через несколько дней уже начались фашистские ночные налеты на Москву. У меня дома был дежурный рюкзачок с хлебом и водой, с которым почти не расставалась. Как только объявлялась тревога, я быстро провожала свою маму и дочку в бомбоубежище, которое располагалось на улице Дунаевского, а потом на недостроенной станции метро «Киевская», а сама спешила на крышу.

На чердаке дома были ящик с песком и большие железные щипцы. По радио было объявлено, что и как надо делать. Зажигалку надо

было хватать и быстро бросать на землю, а там внизу другие женщины засыпали ее песком из детской песочницы. Горящую бомбу надо было тушить в приготовленном на чердаке ящике с песком. С этим делом мне помогал справляться сосед, инвалид империалистической войны.

Иногда бомбежка заставала меня в институте. И тогда мое боевое место было на овощной опытной станции. Парткомитет института дежурил в бомбоубежище под Главным зданием. А на территории овощной опытной станции была маленькая полевая конторка, в которой был телефон, так вот там я и несла дежурство во время немецких налетов на Москву. А так как на территории опытной станции были застекленные теплицы, то они очень привлекали немецкие самолеты, поэтому бомбили часто, и страшно было. Однажды я позвонила даже по телефону и сказала, что мне страшно, но все равно получила команду сидеть. Неподалеку от станции была наша зенитная установка, которая тоже стреляла. Однажды стакан от снаряда попал на территорию станции и пробил крышу сарая, и я отлично помню, как впервые и я, и все остальные ходили смотреть эту пробоину. Обычно дежурили по 2-3 человека, и однажды мы с женщинами решили спрятаться между рядами помидоров. Все эти примеры наглядно показывают, как и насколько мы поначалу представляли, что такое война.

В конце июня под руководством Московского горкома партии началась эвакуация женщин с детьми из Москвы. Я тоже работала в этом направлении. Я приходила в домоуправление, и мне давали список квартир, в которых проживали женщины с детьми, а также талончики. Я приходила в указанные в списке квартиры и выдавала женщинам талончики, где были указаны день, час и номер теплушки (не больше двух дней давалось). Они должны были явиться на Казанский вокзал, единственный, с которого отправлялись поезда в глубь страны. Я объясняла, что с собой можно взять столько вещей, сколько сами же смогут унести. С собой разрешалось взять детей и престарелых родителей. В свой список я вносила: сколько человек едет с данной женщиной. Так как рюкзачков почти ни у кого не было, их мастерили на скорую руку из наволочки, двух картонок и прочного пояска. Нужно было сразу же пойти в домоуправление и взять эвакуационное направление, чтобы можно было вернуться обратно в Москву в свою же квартиру. Такие эвакуационные направления были заранее приготовлены. Куда идет эшелон, женщины не знали. Список этот я сдавала в горком.

В середине июля очередь эвакуации женщин с детьми дошла до наших улиц. Горком партии назначил меня ответственной за сопровождение эшелона. Куда поедем? В Татарию, но в пути возможны изменения.

Я взяла с собой шестилетнюю дочурку Елену, старую, почти слепую маму О.А.Алексееву, а также двух сестер, которые жили в других квартирах. Сестру Анну Владимировну, 1910 г.р., с двумя детьми (сыновья 7 и 5 лет) и сестру Любовь Владимировну, 1913 г.р., с двумя детьми (дочери 7 и 5 лет). Уехали в конце июля с Казанского вокзала в теплушках. В мою обязанность, как ответственной, входило: контролировать наличие питьевой воды в вагонах и оказывать помощь. Не доезжая до Пензы, эшелон повернул на тупиковую станцию Нижние Ломы с задачей дальше направляться в районный город Пензенской области Вадинск. У вокзала нас встретили телеги, в некоторых было сено. При приезде в Вадинск разгрузились. В горкоме партии было известно, в каких деревнях и пунктах района имеются рабочие места. Еще в горкоме партии в Москве мне сказали, что райкомы, куда направляли эвакуированных женщин с детьми, должны всех обеспечить жильем и всех работоспособных женщин трудоустроить. Поэтому райком сразу же стал прикидывать, сколько человек и куда направить. С жильем было просто — деревни пусты, кроме того, рядом совсем неубранный огород. Узнав, что я агроном с высшим образованием, райком сейчас же попросил меня провести апробацию сортовых посевов зерновых и коксагыза, оформив на месяц агрономом. При выезде из Москвы Тимирязевка оформила мне 1-месячный отпуск. Я ездила по району, записывала должности работающих женщин, их почтовые адреса, а через месяц уехала в Москву.

В Москву уже пускали по пропускам, по вызову. Я сдала списки в горком партии и вернулась на работу в Тимирязевку. Военное напряжение в Москве усиливалось, многие учреждения и просто жители эвакуировались. Никаких грабежей и мародерства в Москве не было.

13 октября в Москве состоялся актив городской партийной организации, где секретарь горкома Щербаков объявил, что Москва в опасности, объявляется призыв добровольцев. В тот же вечер во всех 25 районах Москвы в одной из школ были организованы призывные пункты добровольцев. Во всех учреждениях и на заводах немедленно собрались парткомитеты. Добровольцами хотели быть все. Но парткомитеты решали кого оставить на заводе, кого направить в истребительный батальон и кого отпустить в армию. Мы сдавали паспорт и получали документ, подтверждающий, что паспорт сдан. Я была вклю-

чена в состав рабочего батальона Тимирязевского района города Москвы. Прийти надо было завтра.

13-14 октября к вечеру в каждом районе было по 500 человек, а 15 октября нас свели в дивизию, которая получила наименование 3-й МКСД. Она была третья добровольческая в истории города Москвы и единственная по названию Коммунистическая. Дивизию разместили на окраине Москвы. Я была включена в состав 1-го стрелкового полка (СД), его командир — Иван Илларионович Дудченко, после войны он стал командиром школы «Выстрел» и председателем Совета ветеранов нашей дивизии. Комиссар – Сергей Кагаков. Мы копали окоп и большую землянку около железнодорожной станции Ховрино. Как агроном я учила правильно держать в руках лопату, не набивая мозолей и бросать землю прямо и кверху. Легкий артиллерийский полк нам придали в середине ноября 1941 года. Одели в военную форму и дали винтовки Красной Армии в конце ноября. 5 декабря мы все ждали, что нас введут в бой, но этого не произошло. После разгрома немцев под Москвой нашей дивизии дали один месяц на учебу. В дивизию пришло 600 женщин, в основном молодежь, всех распределили по санчастям трех стрелковых полков. Всех женщин собрали и сказали, что они могут добровольно уйти из дивизии, а если хотят остаться, то получат военные специальности. И у нас многие получили специальности минометчика, разведчицы, связиста, радиста, снайпера и т.д. Не ушел никто. Отдельно собрали научных работников, кандидатов, профессоров и объявили, что штатные должности политработников, на которые они могут претендовать, укомплектованы (их 70 человек) и можно уйти или остаться рядовыми. Никто не ушел. Единственно — отозвали директора Тихоокеанского института профессора Войтинского. Я тоже осталась и была зачислена в штат легкого артиллерийского полка. В первых числах января добровольцы приняли присягу и вошли в состав Красной Армии. Дивизию переименовали в 130-ю стрелковую и отправили на фронт. Командир полка подполковник Пономарев рассказал нам, что это была крайняя граница Московской зоны обороны на Северо-Западном фронте. Меня перевели на должность технического секретаря политотдела дивизии. Начальником политотдела был полковник К.И.Бирюков. Эшелоны пошли по Савеловской дороге и разгружались на станциях: Фирово, Сасово, Черный Дор, далее пешком в Молвотицкий район. Нам объясняли, что Северо-Западным фронтом полуокружена 16-я немецкая армия, и там же находится армия предателя генерала Власова. Немецкую армию остановили на Новгородской земле с центром

в городке Демянске. Она прорвалась сюда с ходу в начале войны через Прибалтику, Псков, Великий Новгород. Против нее с одной стороны границы была Ленинградская зона обороны, с другой — Московская зона обороны, и немцы здесь укреплялись, ожидая наступления на самых коротких расстояниях до Ленинграда и Москвы. Ближайшая задача наша — наступление на Молвотицы, деревни Павлово, Сидорово, Новая Руса. Дороги на эти пункты гравийные, снега были очень глубокие, расчищать их некому. Наша артиллерия еще не разгрузилась. О тяжелых орудиях и танках разговора не было, т.к. кругом леса и болота, ни дорог, ни простора для них не было. Имущество политотдела везли на санях, штат политотдела шел пешком. Штат политотдела разместили в деревне Сухая Нива, в двух километрах от линии наступления. Полки разместились в лесу, на снегу. Наступление на деревню Павлово началось утром. Деревню Павлово дивизия освободила, но с большими потерями. Потери были 500 человек, что уточнено было нашим Советом ветеранов после войны, и на братской могиле была поставлена памятная доска с фамилиями погибших. На следующий день бой был за деревню Сидорово и Новая Руса, которые тоже освободили. В результате этих тяжелых боев погибло 700 человек, что тоже было уточнено Советом ветеранов, и также установлена на братской могиле памятная доска с фамилиями погибших. Немцы вынуждены были уйти из райцентра Молвотицы и всего района, который они полностью сожгли и уничтожили. Это был апрель 1942 года. В этом районе нам был дан краткий отдых до мая месяца.

В августе 1942 г. меня перевели на офицерскую должность. В это время были введены в Красной Армии погоны и новые воинские звания. Мне было присвоено первое — младший лейтенант. Я была назначена заместителем командира 122-го ОМСБ (Отдельного медико-санитарного батальона) по политчасти. Медсанбат обычно располагался в зоне артиллерийского огня, близко к дороге, по которой к бою подвозили снаряды, а обратно по этой дороге загружали раненых из медсанбата до дивизионных складов с оружием. Там их передавали эвакогоспиталю. Одновременно с замполитом по должности я вела общественную работу политрука роты и секретаря партбюро батальона. Что входило в мою задачу? Кратко говоря, обеспечение политической и культурно-воспитательной работы, забота о моральном состоянии, питании, отдыхе всего личного состава и раненых.

В сентябре 1942 года, когда наш фронт был как бы «тихий и спокойный», все знали, что развернулись бои за Сталинград. Нам было известно, что немцы с нашего фронта вывозят самолеты, танки и

офицерский состав, офицеры нашей дивизии обращались с просьбой к командованию отправить их к Сталинграду, но им отказывали. В сентябре я узнала, что наша дивизия получила приказ перерезать основную дорогу, выводящую в тыл Новгорода, которую построили немцы и хорошо укрепили, так называемый Рамушевский коридор. Разведка доносила, что с нашей стороны имеются лесные завалы, проволока Бруно, колючая проволока, минные ямы, ловушки и прочее — на сотню метров шириной, протяженность примерно 12 километров. Преодолеть все это крайне сложно и трудно. В случаях отдаленного и тяжелого боя медико-санитарный батальон обычно выделял передовой отряд. Мы выдвинули такой передовой отряд. Медсанбат располагался в деревне Старые Дегтяри, а передовой отряд в деревне Козлово, параллельно Рамушевскому коридору. Где-то в середине располагался командный пункт (КП) дивизии. Я решила пойти в передовой отряд. Между лесом и КП дивизии было большое поле. Когда я по нему шла, увидела, что КП начали бомбить. Самолеты летали туда и обратно, были сплошные разрывы бомб и видно облако дыма. Один из самолетов, возвращавшийся после бомбежки, стал кружить надо мной. Спрятаться было негде. Когда он сориентировался на дорогу, по которой я шла, то начал стрелять из пулемета, я бросилась на землю, но он развернулся и вторично полетел в моем направлении, я лежала вниз лицом, но, обозлившись, перевернулась и стала стрелять из нагана. Понимала, что не попаду, но все равно было не так обидно. А он, наклонив крыло, видел, что я в него стреляю, поскольку я видела его маленькую круглую головку. Отстрелявшись, он улетел, я дошла до конца поля, увидев землянку, зашла в нее и крепко заснула. Перед этим увидела клубы дыма: горел КП. Проснулась от тишины, вечерело, самолеты не летали. Дойдя до КП, увидела, что он расположен на высоком обрывистом берегу реки Робья. Оставшиеся в живых люди грузились на машины и уезжали. Невдалеке стояло 5 крестьянских телег. Найдя начсандива И.С.Цыпкина, сказала, что я иду в Козлово. Он сказал, что Козлово, возможно, в немецком окружении или разбито, у них нет сведений. Если я считаю нужным, то могу туда идти, взяв 5 повод, т.к. о судьбе передового отряда ему ничего не известно. Дорога была фронтовая, т.е. просто прорублена в лесу. Повозный был один впереди, а остальные лошади были привязаны за узду к предыдущей телеге. Примерно через километр нам встретилась полуторка, на которой сидели раненые врачи, медсестры и еще трое раненых солдат. Плача, они рассказали, что снаряд попал в сарай, сарай горит, но они никого не бросили и уеха-

ли вынужденно. Я их успокоила, а сама поехала дальше. Когда добрались до Козлова, то увидела, что сарай догорает. Нашла аптеку с необходимыми медикаментами, оббежала оставшиеся полусгоревшие дома, осматривая, нет ли там раненых. Нашла 5 человек, которым помогла добраться до подвод, и мы повернули обратно. Я сидела на первой подводе с наганом в руке. По дороге к нам из лесу подходили раненые, я помогала их перевязывать. К концу пути их собралось около 50 человек. В основном это были ходячие. Двигались очень медленно, и незадолго до рассвета я решила остановиться и спустилась вниз к речке, т.к. знала, что есть пешеходный мост. Сидя в кустарнике у реки, ждала, может, еще, кто подойдет. Вдруг услышала, что с нашей стороны на ту сторону идет группа людей, топая. Я подумала, что это немцы, так как знала, что они ходят очень тяжело. На мостике кто-то споткнулся и от души матюгнулся. С облегчением поняла, что лучшей музыки в этот момент мне не надо. Оказалось, что наши солдаты несли противотанковые ружья для боя назавтра. Набрав воды, я поднялась. Уже светало, подводы решили спрятать и ждать вечера. Днем немцы опять стали бомбить место бывшего КП, я прыгала из воронки в воронку в твердой уверенности, что два раза в одно и то же место бомба не попадает, определяя, куда они бомбят. С окончанием бомбежки мы двинулись и благополучно добрались до нашего места. Тут уже была поставлена походная кухня, вокруг которой собирались солдаты, выходящие из леса. Оказалось, что оборону соседней с нами дивизии немцы прорвали, вышли вбок нашему наступлению, что и осложнило общую обстановку. У леса я оставила подводы, сказав повозочному, чтобы он раненых довез до Дегтярей. Встретила в медсанбате начсандива Цыпкина, он сказал, что командир дивизии дал приказ перевезти медсанбат на другое место. И предложил мне вместе искать его. Конечно же, я пошла, хотя и не спала три ночи и не ела двое суток. Только лишь когда я возвратилась в медсанбат, я упала. Три дня я отлеживалась. Через некоторое время я узнала, что награждена за спасение раненых орденом Красной Звезды.

Расскажу теперь о подвигах моих однополчан, врачей. Лиза Камаева пришла в дивизию нашу Добровольческую, только что окончив 1-й Медицинский институт. Она была молода, полна энергии и удивительного мужества. Главной частью медсанбата была так называемая санитарная рота, и главной в ней была палатка перевязочная. В ней делали операции невнутренних органов, т. е. что не требовало

общего наркоза. Это ампутация ног, рук, операции на грудной клетке, кроме сердца, операции на черепе, например удаление мелких осколков. Хирург работал на трех столах:

— 1-й стол — раненых готовили к операции;

— 2-й стол — непосредственно проводилась операция;

— 3-й стол — перевязывали сестры и уносили раненого.

В период боя в течение светлых часов суток в медсанбат поступало до 500 человек, которые приходили сами или их привозили из санитарных частей полков. Врачи работали без перерыва. В мою задачу входило посильно им помогать. Лиза работала так: кровь всегда была, но в один момент не оказалось нужной группы крови под рукой, тогда она сама легла рядом с раненым и, сделав прямое переливание крови, встала и продолжала дальше делать операцию. Увидев, что она пошатнулась и еле стояла на ногах, я подошла к ней и шепнула на ухо: «Разбужу через два часа». Она ответила: «Через час». И тут же, прислонившись к моему плечу, заснула.

Елена Ивановна Семенова пришла добровольцем в дивизию, будучи работницей столовой. Ей было 27 лет. Зачислили ее в санчасть 1-го стрелкового полка. Во время нашего наступления на деревню Павлово она была легко ранена, и ее тут же оставили в медсанбате санитаркой. Военное название — сандружинница. При введении военных званий — старший сержант. В первые дни боев она ухаживала за тяжелоранеными, которые не могли самостоятельно передвигаться. У нее была 1-я группа крови, которая, как известно, совместима с любой группой крови, поэтому потребность в ее крови была очень велика. Ей приходилось сдавать кровь в сутки по два раза. Надо сказать, что кровь в аптеке медсанбата всегда была, но иногда требовалась срочно, именно в данный момент, тогда кровь Лены выручала. Всего за годы войны она отдала свою кровь 42 раза (это 21 литр крови), продолжая работать. Никакого дополнительного питания или водки, которую в мирное время дают сдающим свою кровь, в медсанбате, конечно же, не было. Ведь в санбате было до 500 человек раненых одновременно, едва успеваешь попить и поесть. Лена не раз спасала, кроме раненых, и больных. Так, во время боев за освобождение Риги в октябре 1944 года переливание крови понадобилось делать командиру дивизии И.И.Бурлакину, и ее кровь помогла ему успешно руководить боем.

В конце сентября 1942 года, когда медсанбат работал полным ходом, меня вызвал начальник политотдела и сказал, что получен приказ командования Армии, чтобы обслужить трех раненых немцев,

которых привезут через два часа, и их нужно будет продержать до утра, пока не заберут обратно. Я взмолилась: «Как же я возьму немцев, когда наши лежат раненые?». На что он мне ответил, что приказы не обсуждают, а выполняют. «Куда же их разместить?» — подумала я.

На территории медсанбата был маленький домик, и я решила вызвать санитарку из взвода сортировки, так как уже вечерело и поток раненых сокращался. Разговор с ней был такой: «Поля Урдина, тебя только что приняли в партию, и я тебя рекомендовала, а сейчас тебе даю такое партийное задание — принять, разместить в маленьком домике до утра и обслужить, как положено, трех немцев, которых сейчас должны привезти. И чтобы никто ничего не заподозрил, что ты дополнительно кого-то обслуживаешь». Поля расплакалась и сказала мне: «Чем же я провинилась перед партией, что должна обслуживать немцев?» А я ей ответила, что приказ не обсуждают, а выполняют.

Ну, думаю, а с врачом-то как мне быть? Кого, думаю, мне снять, ведь никто же у нас не отдыхает. К кому же мне обратиться? Хирурга снять с операции невозможно. И подумала обратиться к терапевту.

У нас в медсанбате была тяжелейшая, так называемая госпитальная, палатка, и ее командиром была терапевт Елизавета Петровна Базыльникова. В ней лежали раненые в шоковом состоянии, и она их выводила из этого состояния до операции. Елизавета Петровна пришла в дивизию добровольно вместе со своим нестроевым мужем. Он был убит в первом же бою за деревню Павлово, и она его похоронила. Как же, думаю, мне к ней обратиться, попросить оказать помощь раненым немцам? Я подошла к ней и с уважением к ее боли, но внушительно, стараясь по возможности мягко передать приказ командования, сказала, что я прошу ее и как человек, и как старший товарищ по партии это приказ выполнить. Она расплакалась и возмутилась. Елизавета Петровна долго сопротивлялась, ведь у нее в палатке лежало восемь раненых в бессознательном состоянии, присмотр за ними был необходим все время, а я от нее требовала уйти для осмотра трех немцев. Елизавета Петровна в конце концов согласилась. Я от души поблагодарила ее, но надо было видеть ее лицо, когда она осматривала их. На нем была и ненависть, и презрение, и боль, но сделала она это высококвалифицированно, к счастью, не потребовалось операций и последующего ухода.

В начале 1943 года меня перевели в политотдел на должность начальника клуба.

Несколько слов о том, что такое клуб стрелковой дивизии в военное время. По штату в него входили: начальник клуба, дивизионный оркестр (кстати, в мирное время военный оркестр подчинялся начальнику штаба дивизии, а в военное время был переподчинен начальнику политотдела), фотограф для оформления партбилетов, библиотекарь — он же начальник клуба, киномашина. На начальника клуба возлагалась ответственность за военную подготовку штатных работников, обеспечение личного состава дивизии политпросветимуществом и ответственность за культурно-воспитательную работу. Клуб нашей дивизии располагался вблизи стрелковых полков в зависимости от времени года, в землянках, палатках, редко в домиках, построенных саперами, но никогда не в домах деревень. Фактически в составе клуба нашего было 25 человек музыкантов под руководством капельмейстера, 3 фотографа, 2 киномеханика с машинами (1 специальная), 2 художника и агитбригада в количестве 7 человек. Своей машины у нас не было, передвигались обычно или пешком, или на машинах со снарядами. Нештатных специалистов обычно прикрепляли, ставили на довольствие или в стрелковые полки, или в химроту. Я отвечала как командир за 41 человека.

В 1941-42 гг. клуб практически не работал по своему назначению. Начальники клуба менялись очень часто, политотдел ими не руководил. Членов агитбригады собирали от случая к случаю. Надо сказать, что люди, входящие в клуб, были специалистами высокого класса. Дивизия формировалась из Москвы, и в нее пошли интеллигенты. Так, например, капельмейстером духового оркестра был Виктор Кнушевицкий (он был руководителем джаз-оркестра в Москве), а после того как его отозвали, — В.Я. Ронинсон, скрипач Большого театра и Московской государственной консерватории. Художники — член МОСХ П.И. Шолохов и член Серпуховского общества художников Ю.А. Авдеев. Со специальным образованием были киномеханики. В числе фотографов был кинорежиссер Мосфильма С.К.Галадж, уже имевший свои кинокартины. В составе агитбригады был студент ГИТИСа П.Т.Листопадов, ученица балетного техникума З.Андрианова, мастер спорта по художественной гимнастике Т.Венедиктова, В.Лебедев, актер художественного чтения Мосэстрады, после освобождения Ленинграда — лирический тенор Ленинградской эстрады Володя.

В дивизии также служила снайпером киноартистка Зибаганиева, игравшая в кинокартине «Тахир и Зухра». В дивизии служили также: поэт Ермаков, доцент высшей партийной школы Анна Федоровна Жидкова, профессор С.П.Партигул, сотрудник Минфина профессор

А.Л.Сидоров (оба последние выбыли по ранению). Всех их я знала лично. Драматург Петров-Соколовский был редактором газеты «На защите Москвы», а редактором фронтовой газеты «Вперед, на запад» был кандидат исторических наук А.А. Полетаев.

Главная задача, которую я перед собой ставила, когда приняла клуб, — найти свое место, как в обороне, так и в бою, чтобы быть необходимой и завоевать уважение дивизии. Поэтому в период боя я делила клуб на две части. Половину самых сильных его сотрудников я направляла в артснабжение для погрузки снарядов. А часть направляла в медсанбат (в сортировочный и эваковзводы) на шинирование, переноску и погрузку раненых. В период обороны клуб выполнял свою главную роль — культурно-воспитательную работу. Мы разрабатывали программы коротких концертов и больших праздничных, где были монтажи, скетчи, песни, пляски, художественное чтение. В монтажи и частушки включались четверостишия о подвигах бойцов последнего боя. Обычно я знала, какой полк и когда будет наступать. Я шла на КП этого полка и просила рассказать мне о подвигах отличившихся бойцов. Руководитель агитбригады (Листопадов), составляя очередной концерт, сразу придумывал четверостишия. Таким образом мы рассказывали о командире саперного батальона Зубареве, пулеметчике Роеве, пулеметчике-казахе Ирслам-Айтумуханбекове и др.

Через 2-3 дня мы уже давали концерт в этом полку, а потом показывали его и в других полках. Политотдел обычно отмечал, что своими концертами мы помогаем воспитывать у молодых бойцов, приходящих в пополнение, боевой дух, а также показываем ведущую роль комсомола и коммунистической партии в организации боевых действий. Напоминаю, что в октябре 1941 года в дивизии было 92% комсомольцев и коммунистов.

Коммунисты всегда шли впереди, многие погибли, но пополнение рядов партии шло постоянно. Все члены агитбригады были участниками боев и добивались возвращения из госпиталей в свою дивизию. Художники периодически готовили большие плакаты с фотографиями, которые мы показывали во время концертов в полках и на армейских смотрах.

После освобождения Ленинграда дальнейший наш путь проходил лесами партизанского края и, с боями, в направлении на Псков, клуб двигался пешком вместе со стрелковыми полками. 6 марта 157-й гвардейский стрелковый полк нашей дивизии вступил в бой за город Псков. А другие полки освобождали местность около опытной станции Стремутка. В бою за Стремутку погиб начальник политотдела

Никулин Иван Лаврентьевич. Начальником политотдела и моим начальником был назначен Пилюгин В.И. В связи с большими потерями дивизии дали один месяц на отдых, на освоение пополнения. Ее разместили в леспромхозе Карамышево, а после направили на освобождение Эстонии к городу Тарту. За Тарту были жестокие бои, за участие в которых дивизию наградили почетным званием Тартуская.

Наш клуб в целом отличился однажды. После освобождения г. Тарту дивизию передислоцировали в направлении г. Риги. Были подняты все тылы. Своего транспорта в клубе не было, и мы разместились на машинах со снарядами, ящиками с продовольствием и т.д. Километров через 50 заместитель командира дивизии по тылу полковник Нестеренко решил сделать остановку, машины заезжали на большую поляну, полуокруженную лесом. Неожиданно немецкие самолеты, двигавшиеся в направлении г. Тарту, нас нащупали и начали бомбить. Мои ребята не растерялись. Мы, конечно, просто могли уйти в лес, но никто этого не сделал. Только перетащили через кювет две киномашины. Баянист Г. Филимонов, сняв шинель, сбивал пламя с загорающихся ящиков со снарядами. Трубач А.Бафталовский сбрасывал загорающиеся ящики с консервами. Увидев, что почтальон Нина Ермолина ранена (у нее оторвало почти половину ступни), он отнес ее в лес, куда подходил медсанбат. Я ходила по поляне и помогала кому чем могла. И мое присутствие их вдохновляло. Со мной все время по долгу службы был баритонист П.С.Харин. Когда невдалеке упала бомба, он, как-то почувствовав это, толкнул меня вперед и лег на меня. Его ранило в шею и спину, а я осталась цела. Впоследствии он был награжден орденом Славы III степени за спасение командира. Бомбежка шла целый день, к вечеру, когда самолеты улетели, полковник Нестеренко отдал приказ: «Построиться всем подразделениям, чтобы определить потери». Раненых было много, убитые тоже были. Построились и мы (клуб). У всех ребят были автоматы и по нескольку гранат, т. е мы оказались единой вооруженной группой. Каждый из начальников подходил к Нестеренко и докладывал, что у него осталось и что разбито. Когда подошла я, Нестеренко отдал распоряжение, чтобы я перешла в его резерв, а командовать моими хотел назначить руководителя агитбригады офицера лейтенанта-связиста. Я категорически отказалась, сказав, что знаю устав и поступаю в его распоряжение со всеми мне подчиненными, но отстранить меня он не имеет права, т.к. я подчиняюсь начальнику политотдела. Он вынужден был согласиться. Затем он распределил все службы по машинам (в том числе посадил несколько начальников с их сейфами в мои

киномашины), а мне дал приказ занять дорогу, по которой шло отступление. Вообще-то мы знали, что по этому шоссе в сторону г. Тарту двигаются от г. Риги немецкие части. И если бы они дошли до нас, то мы должны были бы встретить их первыми, пока не подойдет вызванный Нестеренко наш полк. Впоследствии я узнала, что награждена орденом Отечественной войны II степени.

Город Тарту освободили в августе.

После освобождения городка Вяйка-Валга, расположившегося по берегам реки Эмма-Йыги, дивизия двинулась на г. Ригу. Немцы быстро отступали. Фронт двигался по Рокадному шоссе, машины шли в 6 рядов. Все знали, что саперы не успевают разминировать кюветы и дороги, выходящие к шоссе от домов фермеров. Население отсутствовало. Я ехала в нашей полуторке, переоборудованной в киномашину, в кузове находилось 8 музыкантов. Полуторка шла по самому краю шоссе, я очень боялась, что нас нечаянно столкнут с шоссе в кювет. Машины шли без света, только с синими подфарниками. У полуторных машин того времени, чтобы подняться к шоферу (к рулю) была ступенька, от которой отходила полукруглая защита от грязи над передним колесом. Я легла на этот щиток и держала фонарь с красным огоньком в направлении рядом идущей машины, которая двигалась быстрее нас. Через некоторое время шофер наклонился ко мне через окошечко и сказал, что у него нету сил видеть, как я лежу.

Тогда я ему сказала: «Ну, рискнем, сворачивай по первой же дороге к ферме». Благополучно переехав мостик над кюветом, он остановился. Ребята хотели выходить, но я сказала, чтобы они подождали, и решила сначала сама все обойти, на всякий случай — нет ли здесь мин. Ведь, по положению, за жизнь и здоровье каждого подчиненного командир отвечал головой. И если ранит или убьет солдата противник, то это война, а если солдат выходит из строя вне боя, то командир идет под трибунал. На наше счастье, мин кругом не было, мы не стали подходить к ферме и утром спокойно поехали дальше.

Город Рига был освобожден 13 октября 1944 года. Командующим дивизией был генерал Иван Иванович Бурлакин, начальником политотдела и моим непосредственным начальником был Пилюгин В.И.

После освобождения Риги дивизия прошла без боя по берегу Балтийского моря до границы с Эстонией. Клуб в это время стоял в лесу около г. Тукумс. Командование 1-й Ударной армии потребовало сделать армейскую выставку, и начальник политотдела поручил мне подготовить экспозицию о нашей дивизии. Художникам разрешили разместиться в одном из домов на берегу моря. Местные бои еще про-

должались. И однажды снаряд попал в дом, где они работали. Был убит Кандзюбо, а второй художник Авдеев был тяжело ранен и ослеп, также был ранен музыкант-кларнетист А.Г.Комаров. С тяжелым сердцем вместе с агитбригадой я заканчивала эту выставку. А 18 ноября (в день своего рождения) я отвезла ее в указанный город Слока. Чтобы успеть в срок, я передвигалась на попутных машинах с горючим и со снарядами. Выставка наша заняла первое место в 1-й Ударной армиии.

Далее мы шли лесами на Литву к местечку Ливберза. Последний и тяжкий бой дивизия приняла за освобождение г. Приекуле Латвийской ССР, в середине апреля 194 5г. В этот период я имела воинское звание гвардии капитан и была начальником клуба ГСТКД 53.

9 мая 1945 г. дивизия получила приказ — освободить последний город-порт Латвийской ССР Либава (потом Лиепая). Мы заняли свое, указанное место в колонне, которая двигалась в полном составе пешком по шоссе. Когда мимо проезжал начполитотдела и остановился, я, как положено, остановив своих, подбежала к нему. Он коротко и громко приказал, сойти в лес и ждать приказа. А затем, наклонившись ко мне, сказал громким шепотом: «Война окончена! Только ты никому не говори». И уехал. Я подошла к своей колонне и тоже отдала приказание старшине сойти в лес и ждать приказа. Стою и жду, пока они повернут в лес, который был вдоль дороги. А они стоят, смотрят на меня и молчат. Ведь они видели, что начальник наклонялся ко мне и что-то шептал. И тогда я тоже сказала им громким шепотом: «Война окончена! Только вы об этом никому не говорите». Вслух говорить и радоваться было нельзя, т.к. сказано, чтобы ждали приказа. А это в армии свято. Вероятно, начальник то же и так же говорил и другим политработникам, потому что постепенно вокруг установилась тишина, все сходили в лес, но никаких звуков, ни сломанных сучков, ничего не было слышно. Пришло время обеда, нигде не стучат ложки, только ходят связисты и радисты, раскидывая провода и расставляя аппараты для звука. Пришел ужин — тихо. Я заняла пустую землянку, сижу у телефона и слушаю в 12 часов, как поет Нежданова, — «Соловей» Алябьева. Я сижу и думаю, что очень люблю эту песню, но не такая музыка мне сейчас нужна. И вот в 2 часа ночи 15 минут уже 10 мая по всему лесу понеслось: «УРА! Война окончена! Победа!» Что тут началось... Такого салюта никто еще не слышал. Ребята смеются, костры раскладывают, поют, пляшут. Где-то ухнула «катюша», где-то тяжелые орудия — тоже в пустоту, были слышны звуки осветитель-

ных ракет. Я выскочила из землянки и выпустила все пули из нагана. Утром было построение, генерал И.И. Бурлакин официально объявил о победе. В наступление на Либаву уже никто не пошел. На несколько дней дивизию перевели в Кенигсберг, а затем в Литовский городок и железнодорожную станцию Скуодас, оттуда в Москву. Дивизию не расформировали, а оставили в Московской зоне обороны и разместили в г. Ковров Владимирской области. На станции Скуодас были демобилизованы все женщины и солдаты старшего возраста. Меня как офицера, гвардии капитана оставили. Демобилизована я была только в середине ноября, как специалист народного хозяйства, и вернулась на место своей довоенной работы — ассистентом на кафедру «Овощеводство» Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева.

Награды:

— орден Отечественной войны II степени (7/8408);

— орден Красной Звезды (87/72, 1-я Ударная армия 1942 г.);

— медали: «За оборону Москвы»; «За победу над Германией».

Собственные публикации:

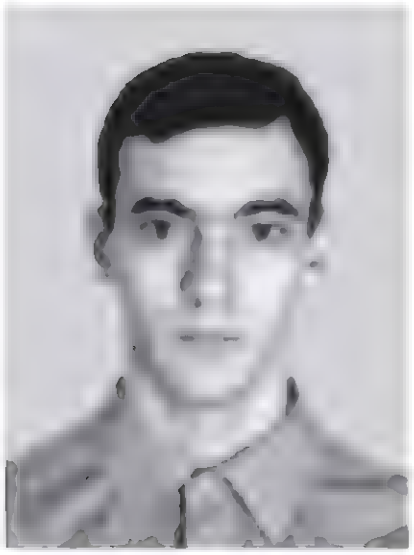
М.В.Алексеева. «В лесах демянских»//»Новгородская правда» от16 января 1959 N 11 (3629) к 15-летию изгнания фашистских захватчиков.

М.В.Алексеева. «За столицу свою, за родную Москву»//»Работница», N12, декабрь 1961 г.

М.В.Алексеева. «От сандружинницы до ученого»//»Советский Красный Крест» N16 ноябрь-декабрь 1958 г.

М.В.Алексеева. «В боях и труде»//»Вечерняя Москва» от 22 февраля 1958 г.

Апрель 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Хлытчиев Олег Игоревич***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Андрианова Зинаида Ивановна

БОЙЦЫ ХИМЗАЩИТЫ

Я родилась 5 октября 1923 года в Москве, русская.

В 1940 году окончила школу и устроилась работать на базу Главрезиносбыт ученицей в бухгалтерию. Быстро освоилась со своими обязанностями и была приличной ученицей. Постепенно меня знакомили с работой бухгалтерии. Эта работа мне очень нравилась. После работы вся молодежь собиралась на спортивной площадке. Там можно было тренироваться по любому виду спорта. Играла музыка — танцевали, пели песни. И, как я вспоминаю, жизнь стала немного лучше. Зимой — соревнования по лыжам. Участвовали взрослые и дети. Детям хорошо жилось, так как все взрослые принимали активное участие в их жизни.

Одним словом, жили скромно, нарядов не имели, но духовно были богаче.

Как-то я и мои подружки решили прокатиться на автобусе до Главного входа в Останкинский парк. Настроение было хорошее, и вдруг из громкоговорителей раздалось тревожное: «Война. Гитлер напал на нашу Родину».

Куда делось хорошее настроение! Все стояли сосредоточенные, женщины прижимали к себе детей, мужчины стали уходить, им нужно было срочно явиться в военкоматы.

Я и мои подружки тоже решили пойти в Военкомат, тем более что мы комсомолки, имели значки «Ворошиловский стрелок» и БГТО, а нам сказали, что мы нужны в тылу.

Мужчины ушли на фронт, а работать и ночью дежурить на объектах пришлось нам, женщинам.

Началась война, и все мои планы насчет учебы сорвались.

Запомнился день 22 июня 1941 года, когда фашистские стервятники прорвались к Москве. Запылали пожары, начались разрушения, появились и первые жертвы. Я со своими товарищами включилась в трудную и опасную борьбу с «зажигалками». Ведь рядом с местом моей работы проходила Окружная железная дорога, где было сосредоточено много эшелонов с боевой техникой, солдатами. Враг пытался бомбить эту дорогу, но за все время ни одна бомба не достигла цели.

Как сейчас помню: лучи прожекторов скрестились и ведут фашистский самолет, кругом бьют зенитки, летят осколки. Вышли из домов и убежищ взрослые и дети. Я в это время находилась на крыше своего дома, меня задело чуть-чуть осколком. И в это время немецкого стервятника сбили. Горящий самолет упал на опытное поле рядом с заводом, а летчик спустился на парашюте. Его бы растерзали, если бы вовремя не подоспела милиция. Было очень страшно.

Конечно, на наш объект были сброшены «зажигалки», но большого вреда они не причинили. Везде были ящики с песком, баграми и бочки с водой.

Когда дежурили, мы сразу надевали рукавицы и брали щипцы. Много мы потушили этих «зажигалок». Кругом светили лучи прожекторов, осколки по крышам стучали.

Так и жили – днем работа, а ночью дежурство. А потом настало время, когда днем работали на оборонительных рубежах — рыли окопы, противотанковые рвы, строили бомбоубежища, насыпали песком мешки. А ночью продолжали дежурить на крышах объектов и домов. И еще было задание — собирать подарки для фронтовиков.

Но всего этого мне и моим друзьям было мало, хотелось пойти на фронт.

1 марта 1942 года моя мечта осуществилась — я была призвана в армию, но на фронт не попала, а зачислили меня в войска местной ПВО, так как мужчины из батальонов были отправлены на подмосковный фронт, а мы, девушки-добровольцы, по призыву комсомола заменили их.

Я была зачислена в химическую роту — в отделение разведки связной 318-го батальона Ростокинского района.

Задачи нашего отделения были сложные. Помимо Устава воинской службы и строевой подготовки, мы учились определять отравляющие вещества по запаху (иприт, фосген, дифосген, люизит).

Были специальные курсы в Фармацевтическом институте. Проходили занятия по ориентированию на местности и другие. Также выезжали на Рижский вокзал, куда прибывали раненые фронтовики, ухаживали за ними и оказывали необходимую помощь до отправки в госпиталь. Работали в очаге поражений на ул. Мархлевского не только как медики, но и как химики. Разбирали завалы разрушенных зданий, оказывали помощь пострадавшим.

Кроме основных занятий, разгружали баржи с дровами, овощами. Построили овощехранилище на Хорошевском шоссе, расчищали трамвайные пути от снега, кололи лед у Рижского и Белорусского вокзалов — там проезжала военная техника, шедшая на передовую.

А еще нам приходилось проверять светомаскировку с представителем из штаба района (Шикуловым М.И.)

В батальонах велась большая спортивная работа, проводились соревнования по лыжам со стрельбой, бросанием гранат, преодолением барьеров. Все мероприятия, проводимые в батальоне, нас физически закаляли.

А еще большим событием для девушек-новобранцев стало торжественное принятие военной присяги, об этом дне мы вспоминаем и сейчас.

Когда немцев отогнали от Москвы, у нас жизнь немного изменилась. В батальоне был организован ансамбль красноармейской песни и пляски — я стала активным участником хореографической группы.

А вообще-то во всех мероприятиях комсомольцы были впереди.

Бойцам отделения разведки надо было каждое утро подниматься на вышку и измерять направление ветра — это было обязательно, нам говорили, что враг коварен, ко всему надо быть готовыми.

У отделения разведки были специальные костюмы, перчатки, сапоги, противогазы — все это было прорезиненное и по размеру, чтобы легче было двигаться.

Чтобы проверить подготовку батальона на случай химической войны, на территории Ново-девичьего монастыря были проведены боевые учения с настоящими отравляющими веществами. В них принимали участие все роты батальона.

Рота связи должна была подготовить и наладить проводную связь со штабом батальона и района.

Медико-санитарная рота — в случае несчастья в очаге заражения — должна была оказывать медицинскую помощь. Задачи отделения разведки и отделения боепитания были особо ответственными. Отделение разведки находилось на правах взвода.

Когда был известен участок заражения, командир отделения разведки ст. сержант Лукошина Зинаида Николаевна получила задание обследовать, найти и определить, какие отравляющие вещества были применены. При обследовании был определён участок с отравляющим веществом «иприт» (жидкость коричневого цвета) при помощи индикаторных приборов. Были взяты пробы.

А дальше работа взводов: отделение боепитания поставляло хлорную известь, а бойцы 2-го взвода заправляли свои машины и дегазировали заражённую территорию хлорной известью.

У 3-го взвода были дегазационные приборы РОП, которые прикреплялись на спине (как ранцы). Девушки-бойцы опрыскивали стены и всё, что нужно.

Все бойцы и командиры имели химзащитные комбинезоны, резиновые сапоги и перчатки и, конечно, противогаз.

На учениях присутствовали командиры — офицеры батальона, района и штаба города Москвы. Связисты справились со своей работой, связь была налажена.

Медикам пришлось потрудиться, был случай ожога.

Командиры сделали вывод, что бойцы готовы в любое время оказать помощь и защитить нашу Родину в случае химической войны.

Одним словом, оценку получили хорошую. Всё это делалось не сразу; большая тренировка, занятия не прошли даром.

Командирами 3-й роты были Лаврентьев, Бродский, Карпенко, Ирипарков, Епишкин.

Мы и сейчас вспоминаем наших командиров с благодарностью. Они научили нас трудиться.

Я как-то разговаривала со своими девушками-бабушками, вспоминали нашу тяжёлую службу, нашу молодость, и в результате получила ответ, что, если надо будет, мы и сейчас встанем на защиту нашей Родины. Вот такие однополчане. Боевые подруги.

Мы уже 60 лет поддерживаем связь друг с другом, целыми семьями. Знаем, кто как живёт. Участвуем в мероприятиях по воспитанию молодого поколения. Наш батальон находился в школе № 611 на Б. Спасской ул., потом там был госпиталь 3406. А сейчас — Банковско-коммерческий колледж, в котором установлена мемориальная доска в память о войне.

С благодарностью хочу обратиться к директору колледжа Матвеевой Галине Павловне, декану Семёновой Елене Петровне (директор музея), музыкальному руководителю Шинднор Ирине Анатольевне и вообще ко всем работникам и студентам колледжа, которые уделяют большое внимание своим студентам.

Бойцы медико-санитарной роты после окончания краткосрочных курсов работали медсёстрами в госпиталях: 3406 на Б. Спасской ул., в институте им. Склифосовского, при больнице в госпитальном отделении им. Семашко. Дежурили в эвакогоспиталях, ухаживали за ранеными бойцами, сутками не выходили из госпиталя ин-та Склифосовского, работали на вокзалах на эвакуации раненых, а также помогали гражданскому населению: когда фашистские самолёты сбрасывали не только зажигалки, но и фугасные бомбы, надо было спасать людей, пострадавшим оказывать помощь и разбирать завалы, под которыми находились люди.

Кроме медиков, приходилось работать отделению разведки и другим бойцам 8-й роты, когда прибывало много эшелонов с ранеными на Рижский и Белорусский вокзалы. Как сейчас, помню этих молодых мальчиков, которым оказывали помощь, а многие нуждались в срочной помощи — операции.

Однажды привезли тяжелораненого бойца, он с ног до головы был забинтован. Только несколько дырочек на лице, и были слышны звуки, как из глубины: «Спасите меня».

Очень трудно было, когда прибывали эшелоны с ранеными. Надо из вагонов выносить на носилках раненых, а они такие тяжёлые, но мы знали, что надо выдержать, хотя сами были худенькие, хрупкие, но сильные.

А сколько было выездов в очаги поражений для оказания помощи пострадавшим после налёта вражеской авиации — засыпанных в подвалах людей надо было спасать.

Когда налёты фашистов ослабли, а потом и прекратились, медсёстры продолжали дежурить в госпиталях, ухаживать за ранеными бойцами.

В июне 1945 года в Москве на Красной площади мне посчастливилось участвовать в большом физкультурном параде молодежи. Это было незабываемое зрелище.

Кончилась война. Пришла долгожданная Победа, а потом и демобилизация.

В 1945 году в военкоматах сдавали красноармейские книжки и получали военные билеты.

Меня демобилизовали 5 сентября 1945 года. Через неделю вернулась на свою прежнюю работу в Главрезиносбыт. И разлетелись девушки-бойцы кто куда. Одни вышли замуж и поменяли фамилии, другие навсегда остались с девичьими фамилиями, но поменяли адреса.

Шли годы в делах и заботах, но все сильнее было желание встретиться. Я стала разыскивать своих однополчан, куда только не ездила. И в результате собралось много девчонок, все такие симпатичные, такие веселые, хотя были уже бабушками. И вот эта встреча у входа на ВДНХ, а потом шли в ресторан «Золотой колос». Интересно было, к нам присоединялись все, кто был в ресторане. А наша встреча начиналась с песни «Идет война народная...», это надо было видеть, так все трогательно было. И так каждый год 9 Мая — День Победы. Это было в течение 30 лет. А потом стали встречаться у кого-нибудь дома. Но все равно очень хорошо и интересно.

В 1947 году я вышла замуж, у меня был сын. Работала я на ВДНХ в Советском разделе международных выставок.

Комсомольский пыл у меня до сих пор в душе. Не могу что-нибудь бросить, от какого-нибудь дела отказаться.

Работая в Советском разделе в должности секретаря-машинистки, имела много общественных нагрузок (председатель общества Красного Креста, ДОСААФ, «Спартака»).

В 11 часов на работе все сотрудники выходили в холл и занимались производственной гимнастикой. На выставке ВДНХ был павильон «Физкультура и спорт», оттуда и начиналось здоровье.

Проходили соревнования по производственной гимнастике, выступали в Лужниках, Сокольниках и на других стадионах. Я участвовала в соревнованиях по стрельбе. Все это помогало быть жизнерадостными. Это время вспоминаю с наслаждением.

Мой стаж работы 52 года, сейчас на пенсии. 10 лет работала в школе №743, где был организован Музей защитников неба Москвы. В работе музея принимали участие летчики, зенитчики, прожектористы, аэростатчики. Школьники тоже с удовольствием принимали участие в работе музея. Были свои экскурсоводы. Ветераны принимали в пионеры (Андрианова З.И., Царицына А.А., Строжеличный М.С.). Все трое мы были почетными пионерами. Я до сих пор берегу пионерский галстук.

В совете ветеранов я проработала 30 лет и была ответственная по своему 313-му батальону. Раньше у меня по списку было больше 100 ветеранов, а сейчас осталось 25 человек.

Я благодарна нашим командирам — комиссару лейтенанту Деготь М.Л., лейтенанту Бродскому А.М., которые помогли мне в общественных делах.

Все, что было в батальоне, и хорошее и тяжелое, — вспоминается постоянно.

Армия научила нас быть ответственными, дисциплинированными. Это остается на всю жизнь.

С 1 марта 1942 года до сих пор мы чувствуем себя как родные, поддерживаем связь, встречаемся, а это уже более шестидесяти лет. Вот такая ценная дружба.

В войне погибли мои родственники:

— Андрианов Анатолий Васильевич —1922 года рождения. Погиб под Смоленском. Не успел и повоевать.

— Рыжов Василий Васильевич — 1924 года рождения. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и другими медалями. Погиб в Прибалтике.

Остались живыми родственники:

— Андрианов Василий Егорович — капитан, награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны и медалями. Воевал на Ленинградском пятачке. Демобилизован по состоянию здоровья (туберкулез).

— Андрианов Владимир Васильевич — старшина, награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной звезды и 5 медалями. Радист-разведчик, подорвал 5 фашистских эшелонов, 7 прыжков в тыл врага, партизан. Инвалид войны.

Я награждена:

— орденом Отечественной войны;

— орденом Дружбы — за героико-патриотическую работу с молодежью;

— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»;

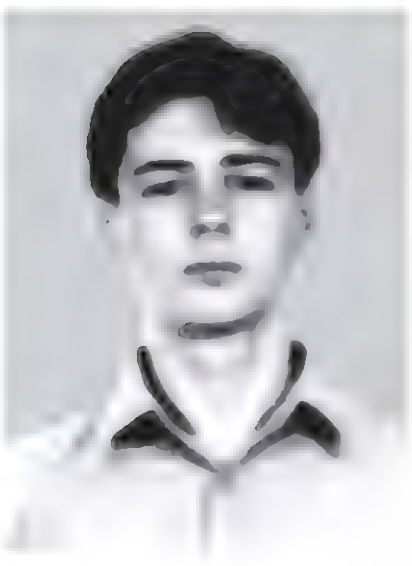
— медалями «За оборону Москвы»;

— «20 лет Победы в Великой Отечественной войне»;

— «30 лет Победы в Великой Отечественной войне»;

— «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне»;
— «50 лет Победы в Великой Отечественной Войне»;
— «50 лет Вооруженных сил СССР»;
— « 60 лет Вооруженных сил СССР»;
— «Ветеран труда»;
— «Медаль Жукова»;
— «В память 800-летия Москвы»;
— «В память 850-летия Москвы»;
— «60 лет битвы под Москвой» и многими знаками от Московской секции ветеранов ВОВ.

Апреля 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Соловьянов***, студент 3-го курса Московского государственного текстильного университета им. А.Н.Косыгина

Араев Иван Матвеевич

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Я родился 7 января 1923 года в селе Салган Краснооктябрьского района Горьковской области. Русский.

До войны, в июне 1941-го, закончил Салганскую среднюю школу. О начале войны узнал непосредственно 22 июня 1941 года, и было это так. В этот день мы, выпускники, планировали отметить окончание школы. Около нашего дома уже собралось несколько одноклассников, ждали еще некоторых. И в это время соседки увидели нас, нарядных, весёлых, и сказали нам: «Детки, началась война!» Все мои друзья сразу разошлись по домам.

24 июня 1941 года по повестке я был вызван в областной военкомат на прохождение медицинской комиссии с целью определения годности к обучению в лётном авиационном училище. После признания военно-врачебной комиссией годным был отправлен домой, для ожидания вызова на учёбу. Но вызова не было, и до ноября 1941 года я трудился в родном колхозе «Память Ильича» на сельскохозяйственных работах.

4 ноября 1941 года я вместе со многими другими односельчанами был мобилизован на строительство противотанковых оборонительных рубежей в районе города Муром. Помню, как везли нас туда от станции Сергач на открытых железнодорожных платформах. Были сильные морозы. Мы вручную копали, долбили кирками, ломами промёр-

зшую землю на берегу Оки. Отогревались у костров. Работали весь световой день, хотя он и был не очень длинным, но от такой тяжёлой, изнурительной работы мы сильно уставали. Сейчас конкретных размеров этих рвов я не помню, но они были очень глубокими и широкими.

Жили мы группами у местных жителей в деревне Монаково. Некоторые ребята прямо отсюда направлялись на формирование боевых воинских частей. Работы по созданию оборонительных рубежей постепенно стали завершаться, и я был отправлен домой. Очевидно, это было связано с контрнаступлением наших войск под Москвой.

В первых числах февраля 1942 года я был направлен в третье ЛАУ (Ленинградское артиллерийское училище), которое находилось в Костроме. Почему я попал всё-таки в артиллерийское, а не в авиационное лётное училище — не знаю. Но можно предположить, что или уже острой необходимости в лётчиках не было, или же из-за того, что была большая нужда в артиллеристах.

Программа обучения в училище, рассчитанная на подготовку офицера-артиллериста, была сокращена до 6 — 8 месяцев.

В августе 1942 года, когда до окончания училища мне оставалось сдать 1—2 экзамена, большая группа курсантов, среди которых находился и я, была направлена на пополнение 2-й гвардейской стрелковой дивизии, вышедшей из окружения. Располагалась она в Звенигороде Московской области. Прибыв на место, я был назначен в 47-й артиллерийский полк. На вооружении полка находились 76-мм пушки на конной тяге. Мне была предложена должность командира отделения связи взвода разведки и присвоено воинское звание сержант.

Через какое-то время полк в составе дивизии был переброшен к передовой линии Смоленского направления. При этом сначала мы двигались железнодорожным транспортом, а затем своим ходом. Во время совершения марша полк подвергался налётам вражеской авиации. Появились среди нас первые раненые и убитые.

Прибыли на место, заняли позиции. На нашем участке фронта активных боевых действий не велось, но в эпизодических боях участвовать пришлось, как и подвергаться артиллерийско-миномётным обстрелам, налётам авиации.

Спустя некоторое время нас перебросили на Калининское направление. Передвигались мы туда своим ходом около месяца. По прибытии на место заняли и оборудовали позиции.

27 июля 1943 года, ведя артиллерийский огонь по передовым позициям врага, наш полк подвергся ответному артиллерийско-миномётному удару. В результате чего была прервана связь между КП

одной из артиллерийских батарей и её огневой позицией. Так как мне посылать на поиск разрыва линии связи было уже некого, я должен был сделать это сам. Под непрекращающимся огнём вражеских орудий и миномётов я побежал искать разрыв линии. Нашёл место разрыва телефонного кабеля, стал его соединять, и в это время где-то рядом раздался взрыв.

Очнулся я через несколько дней в полевом госпитале. У меня были забинтованы голова, глаза, грудь, левая рука. Оказалось, что во время взрыва я получил множественные ранения осколками. Когда пришел в сознание, первым делом услышал, как стонут рядом тяжелораненые.

Через несколько дней я был переведён в госпиталь, который находился в городе Иваново. Лечился около шести месяцев. Ранения оказались тяжёлыми. Я лишился трёх пальцев на левой руке, перестал видеть правый глаз. Меня признали негодным к военной службе, определили инвалидность II группы и в декабре 1943 года демобилизовали по ранению.

В 1945 году я поступил учиться в Горьковский государственный университет и закончил его в 1949 году. Во время учёбы в университете Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени №604271.

После окончания университета до 1985 года трудился в сфере образования на различных должностях — от учителя до директора школы. В 1985 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года «За храбрость, стойкость и мужество, проявленное в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени №1612253.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Араев Сергей Иванович***, старший преподаватель кафедры №1 факультета военного обучения Московского авиационного института, подполковник

Бабкин Борис Владимирович

НАЧАЛО АТАКИ — ПРОХОД ТАНКОВ ЧЕРЕЗ БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ

Я родился 20 июня 1923 года в городе Павловский Посад Московской области. До войны окончил среднюю школу №454 в г. Москве. Выпускной вечер проводили в школе в ночь с 20 на 21 июня 1941 г. В эту же ночь под Москвой летали немецкие самолеты. Днем после отдыха поехали с ребятами в парк культуры им. М. Горького и там по громкоговорителю узнали о том, что началась война.

Учитывая трудное положение в семье, а нас (я, брат и сестра) воспитывала мама одна, я пошел работать на оборонный завод им. Лепсе учеником слесаря. Выполнял разные операции на сборке коллекторов динамомашин, расточке втулок и т.д.

В середине августа меня призвали на службу в Красную Армию и направили курсантом в 3-ю Авиационную школу первоначального обучения в город Сталиногорск. В дальнейшем школа была эвакуирована в город Ибреси (Чувашская ССР).

Затем я в числе выпускников школы был направлен для дальнейшего обучения в Качинскую Краснознаменную военно-авиационную школу в Саратовской области, но в связи с недостатком самолетов большая часть курсантов была перераспределена по другим военным училищам. Я, вместе с частью других курсантов, был направлен в Могилевское пехотное училище, которое закончил в июне 1943 г.,

получив звание лейтенанта по специальности командир пулеметного взвода.

Через 18-й отдельный полк резерва офицерского состава Юго-Западного фронта был направлен в 83-й Гвардейский стрелковый полк 27-й Гвардейской стрелковой дивизии в октябре 1943 г. Полк вел боевые действия на плацдарме в районе с. Широкое Днепропетровской области. Полк наступал в западном направлении километрах в двенадцати от реки Днепр, расширяя плацдарм и имея задачей захватить небольшую высоту. Силы после форсирования Днепра были ослаблены, наступление велось вяло.

Прибыв в штаб полка, я сразу же был сопровожден связным на наблюдательный пункт командира 2-го стрелкового батальона, а оттуда офицером батальона в стрелковую роту, которой командовал капитан Журавлев. В этой роте я получил свой первый боевой опыт в должности командира стрелкового взвода в звании лейтенанта. Во время ведения боевых действий 4-го ноября 1943 г. я был ранен в ногу. Рана была легкой, повреждены лишь мягкие ткани. Лечился в эвакогоспитале в районе Синельниково (Украина).

Через два месяца после выздоравливания меня направили в 18-й полк ОПРОС (отдельный полк резерва офицерского состава), откуда в январе 1944 г. я попал в 10-й отдельный батальон автоматчиков (ОБА) 3-го Украинского фронта. Батальоном командовал капитан Конограй. Батальон выполнял задачи в составе подвижной группы фронта.

Я командовал пулеметным взводом в 1-й роте батальона. В марте 1944 г. батальон нес комендантскую службу в Одессе после ее освобождения. В связи с прорывом румынского фронта и дальнейшим наступлением 3-го УФ Румыния и Болгария вышли из войны. Наши войска вышли к границам Югославии.

10-й ОБА 3-го УФ был привлечен к несению комендантской службы в городе Софии до ноября 1944 г., а с освобождением Югославии — в ее столице Белграде. В декабре-феврале 1944 г. 10-й ОБА выполнял задачи по охране штаба 3-го УФ в Венгрии. В марте 1944 г. я был направлен в 18-й ОПРОС 3-го УФ, а в дальнейшем — во 2-ю Гвардейскую механизированную бригаду гвардейского ордена Ленина и Кутузова механизированного корпуса, который завершал бои на территории Венгрии и приближался к Австрии. Должность моя — командир взвода противотанковых ружей, звание — лейтенант. Бои велись за населенные пункты Унтер Лаа, Обер Лаа в пригороде Вены, а в дальнейшем в самом городе Вена. 2-я Гвардейская механизированная

бригада штурмовала в городе арсенал. Во время штурма я был легко ранен в руку и выбыл для лечения в полевой эвакогоспиталь города Винернойштадт. Вскоре я сбежал оттуда обратно в свою бригаду. Там я некоторое время лечился при медсанчасти. В апреле 1945 г. город Вена была взята.

В начале мая в связи с капитуляцией Германии бои закончились и подразделения бригады приступили к боевой подготовке в местечке Нойенкирхен. Я по-прежнему командовал пулеметным взводом в звании лейтенанта. В июне 1945 г. 1-й Гвардейский ОЛК механизированный корпус по приказу Генерального штаба получил назначение прибыть в город Бельцы (Молдавия). Путь проходил по территории Австрии, Венгрии, Болгарии, Румынии. Двигались на автомобилях своим ходом. Во время марша периодически проходили учения. В городе Бельцы части и подразделения совершенствовали боевую подготовку и временами оказывали помощь местным органам в уборке урожая. В конце августа части и подразделения корпуса получили приказ о передислокации в город Тбилиси и ближайшие к нему города. Перемещались своим ходом на марше. В начале сентября 1945 г. прибыли в назначенные пункты.

2-я Гвардейская механизированная ордена Суворова и Кутузова бригада прибыла на постоянное место дислокации в г. Душети. Я продолжал службу в прежней должности и прежнем звании. В 1946 г. 1-й Гвардейский орденов Ленина и Кутузова механизированный корпус получил звание «Венский» и преобразовался в дивизию, а бригада — в полк. На одном из построений командир полка гвардии полковник Дружинин вручил мне и другим товарищам медали «За победу над Германией» и «За взятие Вены».

В 1947 г. мне было присвоено звание старшего лейтенанта.

В ноябре 1950 г. я был переведен для дальнейшей службы в 30-й отдельный пулеметно-артиллерийский полк в город Эчмиадзин Армянской ССР в должности командира взвода.

В 1951 г. я подал рапорт, в котором попросил направить меня на сдачу вступительных экзаменов в Военную академию тыла и снабжения. После успешной сдачи экзаменов я был зачислен слушателем академии и в 1954 г. закончил ее с отличием и золотой медалью. В 1952 г. мне было присвоено воинское звание капитан. В этом же году в октябре я был направлен для прохождения дальнейшей службы в Московский округ ПВО на должность начальника службы снабжения городом. В 1955 г. мне было присвоено воинское звание майор приказом командира объединения.

В ноябре 1965 г. приказом начальника тыла Вооруженных Сил я был направлен для дальнейшей службы преподавателем Военной кафедры Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина. Офицеры кафедры входили в состав Московского военного округа.

Приказом командующего Московским военным округом 26.02.1970 г. я был назначен на должность старшего преподавателя. Затем приказом ГКСВ №0575 от 07.05.1970 г. мне было присвоено воинское звание подполковник т/сл.

В августе 1974 года я уволился в отставку по болезни.

С выходом на гражданку работал в различных организациях до1987 года. Затем перешел на полное пенсионное обеспечение.

27 апреля 2000 года Главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации мне было присвоено звание полковник в связи с 55-летием победы над Германией.

Награды:

— орден Красной Звезды (№ 3487803. Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.1956 г. за безупречную службу. Орден вручен командиром в/ ч 52147 полковником Коломийцем 23.02.1956 г.);

— орден Отечественной войны II степени (№ 5167696. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашисткими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 г.);

— медаль «За боевые заслуги» (Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.11.51 года за безупречную службу и в связи с выслугой 10 лет. Медаль вручена начальником Академии тыла и снабжения генерал-лейтенантом Миловским в феврале 1952 г.);

— медали: «За Победу над Германией»; «За взятие Вены»; «30 лет Вооруженных Сил СССР»; «40 лет Вооруженных Сил СССР»; «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» (I степени); «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; «50 лет Вооруженных Сил СССР»; «За воинскую доблесть», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»; «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; «Ветеран Вооруженных Сил СССР»; «60 лет Вооруженных Сил СССР»; «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»; «70 лет Вооруженных Сил СССР»; «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; медаль Жукова; «В память 850-летия Москвы».

Мой брат, Бабкин Николай Владимирович, 1928 г. рождения, тоже участвовал в войне. В возрасте 14 лет он пошел работать на автобронетанковый завод № 2 в Москве.

В 1946 г. он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

* * *

Время все дальше и дальше уходит от того дня, имя которого «Победа», дня, к которому народ и армия шли долгой и трудной дорогой в длительной и упорной борьбе с немецко-фашисткими захватчиками, испытывая величайшее напряжение всех сил, не щадя своих жизней для достижения цели.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов, участвовать в которой мне выпала честь, навсегда останется в моей памяти. Некоторые детали, обстоятельства, фамилии, имена товарищей, к сожалению, забылись из-за преклонного возраста, но я все же попытаюсь вспомнить ряд событий.

Конец октября 1943 года, 83-й гвардейский стрелковый полк вел упорные бои за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе село Широкое. Сил было недостаточно, но мы продолжали атаковать, чтобы захватить высоту с курганом. Рота под командованием капитана Журавлева после нескольких попыток захватила высоту. Однако удержать ее не удалось. Немецкая пехота, усиленная минометами, восстановила положение. Потребовалось произвести перегруппировку подразделений полка и усиление их боевой мощи, чтобы снова взять высоту.

В ходе этих боев мы теряли боевых товарищей. Почти ежедневно нам приходило молодое пополнение, набранное полевыми военкоматами. Приходилось обучать их в ходе общения, привлекать для этого бывалых воинов. Был, например, один солдат, который прямо говорил во время размещения позиции, что он боится. Тогда я, командир взвода, увеличив расстояние между окопами, показал ему позицию рядом с опытным воином. Ночью я постоянно проверял боевой порядок взвода, его боевую готовность. Обходя однажды позицию, я обнаружил вблизи труп немца. Опросил бойца-наблюдателя об обстоятельствах произошедшего. Он рассказал, что в темноте недалеко увидел силуэт человека, который говорил: «Луки ас, Луки ас». При осмотре убитого немца, а он был в немецкой форме, оружия не было. Тогда я сделал вывод, что, видимо, немец шел сдаваться, и надо было

просто его задержать и доставить в штаб полка. Мне было очень досадно, что так получилось.

Теперь об участии в боевых действиях 2-й Гвардейской механизированной бригады 1-го Гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса.

Я прибыл туда в конце марта 1945 года из 18-го отдельного полка резерва офицерского состава 3-го Украинского фронта, которым командовал маршал Толбухин. Будучи несколько дней в резерве штаба бригады, я непосредственно видел наступление подразделений бригады в направлении к столице Австрии Вене. Меня поразило мощное, стремительное преследование противника буквально по пятам. Артиллеристы дивизиона майора Левина В. с ходу развернули орудия прямо у дороги и били по колонне немцев прямой наводкой. Темп наступления бригады был довольно высок. В сутки проходили 25-35 км. И это несмотря на то, что все переправы через ручьи и реки были взорваны. Последний рубеж перед Веной, реку Лизинг, противник оборонял особенно упорно. Здесь было сосредоточено большое количество артиллерии немцев, до роты танков и роты самоходных орудий, большое количество минометов. Не раз фашисты предпринимали контратаки танков и пехоты, поддерживаемых артиллерийско-минометным огнем и истребительной авиацией. После одной из таких контратак противника я на поле боя увидел раненого товарища. Это был лейтенант М. Кононов. Он шел, держа согнутой перебинтованную руку. «Что случилось?» — спросил я его. Он ответил, что бросил гранату в прорвавшийся к позиции немецкий танк, танк подбил, но осколок поразил руку.

Вскоре меня, пулеметчика, временно назначили командиром взвода противотанковых ружей. Во взводе было всего 8 бойцов и три ружья. Подразделения бригады, овладев населенными пунктами Обер Лаа и Унтер Лаа, вышли к окраине Вены. Стояла важнейшая задача овладеть арсеналом. Это был мощный опорный пункт обороны немцев. На крышах и в окнах зданий были размещены пулеметы, в глубине двора — зенитные орудия. Батальон капитана В.Пичугина, в составе которого я командовал взводом, занял позиции вблизи арсенала. Близилась ночь. Справа, рядом с позицией моего взвода, разместился взвод пулеметчиков младшего лейтенанта В.П. Гостева. Этот взвод контролировал дорогу, проходящую метрах в трехстах. Пулеметчики заметили уходящую немецкую легковую автомашину и дали несколько очередей. Машина остановилась. Кто-то из бойцов побежал проверить машину, но там уже никого не было. Вместе с

соседом, командиром стрелкового взвода, я обходил позиции. Но вдруг, метрах в ста впереди, разорвался немецкий фугас, и загорелась деревянная постройка. Мы пошли посмотреть. Горела конюшня. Лошади бились в страхе. Мы с товарищем успели спасти двух лошадей. К сожалению, они побежали в сторону немцев.

Был еще такой случай. В штаб 2-го батальона привели немца в гражданской одежде. Солдаты говорили, что это переодетый фашист. Начальник штаба батальона капитан Козлов отдал мне распоряжение отконвоировать задержанного в штаб бригады, однако, точное местонахождение штаба бригады не было известно. Предполагалось, что штаб располагался километрах в полутора от штаба батальона. Я, имея пистолет ТТ, повел немца в направлении штаба. Солдаты для предотвращения побега срезали на брюках у немца пуговицы. Навстречу шла группа бойцов одного из подразделений. Они спросили, куда я веду немца. Я ответил, что мне следует его доставить в штаб бригады для проверки. Близился вечер. Я вел немца по пустынному полю, изрытому большими воронками от снарядов и бомб. Вдруг немец бросился бежать и кинулся в воронку, а кругом было много брошенного оружия и гранат. Опасаясь, что немец может овладеть оружием, я выстрелил ему в спину. Немец упал лицом вниз. Я выстрелил в него еще раз с близкого расстояния. Вернувшись в штаб батальона, я доложил начальнику о случившемся.

К рассвету 7 апреля подразделения нашей 2-й Гвардейской механизированной бригады были готовы к штурму арсенала. Получили приказ: «Начало атаки — проход танков через боевые порядки подразделений». Так и было. Вскоре послышался гул моторов танков 19-го Гвардейского танкового полка, и мы пошли в атаку. Противник открыл сильный минометный огонь. Несмотря на это танки и мотострелки упорно продвигались вперед, подавляя огневые точки фашистов. В этом бою я получил осколочное ранение в левую руку, товарищи сделали мне перевязку, рука очень сильно ныла, и я не мог нормально стоять на месте. Тем временем в укрытии собралось уже до 7 раненых. Надо было продвигаться в медсанбат. Но выход одиночно был невозможен, так как из домов в нашем тылу вели огонь недобитые гитлеровцы, и надо было выходить группами, с оружием прикрывая друг друга. Так мы и сделали. Нашли медсанбат, где всем сделали перевязки и на машине отправили в подвижный хирургический полевой госпиталь, а потом в эвакогоспиталь. Интересуясь ходом и исходом боя за арсенал, нам стали известны некоторые подробности этого боя. Там командир танка старшина Воронин П.М. проявил само-

отверженность и высокое воинское мастерство. Находясь в передовом отряде, первым ворвался на территорию арсенала, огнем и гусеницами уничтожил до 50 фашистов, три орудия и две самоходные пушки. Своими решительными действиями он обеспечил успех другим танкам подразделения и мотострелкам. За этот и другие, ранее совершенные подвиги гвардейцу-коммунисту старшине Воронину П.М. было присвоено 20-го июня 1945 года звание Героя Советского Союза.

Еще один пример героизма воинов-гвардейцев нашей бригады. Это спасение от подготовленного фашистами взрыва Имперского моста на Дунае, единственного оставшегося целым моста. Командование 1-го Гвардейского механизированного корпуса возлагало большие надежды на этот мост. Попытки овладеть мостом с помощью прорыва танков успеха не имели. Два танка и один бронетранспортер были подбиты противотанковыми орудиями противника. Командир бригады гвардии подполковник С.А. Иванов получил приказ от командира корпуса генерала И.Н. Руссиянова спасти мост от взрыва. Была сформирована группа из добровольцев-разведчиков. В нее вошли гвардии старший сержант Андрей Кульнев (старший группы), гвардии старшина Федор Минин, гвардии красноармейцы Николай Борисов и Григорий Москальчук. Впоследствии к этой группе придали двух саперов: гвардии старшего сержанта Максима Листовского и Андрея Золкина. Группе удалось скрытно выдвинуться к набережной Дуная. Рядом горели складские помещения, недалеко еще два здания. Между ними группа пробиралась к воде по-пластунски. Возле моста они увидели часового и без шума « сняли» его. Под мостом группа работала кропотливо, исследуя метр за метром. Провода срезали армейским ножом, ящики с взрывчатым веществом сбрасывали в Дунай. Над разведчиками по мосту уходили из города танки фашистов. А разведчики все сбрасывали и сбрасывали взрывчатку. В общей сложности сбросили более 100 зарядов. Мост был спасен. Вскоре по нему стремительно пошли наши танки и мотострелки. Четырем разведчикам 2-й Гвардейской механизированной бригады и двум саперам Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В связи с ранением, полученным при штурме Арсенала, я проходил лечение в эвакогоспитале в городе Винернойштадт. Там встретился с командиром танка, лейтенантом Агаповым, от которого узнал, что он получил контузию плеча при падении танка с Императорского моста. Перед этим он получил приказ прорваться по мосту на противоположный берег и подавить немецкие пушки. Когда он прошел

большую часть моста, по танку ударил вражеский снаряд, водителя ослепило, он машинально зажал правый бортовой фрикцион и танк слетел с моста вправо. Находившиеся у моста наши воины помогли экипажу выбраться из боевой машины.

Находясь в госпитале, я видел, как мужественно и стойко раненые переносили боль. Один артиллерист, украинец, раненный осколком снаряда в пятку, тихо жаловался: «Пэче, пэче». Его, видимо, сильно раздражал этот зуд. А пошевелить нельзя, нога в гипсе.

Медицинское обслуживание в госпитале было поставлено хорошо. Врачи и медсестры были очень заботливы и внимательны. Питание было хорошее, жалоб от раненых не было. Все это способствовало быстрому выздоровлению больных. Вечерами мы в палатах вели различные беседы о том, как жили до войны, как хотелось быстрее закончить войну, разбить окончательно фашистов и о том, как устроить жизнь после войны. Мы рассказывали анекдоты, пели русские и украинские народные песни, такие как

«Не для меня цветет цветок,
Не для меня Дон разольется,
А дева с черными глазами,
Она цветет не для меня»,

или

«Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные,
Стеньки Разина челны».

Звучали стихотворения Пушкина, Есенина, Лермонтова. Я тоже читал свои любимые стихи Есенина:

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть».

Из госпиталя я вернулся с колонной бензовозов в свою часть(2-ю Гвардейскую бригаду) и долечивался в медсанчасти.

Запомнилось, как в середине мая 1945 года к нам в часть приехали артисты из Москвы. Вел концерт артист Брунов, который впоследствии стал известен всей стране. До сих пор помню его объявление: «Выступает артистка Вероника Борисенко». Ее песня нам очень понравилась. Другие артисты выступали с пародиями, рассказами, частушками. Солдаты и офицеры получили большое удовольствие от концерта, но так как не все желающие могли его посмотреть, то бригада артистов выступила еще раз.

В последующие дни в подразделениях бригады проходила боевая и политическая подготовка, направленная на повышение боевого мастерства, боевой готовности, слаженности действий, подготовка к длительному маршу на постоянную дислокацию на Родине.

С тех пор прошло уже много лет, но память о героях-гвардейцах неизгладима. Мы, воины первогвардейцы, регулярно встречаемся в памятные дни и вспоминаем события тех лет, своих товарищей, отдавших свои жизни за свой народ, за свою Родину, возлагаем цветы на могилу Неизвестного солдата, к памятнику гениальному полководцу Г.К. Жукову.

Накануне этих больших праздников ветераны-первогвардейцы проводят встречи на военно-патриотическую тематику с участием подшефных школ. Это 30-я школа и 900-я школа, в которой создан музей боевой славы 1-го Гвардейского Венского орденов Ленина и Кутузова механизированного корпуса им. Героя Советского Союза генерала Руссиянова И.Н.В музее представлены подлинные экспонаты от воинов -первогвардейцев, например военно-полевая форма, значки, фотографии, копии приказов о награждении воинов, книги, написанные участниками боевых действий в составе соединения и др. Из книг могу назвать:

— Под гвардейским знаменем. — М.: Изд. Военной ордена Ленина Краснознаменной академии бронетанковых войск им. маршала Советского Союза Малиновского Р.Я., 1967. В книге опубликованы статьи ряда военачальников: маршала Советского Союза Н.И. Крылова о советской гвардии, маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна о 1-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала И.Н. Руссиянова, генерала-лейтенанта в отставке И.Н. Руссиянова о 1-й Гвардейской стрелковой дивизии и.т.д.

— Руссиянов И.Н. В боях рожденная. — М.: Изд-во Министерства обороны, 1982.

— Кузьмичев А. Час переклички. — Изд-во «Беларусь», 1981.

— Зубков А.А. Первогвардейцы. В книге автор отметил мое участие в штурме Вены.

Встречи ветеранов-первогвардейцев успешно проводятся благодаря инициативе и большой работе наших руководителей: председателя Совета Ветеранов 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии, 1-го Гвардейского Венского орденов Ленина и Кутузова механизированного корпуса им. Героя Советского Союза генерала И.Н. Руссиянова, Минина Георгия Ивановича и члена Совета ветеранов Громова Василия Андреевича.

Желаю всем ветеранам-первогвардейцам доброго здоровья, счастья и благополучия.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Державин Вечяслав Игоревич***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Безвитный Михаил Степанович

ДЕНЬ БЫЛ ЖАРКИМ

Генерал-майор в отставке. Родился в 1925 году в деревне Исаковская, Раменского сельсовета, Тарногского района, Вологодской области.

В действующей армии с августа 1943 г. по 11 мая 1945 г. на 1-м Украинском фронте в составе войск 3-й Гвардейской танковой армии, дважды ранен, контужен.

На военной службе находился 45 лет. Заместитель председателя Совета ветеранов войны 3-й Гвардейской танковой армии.

На Сандомирском плацдарме

Во время Великой Отечественной войны мне, 17-летнему юноше, волею судьбы довелось воевать с немецко-фашистскими захватчиками с 10 сентября 1943 года по 11 мая 1945 года в составе войск 3-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

В памяти сохранились многие эпизоды тех, уже далёких фронтовых сражений с противником при форсировании Днепра, освобождении Киева, Львова и многих других городов Украины, а также Польши, Германии и Чехословакии.

Одним из таких жестоких сражений были бои наших войск с фашистами в Польше, когда войска 7-го гвардейского танкового кор-

пуса 3-й Гвардейской танковой армии, форсировав 1 августа 1944 года Вислу, уже в течение трех недель вели тяжелые кровопролитные бои с немецко-фашистскими войсками на Сандомирском плацдарме. Противник яростно сопротивлялся и по несколько раз в день атаковал занимаемые войсками корпуса позиции с тем, чтобы уничтожить наши войска или сбросить их с плацдарма и утопить в Висле.

23-я Гвардейская мотострелковая бригада и другие части 7-го Гвардейского танкового корпуса с трудом сдерживали натиск врага и настойчиво продвигались вперед, расширяя плацдарм. К 20 августа бригада заняла оборону на подступах к польскому селу Стодолы. Второй батальон бригады, в котором я был автоматчиком, а позднее после погибшего в предыдущем бою командира отделения исполнял его обязанности, находился на левом фланге бригады, и его позиции проходили по небольшой возвышенности поля с уже скошенным и убранным в копны урожаем ржи и пшеницы.

Особенно ожесточенными были бои в двадцатых числах августа. Немцы продолжали яростно атаковать, бросая в бой все новые силы. Об одном эпизоде такого боя подробно и правдиво рассказано в книге дважды Героя Советского Союза генерал-полковника Д. А. Драгунского, бывшего командира 55-й Гвардейской танковой бригады 7-го Гвардейского танкового корпуса.

21 августа 1944 года. День был жарким и спокойным. Казалось, гитлеровцы решили дать нам «выходной». К полудню, разморенные зноем, бойцы прикорнули в траншеях. Но во второй половине дня сотни самолётов несколькими волнами обрушились на нашу оборону и начали кромсать её. Всё содрогалось от взрывов сверхтяжелых бомб и мощного артиллерийского обстрела. Истошно визжали над нами мины немецких шестиствольных минометов. «Мессершмитты» на бреющем полёте обстреливали из пулеметов всё живое. А по земле в нашу сторону ползли вражеские танки. За ними следовала пехота на бронетранспортерах.

Немцы наступали методично, с нарастающей силой.

В тот день я был непосредственным участником этого тяжелого боя и, несмотря на отчаянные атаки немцев и критическое положение наших войск, мотострелки совместно с танкистами 55-й и 56-й танковых бригад не допустили прорыва противником нашей обороны.

Не менее жестокими были бои в последующие дни августа. Так, 23 августа был солнечный и знойный день. Противник уже второй раз предпринял очередную атаку на позиции, занимаемые нашим баталь-

оном, в составе которого в то время находились оставшиеся в строю немногочисленные автоматчики.

После мощной бомбардировки самолетами и артподготовки нашего переднего края обороны танки и бронетранспортеры с пехотой противника пошли в атаку. Начался бой. Артиллеристы и стрелки противотанковых ружей батальона сосредоточили огонь по танкам и бронетранспортерам противника, автоматчикам была поставлена задача — отрезать пехоту противника от танков и не допустить прорыва ею нашего переднего края обороны. Стоял сплошной вой, гул и дым от разрывов мин и тяжелых снарядов, дрожала земля.

С целью большего поражения личного состава немцы применили снаряды, начиненные множеством мелких металлических осколков, которые с резким оглушительным звуком взрывались в воздухе над землей и градом поливали наших бойцов. Бой продолжался более полутора часов. Немцам в очередной раз не удалось сломить стойкость наших воинов, справились с поставленной задачей и автоматчики. Ценой огромных усилий артиллеристов, минометчиков и мотострелков батальона совместно с танкистами 55-й и 56-й танковых бригад очередная атака гитлеровцев была отражена. Значительную поддержку в этом бою оказали нам и советские летчики, завоевавшие к тому времени господство в воздухе.

Только на участке обороны нашего батальона противник потерял в этом бою более 30 солдат и офицеров, три танка, два бронетранспортера и отказался от дальнейшего наступления.

Не обошлось без потерь и у нас. Один танк был подбит противником, второй танк подорвался на мине, установленной и замаскированной немцами в копне скошенного хлеба, а также была разбита противотанковая пушка. Погибли и были ранены более десяти наших бойцов и командиров. В частности, от пули немецкого снайпера погиб мой земляк — вологжанин пулеметчик Николай Скворцов, был ранен вновь назначенный перед боем командир взвода автоматчиков младший лейтенант (фамилия, к сожалению, в памяти не сохранилась) и еще получил ранение второй мой земляк автоматчик Дударев. В этом бою я также был ранен и направлен на лечение в корпусной 186-й медико-санитарный батальон.

Потери с обеих сторон в этом бою были и на других участках обороны батальонов бригады.

Больно и тяжело было видеть наши горящие танки и погибающие экипажи. Вот один пример, который остался в памяти на всю

жизнь. Молодой крепкого телосложения, оглушенный взрывом вражеского снаряда танкист с подбитого танка, зажав правой рукой плечо оторванной левой руки и с осколочным ранением бедра, собрав оставшиеся силы, в разгар жестокого боя шел в тыл наших войск в надежде сохранить свою жизнь и получить медицинскую помощь. Сила и воля этого человека явились примером мужества и отваги для многих бойцов батальона.

Бои на плацдарме продолжались. Только в конце августа, когда противник понес большие потери и убедился в бессмысленности дальнейших атак, он перешел к обороне. После полуторамесячных беспрерывных боев 23-я гвардейская мотострелковая бригада в составе других частей 7-го гвардейского танкового корпуса была выведена с Сандомирского плацдарма для отдыха и доукомплектования.

Тяжелые и длительные бои за расширение и удержание этого плацдарма обеспечили в январе 1945 года наступление советских войск на Берлин.

Большое впечатление в моей памяти оставил командир 23-й гвардейской мотострелковой бригады полковник А.А. Головачев, удостоенный за форсирование Вислы и бои на Сандомирском плацдарме звания Героя Советского Союза. Этот смелый, волевой, бесстрашный и мужественный командир в самый сложный критический момент боя лично своим примером храбрости и отваги воодушевлял воинов, возглавлял отражение атаки противника вместе с бойцами, и его наказ «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» в боях на плацдарме был выполнен.

Очень жаль, что этому любимому всеми комбригу, «Бате», как его называли в бригаде, всего два месяца не удалось дожить до Победы, он в марте 1945 года погиб, уже в Германии и посмертно был награжден второй золотой звездой Героя Советского Союза. Воины-фронтовики бригады навсегда сохранят добрую и долгую память о своем боевом комбриге, и на его подвигах будут воспитываться многие поколения молодых защитников Родины.

Умело руководили своими подразделениями в боях на Сандомирском плацдарме офицеры бригады: майор Н.И. Горюшкин, впоследствии ставший дважды Героем Советского Союза, капитаны А.И. Данченко и А.К. Давыденко, старший лейтенант С.П. Диваков, младшие лейтенанты В. Кулемин и В.Я. Беляндра и многие другие.

Находясь на лечении во взводе легкораненых 186-го медсанбата, командиром которого был майор медицинской службы А.А. Ни-

кишин и начальником штаба — капитан В.А. Баранов, многократно выезжал на передовую непосредственно в боевые порядки частей корпуса за ранеными, попадал в сложные и опасные ситуации, видел и переживал страдания раненых и умиравших от ран воинов.

Исключительное мужество, заботу и внимание к раненым проявляли врачи-офицеры медсанбата: М.А. Буробин, М.П. Разинкин, Н.А. Кропотов, О.С. Труш, З.Х. Гутиева, Э.С. Кузнецова, М. Цибульникова; медицинские сестры М.И. Бойко, Н.Т. Шевлякова, О.А. Парушкина и многие другие. Во время боевых операций корпуса они сутками, без сна и отдыха оперировали и лечили раненых. Тысячи солдат, сержантов и офицеров 7-го гвардейского танкового корпуса за годы войны были возвращены в строй и продолжали сражаться с фашистами.

О тех уже далеких тяжелых изнурительных боях на Сандомирском плацдарме напоминает мне осколок немецкого артснаряда, который я и сейчас ношу в своем теле.

День долгожданной Победы 9 мая 1945 года застал нас в столице Чехословакии Праге, когда 3-я гвардейская танковая армия (совместно с другими соединениями советских войск) после боев за Берлин и Дрезден, успешно преодолев трудный переход через Рудные горы, пришла на помощь восставшему против фашистского ига населению Чехословакии.

В честь Победы над немецко-фашистскими захватчиками ликование советских воинов и чехословацкого народа было поистине всенародным. Все радовались этой Победе и со слезами на глазах вспоминали тяжелые фронтовые дороги, изнурительные бои с врагом и скорбили о погибших на войне родных, близких и боевых друзьях-товарищах.

Однако война для воинов 3-й Гвардейской танковой армии закончилась только 11 мая 1945 года. К сожалению, за эти 2 дня после Победы многие бойцы и командиры армии пали смертью храбрых в боях с 900-тысячной группировкой немецких войск на территории Чехословакии.

Так, 9 мая 1945 года (в День Победы) погиб награжденный многими боевыми орденами бесстрашный и храбрый офицер связи оперативного отделения штаба 7-го гвардейского танкового корпуса гвардии старший лейтенант Фролов Петр Филиппович, захороненный впоследствии на Ольшанском братском кладбище советских воинов в предместье Праги в могиле № 135, на скромном обелиске которой

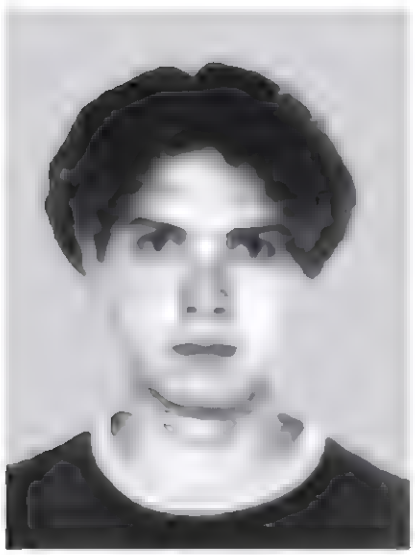
указаны даты его жизни «1918 — 9.5.1945». Находясь в Праге в 1987 году, я посетил это кладбище, возложил цветы на могилу этого боевого и отважного офицера-фронтовика и выразил вечную память всем советским воинам, погибшим на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Через 9 лет после окончания войны мне довелось встретиться с моим бывшим фронтовым командиром, но уже не с капитаном А.И. Данченко, которого я знал в боях на Сандомирском плацдарме в августе 1944 года, а с подполковником Александром Ильичем Данченко — командиром мотострелкового батальона 40-го механизированного полка Прикарпатского военного округа, в котором мы вместе продолжали военную службу в 1953-1955 годах.

Отрадно отметить, что встречи ветеранов войны — танкистов 3-й Гвардейской танковой армии в послевоенное время осуществлялись регулярно. Только Московский Совет ветеранов войны этой армии объединяет более 300 ветеранов армии, проживающих в Москве. Ветераны ежегодно в дни праздничных и знаменательных дат встречаются с учащимися профессионального училища № 77, где находится музей 3-й Гвардейской танковой армии, и в нескольких школах города проводят уроки мужества, делятся своими воспоминаниями о войне, вносят свой посильный вклад в героико-патриотическое воспитание молодежи, рассказывают о бесчисленных примерах героизма, мужества, отваги и беззаветной любви к Родине героев-танкистов в годы Великой Отечественной войны.

Награды: ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Дружбы народов, 25 юбилейных медалей.

Ноябрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Борисов Петр Михайлович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Бобков Егор Андреевич

ОТДЕЛЬНЫЙ ГВАРДЕЙСКИЙ ТЯЖЕЛЫЙ ТАНКОВЫЙ КРИВОРОЖСКИЙ ПОЛК ПРОРЫВА

Я родился 29 апреля 1914 года в деревне Акишево Одинцовского района Московской области. Русский, образование начальное — 5 классов. Беспартийный. Вероисповедание — православное.

До призыва на войну работал газосварщиком, проживал в деревне Акишево. Женат. Жена Бобкова Анастасия Кузминична.

О войне узнал, как и все советские люди, в июне 1941 года.

По мобилизации призван на фронт в декабре 1941 года и направлен в город Владимир в 15-й запасной танковый полк, где был сформирован 475-й танковый батальон.

В январе 1942 года находился под Москвой в Костеревском лагере, откуда и выехал на Северо-западный фронт. Бои шли за станцию Лычково, где был немецкий аэродром.

По приказу в декабре 1942 года, учитывая успешные боевые действия 471-го отдельного танкового батальона на Северо-западном фронте, на базе его, в Гостеревских танковых лагерях под Москвой, образован 28-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва.

В 1943 году по окончании формирования и подготовки к боям полку вручено боевое Гвардейское Знамя.

Знамя перед строем полка принимал командир полка гвардии подполковник Калинин Александр Евдокимович. Всему личному составу вручены нагрудные знаки «Гвардия».

По приказу ставки Верховного командования полк убыл на Орловское направление Брянского фронта.

За освобождение города Кривой Рог в феврале 1944 года полку присвоено почетное наименование Криворожского, полк стал именоваться 28-й отдельный гвардейский тяжелый танковый Криворожский полк прорыва.

В день освобождения города Кривой Рог столица салютовала войскам 3-го Украинского фронта, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

С Северо-западного фронта выехали на смоленское направление. Участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Польша, Верхняя Силезия, Германия, пражское направление и опять Германия, взятие Бранденбурга, затем Берлина.

В апреле 1944 года за успешные действия по уничтожению снегиревской группировки немцев и выход на реку Днестр полк награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В феврале 1945 года за успешные боевые действия в Висло-Одерской операции и выход на реку Нейсе полк награжден орденом Богдана Хмельницкого.

В апреле 1945 года за успешные боевые действия в Верхней Силезии, овладение городом Нейсе, окружение и уничтожение опельнской и ратиборской группировок немецких войск полк награждён орденом Кутузова.

Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта, участвовавшим в этих операциях. Личному составу полка в составе войск участников боёв была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

В мае 1945 года за успешные боевые действия на Берлинском направлении и овладение городом Бранденбург полк награждён орденом Суворова.

В связи с награждением боевыми орденами неоднократно полк получил наименование: 28-й отдельный гвардейский тяжелый танковый Криворожский краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полк прорыва (по воспоминаниям начальника штаба ОГТТП Пунегова Константина Ивановича).

Из Германии я выехал в Австрию, откуда демобилизовался в октябре 1945 года в звании старшего сержанта.

Награждён:

— медалью «За боевые заслуги» (8 февраля 1944 год);

— медалью «За боевые заслуги» (4 февраля 1945 год);

— орденом Славы 3-й степени (21 мая 1945 года).

Братья: Бобков Иван Андреевич, 1908 года рождения, пропал без вести в 1942 году, ушел на фронт из Подольска; Бобков Алексей Андреевич, 1910 года рождения, погиб в Калужской области в 1942 году.

Всё, что мог припомнить, я написал. Прошло много времени, что-то стало забываться, но могу сказать: люди, жившие в городах и сёлах, где проходили военные действия, всячески помогали русским солдатам. Тогда мы не думали — кому нужна война и кому это выгодно. Мы защищали Родину и защищали своих близких. Нашей целью была победа, и мы победили. Сколько радости принесла наша победа тем, чьи близкие вернулись живыми, и сколько горя принесла война тем, кто потерял родных, кто не вернулся с фронта.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ракитин Николай Васильевич***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Борисов Михаил Михайлович

ТИХАЯ РАЗВЕДКА В ТИХОМ ПОСЕЛКЕ

Родился 16 ноября 1925 года в деревне Скрябино Малинского района Московской области. По национальности русский. Атеист. Член КПСС.

В 1940 году окончил 7 классов средней школы. С сентября 1940 г. по январь1943 г. — студент Московского электромеханического техникума. Далее служба в армии по июль 1950 г. Сентябрь 1950 — июнь 1952 гг. — учёба в техникуме. Далее трудовая деятельность и учёба на вечернем отделении Московского энергетического института. Окончил институт в 1958 г. по специальности инженер-электро-механик.

Узнал о начале войны в 11.00 22 июня 1941 года, в Москве, после сеанса в кинотеатре (сад «Эрмитаж»). В это время учился на 1-м курсе техникума. 13 января 1943 года по призыву Коминтерновского РВК города Москвы в составе команды направлен в Суздальское пехотное училище. Но после медкомиссии для дальнейшего прохождения службы — во Владимир в 355-й запасной стрелковый полк (январь—май 1943 года). В мае — октябре 1943 г. — курсант 30-го учебного минометного полка (город Покров Московской области).

Отправлен в составе маршевых рот в октябре 1943 г. на 1-й Украинский фронт (Дарница, Киев, Житомир). В составе пополнения направлен в 761-й стрелковый полк 317-й стрелковой дивизии, в минометную роту — в звании младший сержант. Июль—август 1944 года — лечение в госпитале в/ч 83 352. Далее — прохождение службы в 29-й

гвардейской мотострелковой бригаде 10-го гвардейского Уральско-Львовского Добровольческого танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии.

Боевой путь проходил в составе 761-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии по местам боев в районе городов Житомир, Бердичев, Скалат, Коломыя (Проскуровско-Житомирская операция, ноябрь 1943 — март 1944 г.); в составе 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады (зима-весна 1945 года) в наступлении с Сандомирского плацдарма (январь 1945 г.) через город Петркув и далее по территории Польши до реки Одер, а также в районе реки Нейсе и города Ратибор. После форсирования реки Одер в составе бригады участвовал в боях в направлении городов Лукенвальде, Шпандау и юго-западнее города Потсдам (Берлинская операция, март—май 1945 г.). Далее — марш в направлении города Праги (Пражская операция), отдельные стычки на марше. 9 мая — весть о Победе в предместьях Праги. Прочесывание окрестных лесов вплоть до 13 мая 1945 года. К моменту окончания войны находился в батальоне Героя Советского Союза гвардии капитана Фёдора Дозорцева.

После окончания войны, с мая 1945 по июль 1950 г., проходил службу в составе 29-й гвардейской бригады 10-го гвардейского танкового корпуса, далее называвшихся 29-м мотострелковым полком и 10-м гвардейским кадровым танковым полком. Закончил службу в в/ч 33892 помощником комвзвода. Демобилизован в июле 1950 г. Прибыл на постоянное место жительства в город Москву и поступил в Московский электромеханический техникум на 3-й курс. После окончания института — работа (вплоть до 70 лет) в организациях и на предприятиях, в основном электротехнической и радиотехнической промышленности (от слесаря до помощника министра). Жена и дочь — врачи, внучка — студентка.

* * *

В роты передан приказ: подготовиться к форсированию реки Шпрее. Предполагалось перейти вброд. Затянули ремни, застегнули пуговицы и крючки, завязали голенища сапог — вот и вся подготовка.

На деле оказалось, что место, где ранее были переброшены мостки, простреливалось пулемётным огнём с вражеской стороны. Тогда экспромтом устроили переход вброд на участке, покрытом лесом, натянув через реку канат. Ширина реки около 12 метров. Не перепрыгнешь. Середина апреля. Глубина по пояс и более. Течение приличное.

Держась за канат по очереди, ближе к вечеру, перебрались на другой берег. На опушке траншеи. Идёт пальба с двух сторон. Группа солдат из стрелковой части отбивается от прорывающихся на запад немцев. Видимо, досталось здесь нашим. Они всё спрашивали: «Вы гвардия, вы гвардия?» Им сказали, что их сменит гвардейская часть. А один усатый дядя говорит: «Що це за гвардия — в мокрых штанах!»

Пожелав нам успеха, они ушли той же дорогой, которой пришли мы. Ну, а немцы на этом участке не прошли. На следующий день мы уже двинулись дальше, в сторону Берлина.

Тихая разведка в тихом посёлке

Все дни мы двигались в боевых порядках, стараясь держаться повзводно.

Преодолели в этот день автостраду и ещё одну из автодорог. Немцы, отступая, огрызались. К вечеру, когда уже стемнело, при подходе к населённому пункту, у моста, напоролись на засаду. Один сержант получил тяжелое ранение в живот. Люди устали, и на ночь взвод расположился в одном из домов на краю этого посёлка.

Следующий день был солнечным, весенним, а нам надо было действовать дальше, хотя ясности в обстановке не прибавилось. К полудню меня направляют в разведку с одним из бойцов, по фамилии Ямборко, к посёлку (похожему на нынешние большие дачные). Днём, при ясном солнышке, не зная, кто там тебя подстерегает за каждым углом, особенно не нагуляешься. Но мы честно обследовали сначала одну улицу, затем другую. Необычная, очень настораживающая тишина и абсолютная безлюдность. За полтора часа — никого и ничего.

Остановились, прислонившись к стенке одного из домов. Скользнули взглядом по окнам, дверям. Ни звука. Бывает же так! Подняв руки над головой, потрогал рамы окна, потянул на себя. Окно открылось.

Любопытство взяло верх, и с помощью товарища я влез на высокий подоконник. В комнате темно. Но я сразу разглядел двух людей в немецкой форме. Они смотрели на меня ошарашенно — откуда взялся? С автоматом, направленным на них, я спрыгнул в комнату.

После осмотра вывел их через то же окно. Один из немцев хромал. Доставили в расположение взвода и затем к ротному командиру — старшему лейтенанту Найденову, находящемуся примерно в 500 метрах, через автодорогу, простреливаемую крупнокалиберными пулемётами.

Все удивились — где мы этих фрицев откопали. Объявили нам благодарность. В штабе батальона, как сказали потом, они помогли прояснить обстановку на этом участке.

Переправа на Ванзее

На пути к предместьям Берлина мотострелкам приказано освободить от немцев ближайший берег. Вылезаем настороженно, думая, что канал. Казалось, что на берегу немцев не было. Когда начало рассветать, ползком и перебежками двинулись вперед. Тут они нас и встретили, но вовремя пришла помощь наших артиллеристов.

Потом была другая история — выбивание фрицев из лесного массива, перехват на дороге погружающихся в машины солдат и захват их.

Послевоенные воспоминания ветеранов бригады, корпуса и армии представлены в следующих ранее изданных книгах о 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригаде:

— Гвардейская шестиорденоносная (эпизоды пути 29-й гв. Унечской мотострелковой бригады 10-го гвардейского Уральско-Львовского Добровольческого танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии). — Пермское книжное издательство, 1978;

— Добровольцы Урала. Очерки. Воспоминания —Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1980;

— Стальным тараном. Боевой путь 4-й гв. танковой армии (Москва, Военное издательство, 1992);

— Генерал армии Д.Д. Лелюшенко. «Москва — Сталинград — Берлин — Прага». Записки командарма. Издательство «Наука», Москва, 1970).

Имею награды:

— орден Отечественной войны 1-й степени (№250285 с 1.04.45.);

— орден Отечественной войны 2-й степени (№1095820 от 11.03.85);

— медали:

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Указ ВС СССР от 09.05.45, вручена 22.03.46.);

«За взятие Берлина» (2 мая 1945 года /Б № 245442/ Указ от 09.06.45, вручена 25.02.47.);

«За освобождение Праги» (9 мая 1945 года /А № 176907/ Указ от 09.06.45, вручена 22.03.46.);

«Медаль Жукова» (№ 0728075, Указ президента №205 от 19.02.96.);

«Освобождение и свобода» — медаль Польши (от 03.04.50 №167786).

Принимали участие в войне родственники:

брат отца — Пётр Сергеевич Борисов (1912 г.р.) призван Малинским РВК Московкой области. Пропал без вести летом 1941 г. в боях

под Смоленском, младший командир; братья матери: Пётр Григорьевич Павлов (1912 г.р.), рядовой, Михаил Григорьевич Павлов (1921 г.р.), рядовой, призванные в городе Москве, пропали без вести летом 1941 года на Западном фронте; Сергей Григорьевич Павлов (1917 г.р.) старший матрос, служил срочную службу к началу войны, погиб в Севастополе в 1941 году, похоронен в море; Андрей Григорьевич Павлов (1913 г.р.) тяжело ранен под Воронежем в 1942 году, инвалид войны, умер в 1982 году. Двоюродный брат — Иван Павлович Князев (1924 г.р.) призван Бронницким РВК Московской области, воевал на 1-м Белорусском фронте, старшина, награжден орденом Красной Звезды и медалями. Прошёл с боями до Берлина. После демобилизации работал в колхозе. Умер в 1980 году.

Имею публикации:

— Борисов М.М., Шишкин Н.К. «Вместе были тыл и фронт». Газета «Московская правда» от 17 мая 1995 г.

— Борисов М.М. «Броня крепка, и танки наши быстры». Газета «Московская правда». Июнь 1998 г.

— Борисов М.М. «Придём поклониться павшим». Газета «Московская правда» от 22.10.2000.

— Борисов М.М. «Славянка не прощается с тобой». Газета «Московская правда» от 22.10.02.

— Борисов М.М. «Прощание славянки». Газета «Советская Россия» от 17.10. 02.

Перенесённые ранения: две лёгкие контузии: в июне—июле 1944 г. (госпиталь города Винница, после лечения направлен в 29-ю бригаду) и в марте 1945 г. (медсанбат части, Германия).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Петров Илья Алексеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Брагин Анатолий Дмитриевич

ПЕРЕДНЯЯ СТОЙКА НЕ ВСТАЛА НА «ЗАМОК»

Родился 6 июня 1922 года в деревне Синицино Шенкурского района Архангельской области. В 1940 г. закончил среднюю школу. С 1940 г. по декабрь 1943 г. — курсант Харьковского военного авиационного училища штурманов.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года на полевом аэродроме Харьковского военного авиационного училища во время трансляции выступления Молотова по радио о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

После окончания военного училища переучивался в 11-м запасном авиационном полку (Азербайджан) для полетов на американском бомбардировщике Бостон А-20Ж.

В августе 1944 года прибыл в Ярославль, где формировалась 327-я бомбардировочная авиационная дивизия (БАД), вооруженная самолетами Бостон.

В составе дивизии участвовал в боевых действиях с 12 декабря 1944 г. до конца войны в воинском звании младший лейтенант.

Командиром 640-го бомбардировочного авиационного ордена Суворова III-й степени полка (БАМОСП) был подполковник Полищук. До 1944 г. полк прошел боевой путь на самолетах По-2. Участвовал в ночных боевых вылетах на Брянском фронте.

С декабря 1944 г. полк, перевооруженный американскими самолетами Бостон А-20Ж, был в составе 5-го Люблинского авиационного корпуса 4-й воздушной армии на 2-м Белорусском фронте.

Из Ярославля полк перебазировался на аэродром Курьяны под городом Белосток (ноябрь 1944 г.). Далее — Говорово в Польше (30 января 1945 г.), Торн (последняя декада марта 1945 г.), Меркиш-Фридлянд (14 апреля 1945 г.).

Закончил войну и встретил известие о Победе на аэродроме города Меркиш-Фридлянд восточнее Штецина в Польше. После войны продолжил службу в армии.

* * *

На всех фронтах затишье, но идет тщательная подготовка к крупным наступательным операциям.

Перед 2-м Белорусским фронтом — Восточная Пруссия. Начало наступления было ускорено просьбой союзников облегчить их тяжелое положение, в которое они попали в связи с немецко-фашистским наступлением в Арденах и Вогезах.

12 января 1945 года ударная группировка 1-го Украинского фронта, а 14 января 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Тысячи орудий, минометов и установок реактивной артиллерии обрушили на врага уничтожающий удар. Им должны были содействовать войска левого крыла 2-го Белорусского фронта с севера и правого крыла 4-го Украинского фронта с юга. И хотя из-за плохой погоды резко ограничивалась боевая деятельность авиации, 14 января полк бомбардировал укрепленные узлы и живую силу противника Пшасныш, Цеканув. Бомбы на цель сбрасывались с высоты 600-800 метров. Атакующие самолеты были доступны обстрелу всеми видами наземного оружия. Только внезапный выход на цель позволил девяткам нанести мощный удар по обороняющимся войскам и технике противника. Все самолеты вернулись на свой аэродром, хотя на некоторых из них насчитывались десятки пулевых пробоин. Техническому составу потребовалась ночь, чтобы привести в исправность самолеты, принявшие на себя огонь противника.

16 января погода немного улучшилась: нижняя кромка облаков поднялась до 1000-1200 метров. Все эскадрильи полка в боевой готовности №1: бомбы подвешены, моторы опробованы, экипажи в кабинах ждут сигнала на запуск моторов, выруливание и взлет. При получении боевой задачи экипажи уточнили линию фронта. Подвижные

войска 2-го Белорусского фронта продвинулись на 15-20 км, оставляя в тылу крупные очаги сопротивления. Шла переброска техники и живой силы противника из района Млавы.

Для 1-й эскадрильи основная цель — железнодорожный узел Плонск, запасная — Серпц.

Серия зеленых ракет с КП полка.

Первой взлетает 2-я эскадрилья под командованием капитана Соболева, штурман ст.лейтенант Алексеев, второй — 1-я эскадрилья под командованием капитана Путинцева, штурман Пушкарев и замыкающая — 3-я эскадрилья Голоцвана, штурман ст.лейтенант Сенин.

У каждой эскадрильи своя цель, своя группа сопровождения истребителей, маршрут и время удара. Задача ведущих штурманов — в назначенное время выйти на цель, с ходу поразить ее. Повторные заходы могут привести к большим потерям бомбардировщиков и истребителей сопровождения. Погода, с одной стороны, способствует нанесению внезапного удара и одновременно усложняет поиск цели. На наше счастье, при выходе на боевой курс цель четко просматривалась, а после сбрасывания бомб кучевка внизу заслонила нас от прицельного огня зенитной артиллерии.

Задание выполнено, потерь своих самолетов и истребителей сопровождения нет.

Быстрому продвижению войск 1-го Белорусского фронта в значительной мере содействовало наступление 2-го и 3-го Белорусских фронтов в Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта начали продвигаться на северо-запад в район Эльбинга.

2-й Белорусский фронт должен был разгромить млавскую группировку врага и развивать наступление в направлении Мариенбург—Эльбинг. Выходом к побережью Балтийского моря войска фронта отсекали восточно-прусскую группировку от остальных сил германской армии.

17.01.45 года перед полком поставлена боевая задача — нанести бомбардировочный удар по живой силе и технике противника в железнодорожном узле Млава.

Первой эскадрилье приказано бомбить скопление железнодорожных составов с живой силой и техникой на станции.

Встреча с истребителями прикрытия состоялась вблизи их базирования. Девятку бомбардировщиков прикрывало восемь «Аэрокобр» — четыре непосредственного прикрытия и четыре в ударной группе. При подходе к цели две пары Ме-109 (Мессер-109 — немецкий истребитель)

пытались прорваться к бомбардировщикам, но были атакованы нашей ударной группой прикрытия и не помешали нам выйти на боевой курс. Из района станции и лесного укрытия, где сосредоточены танки противника, вела огонь зенитная артиллерия. Огонь многослойный и заградительный. Эскадрилью вел Путинцев, штурман — Пушкарев. Шли на высоте около 2500 метров, облачность 3—5 баллов. Встали на боевой курс. Снаряды зениток рвутся на высоте полета и выше, впереди и сзади, между самолетами. Ведущий группы открыл бомболюки. Я даю команду летчику, командиру экипажа Родионову:

— Открыть бомболюки!

— Люки не открываются, — отвечает он.

— Приготовиться к аварийному сбросу бомб, — передал я ему, а сам смотрю за самолетом ведущего группы.

— Готов!

— Бросай аварийно! — даю команду Родионову, как только отделились бомбы от самолета ведущего.

— Бомболюки не открываются, — сообщает Родионов.

— Передай ведущему — бомбы не сбросил. Бомболюки не открываются и аварийно. Идем с бомбами.

— Держитесь в строю. После выхода из зоны огня попытайтесь еще раз сбросить аварийно бомбы на территорию противника! — приказал Путинцев.

— Понял, сбросить над территорией противника.

Вышли из зоны огня зенитной артиллерии противника. Сзади, на удалении около двухсот метров и выше метров на сто нас сопровождают два наших истребителя прикрытия. Спасибо, друзьям, в беде не оставляют!

Даю команду Родионову:

— Приготовиться к аварийному сбросу бомб. Идем над территорией противника, в прицеле вижу лесной массив, где может быть живая сила и техника противника.

— Готов! — отвечает Родионов.

— Сброс! — командую я.

— Люки не открылись.

— Ставь на закрытие люки. Займи место в строю. Доложи ведущему: идем на аэродром посадки с бомбами. При роспуске самолетов на посадку займи место замыкающего.

Подходим к аэродрому посадки. Все самолеты эскадрильи, кроме нашего, садятся. Сели. Родионов держит радиосвязь непосредственно

с руководителем полетов — КП аэродрома. Он по рации доложил руководителю полетов:

— Производим посадку самолета с бомбами.

— Первый заход на посадку произвести имитационный (холостой) без приземления. После третьего разворота выпустить шасси, на планировании — закрылки и пройти над посадочными знаками на высоте 50 метров, — приказал руководитель полетов.

Его указания выполняем: выпускаем шасси, основные стойки выпустились и встали на «замок», передняя стойка выпустилась, вибрирует под кабиной штурмана и на «замке» не зафиксировалась; закрылки в посадочном положении. Проходим над посадочными знаками. С земли руководитель полетов подтверждает: передняя стойка не встала на «замок». Руководитель требует набрать высоту 1000 м и попытаться убрать шасси. Выполняем команду: шасси не убираются, закрылки тоже.

Родионов спрашивает меня:

— Будешь приземляться на парашюте?

— Пока нет. Сделаем еще заход на посадку. Если шасси и закрылки не уберутся, значит, перебита гидросистема. Передняя стойка не дожимается до постановки на «замок». Может встать на «замок» на малой скорости полета или по инерции в момент касания основных стоек о землю. Попробуй на высоте 1000 м имитировать посадку, может быть, передняя стойка встанет на «замок»?

Родионов набирает высоту 1000 м. Руководителю полетов передал:

— Разрешите на высоте 1000 м имитировать посадку, проверить, не встанет ли на «замок» передняя стойка.

— Проверьте наличие горючего. Если достаточный запас — имитируйте посадку.

— Понял, — ответил Родионов. Имитирует посадку. Скорость самолета приближается к скорости планирования на посадку... Стойка не встала на «замок»... Увеличивает угол снижения... газ... тяга моторов увеличилась... скорость растет, самолет переводит в набор высоты. Высота 1200 м. Самолет в эксплуатационном режиме.

— При имитации посадки стойка на «замок» на встала, — доложил Родионов руководителю полетов. Разрешите произвести посадку на основные стойки шасси. Быть может, в момент касания основных стоек шасси о землю передняя стойка по инерции займет свое место и встанет на «замок». Тогда выполню как обычную самолетную посад-

ку. Если передняя стойка не займет посадочного положения на пробеге, до критического момента не буду тормозить, чтобы исключить разрушение кабины штурмана.

— Аварийную посадку разрешаю левее ВПП. Как можно дольше не допускай опускания самолета на нос, пусть экипаж примет все меры безопасности при аварийной посадке, — посоветовал руководитель полетов. — Штурман может приземлиться на парашюте. Это его решение!

— Слышал, что в отношении тебя сказал руководитель полетов?

— Да, решение на мое усмотрение. Прыгать на парашюте я не буду! А вот приготовиться к неудачному приземлению надо всем: мне, стрелкам и тебе тоже. Откажись от привычки после небольшого пробега самолета тормозить, если передняя стойка не встала на «замок», открой фонарь кабины, отстегни парашютную систему! Что мне делать, я уже думал: открыть запасной выход на левой стороне кабины, вынуть оптический прицел из боевого положения (из цапф) и положить его за выступы кабины, отстегнуть парашют от подвесной системы, на планировании самолета взять его в руки, в полусидячем положении стоять в парашютном ложе и на пробеге самолета парашютом прикрыть голову и грудь... Если будет «капот» (самолет становится на нос) или сдавливание, деформирование кабины в «гармошку», я буду прижат к приборной доске летчика. Судьба моя решится в зависимости от того, насколько это быстро и динамично произойдет. «Гармошка» может не оставить достаточного пространства, чтобы я остался цел или нос самолета сомкнется с приборной доской, тогда все...

Почему я принял рискованное решение не оставлять самолет, не прыгать с парашютом?

Если в нашем полку не было такого случая, то в Кировобадском запасном авиационном полку, где мы переучивались, нечто подобное было: передняя стойка шасси встала на «замок» в момент касания основных стоек шасси о землю. Посадка произошла нормально. Я надеялся на такой исход и в нашем случае.

Правда, наша ситуация усложнялась еще и тем, что на кассетных держателях в фюзеляже висели бомбы с взрывателями. Если бы самолет на посадке скапотировал (встал на нос) или разрушился, могли взорваться и бомбы. К счастью, посадка прошла нормально, на стойки шасси, которые все стояли на «замке». В момент касания земли основными стойками инерционные силы толкнули переднюю стойку, и она встала на «замок», заняла нужное положение.

Пробег по левой стороне основной ВПП. Нос самолета не опускается, и торможения нет.

— Тормози, все стойки шасси в рабочем положении, — кричу Родионову.

Он, чувствуется, несмело начинает нажимать тормоза, потом продолжительнее и резче и... самолет останавливается.

— Выключи моторы. К вам подъедет технический состав и тягач, — последнее приказание руководителя полетов.

Парашют я положил на сиденье. Сел на парашют. Волнение за исход посадки еще не улеглось, хотя самолет стоит на земле, не разбит, не горит, мы в его кабинах. Тишину в экипаже нарушил Родионов. Он по СПУ (сигнально-переговорному устройству) опросил членов экипажа о самочувствии. В его заикающемся, дрожащем голосе чувствовалась радость, что все живы и здоровы. Руководителю полетов по рации сообщил:

— Экипаж здоров. Выключаю моторы.

У меня в подсознании аварийный план выхода из кабины прочнее сидел, чем сознательное восприятие случившейся нормальной посадки. Заходя на посадку, я открыл левый боковой выход на случай, если нельзя будет воспользоваться основным. Этот план прочно держался в моем подсознании, и я ему подчинился. Вместо того чтобы открыть входной люк и выйти спокойно на землю, я оставил парашют на сиденье, продвинулся к боковому выходу, развернулся лицом к носу кабины, ноги опустил в выход и, удерживаясь руками за борт выхода, вылез из кабины. Оказался висящим в метре над землей, оттолкнулся руками от борта выхода и очутился на полусогнутых ногах на земле.

Родионов сидел в своей кабине и наблюдал непонятные для него мои действия.

— Ты что, экспериментируешь? — спрашивает меня.

— Как можно выйти из кабины через боковой выход, — ответил я. Только тут я осознал, почему я это делаю. Психологический настрой оказался давлеющим над сознательным действием.

После этого диалога с Родионовым я побежал к входному люку своей кабины, открыл его, вынул из сиденья парашют, взял планшет, шлемофон и все отнес под плоскость самолета.

— Выходи и ты из кабины, — сказал я Родионову. — Сейчас здесь будет начальство, придется объясняться.

Он сбросил с крыла парашют, а за ним и сам спрыгнул на землю. Стрелок-радист Сериков и воздушный стрелок Кузьменко с пара-

шютами вышли из кабин. Парашюты сложили в одно место и стали ждать приезда с КП командира полка, руководителя полетов и старшего инженера полка. Вскоре они приехали на джипе, а за ними стартовая машина с командиром и штурманом эскадрильи, инженером эскадрильи, техником звена и механиком самолета.

Родионов доложил командиру полка об отказе гидравлической и воздушной систем самолета в районе цели и действиях экипажа над целью на обратном маршруте и перед посадкой. Командир полка внимательно выслушал доклад Родионова, мои уточнения о взаимодействии летчика и штурмана в принятии решения. Заключил:

— В данной обстановке экипаж действовал правильно. В причинах неоткрытия бомболюков, непостановки передней стойки шасси на «замок» инженеру полка разобраться, выявить причины. О состоянии материальной части самолета доложить мне к 19.00.

В обшивке самолета, даже при беглом осмотре, присутствующие заметили большое количество пробоин от осколков снарядов зенитной артиллерии.

Перед посадкой в машину Полищук меня подозвал к себе и спросил:

— Почему над аэродромом посадки не выпрыгнули на парашюте? Для вас посадка была большим риском для жизни.

Я ему дал свое объяснение.

— Молодцы, действовали согласованно.

После отъезда командира полка вновь пришлось рассказывать командиру и штурману эскадрильи, старшему инженеру полка в присутствии инженера эскадрильи, техника звена и механика самолета и специалистов технических служб. Механик самолета произвел внешний осмотр самолета и насчитал около десятка рваных пробоин в его обшивке.

Прибыла автомашина-тягач для буксировки самолета на техническую стоянку, а наш экипаж вместе с руководством эскадрильи и технической службой полка на стартовой грузовой машине привезли на КП полка. Там находился весь летный состав эскадрильи, который участвовал в вылете на бомбардировку Млавы. Наблюдали за нашими маневрами над аэродромом и посадкой самолета. Все знали, что в самолете бомбы и передняя стойка шасси не становится на «замок», ждали, какое мы примем решение. С легким вздохом увидели, что самолет произвел обычную посадку, остановился в конце пробега, летчик выключил моторы и вскоре экипаж покинул кабины и на земле осматривает самолет. Все живы, и самолет не потерпел аварии.

Члены экипажей, с которыми час тому назад были в одном боевом строю, нас засыпали вопросами. По содержанию они были те же, на которые мы отвечали командиру полка, и командиру, и штурману эскадрильи. Но Родионову и мне пришлось здесь повториться. Такой случай в полку был первый и мог произойти с другими экипажами. И он был в 408-м полку. У нас концовка благоприятная, а там деформировалась кабина штурмана и штурман чудом оказался не сплющенным у приборной доски летчика.

В наш разговор вмешался Путинцев:

— Не задавайте им вопросов, дайте отойти от недавнего стресса. Последствия зенитного обстрела, отказ в работе некоторых систем самолета, оценка действий экипажа — все подлежит анализу и разбору, и выводы, рекомендации будут доведены до летно-технического состава. Садитесь на машину, и все отправляемся на обед! — заключил командой эскадрильи.

После обеда Путинцев передал приказ командира полка: завтра нашему экипажу предоставить день отдыха. Если будет боевой вылет, место в строю девятки займет запасной экипаж Мамлыгина Михаила. Мы, было, выразили готовность отказаться от отдыха, но Путинцев оборвал нас и добавил:

— Приказ командира надо выполнять. Приведите в порядок свои нервы. Война еще не кончилась, работы всем хватит.

18.01.45. Боевой вылет полка не состоялся. Заряды снега свели видимость на аэродроме до 200-300 метров. При усилении ветра поземка и сплошная облачность, когда трудно определить, где ее нижняя кромка. Авиация не могла помочь наземным войскам в развитии наступления.

По разведывательным данным летчики и штурманы на свои полетные карты перед каждым вылетом наносят изменение линии фронта. Прорыв обороны противника в Восточной Пруссии проходил медленно. С 14 января войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону лишь в полосе 110 км, на глубину 60 км. Военный Совет фронта обратился к воинам 2-го Белорусского фронта с приказом нанести сокрушительный удар по врагу в гнезде германского милитаризма — Восточной Пруссии. Отомстим за наши разрушенные города и села, за погибших в боях за Советскую Родину, высвободим из рабского плена угнанных на принудительные работы в Германию. Никакой пощады врагу!

19 января возобновились боевые вылеты. Удары с воздуха призваны обеспечить стремительный прорыв наземных войск 2-го Бело-

русского фронта к побережью Балтийского моря, отсечь восточно-прусскую группировку от остальных сил германской армии. Почти одновременно соединения 2-го Белорусского фронта вышли на рубеж Нижней Вислы и захватили плацдарм на ее западном берегу, а войска соседнего 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Жуков, овладели сильным опорным пунктом Быдгош на Висле.

В разгроме млавской группировки противника войсками 2-го Белорусского фронта активно участвовала 327-я бомбардировочная дивизия. Особенно отличился наш, 640-й бомбардировочный авиаполк, за что получил наименование «Млавский». Все его эскадрильи нанесли мощный бомбардировочный удар по скоплению живой силы и техники на станции Млава.

В последующие дни полки дивизии бомбардировочными ударами обеспечивали продвижение танковых соединений к побережью, бомбили противника, сосредоточенного в опорных пунктах крупных городов Эльбинг, Алинштайн, Ной-Брайденбург. Памятным остался вылет с применением термитных шаров по сосредоточению танков противника в лесном массиве под Эльбингом. Подходим к цели на высоте 3000 футов (около одной тысячи метров) со стороны солнца. Цель видим, и до боевого курса нас встретил плотный огонь «Эрликонов» (немецкие автоматические зенитные пушки), наши истребители прикрытия ввязались в бой с немецкими истребителями Ме-109. Эскадрилья идет плотным клином девятки. «Аэрокобрам» в отражении атак «Мессеров» помогают воздушные стрелки «Бостонов». Только летчики и штурманы сосредоточены на поражении цели. У ведущего открылись бомболюки, то же делают ведомые летчики, из самолета ведущего падают РРК (ротативно рассеивающие кассеты), штурманы экипажей нажимают на кнопку прицела и сбрасывают свои кассеты. После отделения от самолета кассеты раскрываются, и высыпаются термитные шары. Шары в струе воздуха воспламеняются и горящими падают на цель. Температуру их горения ничто не выдерживает: ни броня танка, ни лафет и ствол пушки, никакое укрытие. Эффект горящих падающих шаров, массовость пораженных объектов, невозможность укрыться от них на противника воздействуют не только физически, но и рождает панический страх.

Эффект был такой, что даже «Эрликоны» прекратили огонь по нашим самолетам. Шары, достигнув земли, вызывали пожар там, куда упали: пушки, танки, автомашины, лес.

26 января танкисты 2-го Белорусского фронта достигли побережья Балтийского моря севернее Эльбинга. Вскоре в районы Мариен-

бурга и Эльбинга вышли наши соединения. Путь отхода восточно-прусской группировки на запад был отрезан.

На аэродроме Олива, вблизи Данцига, сосредоточилась вся истребительная авиация окруженной восточно-померанской группировки перед штурмом Данцига нашими войсками. 19 марта 1945 г. полку поставлена задача: нанести сосредоточенный бомбардировочный удар по аэродрому Олива — максимально уничтожить самолеты на аэродромной стоянке, привести в негодность ВПП (взлетно-посадочные полосы), средства управления полетами, хранилища горюче-смазочных материалов. Замысел был таков: колонна самолетов из трех девяток должна выйти на цель внезапно и с высоты 10000 футов (около 3300 метров) сбросить бомбы по объектам аэродрома.

Полк вел командир подполковник Я.В. Полищук, штурман — майор Коваленко. В первой девятке — 8 экипажей 2-й эскадрильи и командира полка. За ней следовала девятка 1-й эскадрильи, ведущий — капитан Путинцев, штурман — капитан Пушкарев и замыкающая девятка — 3-я авиаэскадрилья, ведущий командир авиаэскадрильи Голоцван, штурман — старший лейтенант Сенин.

Боекомплект на всех самолетах — фугасные бомбы калибра 100-250 кг.

Полк шел в сопровождении истребителей Ла-5 и Як-3. Наши постоянные сопровождающие «Аэрокобры» не могли взлететь со своего аэродрома с грунтовой взлетно-посадочной полосы, где они базировались. ВПП размокла под теплыми солнечными лучами ранней весны.

Шли под солидным прикрытием: полк сопровождало около трех десятков Ла-5 и Як-3. Их боевой порядок был построен так, чтобы не допустить к бомбардировщикам истребителей противника. Согласованный огонь истребителей сопровождения с огнем бомбардировщиков мог стать гарантией успешного выполнения боевой задачи.

К сожалению, внезапного удара не получилось. Немалая часть истребителей противника до нашего выхода на цель успела взлететь.

Массированный огонь зенитной артиллерии был заградительным уже до выхода на боевой курс. Разрывы зенитных снарядов накрывали весь строй полка, а при выходе на боевой курс к строю бомбардировщиков пытались прорваться и истребители противника, сбить бомбардировщиков с боевого курса, не дать прицельно сбросить бомбы. Велись одновременно огонь зенитной артиллерии и атаки «Мессеров». Редкий случай одновременных действий. Обычно, когда ведет огонь зенитная артиллерия, истребители не входят в зону поражения;

когда начинают атаковать истребители бомбардировщиков, зенитчики прекращают огонь, дабы не поразить своих истребителей. На этот раз отчаяние взяло верх — зенитчики, ведя огонь по бомбардировщикам, не щадили и своих истребителей.

На боевом курсе за воздушной обстановкой наблюдают воздушные стрелки и радисты. Они своим огнем отбивают атаки истребителей противника, нередко отсекают от атак на наши истребители. Летчик выдерживает в строю место своего самолета, его взгляд прикован к самолетам ведущих звена и девятки. С открытием бомболюков ведущего штурман дает команду открыть бомболюки. Открывает летчик. С отрывом бомб от самолета ведущего путем нажатия на кнопку сброса на оптическом прицеле штурман сбрасывает бомбы своего самолета, через прицел наблюдает за падением и разрывом бомб нажатием кнопки самолетного фотоаппарата, который установлен в люках, фиксирует цель и разрывы бомб. После летчик закрывает люки. С этого момента внимание всех членов экипажа приковано к воздушной обстановке.

Я и Родионов на боевом курсе наблюдали, как у нашего командира и ведущего звена лейтенанта Анатолия Родионова еще до открытия бомболюков от левого мотора тянется шлейф дыма. Самолет остается в строю. Открылись люки одновременно с люками других самолетов. От их самолета отделились бомбы. После этого самолет Анатолия Родионова разворачивается влево и со снижением уходит. Шлейф дыма за горящим мотором увеличивается...

Нет и самолета левого ведомого нашего звена младшего лейтенанта Савченко.

— Кузьменко, где самолет Савченко? — спрашивает наш летчик Володя Родионов.

— Упал. Я видел разрыв зенитного снаряда вблизи его самолета. В тот же момент был атакован и наш самолет. Я отбил атаку «Мессера» и самолета Савченко после не видел.

— Командир, снизу в хвост нас атакует «Мессер», — кричит радист Сериков.

— Выброси дистанционную гранату, потом пулеметным огнем отбивай атаку, — приказывает Владимир.

Через какое-то мгновение выше хвоста нашего самолета на сотни полторы метров с левым разворотом, показывая свое «брюхо», вышел из атаки «Мессер». Кузьменко нажал гашетки двух пулеметов «Браунинг», длинной очередью ударил по нему. Выходя из разворота, «Мессер» задымился и, неуправляемый, ушел вниз. Из передней кабины я

не мог наблюдать этот эпизод, но Родионов видел и подтвердил, когда представлял воздушного стрелка экипажа к ордену Славы 3-й степени за сбитый самолет.

После сброса бомб воздушный бой принял более ожесточенный характер с обеих сторон. Мы, оставшись одним экипажем от звена, были еще дважды атакованы истребителями противника. Их замысел был оправдан: легче сбить одиночный самолет, чем самолет в обороняющейся группе. Вышел в атаку на нас «Мессер» на встречном курсе. Я следил за его маневром. Помешать его замыслу мог только Родионов двумя крупнокалиберными пулеметами из носовой установки самолета. Кричу ему:

— Бей из двух пулеметов длинной очередью.

Сноп огня вырвался справа и слева моей кабины. «Мессер» отвалил и пронесся мимо строя 3-й эскадрильи. Потом была еще атака — сверху, сзади, справа. Ее отсекли огнем воздушные стрелки правого и ведущих звеньев.

После этой атаки Родионов перевел самолет к правому звену, к звену лейтенанта Джунь. Здесь мы оказались под огневой защитой строя из семи самолетов. Этот маневр, возможно, и вывел нас из объекта атак немецких истребителей, которые настойчиво стремились сбить одинокий бомбардировщик.

Из трех самолетов звена Анатолия Родионова вернулся на аэродром только один экипаж Владимира Родионова, т.е. наш. В первой девятке, где ведущим был командир полка Полищук, над целью сбит экипаж 2-й авиаэскадрильи младшего лейтенанта Смирнова.

Такого боя по количеству самолетов и ожесточенности, как над аэродромом Оливы под Данцигом, ни до, ни после у нас не было. Об этом свидетельствуют и потери. Мы потеряли три бомбардировщика «Бостон А-20Ж» и шесть истребителей прикрытия Ла-5. Огнем воздушных стрелков бомбардировщиков сбито 4 самолета и истребителями сопровождения 15 «Мессеров-109». Немало разбитых самолетов осталось на стоянке, рулежных дорожках и на ВПП от бомбардировочного удара полка. Уже в последующие дни противодействие истребителей над Данцигом, Гдыней и Хелем заметно ослабло. На некоторых участках, и главным образом с кораблей, с остервенением защищались зенитчики. Но их огонь утратил прежнюю сосредоточенность выше высот 2—3 тысячи метров. Ниже еще били «Эрликоны».

Информация о воздушном бое над Оливой через несколько дней была напечатана в газете 4-й воздушной армии. Виктор Золин номер газеты сохранил и в 1985 году на встрече ветеранов 327-й дивизии дал

мне прочитать и просил передать в Музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Просьбу его выполнил. Сожалею, что на стенде для нее не нашлось места.

Какова судьба сбитых экипажей нашего полка Савченко, Родионова Анатолия и Смирнова? После Оливы не вернулись сразу 12 членов экипажей. Тягостная пустота, отсутствие двух летчиков и двух штурманов, с которыми мы вместе жили, болезненно обрушились на меня и Володю Родионова. После обеда мы легли отдыхать. Моя и Володи Родионова койки рядом, другие четыре койки — пустые: Толи Родионова, Сергея Моисеева, Михаила Савченко и Михаила Чулкова. На их койках никто не лежит, они утром были заправлены владельцами, а сейчас их не коснулись ни руки, ни уставшие тела.

Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды.

Участвовал в освобождении Польши (с декабря 1944 г. по февраль 1945 г.), в боевых действиях в Восточной Пруссии (март 1945 г.), в Восточной и Западной Померании (март-апрель 1945 г.), в Берлинской операции (с 16 апреля 1945 г. до конца войны).

В начале апреля 1945 г. получил легкое ранение (разрыв и деформация барабанной перепонки). После этого прошел двухнедельный курс лечения в д/о Дабер.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Борисов Алексей Андреевич***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Бурмистрова Виталия Павловна

ЛЕТЧИКИ НАЗЫВАЛИ НАС ЛУНАТИКАМИ

В апреле 1942 года в Оренбурге по комсомольскому призыву формировался эшелон девушек, направляемый в Сталинградский корпусной район ПВО. Техника в этих войсках сложная, поэтому набирали девушек со средним образованием, было и немало студенток, эвакуированных в наш город из Москвы, Киева и других городов. Я заканчивала второй курс педагогического института. Новое пополнение в войсках ПВО должно было заменить бойцов-мужчин.

В расписании учебной роты было изучение материальной части прожектора, поста управления, звукоулавливателя, агрегата, имеющего динамомашину, подающую ток на прожектор, а кроме того, строевая подготовка, владение стрелковым личным оружием и инженерная подготовка (трассировка окопов под разные виды техники). Учились мы и ползать по-пластунски без винтовки и с ней. Занятия проходили на боевой станции, расположенной в нескольких километрах от нашей базы.

Я готовились стать прожектористкой. После принятия присяги мы были направлены на позиции. Точка 211 встретила новое пополнение строгим воинский порядком. Систему «Искатель» обслуживали десять бойцов. Руководили ими младшие командиры (начальник станции, начальник звукоулавливателя) — люди обстоятельные, немолодые, бывалые. Наше незаконченное высшее и среднее образование несколь-

ко обескураживало их, но свое дело они знали хорошо и держались с достоинством. Своей солдатской выучкой мы обязаны им, их жизненному опыту, обстоятельности и требовательности. Оба они были москвичами. До войны один из них был водителем троллейбуса, другой — шофером грузовика. Сержанты уже приобрели боевой опыт, участвуя в ПВО Москвы (батальон прибыл оттуда).

Мы с Галей — лучшей студенческой подругой — попали в один расчет, чему были несказанно рады, ведь точки находились в трех километрах друг от друга. Меня определили старшим прожектористом, Галю — слухачом. Я со своей напарницей работала на посту управления, куда поступали данные самолета со звукоулавливателя, где они обрабатывались, и откуда мы управляли прожектором. Все это выполнялось посредством синхронной кабельной сети. В случае выхода ее из строя (при бомбежке) именно мне (№ 6) необходимо было уметь осуществлять поиск самолета вручную. Владение этим сложным навыком однажды проверялось даже командиром полка.

При поиске и захвате в луч прожекторов самолета важную роль играет слаженность и взаимодействие расчета, а этого можно было достичь только многодневными изнуряющими тренировками. Надо было спешить: войскам ПВО Сталинграда уже объявилось первое положение.

Сила света зенитного прожектора составляла 700-800 международных свечей. Попадать в луч прожектора, тем более трех прожекторов, летчику было опасно: он мог потерять ориентировку.

В середине июля начались регулярные ночные налеты бомбардировочной авиации врага. Светили мы каждую ночь. Однажды, когда производили групповой поиск взводом (три луча), немецкий самолет попал в световое поле наших прожекторов и повернул обратно. Этот случай нас чрезвычайно порадовал, но и вызвал ядовитые шутки мужчин.

В том же июле фашистские войска вторглись в пределы Сталинградской области. Вскоре командир роты предупредил, если в ближайшее время не подойдут новые стрелковые части, личный состав нашей роты перейдет в пехоту и займет оборонительный рубеж. Через несколько дней командир взвода объявил перед строем, что в пехоте останутся все мужчины и Соколова — санинструктором. Поскольку летом 1941 года я закончила двухмесячные курсы медсестер и несколько месяцев работала в перевязочной эвакогоспиталя, совмещая эту работу с учебой в институте.

Мы готовились к бою в пехотном строю. Тренировались бросать гранаты и бутылки с зажигательной смесью (сделали модель из дерева). Применять все эти навыки нам, к счастью, не пришлось, под Сталинград начали прибывать воинские части с Дальнего Востока и других районов страны.

Мы же смогли сосредоточиться на своем главном деле: ночью шла боевая работа, а утром система сворачивалась (закатывался на машину прожектор, устанавливался пост управления, убирался кабель), и мы меняли позицию, где снова копали окопы под нашу далеко не компактную технику. Потом ориентировка системы, тренировки, и только часа на три-четыре мы могли прикорнуть, как вновь звучало: «Расчет к бою!», и мы мчались на свои места. Совсем неслучайно летчики называли нас лунатиками.

Зенитчики вели сильный заградительный огонь, поэтому нам приходилось работать в касках. Если бывал промежуток между налетами, каски заменяли нам подушки. Дремали мы стоя, положив головы на бруствер.

Тяжелым днем для защитников Сталинграда стало 23 августа, когда с северо-запада к Волге прорвались немецкие танковые части. Одновременно вражеская авиация подвергла днем варварской бомбардировке город. За сутки было совершено до 2 тысяч пролетов самолетов противника. В Сталинграде в это время почти не было войск, они располагались далеко за его пределами. Срочно создавались отряды из курсантов военных училищ, из рабочих, из личного состава войск ПВО. Командный пункт нашего полка находился в районе тракторного завода.

В результате прорыва противника к Волге наш полк понес тяжелые потери: в перестрелке, во время прорыва вражеских танков, погиб командир второго батальона, при отражении налета немецкой авиации был убит командир первой роты нашего батальона. Под бомбежкой и при минометном обстреле погибли десятки бойцов. В последующие дни вражеская авиация днем и ночью бомбила Сталинград, переправы, фронтовые коммуникации. Работали мы всю ночь, но уже не было привычного грохота заградительного огня, а тишина, в которой мы светили, казалась зловещей. К тому же ночью складывалось впечатление, что мы находимся в огненном кольце из-за того, что над Сталинградом полыхало зарево пожаров. Зенитчики не стреляли даже по освещенным самолетам, а мы сожалели, что наш луч не имел силы гиперболоида инженера Гарина. Оказалось, что при бом-

бежке был взорван склад с боеприпасами, и артиллеристы берегли снаряды на случай возможного прорыва немецких танков. Над передним краем непрерывно висела «рама» — самолет-корректировщик огня противника, а в небе над нами кружились «юнкерсы». Через нашу позицию в санбат шли раненые. Мы с еще одной моей подругой Аней подбинтовывали намокшие кровью, наспех сделанные повязки, чтобы раненые смогли спокойно добраться до санбата. В тайне от сержантов рвали на бинты простыни, которые нам были абсолютно не нужны. Запасы бинтов из аптечки расчета сержанты у нас отобрали. Пригрозили, что отберут индивидуальные пакеты, если мы не хотим понимать, что в ближайшее время они нам могут понадобиться самим. Вот мы и нашли выход.

Делимся с ранеными «отцами» (солдаты, которым за тридцать) кусочками своих лепешек.

Рота давно не получала довольствия, но наш запасливый старшина вывез из-под носа у немцев с разбитого склада несколько машин муки и крупы.

Степь была просто усеяна листовками, в которых красноармейцев призывали сдаваться в плен, валялись буклеты с фотографиями о райской жизни в немецком плену. Через два года в только что освобожденном Майданике (Польша) мы увидели этот «рай».

Фронтовая полоса приближалась к нам. Мы меняли позиции, но оставались в том же районе. Но вот собраны вместе все расчеты роты, мы перемещаемся ближе к Сталинграду.

Путь наш лежал через село. До сих пор сердце обливается кровью, когда вспоминаю, как у каждого дома стояли женщины с детьми и молча провожали нас. Тишина стояла гробовая, только шуршали колеса наших боевых машин по проселочной дороге. Мы оставляли этих женщин и детей. Мы не перемещались, мы отступали. Как было горько и как стыдно... Знали, что позади еще две линии обороны, что там «катюши» и танки, что там пехота. Но это нас не утешало. Такова была боль и горечь отступления.

По приказу командования мы передислоцировались на Дар-гору. Это пригород Сталинграда. Днем техника находилась в глубоких оврагах, вечером мы выезжали ориентировать систему, а ночью, как всегда, работали.

Здесь наш взвод получил приказ выехать на передовую, чтобы светить по ожидаемому десанту. Минометчики, которым мы должны были подсвечивать, встречали нас радостно: недавно один наш взвод

успешно подсвечивал «пэтэровцам» при танковой атаке. Нас опередили «катюши»: среди ночи они били своими ракетами над позициями минометчиков. Над нашими головами с грохотом летели огненные болванки. Впечатление было такое, что на нас надвигался огромный тяжелый состав. До этого момента за работой «катюш» мы наблюдали только днем и со стороны, теперь же мы ощутили всю их мощь.

Как-то на марше при встрече с «катюшами» мы слышали веселые комментарии ракетчиков: «Держись, фашисты! Гроза авиации поехала!»

В сентябре полк получает приказ о переправе на левый берег. Там с агрегатов спешно скатываются прожекторы, и машины уходят за артиллерийскими снарядами на железнодорожную станцию, куда из глубины страны пришли литерными два эшелона снарядов. Незадолго перед этим при налете фашистской авиации был уничтожен склад боеприпасов в Саратове. Начальниками автоколонн были назначены старшие лейтенанты Воронович и Симаров. Они сумели четко организовать перевозку снарядов на сражающийся правый берег, где их с нетерпением ждали на батареях. Водители совершали через Волгу по понтонным мостам по две ездки в день под бомбежками и обстрелом.

В ожидании возвращения машин рота была в сборе. И вот вечерами стихийно возникали концерты. Началось с того, что попросили скрипача, рядового Козловичера, сыграть по его выбору, иначе, зачем же с нами скрипка. Потом спела арии из опер и оперетт Женя Перевозчикова, студентка музыкального училища. Звучали старинные романсы, читались стихи. А потом все вместе пели «Полюшко-поле», «Каховку», «Песню о Волге», «Нам песня строить и жить помогает», «В далекий край товарищ улетает» и др.

После возвращения машин батальон занимает боевые позиции в районе Заплавное-Ленинск для охраны фронтовых коммуникаций, аэродромов, госпиталей до приказа о передислокации полка в Саратов.

В районе Сталинграда остаются две роты, которые привлекались во время блокады с воздуха окруженной группировки противника для освещения немецких транспортных самолетов.

Всего при обороне Сталинграда, его окрестностей 43-й зенитно-прожекторный полк осветил 221 самолет противника, наша рота из них — 41 самолет.

Осенью 1942 года в полк прибывает новое пополнение девушек. Все они из Саратовской области. В январе они принимают воинскую

присягу. Мы принимали полгода назад. Только полгода, но каких... Да, первое пополнение становится опорой командования.

Готовится замена мужского сержантского состава и замена водителей. На КП полка открывается школа младших командиров, в которой готовят начальников звукоулавливателей. Для красноармейцев-девушек организуются курсы водителей. Именно они будут давать напряжение на прожекторы на Кюстринском плацдарме.

Учебной роты для нового пополнения теперь не создают, и курс молодого бойца они проходят на КП взводов. Галя занимается со слухачами, я веду занятия с прожектористами. Одновременно ведутся тренировки на позициях, отрабатывается взаимодействие расчетов. Готовимся к состязаниям на лучший взвод, на лучший номер.

В середине января всех потрясла весть о гибели легендарной летчицы М.Расковой. Случилось это в районе дислокации нашей роты из-за необычно плотного тумана. Для многих девушек, пошедших в армию, жизненный путь летчицы, ее личность послужили примером. И мы скорбим о ней, как об утрате близкого человека.

Батальон продолжал тренировки. В феврале несколько раз объявлялось первое положение.

Весной я становлюсь комсоргом роты и перехожу на РКП. К этому времени происходит передислокация батальона. КП нашей роты перемещается на окраину Саратова на Алтынную гору. С нашей высоченной горы видны Волга, аэродром, Заволжье, справа — завод «Крекинг», нефтехранилище, пригородные села.

В роте происходят большие изменения. Командир роты старший лейтенант Верткин, к великому огорчению личного состава, принимает другую роту. Как командир он был строг и требователен, но внимателен и как-то по-особому открыт. Во время марша Сталинград—Саратов на стоянках он был с нашим расчетом, и мы могли беседовать с ним на самые разные темы, перепели под его мандолину все любимые лирические песни. Обычно в расчете в нашем репертуаре преобладали русские и украинские народные песни, а в учебной роте — маршевые.

Командный пункт роты перемещается на Соколову гору. (Теперь здесь разбит парк и установлена стелла с гамзатовскими журавлями. Здесь встречаются ветераны. Сюда приходят молодожены.)

К этому времени ликвидируются должности заместителя командира роты и политрука. На КП роты теперь вместо четырех два командира: командир роты и командир взвода связи. Политработник представлен только комсоргом в моем лице.

Целыми днями нахожусь на точках. Знакомлюсь с новыми расчетами, по пути посещаю лучшие расчеты роты старшин Рыжкова, Ткаченко, Горланова, Кошелева.

В июне начались массированные ночные налеты авиации противника на промышленные объекты Саратова. На подходе к ним фашистские летчики стремятся подавить мешающие вести прицельное бомбометание зенитные орудия и прожекторные установки. Особенно тяжело приходится расчетам взводов, дислоцирующихся в заводском районе. Вот как вспоминают об этом прожектористы Аня Кийко (Лапшина) и Аня Пастухова (Москалева) со 144-й прожекторной станции старшины Ткаченко:

«После первого налета нам была указана новая позиция, которая располагалась между заводами «Крекинг» (ближе к нему) и «Шарикоподшипник», аэродромом авиационного завода и Волгой. Для фрицев оказалось неожиданным, что вдруг здесь между заводами «вырос» луч, который молниеносно зашагал по небу, нащупывая самолет. Летчик сбросил бомбу по прожектору, но просчитался.

На другой день около 11 часов вечера опять налет. Мы взяли немецкий самолет в луч и вместе с другими станциями вели его, а подошедший новый вражеский самолет сбросил бомбу по нашему лучу. Все вдруг тряхануло, земля вздрогнула, охнула. Луч погас. Аня Кийко (первый номер) решила, что подруга испугалась и «дала» рубильник, но оказалось, что в двух местах перебит кабель.

Бомба упала в метрах 30 от агрегата. Окоп под агрегат был глубокий: чуть-чуть виднелась крыша кабины, сейчас она была сорвана, но машина работала на полных оборотах. Шофер Е. Долгополов был ранен и отброшен воздушной волной от кабины. Помощник водителя Настя Лариошина погибла от осколков бомбы.

Приехавший утром командир роты объявил расчету благодарность за хорошую работу, за стойкость и мужество. На его машине старшина увез Настеньку Лариошину на КП роты. Мы остались на точке втроем. Настроение было ужасное. К тому же Вера (связист) была контужена. Специалисты из полковых авторемонтных мастерских «утянули» на ремонт наш агрегат. В середине дня на позицию приехали комбат капитан Кузнецов и его заместители капитаны Гришанов и Голиков. Нам объявили, что расчету присвоено звание ефрейторского, и все бойцы награждены знаками «Отличник ПВО». Старшина Ткаченко был представлен и награжден медалью «За боевые заслуги».

В мае 1944 года Лиза Палей, комсорг нашего батальона, назначается помощником начальника политотдела полка по комсомолу, а я сменяю ее.

Моя любовь к философии возникла не на лекциях именитого профессора Баскина, а на политзанятиях в армии и очень пригодилась мне в МГУ на преподавательской работе с иностранцами. Человек высоких моральных принципов, капитан Трекало служил образцом поведения. Внешне суровый, к своим подчиненным он относился по-отечески.

Знакомлюсь с работой комсомольских организаций во второй, третьей и восьмой ротах (сейчас в батальоне четыре роты). Командиров 3-й и 8-й рот хорошо знаю по нашей сталинградской роте. 8-я рота прикомандирована к нам недавно.

Прожекторные станции обычно находятся в трех километрах друг от друга, поэтому рота и батальон разбросаны на большой территории. Прожекторную станцию-сопроводитель обслуживают вместе со связистами 7 человек. Позиции, конечно, не могли быть радиофицированы, да и с газетами было трудно (сводки Совинформбюро сообщались по телефону), вот почему так радостно встречали в расчетах комсоргов и парторгов. В любую погоду нередко промокшие и продрогшие появлялись они в землянках. О положении на фронте, о международных событиях, о новостях в жизни полка и батальона, о моральном облике девушки-красноармейца, о поведении солдата армии-победительницы (полк с лета 1944 г. дислоцировался в Польше, а в феврале-апреле 1945г. исполняя особое задание командования — в Германии) вели они беседы.

Весной 1944 г. наши войска на фронте творят чудеса. Сводки с фронтов вызывают восторг, удивление, восхищение. Нас особенно радует продвижение на юге — отдаляются авиационные базы противника, меньше возможностей налетов на Саратов. Мы мечтаем о передислокации ближе к фронту. Штаб Восточного фронта ПВО уже переместился в Харьков.

В июле приходит долгожданный приказ о передислокации полка. Грузим технику на платформы, сами — в теплушки.

Наши эшелоны с техникой и личным составом идут по Украине. Мы видим разрушенные города и поселки, какой-то вековой пылью покрыты разбитые станции Ровно и Ковель; вместо светофоров — конструкции из досок. Всюду указатели: «Мин нет». Очевидно, именно здесь шла «рельсовая война». На месте деревенских изб белые печи,

утопающие в красных маках. Такой вот необычный цветочный реквием.

Пути забиты вагонами с трофеями, а рядом рельсовые линии с вздыбленными шпалами, разрезанными каким-то приспособлением.

Мы пересекли границу Польши. 23 июля 1944 года освобожден Люблин. Наша часть прибывает туда через несколько дней после освобождения. Город древний, много построек в готическом стиле, много зелени. Вдоль нашего шоссе выстроились пирамидальные тополя.

На окраине Люблина немецкие фашисты не успели уничтожить концентрационный лагерь смерти «Майданек». Увиденное там буквально потрясло нас. В это время в лагере работала комиссия по расследованию злодеяний немецких фашистов. Были раскрыты многочисленные рвы с трупами или скелетами. Привожу цитату еще из одного моего письма:

«В общем, все это описать трудно. Самое страшное — это печь, в которой сжигали трупы людей. Что меня возмущает, так это порядок и механизация. Людей после душа загоняли в камеру, подавали туда газ(красивые голубые кристаллы). Потом пять печей. Пепел отсылали в Германию как пепел Фрица или Ганса родным! (капсулы эти мы видели). А большую часть использовали здесь же в лагере на полях для удобрения. Цивилизация и варварство — какие две несовместимые вещи!» (13 августа 1944 г.)

Видели и бараки, заполненные обувью с убитых, и многое другое. В январе 1945 года была освобождена Варшава, а в феврале войска Красной Армии вышли на Берлинское направление. Столица Германии лежала в 70 км от линии 1-го Белорусского фронта. И было заманчиво сделать этот последний бросок. Но на севере в Восточной Померании сосредоточивалась мощная вражеская группировка. В ставке и в штабе 1-го Белорусского фронта решали, какой вариант избрать.

После боев в Польше, Восточной Померании, Силезии и выхода советских войск на Одер и Нейсе немецко-фашистское командование спешно приступило к всесторонней подготовке к решающим боям на берлинском направлении.

На этом участке главная полоса обороны состояла из трех-четырех траншей полного профиля. Вторая волоса обороны имела две-три линии слошных траншей. Все населенные пункты были превращены в сильные опорные пункты. Вторая полоса обороны на этом участке

проходила по Зееловским высотам. Эти высоты и город Зеелов являлись одним из наиболее мощных узлов сопротивления на подступах к Берлину.

В целях достижения внезапности удара советское командование приняло решение начать наступление ночью. Это потребовало от артиллеристов дополнительных мероприятий по организации ночной артиллерийской подготовки. При прорыве обороны противника впервые было запланировано массовое применение зенитных прожекторов для ослепления противника и освещения местности. Световое обеспечение прорыва осуществлялось прожекторными частями 5-го корпуса ПВО и фронтовой прожекторной ротой. Всего 143 прожектора. Они должны располагаться в 300-600 метрах от переднего края. Половина прожекторов принадлежала нашему 43-му ЗПрП.

Вопрос о снятии зенитных прожекторов с пунктов ПВО был согласован Г.К.Жуковым со Ставкой Верховного Главнокомандования, после чего командующий Западным фронтом ПВО Журавлев получил приказ о снятии некоторых частей с объектов ПВО и отправке их в оперативное подчинение 1-го Белорусского фронта. Поскольку у некоторых командующих армиями были опасения , что свет прожекторов размаскирует позиции наступающих, в начале апреля была при участии 1-й роты нашего батальона проведена репетиция, или показательное наступление с применением прожекторов и другой техники. Результаты были убедительными.

Операция готовилась в строжайшей тайне. Полк был снят с позиций, расположенных вокруг Варшавы, и срочным маршем собственным ходом двинулся на территорию Германии. Стояла прекрасная весна 1945 года. По обочинам шоссе цвели фруктовые деревья. Сияло солнце, и настроение у нас было радостное. Второму батальону повезло: они встретили на марше самого командующего Первым Белорусским фронтом маршала Жукова. Бравый командир 2-го батальона капитан Кочетов доложил маршалу, что батальон следует к месту назначения в район Кенигсвальде. На вопрос маршала, готов ли батальон выполнить задачу, последовало: «Так точно, товарищ маршал, — готов от самого Сталинграда».

По шоссе Варшава—Германия ехали днем и ночью практически без остановок. Основная тяжесть марша легла на плечи мужчин. Машины с прожекторами вели командиры взводов, командиры инженерно-технической службы, начальники станций. Под контролем опытных водителей днем доверялось вести агрегаты и девушкам-водителям.

Чтобы водители и офицеры, выполнявшие роль водителей, не засыпали за рулем, рядом сменялись дежурные. К Одеру все боевые машины дошли благополучно. Здесь у кого-то зародилась идея выпить касками воды из Одера и смочить сапоги. Вспомнили:

«...и не пить им из Волги воды». Ритуал всем понравился. И время было: машины стояли в очереди на понтонный мост. Всех удивляла громада танка КВ, занимал вопрос, зачем брать его на плацдарм и не провалит ли он мост. Но потом мы решили, что танк определенно имеет заслуги и пусть дойдет до Берлина.

В кромешной тьме и удивительной тишине (при таком скоплении техники и людей) переправились на Одерский плацдарм.

Там мы узнаем, что нам выпала честь участвовать в прорыве основной оборонительной полосы немцев на ближних подступах к Берлину. Перед прожектористами была поставлена двойная задача: ночью внезапно осветить передний край противника, чтобы он не смог вести точный, прицельный огонь, и дать подсветку пути нашей наступающей пехоте и танкам.

Утром после переправы мы удивляемся и восхищаемся количеством и разнообразием техники, находящейся под каждым деревом, под каждым кустом, в каждом лесочке. Вот если бы все это было под Сталинградом!

К трем часам ночи, как предписывалось, все прожекторные станции батальона скрытно заняли свои позиции. Пока прожектористы и водители готовили к бою технику, связисты всех подразделений работали на линии, устанавливали связь командных пунктов с точками. Взяв две-три катушки кабеля, связисты тянули кабель, иногда ползая по-пластунски. К установленному сроку связь работала нормально. Во время боя им приходилось ликвидировать возникавшие на линии обрывы.

На нашей позиции пехотинцы, приняв машину с прожектором (он в чехле) за санбат, удивляются, почему санбат прибыл на передовую. Мы скатываем прожектор, а их просим помочь поставить агрегат в окоп. Ничего не понимающие солдаты тем не менее охотно и споро помогают нам. На их вопросы отшучиваемся: «Военная тайна!» Но командир роты объясняет им, что когда прожектор начнет работать, чтобы они не оглядывались на луч, а шли только вперед.

Станция подготавливается к бою: подключается кабель, проверяются угли. Все с нетерпением ждем начала наступления. Пять часов утра.

Среди грохота небывалой артподготовки, сплошного огненного шквала, проносящегося над нашими головами, расчеты напряженно смотрят в сторону сигнальной станции. Вот условный «луч в зенит», как клинок, прорезал темное небо и погас, и моментально по переднему краю вспыхнули наши прожектора. В целях обеспечения сплошного потока света прожектора были расположены в 200 метрах друг от друга.

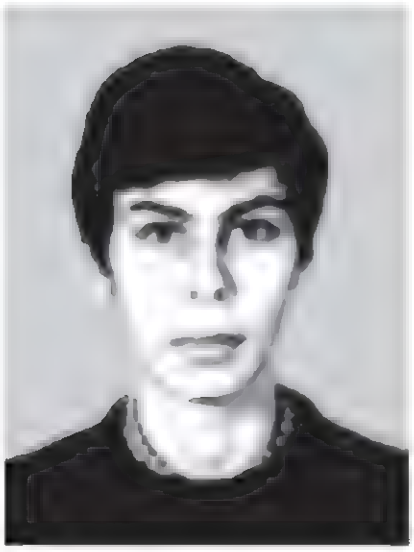
Командующий 1-й танковой армией генерал Катуков, любуясь лучами, плавно скользившими по тучам дыма, пыли, гари, поинтересовался: «Откуда прожекторов столько набрали?»

Дан сигнал, и пехота вместе с танками непосредственной поддержки ринулась в атаку на ослепленного противника.

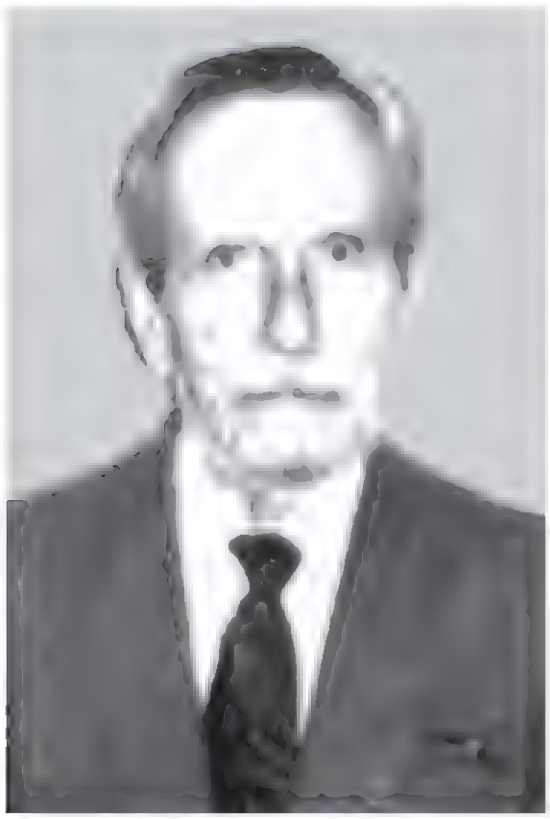
Командир одной из немецких дивизий сообщает в Берлин: «По нам открыт адский огонь. В одном месте непонятный яркий свет. Миллиарды свечей. Что такое — не определили! Может быть, новый вид оружия...»

За успешное выполнение боевой задачи полк был награжден орденом Александра Невского, многим бойцам и офицерам вручены боевые ордена и медали, а позже каждый участник Берлинской операции получил медаль «За взятие Берлина».

Имею следующие награды:
орден Отечественной войны II степени;
медали:
— «За отвагу»;
— «За боевые заслуги»;
— «За оборону Сталинграда»;
— «За взятие Берлина».



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Минаев Игорь Сергеевич***, студент 2-го курса Московского авиационного института



Визун Юрий Ильич

В ОКНЕ ЧЕТВЕРТОГО ЭТАЖА НА УНТЕР-ДЕН-ЛИНДЕН

Мне судьба
Невесёлую юность вручила —
В сорок первом году
Мы хлебнули немало беды.

Я родился в Москве 9 мая 1923 г. В 1930 г. поступил в школу № 48 на Большой Никитской, ей было присвоено имя Бухарина. Потом она изменила свой номер на 85. В первом классе учился плохо. Со своим товарищем-соседом хулиганили, получали неуды (раньше в первых классах ставили только удовлетворительные и неудовлетворительные отметки). Маме, конечно, досталось на собрании, она провела со мной жёсткий разговор, и после этого поведение и успеваемость у меня стали лучше. В старших классах учился хорошо. Педагоги у нас были великолепные. Ещё дореволюционной закалки. Наш географ проводил от руки на память контур Советского Союза со всеми реками, морями, крупными городами и вызывал кого-нибудь к доске отвечать. Математик была строгая, но справедливая женщина. Она всё помнила наизусть, не пользуясь никогда никакими справочниками. У нас было два подшефных учреждения: трамвайный парк и Московский театр революции. В театр пропускали по школьному билету бесплатно.

В школе находились две мастерские: столярная и слесарная. В столярной мастерской у нас был очень интересный учитель. Он был замечательным педагогом и человеком, научившем нас работать руками. Мы делали стулья, пеналы и другие изделия из дерева. Причём приходилось начинать всё с простого полена, а получиться должна была готовая продукция, с правильными размерами, сделанная профессионально. В слесарной мастерской мы делали молотки, дверные ручки. Всё так же должно было быть сделано по первому классу. В старших классах у нас появился военрук. Мы его просто обожали за его замечательный характер. Он учил нас уставу, строевой подготовке, стрельбе. Всё это получалось у него замечательно. В 1938 году меня приняли в комсомол. Приняли только трёх человек из класса. Такой тщательный и скрупулезный был отбор.

Спустя несколько месяцев нелегально (так как уже вышел из пионерского возраста) пробился в Московский дворец пионеров в кружок юного ворошиловского стрелка. Там я получил пять значков «Ворошиловского стрелка»: от юного стрелка до ворошиловского стрелка второй степени.

Потом перешёл в автомобильный кружок. Прослушал теоретический курс, сдал экзамен и начал ездить на переделанной полуторке на специально отведённой площадке рядом с МДП, но прав не получил.

Знание автомобилей в итоге помогло мне во время войны. Когда пехота совершала марш-броски зимой, в лютый холод, я с товарищами подходил к брошенным автомобилям, встречавшимся нам на пути, и пытались их завести. Если получалось завести, то кузов машины (а нам обычно встречались грузовые машины) набивался солдатами, и мы ехали, пока не закончится бензин.

Здесь следует вспомнить ещё один случай, связанный с машинами в моей военной жизни. Было это уже в Померании (Германия). Командир нашего полка дал мне с моим товарищем задание найти ему хорошую машину. В одном из хуторов (по-немецки — фольварк) мы зашли в один из сараев и заметили, что одна из стен странно уложена ровными рядами дров. Мы разбросали дрова и увидели там новенькую машину, заправленную бензином. Мы её привезли в штаб, и наш командир полка поблагодарил нас и устроил банкет в нашу честь.

Школу закончил в 1941 году без троек, в основном были все пятёрки. Родители называли меня полукруглым отличником.

Война ещё не началась, но в то время всех юношей после окончания десятого класса призывали в армию. Восемнадцать лет мне исполнилось в мае, после чего 18 июня мне пришла повестка.

Мой призывной пункт находился на фабрике «Дукат». Я был направлен в артиллерийское училище в город Смоленск. На второй день после отъезда в училище началась война. В пути эшелон попал под бомбёжку, и мне до училища добраться так и не удалось.

Я пошёл воевать рядовым солдатом. Был направлен в сапёрный батальон, строил оборонительные сооружения. В июне 1941 года был ранен и попал в медсанбат, а затем направлен в смоленский госпиталь. Этот госпиталь был под угрозой окружения. Немцы были уже на Смоленщине, близ города Ельни. Раненых успели эвакуировать.

После выздоровления был направлен в запасный полк №7, в тыл, и зачислен в полковую школу, где и учился на радиста.

Получив специальность радиста, я направился на формирование первой стрелковой дивизии. В самом начале боевых действий моей дивизии был контужен. Это произошло в 1941 году в районе Ельня — Вязьма. Мы переправлялись через реку Десна на ее западный берег. Вдруг началась бомбардировка. Успев перебраться на другой берег, укрылись в лодке. В нескольких метрах от берега был высокий обрыв, в который попала одна из бомб. Часть обрыва полетела вниз, ударила по корме лодки, и я, как из катапульты, полетел в воду. Через некоторое время меня нашли солдаты моей части плывущим как бревно вниз по течению реки. Они выловили меня и привели в чувство. Весь мой рот и нос были забиты землёй, которую с трудом, но удалось извлечь; правая половина носа была сильно повреждена. В госпиталь меня не положили, ограничились наложением повязки. Со временем нос зажил, и сейчас эта рана практически незаметна.

В 1942 году дивизия была отправлена в район Сталинграда. В то время Сталинград был ещё тыловым городом, но когда эшелоны с дивизией добрались до Сталинграда — фронт Советских войск был прорван и город стал фронтовым.

Первая стрелковая дивизия принимала участия в боях по обороне Сталинграда. Я был радистом на небольшой радиостанции взвода разведки, но вскоре был ранен. Это было поздней осенью 1942 года. Когда начались уличные бои, один из фашистов из-за угла стоящего передо мной дома бросил гранату. Я весь оказался в осколках, но так как был одет в тёплую толстую одежду, только один из них попал глубоко. Он застрял под коленной чашечкой. Осмотрев мою ногу, врачи сказали, что операция будет очень сложной, и я рискую остаться на всю жизнь с несгибающейся ногой. Отказавшись от операции, остался до восстановления в санчасти своей дивизии и вскоре вновь уча-

ствовал в боях за Сталинград. Далее хотелось бы подробней остановиться на проведённой нашими войсками операции «Сатурн».

19 ноября 1942 года грохот мощной артподготовки возвестил об окончании беспримерной 125-суточной обороны Сталинграда. Началось победоносное наступление Сталинградского (в который входил и мой полк) и Юго-западного фронтов, увенчавшееся через четыре дня окружением 330-тысячной армии гитлеровцев.

К этому времени первая стрелковая дивизия, входившая в состав 63-й армии Сталинградского фронта, была отведена от города и занимала оборону севернее Сталинграда, у большого донского села Верхний Мамон. Я в то время уже начал служить в разведроте этой дивизии и хорошо знал противника и его оборону на высоком обрывистом берегу. Против нас стояли две итальянские бригады — «Ровена» и «Косерия». Третья — «Пассубия» стояла за ними во втором эшелоне. Все мы знали, что недолго уже до «начала» и рвались в бой. И вот, наконец, — приказ о контрнаступлении, где-то рядом ломают оборону, гонят фашистов, освобождают сёла и станицы..., а нам — нет приказа?! Это было обидно, больно, непонятно... Но ведь таков суровый закон войны: до поры до времени не только солдат, но и огромное число командиров не должны знать о стратегических замыслах командования. А такой замысел в Ставке был и назывался операцией «Сатурн».

Сейчас, когда каждый из нас может взять историю Великой Отечественной войны и прочитать то, что написано там о событиях тех далёких дней, поймёт, каким мудрым и дальновидным было наше Верховное Главнокомандование, спланировавшее эту операцию задолго до начала контрнаступления под Сталинградом. Операция «Сатурн» предусматривала нанесение мощного удара из района в излучине Дона через Богучар—Миллерово—Ворошиловград на юг, к Ростову, и, следовательно, мы, сами того не зная, оказались в своём Верхнем Мамоне на самом острие этого удара! А события разворачивались следующим образом.

После окружения группировки Паулюса в Сталинграде Гитлер отдал приказ фельдмаршалу Манштейну, командующему группой армии «Дон» в составе 30 дивизий, из района Котельниково прорваться к Сталинграду и деблокировать окружённую группировку. И 12 декабря бронированный кулак Манштейна пробил оборону советских войск и покатился к городу на Волге. За пять дней эта масса людей и техники преодолела половину пути к городу... И тогда загремели орудия в Верхнем Мамоне, заговорила вся донская излучина!

Фронт восьмой итальянской армии дрогнул и начал разваливаться, а через двое суток наша дивизия соединилась у Богучара с соседом слева, замкнув остатки державших оборону корпусов в кольцо. Фронт начал стремительно рушиться вширь и вглубь, и его уже не смогли восстановить специальные эсэсовские части, гнавшие пулемётными очередями итальянцев, румын и венгров (мы их называли мадьяры) в новые контратаки. Вооружение у них было, конечно, слабенькое, да и вояки из них были по большому счёту никакие, но бои с ними мне запомнились. Венгры шли с нами в рукопашную, надевая на свои ружья своеобразные штыки, которые были больше наших. Наши солдаты любили их собирать как трофеи. Уж очень красиво они выглядели.

Мы, пехота, делали броски по 20-25 километров в сутки по заснеженным степям, и основной нашей задачей было не потерять противника, не дать ему оторваться, на его плечах вырваться как можно быстрее на юг!

Через девять дней Манштейн был остановлен, а к концу декабря его группа была полностью разгромлена. Теперь линия внешнего, второго, кольца вокруг группировки Паулюса проходила в 150 километрах от Сталинграда. С надеждой на деблокаду гитлеровцам пришлось распрощаться навсегда. Так оно и получилось впоследствии: спустя месяц фельдмаршал Паулюс поднял белый флаг и над городом-героем «разразилась» долгожданная тишина.

Моя дивизия, ставшая к тому времени 58-й Гвардейской стрелковой, рвалась к Ворошиловграду (нынешний Луганск), пройдя с боями не одну сотню километров, а сам я 1 февраля 1943 года был ранен. На этот раз я надолго попал в госпиталь из-за тяжёлого ранения в руку. Без малого полгода меня гоняли по различным госпиталям из-за того, что никак не могли найти осколок. Наконец, в одном из почти дюжины госпиталей простой медсестре удалось то, что не удавалось всем врачам, через которых мне пришлось пройти.

Поэтому мне не довелось видеть Сталинград тех дней. В моей памяти он — горящий и грохочущий в августе 1942 года перед нашей переброской на Дон и ослепительно яркий и цветущий в августе 1972 года, когда мне довелось вновь там побывать с делегацией ветеранов.

По выздоровлении меня направили в 59-й Гвардейский миномётный полк. Там я попал сразу в разведку и остался разведчиком в полку до конца войны. Когда была необходимость, меня использовали также как радиста.

Полк был сформирован 31 марта 1942 года под Москвой на базе трёх отдельных Гвардейских миномётных дивизионов: одиннадцатого, двенадцатого и пятнадцатого.

Спустя год взамен одиннадцатого дивизиона в состав полка был включён двадцать третий. В этом составе полк действовал до момента расформирования после окончания войны.

Все названные дивизионы до объединения в полк активно участвовали в боях на дальних и ближних подступах к Москве и в разгроме немцев под Москвой, подчиняясь непосредственно оперативной группе Гвардейских миномётных частей.

Первым командиром 59-го Гвардейского миномётного полка был гвардии полковник Пуховкин, которого вскоре сменил гвардии полковник Куликов, командовавший полком до тяжёлого ранения в конце 1942 года. С декабря 1942 по ноябрь 1945 года командиром полка был Григорий Трофимович Фрич (в конце войны — гвардии полковник).

В ноябре 1945 года 59-й Гвардейский миномётный полк, входивший в группу оккупационных войск в Германии (город Веймар), был расформирован.

Первый год своего существования мы вели активные боевые действия в составе Западного фронта. В труднейших боях этого периода полк, неся тяжёлые потери, принимал участие в освобождении городов Ржев, Козельск, сражался за железнодорожные узлы Сычёвка и Жуковка.

С июня по сентябрь 1943 года полк, в котором я служил, участвовал в битве на Курской дуге, поддерживая своим огнём действия многих соединений и частей по городам Болхов, Карачев и Брянск.

После окончания основных боёв на Курской дуге наш полк был переброшен в район города Великие Луки, где с 4 октября в течение двух месяцев, несмотря на понесённые за лето потери, участвовал в боевых действиях Калининского, а затем второго Прибалтийского фронтов. Там я получил первую медаль «За отвагу» за взятие города Невель (это недалеко от Великих Лук, где-то 65-70 километров). Этот город был «тыловым», километрах в 30 за линией фронта. Там находились крупные склады продовольствия и боеприпасов. От Великих Лук мы вошли в лес и прошли незаметно до города Невель. Он хорошо оборонялся. Ночью, внезапным ударом, мы выбили оттуда немцев.

Мы оказали большую помощь войскам данных фронтов, активно участвуя в условиях бездорожья и осенней распутицы в операциях по освобождению Калининской области и особенно важного опорного пункта гитлеровских войск — города Невель.

С конца декабря 1943 года по 1 марта 1944 года мы находились под Москвой (ст. Зеленоградская), ремонтируя и заменяя технику и пополняя личный состав, а с 7 марта полк уже вошёл в состав 19-й армии Карельского фронта. Нас посадили в эшелоны и, огибая Ленинград, доставили на станцию Кандалакша.

В составе своего полка я участвовал в боях за освобождение Заполярья до их окончания, завершившегося выходом Финляндии из войны и освобождением всех временно оккупированных советских заполярных территорий.

Финны имели очень грамотную, хорошо обученную армию, имевшую по тем временам очень неплохое вооружение. У них было много снайперов, которые регулярно охотились за нашими офицерами, да и вообще все финские солдаты были отменными стрелками. Они обладали также высококлассными оборонительными порядками. Мы понесли в боях с ними большие потери, но, к нашему счастью, они не захотели, чтобы мы заходили на их территорию и обязались вывести свои войска с ранее оккупированных территорий. Нашим разведчикам, включая меня, дали задание наблюдать за выводом финских войск с территорий Финляндии, временно находившихся под их контролем. Для занятия наблюдательных позиций нам приходилось проходить через горные реки, не замерзавшие даже зимой, которые обладали сильным течением. Мы находили самые мелкие места и пересекали реку вброд. Мосты были вообще непроходимыми, уставленными различными инженерными заграждениями. Приходилось, не проходя мосты, находить районы, где вся местность хорошо просматривалась. Мы залегали и следили за передвижением войска и докладывали в штаб, сколько техники выехало, в каком направлении, сколько, наоборот, заехало. За участие в этой операции я был награждён медалью «За освобождение Советского Заполярья».

20 декабря 1944 года мой полк был снят с позиций и переброшен на территорию Польши (город Лукув).

4 января 1945 года мы заняли исходные позиции на Мангушевском плацдарме южнее Варшавы. Мы участвовали в прорыве обороны гитлеровских войск на реке Пилица и активно действовали при освобождении столицы Польши, за что весь личный состав был награждён медалями «За освобождение Варшавы». Затем мы прошли через всю польскую территорию, выбивая противника из городов Лодзь, Кутно, Торунь, Иноврoцлав, Быдгощ, Александров, Аргенау.

В дальнейшем мы приняли участие в Восточно-Померанской операции, вступили на территорию фашистского рейха Пройс-Фринлянд

и, взаимодействуя с первой армией Войска Польского, приняли активное участие в ликвидации группировок противника под городом Шнейдемюль и Мезеритцком укрепрайоне, а также взятии городов Ратцебур, Наугард, Штаргард, Польцин и др.

12 апреля 1945 года наш полк переправился через Одер и занял позиции на Кюстринском плацдарме. В боевых порядках первого Белорусского фронта мы участвовали в штурме Зееловских высот (Хатенов).

Окончание войны застало меня в Берлине. Один из моментов боевых действий там запомнился мне особо. Фронт рассёк улицы Берлина. Густые клубы дыма застилали солнце. Грохот сотрясал землю.

Я занимал последний в этой войне наблюдательный пункт в окне четвёртого этажа дома на Унтер-ден-Линден, наискось от Тиргартена, за какую-нибудь сотню-другую метров от Рейхстага.

Шёл последний бой на подступах к Рейхстагу и имперской Канцелярии. Я корректировал действия «катюш» нашего полка. Они выезжали из внутренних дворов, давали прямые залпы по Рейхстагу, потом на полном ходу уезжали обратно. Здесь за участие в уличных боях я получил вторую медаль «За отвагу».

До этого также мне пришлось проявить себя при штурме Зееловских высот, неприступных фашистских укреплений, названных гитлеровцами «ЗУБЫ ДРАКОНА». Там происходили ожесточённые бои. Чтобы не отдать врагу рубеж, я как наблюдатель вызвал огонь своих гвардейских миномётов на себя. Как опытный артиллерист, я не мог не знать силу и точность огня своих орудий. Определив свои координаты, передал их по рации на командный пункт полка. Командир полка гвардии полковник Фрич приказал первой батарее пятнадцатого дивизиона дать два залпа по скоплению вражеской пехоты и боевой техники, а второй батарее — по станционному зданию.

Мы справились с поставленной задачей. Огненные кометы точно накрыли осаждавших вокзал фашистов, не причинив вреда боевым разведчикам, включая меня. Путь к Рейхстагу был открыт.

Последние залпы мой полк давал 30 апреля и 2 мая. После этого полк в боевых действиях не участвовал. 7 мая дивизия была выведена из Берлина и обосновалась в 40 км северо-западнее в лесу, разместившись лагерем.

Через два дня известие о победе застало нас там же. Через три месяца полк был переведён в город Висмар на побережье Балтийского моря и вошёл в число Советских оккупационных войск.

Я прослужил в этом полку три месяца, когда пришёл приказ о демобилизации.

Все мои родственники, а это только мои мама, Александра Васильевна, и папа, Илья Давыдович, остались в живых. Во второй или третий налёт на Москву наш дом был частично разрушен. Бомба разрушила полдома. В другой его части взрывной волной были выбиты все окна и двери. Также вышли из строя отопление и электропроводка. Мои родители были в это время в том подъезде, который не разрушило. В этом доме они ютились до зимы, а потом уехали в эвакуацию в Уфу. Потом приехали обратно в отремонтированный дом в Богословском переулке.

Послевоенное время

Текут года, и жизнь течёт,
Казалось, ей конца не будет
Но время свой предъявит счёт,
И вновь в полку у нас убудет...
Ю. И. Визун

В конце ноября 1945 года я вернулся в Москву, а в начале 1946 года поступил на подготовительное отделение в Московский энергетический институт. Директором подготовительного отделения института была В.А. Голубцова, жена Маленкова. Она была доброй и образованной женщиной, тщательно скрывавшей свою причастность к столь важной персоне. Мне предложили, как фронтовику, поступить в институт без экзаменов, но я отказался. Решил повторить школьную программу. Тогда всей группе фронтовиков, занимавшихся на подготовительном отделении, выделили педагога. Он был для нас как отец родной и занимался с нами по усиленной программе. Мы все сдали благополучно экзамены и поступили в институт. Я пошёл на электрофизический факультет и с самого начала стал усиленно заниматься. Спал по четыре часа в день.

И вот наступила первая сессия. Я решил, что если сдам её неудачно, то ухожу из института, так как больше, чем занимался в этот период, заниматься не мог чисто физически. Но сдал сессию удачно — только одна четвёрка. Далее я не снижал планку, и на втором курсе меня определили сталинским стипендиантом. Я получал по 800 рублей в месяц. Внушительные деньги по тем временам. Так я и проучился до конца института с такой стипендией. Один интересный эпизод

помню, который случился со мной на экзамене. Был у нас один преподаватель. Он вёл у нас курс спецфизики. Я подхожу отвечать ему билет, он же откладывает его в сторону и просит меня решить задачку. Отсаживаюсь, пробую её решить, ничего не получается. Показываю ему, он говорит: «Не то, на, реши ещё одну». Со второй задачкой тоже самое. Даёт мне третью. Вот её-то я и решил. Подошёл, показал ход решения, он проверил и говорит: «Вот теперь я вижу, что имеет смысл продолжать нам разговор дальше». Взял мой билет, и я начал ему всё по нему рассказывать. Получил в итоге пять, хотя, казалось бы, на такую оценку не приходилось рассчитывать. Меня удивило нестандартное мышление этого преподавателя.

В 1952 году окончил институт с красным дипломом и был направлен в Институт точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР.

Там я и познакомился со своей женой. Оказалось, что мы учились в одном институте, только на разных факультетах, а познакомились только здесь. Мы быстро пришли к выводу, что подходим друг другу, и через полгода поженились. В 1955 году у нас родился сын. Жили мы в то время на Большой Бронной в комуналке с родителями. Когда в 1959 году родилась дочь и места стало мало, мы перевезли её к тёще в Лефортово. Мне приходилось мотаться то к сыну, то к дочке. Конечно, это не могло долго продолжаться, и мы встали на очередь как остро нуждающиеся. Но она тянулась уж очень долго. И вскоре появился новый вариант. На работе сообщили, что есть возможность принять участие в «самострое». Строил дом Мосакадемстрой, а мы были на строительстве в качестве подсобной силы. Я был такелажником, а моя жена смонтировала всю проводку в одном из подъездов. Когда «самострой» закончился, нам выделили трёхкомнатную квартиру в доме на улице Ферсмана. На первом этаже нашего дома был известный магазин «Берёзка». Мы жили на четвёртом этаже. В этом доме прожили около двадцати лет. Потом до нас дошла, наконец, очередь, и мы получили двухкомнатную квартиру на Балаклавском проспекте. На улице Ферсмана живёт сейчас дочь. Сын получил квартиру сам.

Моя дочь окончила мой институт, МЭИ, а сын — высшее военное училище в Вильнюсе. Затем он более 20 лет отслужил в войсках ПВО в городе Старая Руса (Новгородская область) и оттуда демобилизовался в звании полковник запаса.

Институт точной механики, в котором я работал, занимался разработкой современных электронных вычислительных машин. В то

время, когда я учился в институте, ещё не было такой специальности, как вычислительная техника, она только зарождалась. Можно сказать, я стоял у истоков этого направления науки в нашей стране, которое так популярно сейчас.

Когда я пришёл в институт, сразу попал на очень интересную работу к умному и прекрасному человеку, который был в то время начальником лаборатории, а потом стал директором института. Это был академик С. А. Лебедев (теперь институт назван его именем). По разработке Лебедева и под его руководством молодёжь, пришедшая с институтской скамьи, строила первую в СССР быстродействующую вычислительную машину «БЭСМ». Эта машина в период с 1952 года по 1953 год была самой современной и быстродействующей машиной в Европе и не уступала ни одной из американских машин того времени. Академику С. А. Лебедеву я и мои товарищи обязаны тем, что он научил нас любить свою профессию.

Более 30 лет я работал на одном и том же месте, над одной и той же проблемой и не жалею об этом.

Следующая машина примерно в 1000 раз была производительнее первой, места занимала меньше и меньше потребляла энергии. Испытание этой машины прошло интересно, и я был очень доволен результатом.

Так я стал хорошим специалистом в этой области, защитил кандидатскую диссертацию и много лет руководил лабораторией. У меня были хорошие помощники, и мы вместе плодотворно трудились. Я также был награждён орденом «Знак почёта» за участие в разработке первой вычислительной машины.

За разработку второй вычислительной машины, которая имела большое значение для народного хозяйства и обороны нашей Родины, я был награждён орденом «Знак почёта».

К празднику столетия со дня рождения В. И. Ленина был награждён медалью «За трудовую доблесть».

Также в моём институте находилась закрытая лаборатория, занимавшаяся военной тематикой. Лабораторией заведовал В.С. Бурцев. Эта область моей деятельности была скрыта от всех, даже от родителей и детей. Мы занимались вопросами ПВО. Конкретно я участвовал в разработке и создании С-300. Мы вели тайную переписку с другими институтами, занимавшимися этой проблемой. Номер нашего тайного почтового ящика был 01946.

Если приезжала какая-нибудь делегация, то ей, естественно, показывалась только та часть института, которая занималась вычислительной техникой, а нас представляли как абсолютно других людей.

Я пишу стихи. Но официальных публикаций нет, так как делаю это просто для души.

На моём счету есть научные публикации:

«Аппаратура для исследования свойств магнитных сердечников», издательство АН СССР, 1957;

«Питание — 52», изд. АН СССР;

«БЭСМ в Китае», изд. АН СССР;

«С.А. Лебедев», Физматлит, с. 296-304, 2002.

Сейчас нахожусь на пенсии. Инвалид отечественной войны второй группы.

Награды:орден «Знак почёта» (два); орден Отечественной войны I степени; медаль «За отвагу» (две); медаль Жукова; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»; «За оборону Советского Заполярья»; «За освобождение Варшавы»; «За взятие Берлина»; «Китайско-советская дружба»; «Ветеран труда»; «20 лет победы над Германией»; «25 лет победы над Германией»; «30 лет победы над Германией»; «50 лет победы над Германией»; «20 лет Вооружённым силам»; «30 лет Вооружённым силам»; «40 лет Вооружённым силам»; «50 лет Вооружённым силам»; «60 лет Вооружённым силам»;

Мая 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Володин Антон Николаевич***, студент 3-го курса Московского государственного горного университета

Владимирский Сергей Александрович

В МОЕЙ ПОЛЕВОЙ СУМКЕ — КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Я родился 14 февраля 1924 года в городе Казани, национальность — русский, вероисповедание — православный, член КПСС с 1943 года до момента распада Коммунистической партии СССР. До войны окончил среднюю школу — 10 классов в Казани. В 1939 году стал комсомольцем, был в ОСОАВИАХИМе и в других спортивных и военных общественных организациях. Окончил военно-морскую школу в Казани.

После войны поступил в Московский государственный университет им. Ломоносова на исторический факультет и окончил его в 1952 году. Там же получил военное образование: лейтенанта, затем старшего лейтенанта, а сейчас уже и капитана.

О начале войны узнал в Казани, сидя дома и слушая по радио выступление Молотова о начале войны. Я школу закончил в 1941 году, мне было только 17 лет. В первом классе я не учился, поступил сразу во второй. Я был в классе моложе всех на год. Моих одноклассников сразу призвали в армию, а меня не взяли, поскольку это все-таки была Казань, а не Минск, и просто так там не брали.

В армию я попал в 1942 году, когда мне исполнилось 18 лет. Но сначала я был в 46-й запасной стрелковой бригаде, примерно в 300 километрах от Казани. В декабре нас должны были направить на фронт под Сталинград, но получилась такая история. Я и все мои

друзья были уже обмундированы, так называемая маршевая рота, и нас посадили уже в эшелоны, должны были везти. Перед отправкой мимо вагонов проходила медицина и спрашивала: «Есть больные?» А у меня вдруг температура 38. Старший по вагону сказал: «Да, вот тут у солдата температура.» Он меня снял, потом выяснилось, что у меня была фолликулярная ангина, очень тяжелая, меня отправили в госпиталь, а эшелон ушел. А потом, когда сопровождающий эшелон вернулся, они были из постоянного состава, он сказал, что в наши вагоны попали бомбы при подъезде к Сталинграду и мои друзья, ребята даже с одной улицы — они погибли. А меня ангина спасла...

После госпиталя я остался в запасном полку, было постановление о создании в полках, батальонах должности комсоргов батальонов, комсоргов полков, парторгов батальонов и т.д. И, поскольку у меня уже было среднее образование, а тогда это считалось довольно значительным уровнем , к тому же я был активным комсомольцем и уже подал заявление в партию, меня назначили комсоргом батальона. Я как бы застрял в запасном полку, что мне очень не нравилось, и я принимал всяческие меры, чтобы меня послали на фронт, но долгое время ничего не получалось. Придешь к начальнику политотдела, он говорит: «Я не хочу что ли на фронт?!» Я в конечном счете совершил самовольную отлучку, будучи комсоргом батальона, через сутки я вернулся, но уже было замечено, что совершено такое деяние, и меня с комсоргов сняли и в маршевую роту направили. Вот так я попал на фронт, но это уже был август 1944 года.

Таким образом, в боевые действия я вступил с августа 1944 года. Это была Западная Украина.

Поскольку в сопроводительных документах было сказано, что я и член партии и был комсоргом батальона, меня и там снова назначили комсоргом батальона.

Наше соединение, правда, я при этом не присутствовал, было сформировано в Днепропетровске в 1941 году как 229-я бригада, потом она отступала, переформировалась и стала 230-й стрелковой дивизией. Потом освобождали Донецк (Сталино, как тогда этот город назывался), и дивизия получила название Сталинская, а поскольку мы потом штурмовали и Берлин, то она стала называться 230-я Донецко-Берлинская стрелковая Краснознаменная ордена Суворова дивизия.

Начинал я боевые действия старшим сержантом в составе 230-й дивизии на должности комсорга батальона.

Боевой путь нашей дивизии (когда уже я в ней был) таков: после Яссо-Кишиневской операции нас перебросили по железной дороге в Западную Белоруссию под город Ковель на 1-й Белорусский фронт, который вскоре возглавил генерал армии Жуков.

Операция на 1-м Белорусском фронте началась 17 января 1945 года. Наш 9-й Краснознаменный корпус 230-й дивизии участвовал в боях южнее Варшавы, но с нашей помощью Варшава была освобождена, поэтому все участники этой операции были награждены медалями «За Освобождение Варшавы». Мы шли немного южнее Варшавы, освобождали города Коло, Ковель, Скерневице, прошли севернее Познани и вышли на границу Польши и Германии, на реку Нейсе. Это было 31 января 1945 года. Были очень тяжелые бои, потому что нас сильно бомбили, когда мы подходили к германской границе.

Очень тяжелые бои наш 990-й полк, в котором я был, вел на Одерских плацдармах. Одер мы форсировали с ходу, немцы настолько не ожидали, что мы уже так близко подошли. Одер в том направлении находился уже в 90 км от Берлина. И вот мы его форсировали по льду, сверху льда, правда, была уже вода, поскольку было 1 февраля, и весна там начинается пораньше. Тем не менее лед выдержал пехоту и даже легкие пушки. С 1 февраля по 15 апреля мы вели бои на Одерских плацдармах. Сначала мы их захватили, и, естественно, немцы получили приказ сбросить нас в воду, а Жуков дал приказ отстоять эти плацдармы. Поэтому бои были очень тяжелые, кровопролитные и длительные — иной день приходилось по 8 атак отражать. А 14 или 15 апреля нас сняли с Одерского плацдарма. Сначала предполагалось именно с этого плацдарма продолжать наступление на Берлин, но выяснилось, что он не очень глубокий по фронту: всего 4 км, значит, на нем не сосредоточишь большое количество танков, артиллерии и т.д. А южнее нас был Кюстринский плацдарм около 15 км в глубину. И поэтому было принято решение начать основное наступление на Берлин именно с Кюстринского плацдарма, а не с нашего Целинского (там город Целин рядом находился). Нашу 5-ю ударную армию перебросили с Целинского плацдарма на Кюстринский, а 16 апреля началось наступление на Берлин.

16-го споткнулись на Зееловских высотах (город Буков). Жуков сосредоточил главный артиллерийский удар перед началом наступлений на позициях, которые были прямо перед нами на Кюстрине, а немцы отвели свои основные войска с передовой в глубину километров на 20-25, где как раз начинались эти Зееловские высоты. Таким

образом, основной залп, огромное количество артиллерийских снарядов в значительной мере прошли мимо. Первый эшелон мы прорвали, поскольку они их особенно и не защищали, когда вышли на Зееловские высоты, фашисты атаковали, очень много наших погибло и танков побило. И тогда Сталин принял решение: две наши танковые армии повернуть в прорыв, который осуществил 1-й Украинский фронт под командованием генерала Конева, а затем повернуть их в обход на Берлин. Это была стратегически хорошо продуманная операция. И после того как наши танки с юга вышли на Берлин, мы ударили еще с фронта и смяли оборону на Зееловских высотах. 21 апреля мы вышли на окраины Берлина, и начались бои в самом Берлине. По сути дела 10 дней: с 21 апреля по 1 мая (2 мая немцы уже капитулировали) продолжались бои.

Шли шестые сутки штурма Берлина. Фашисты оказывали жестокое сопротивление. Все перекрестки улиц забаррикадированы, защищены дотами, завалены трамвайными вагонами, фурами с камнем. На стенах домов геббельсовский лозунг: «Берлин останется немецким!» Мы к нему добавляли лишь слова: «но не фашистским». Наша дивизия в составе 5-й Ударной армии вгрызалась в оборону немцев. Уже взяты районы Лихтенберг, Карлсхот, Трептовпарк, вошли в район Копеник. Но путь в центр Берлина нам преградил канал Горлиц. Отвесные гранитные берега, все мосты взорваны. Наше наступление остановилось.

Командир первого батальона 990-го стрелкового полка майор Ф.Чепурин посылает разведку. Выясняется, что железнодорожно-автомобильный мост через Горлиц взорван лишь наполовину: чудом уцелела его железнодорожная часть. После доклада командованию узнаем, что этот мост имеет исключительно важное значение. Все другие мосты через канал уничтожены полностью. Командующий 5-й Ударной армией генерал-полковник Н. Берзарин (будущий первый комендант Берлина) отдает приказ: «Взять мост во что бы то ни стало». Но на той стороне канала расположено здание железнодорожного депо. Укрепленное многочисленными дотами, оно превращено немцами в настоящую крепость. Комбат собрал офицеров штаба и командиров рот и спросил: «Возьмем мост? Знаю, людей в ротах осталось мало». Первым ответил командир 2-й роты капитан С. Темирбаев: «Ляжем все, но приказ выполним». «Зачем же «все ляжем», пусть немцы лягут», — заметил заместитель комбата политчасти капитан В. Пушкарев. 26 апреля в 15.30 все огневые средства полка и батальона,

а также приданные нам пять танков Т-34 и две СУ-76 дали короткую, но мощную артподготовку. Роты (а их оставалось в батальоне всего две вместо трех, так же, как два батальона вместо трех) начали, маскируясь в развалинах домов, выдвигаться к мосту. Немцы открыли шквальный огонь: ожили уцелевшие после артподготовки доты. Мы огонь пока не открываем. Комбат запросил штаб соединения нанести удар по зданию депо силами дивизионной артиллерии и дивизиона «катюш». Но, к сожалению, их попадания были не точны, и немцы продолжали вести сильный заградительный огонь, не подпуская к мосту наши части. В этот момент в небе появились пять штурмовиков Ил-2, «черная смерть», как называли их немцы. Мня вызвал комбат и сказал: «Вот тебе ракетница. Дай серию белых ракет в сторону депо. Действуй!»

Штурмовики сделали второй заход, высматривая цель. Бомбежка в крупном городе — дело сложное: местонахождение войск четко не определено, перемещение их неожиданно. Малейший просчет — и бомбы падают на своих.

Я забрался повыше, на чердак, и дал серию белых ракет. «Илы» один за другим сбросили бомбы на депо, и оно рухнуло. Комбат Чепурин приказал: «В атаку, вперед!» Спускаясь вниз, я увидел: на втором этаже дома открыл огонь из ручного пулемета сержант П. Хомяк. Вдруг он вскрикнул и опрокинулся: ранен в плечо. Вместе с подоспевшим солдатом оттащил его в безопасное место, а сам, взяв пулемет, продолжил вести огонь по отступившему противнику.

Взглянув на мост, я увидел капитана Темирбаева с группой бойцов. Они уже бежали по мосту к противоположной стороне канала. Комбат Чепурин возглавил атаку первой роты. Так мы вышли на Герлицер-штрассе. Путь к самому центру Берлина, к Рейхсканцелярии — ставке Гитлера, которую мы штурмовали позже, был проложен. По этому мосту прошли даже тяжелые танки. Но впереди было еще пять дней тяжелых кровопролитных боев ...

Командиру первого батальона майору Филиппу Федоровичу Чепурину за умелую организацию боя и капитану Сейтхану Нурмуханбетовичу Темирбаеву, командиру второй роты, за захват и удержание моста и проявленное при этом мужество было присвоено звание Героя Советского Союза. Русский и узбек, олицетворяя собой дружбу народов СССР, шли плечом к плечу в боях за свободу и независимость нашей общей Родины. А меня за этот бой наградили орденом Отечественной войны 2-й степени.

Май сорок пятого. Наш полк в составе 5-й Ударной армии уже десятые сутки штурмовал Берлин.

Бои завязались в районе правительственных зданий. С каждым часом ожесточалась борьба. В моей полевой сумке — Красное знамя. Такие знамена перед штурмом Берлина вручили всем комсоргам для того, чтобы водрузить на главных объектах штурма. Для нас таким объектом стала имперская типография. И алое знамя взвилось над ее корпусами!

... Утром 2 мая мы получили приказ прекратить огонь, но быть начеку. Впереди, поперек Лейпцигерштрассе, была, наверно, уже сотая на нашем пути баррикада. 11 часов 15 минут 2 мая 1945 года: над вражеской баррикадой появляется белый флаг!... Без всякого призыва — громогласное «ура!» потрясло воздух. Невозможно передать словами то состояние, в котором мы были в эти минуты. Все смеялись, плакали, обнимались, все говорили, не слыша друг друга... Замполит полка залез на танк, посмотрел на разбитую немецкую зенитку, на запорошенных щебеночной пылью воинов и, с трудом справившись с волнением, крикнул: «Да здравствует Победа!»

Был еще в Берлине такой случай: перед началом утреннего сражения я и мой друг, старший лейтенант Николай Никитин, спустились в подвал дома, а там сидели немцы, которые прятались от возможных бомбежек. Они, конечно, испугались нас, вдруг от них отделяется девушка и кричит: «Спасибо, родные!» и плачет. Оказалось, она из Мариуполя, немцы ее оттуда угнали в Германию и заставили работать домработницей в немецкой семье, которая жила в доме № 63 на Боксхагнарштрассе. Между нами завязалась дружеская беседа, я ей дал номер полевой почты. А через три часа снова бой, и больше я ее не видел. Переписывались мы довольно долго, потом перестали. Лет через пять я отправлял письма ей домой, в Мариуполь, но ответа так и не дождался...

Командиры: командующий 5-й Ударной армией — Берзарин;командующий 9-м Краснознаменным корпусом — генерал-майор Иван Рослый ; командир дивизии — полковник Ширшов Даниил Кузьмич; командир полка — подполковник Левин.

Мне больше всего приходилось воевать вместе с 1-м батальоном этого полка, которым командовал майор Чепурин.

Поскольку мы были обескровлены, как я сказал, вместо трех батальонов в полку оставалось два, да и то неполных, в каждом стрелковом батальоне вместо трех стрелковых рот было две. За штурм Бер-

лина все три наши штурмовавшие армии потеряли около 47 тыс. убитыми. Нас больше уже никуда не посылали. Мы сначала несли комендантскую службу в Берлине, тем более что командующий нашей армии был первым комендантом Берлина, а потом нас перебросили на север Германии — нести погранслужбу, поскольку никаких погранслужб немецких уже не было, нам поручили охранять северную границу Германии. Как-то, помню, захватили каких-то англичан, они откуда-то с моря плыли, и я больше не помню, чтобы какие-то погранделствия вели.

Из Германии я уехал в конце 1946 года, т.е. 1,5 года я там отслужил.

Демобилизован из армии я был в марте 1947 года по указу Президиума Верховного Совета, как раз мой год подлежал демобилизации. Сразу же я был принят в Московский государственный университет им. Ломоносова на исторический факультет. У меня был аттестат с серебряной медалью, да еще и фронтовик — это давало мне право поступить без экзаменов. По окончании университета мне было трудно устроиться на работу: я был сыном репрессированного. Но все-таки меня взяли преподавателем в среднюю школу, там я проработал лет 5-6. Потом я проработал 3 года обозревателем Центрального радио на иностранные государства в отделе идеологической пропаганды. Потом я перешел на работу в Московский энергетический институт: сначала ассистентом, затем стал заведующим кафедры политологии.

30 лет я проработал в МЭИ, в 1992 году ушел на пенсию. Однако продолжал там работать не в штате, а по договору, и окончательно ушел только в ноябре 2002 года.

* * *

Курьез был такой, скорее личного плана: когда мы прорвали оборону под Варшавой, каждая дивизия создавала передовой отряд: автомобили с пехотой, с зенитками, самоходки и несколько танков. И он должен был идти вперед, а пехота уж, как удастся, следовать за передовым отрядом. И я был в этом передовом отряде 230-й дивизии. Двигались мы довольно долго, часов, наверное, 18, очень устали, были мелкие стычки с немцами. Командир передового отряда подполковник Галкин запросил возможность отдохнуть, нам разрешили отдохнуть 4 часа. Когда мы проснулись, поляки нам сказали, что в лесу

немцы, они вчера здесь были, потом двинулись в этот лесок. Стали прочесывать стога сена, лес, опушки. Я шел со своим товарищем, старшим лейтенантом, подходим к стогу, дали по нему огонь из автоматов, вроде никого не заметили. Я обхожу стог сена — спиной ко мне немец сидит, у него винтовка в руке, он стал поворачивать, я ему, конечно, не дал этой возможности, к тому же автомат у меня на взводе был — срезал его. На меня это произвело впечатление, ведь на фронте редко видишь того, кого ты убил, чаще всего это залповый огонь, из танков стреляют, самоходок ... Я взял у него документы, оружие, и пошли дальше. А после боев посмотрел документы: ефрейтор Клоков. Я показал командиру, там было сказано, из какого он полка, из какого подразделения — это важно было знать. Командир посмотрел и отдал мне их, а я сохранил. А потом, когда нас перебросили уже после боев на север, в город-порт Росток, получилось так, что я на постой встал в один дом немецкий. Часть стояла рядом, а мы, офицеры, жили по домам. И выяснилось, что дом, где я жил, был семьи Клокова. Получилось так, что я влюбился в девочку из семьи Клокова, а она в меня. Сначала я и не сообразил, этот документ где-то у меня в делах лежал, я забыл совершенно про него. И в разговоре с ней оказалось, что у нее было 4 брата, и 3 погибли на восточном фронте. И тут я стал вспоминать. «Фамилия ваша — Клоков?» — «Да». Сначала я ничего не сказал, думал, может чего-то путаю. Но нашел этот военный билет, смотрю — да, точно. Я ей сказал: «Ты уж матери не говори, тем более у нас такие отношения с тобой». Но она, конечно, сказала все-таки матери. Потом отношения у нас прервались. Вот такая курьезно-трагическо-драматическая история.

Матери письма с фронта, конечно, я писал. Но писал, что мы в Крыму где-то находимся, главное, что жив, раз письмо пришло. И вот она мне пишет: «Мой золотой, мой Сергуша! Получила твое письмо от 2 мая. Наконец-то ты написал правду! Сегодня я плачу весь день, сегодня я какая-то ненормальная! Скажу и я правду, что я не очень верила твоим письмам, о том, где ты находишься, и всегда чувствовала: когда тебе тяжело, мне тоже было не сладко. Большое тебе материнское спасибо, что ты думал обо мне! Милый, что ты пережил! Как тяжел был путь до Берлина! Как подумаю, делается жутко!...»

Когда я заканчивал 10-й класс, на выпускном балу, наша классная руководительница Людмила Васильевна Яблонская — преподаватель словесности каждому своему ученику дала по открытке со своим домашним адресом и попросила, чтобы мы написали на них наи-

более существенные события, которые с нами случились. Говорила, что хочет знать, где работают, учатся ее выпускники 1-й железнодорожной школы города Казани.

Свою открытку я отправил после захвата Берлина.

Людмилу Васильевну и ее мужа, Яблонского Михаила Ивановича, тоже преподавателя, наградили орденом Ленина за отличные результаты в учебно-педагогической работе. К ним пришел корреспондент газеты «Комсомолец Татарии» брать интервью. И одним из вопросов был про выпускников: имеется ли связь с ними. Людмила Васильевна рассказала про открытки, а корреспондент напечатал текст моей открытки из Берлина:

«22.06.45 г.

г. Берлин.

Дорогая моя учительница Людмила Васильевна!

Когда в мае 1941 года Вы раздали нам вот эти открытки, я подумал: из какого уголка страны я напишу Вам на ней. Но угадать, конечно, не мог. Я долго искал это особенное место, чтобы написать Вам слова благодарности за все, что Вы сделали для нас.

Давным-давно я пришел к Вам маленьким, любознательным мальчишкой, давно ушел от Вас зрелым, но еще более любознательным и жаждущим знаний юношей, а сейчас Вам пишет воин Красной Армии, прошедший жаркие бои, награжденный орденом Отечественной войны и тремя медалями, участвовавший в штурме Берлина, Ваш ученик Сергей Владимирский.

Честь и слава нашим любимым учителям».

Прошло немного времени и я получил ответ:

«07.08.45 г.

г. Казань

Дорогой Сережа, герой-защитник нашей Родины, мой любимый ученик (когда-то), моя гордость сейчас! Я приехала из дома отдыха, и Михаил Иванович подает мне открытку от тебя из Берлина. Как я была тронута, что ты вспомнил свою учительницу. Говорю откровенно: прямо до слез. Поздравляю тебя с наградами, рада, что ты жив и здоров. Меня можешь тоже поздравить: имею большую награду — знак «Почетный железнодорожник».

Буду рада получить еще весточку от тебя и фотокарточку.

Л. Яблонская».

Семья, общественная жизнь, а особенно школа играли большую роль в воспитании патриотизма, поэтому было много добровольцев, героических подвигов.

Сейчас я занимаю должность председателя Совета военно-патриотического воспитания молодежи Западного административного округа.

Имею ранение: осколок срикошетил и попал в левую кисть руки. Это было на Одерском плацдарме, я сидел в танке с ребятами, разговаривали. Я вылезаю через люк, спрыгиваю с танка, он был полузакопан в земле, и в это время что-то взорвалось. Скорее всего это был фауст-патрон. Меня, конечно, контузило, я потерял сознание. 12 дней я был в санбате, речь у меня была утрачена первое время. Шла подготовка к Берлинскому наступлению, и мне сказали, что наш полк будут выводить с Одерского плацдарма на другой, я попросту сбежал из санбата, как это часто было, боялся отстать от своего полка, потому что это как семья.

Других ранений у меня не было.

В войне погиб муж моей сестры Иван Новиков, погиб во время Ельненской операции.

Награжден:

— орденом Отечественной войны 1-й степени;
— орденом Отечественной войны 2-й степени;
— «За освобождение Варшавы»;
— «За взятие Берлина»;
— «За Победу над Германией»;
— «50 лет Вооруженных сил СССР»;
— «20 лет Победы»;
— «30 лет Победы»;
— «60 лет Вооруженных сил СССР»;
— медалью «Ветеран труда»;
— «40 лет Победы»;
— «50 лет Победы»;
— «55 лет Победы»;
— медалью Георгия Жукова;
— «70 лет Вооруженных сил СССР»;
— «80 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции»;
— медалью «За доблестный труд к столетию со дня рождения Ленина».

Собственные опубликованные произведения:

«Красная Звезда» № 78 (23133), четверг, 27 апреля 2000 года, с. 4;

«На улицах Берлина». «Красный Воин», май 2000;

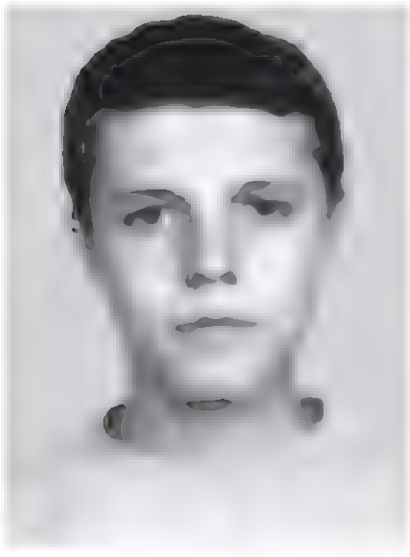
«Один день боев за Берлин». «Наш Перекресток», приложение к газете «Крылатское» № 14, февраль 2001;

«Спасибо вам за то, что вы подарили нам будущее». «Московский Комсомолец» № 100 (14.270), 28 апреля 1985, с. 2 «Огненные страницы»

Публикация об авторе воспоминаний:

«Мы шли к тебе четыре года». МЭИ: 1941...1945/ МЭИ. Книга 1/ Под общ. редакцией Л.М. Кунбатаева. М.: Валанг, 1997, с. 76.

Май 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Дубянский Алексей Николаевич***, студент Московского государственного горного университета

Голышев Николай Герасимович

ФАШИСТЫ ВОТ-ВОТ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАТОПИТЬ ПОДВАЛ

Я родился 27 мая 1925 года в большом селе (около 2 тыс. домов) Хворощевка Скопинского района Рязанской области. Дед и родители были крестьянами-бедняками. Всю жизнь занимались земледелием. У деда Тимофея было шесть детей (Иван, Варвара, Андрей, Прасковья, Герасим и Аксинья). В 1939 году, в период коллективизации, отец Герасим Тимофеевич перевез семью (жену Арину Климовну, сыновей Ивана, Дмитрия и меня) на жительство в подмосковную деревню Бурцево, что в Малинском районе. До 1933 года родители трудились в колхозе, а затем отец стал работать в городе Ступино на заводе, а мать на строительстве кольцевой железной дороги вокруг Москвы. В 1935 году, мать со всеми тремя сыновьями переехала на станцию Силикатная, что около Подольска. Работала она в это время на строительстве второй пары колеи для грузовых поездов на железной дороге Курского направления. Отец продолжал работать в Ступине, где и скончался в 1937 году от инсульта.

В 1939 году брат Дмитрий был призван в армию, служил в Монголии, принимал участие в войне с Японией.

Брат Иван был призван в армию в августе 1941. В октябре того же года под Вязьмой пропал без вести. В 1941 году я окончил 7 классов средней общеобразовательной школы.

Когда в июле 1941 г. началась война, я в возрасте 16 лет начал работать слесарем на оборонном заводе им. Орджоникидзе города Подольск. Работали по 12 часов в сутки. Изготовляли корпуса для самолетов; трудился на станке брата Ивана, ушедшего на фронт.

Свой посильный вклад в успех битвы под Москвой внесли и мы юноши-комсомольцы Подольска, которые пока по своему несовершеннолетнему возрасту оказались вне армии. Война в первые месяцы уготовила нам иную роль. Мы были мобилизованы на трудовой фронт.

Три месяца (сентябрь, октябрь, ноябрь) я принимал активное участие в строительстве оборонных рубежей под городами Подольск и Москва. Рыли окопы, противотанковые рвы, возводили долговременные земляные оборонительные точки (дзоты). После эвакуации завода в октябре 1941 г. в город Ташкент поступил работать на материально-техническую базу Министерства путей сообщения (станция Силикатная). По ночам несли боевые дежурства на крышах домов. Во время налетов немецкой авиации тушили зажигательные бомбы и пожары. Восстанавливали разрушенные здания, засыпали воронки от бомб. За участие в вышеуказанных действиях был награжден медалью «За оборону Москвы». Это была моя первая правительственная награда.

4 февраля 1943 года в возрасте семнадцати с половиной лет Подольским военкоматом призван в армию. Меня и моих товарищей Тычинского Ивана, Константинова Юрия, Розанова Владимира, Краснова Александра и Щукина Николая направили в поселок Хлебниково в Московское минометно-пулеметное училище.

О начале военной службы хочется рассказать подробнее.

Нас привели в большое помещение, по стенам установлены нары в два этажа. Выстроились кто в чем был одет: в пальто, в ватных стеганках-фуфайках, шинелях, полушубках, на ногах валенки, бурки, ботинки, сапоги. На плечах домашние мешки, мы их называли — «сидора». Капитан разбил нас на взводы и отделения, а старшина назначил дневальных, указал каждому взводу его место на нарах. Не долго думая, мы взобрались на дощатые нары. Нам всем стало очень грустно. Никак не хотелось верить, что эта жизнь надолго. Если бы сразу тогда кто-нибудь сказал, что срочная служба для многих будет продолжаться более семи лет, это было бы тяжелейшим ударом. Мы лежали и думали. Мы вспоминали о том, как хорошо дома с родными и близкими, и думали о том, когда мы туда вернемся?

По окончании десятидневного срока пребывания в карантине снова прошли медкомиссию, потом нас повели в баню, где в предбанни-

ке сняли все, что было на нас штатского, а в другом помещении после помывки нам выдали и мы надели зеленые шерстяные гимнастерки (потом к ним пришили погоны), синие диагоналевые брюки, шинели и шапки, обули яловые сапоги. И вот мы уже курсанты.

Мы оказались в рамках жесткого распорядка дня военного училища. И так семнадцати с половиной лет от роду я встал на место, уготованное мне Великой Отечественной войной.

Мы пришли в армию, наши кости еще не окрепли, не затвердели мускулы. Мы еще росли, нам постоянно хотелось есть, спать.

Характер нашего поколения был сформирован армией военной поры. У нас был тот возраст, когда человек особенно пригоден для окончательного жизненного становления, если, конечно, попадает в надежные руки.

Армейская военная служба многому научила нас. Это были в полном смысле наши жизненные университеты. Армия научила нас мужской бескорыстной дружбе. Мы ушли в нее юношами, а вернулись несколько лет спустя с войны солидными бывалыми мужами. Мы в ней выросли духовно и физически.

В жизни каждого человека наступает время, когда происходит качественный скачок. Мы перешли в совершенно новое состояние, надев армейские серые длиннополые шинели. Мне жаль людей, которые не служили в армии рядовыми, не приобрел физической закалки, сноровки, опыта на всю жизнь.

Двухгодичная программа обучения проводилась в училище за шесть месяцев. Клонит в сон на занятиях в классах. Но мы стараемся сбросить с себя дремоту. Мы уже постепенно втянулись в эту жизнь, привыкли к строгому, четкому распорядку дня. Прошло около шести месяцев, мы начали сдавать выпускные экзамены. Уже скоро мы станем офицерами.

Всем очень хотелось участвовать в Курской битве. И вдруг на построении объявляют:

— Товарищи курсанты! Получен приказ: училище переформировывается. Все вы будите рядовыми отправлены по назначению в другие части. Надеемся, что в частях и соединениях, где вы будите достойно проходить службу, не посрамите чести училища, хоть вы его и не окончили.

Первое чувство — разочарование. Старались, хотели стать офицерами... Нам сказали снять курсантскую форму и переодеться в хлопчатобумажные брюки и гимнастерки, выдали пилотки, старшина при-

нес ботинки и обмотки. А в ботинках — совсем другой вид, и обмотки надо крутить, кольцо за кольцом, приговаривая: «январь, февраль, март, апрель...» Затем с сопровождающим мы убыли в город Раменское. Прибыли на место очень поздно вечером. Переночевали в лесу. Как рассвело, двинулись дальше. Нам сообщили, что мы прибыли для прохождения службы в 9-ю воздушно-десантную бригаду 100-й ВДД (Воздушно-десантной дивизии). Это сообщение в основном приняли спокойно: десантники, так десантники, хотя еще не представляли, что это такое.

Десантная бригада по составу была комсомольская. Рядовых старше восемнадцати лет было очень мало. За несколько дней прошли наземную подготовку. Изучали и укладывали парашюты. Каждый прыгает с парашютом, только самим уложенным. Одному уложить парашют очень сложно, поэтому укладываешь вдвоем с товарищем: его парашют и свой. А первый раз укладывали с помощью инструкторов. И вот завтра первый прыжок!

Подходим к аэростату (по-простому его называли «колбасой»). Его надутая оболочка серебристая, под ней на канатах укреплена открытая корзина для четырех человек: три парашютиста, один инструктор. Мы его называли «вышибала». Он рассказывал, как прыгать, а иногда и подталкивал.

После того, как совершили прыжок, аэростат возвращается на землю с помощью троса, наматываемого мотором на барабан. Надеваем парашюты: на спине — главный, на груди — запасной. Ходит начальник ПДС (парашютно-десантной службы), все проверяет. Нас разбивают по трое, и мы садимся в корзину. У нас были прыжки с принудительным раскрытием парашюта. Происходит это так. За особый трос в кабине закрепляется карабин, к нему крепится веревка — фал. Другой ее конец тонким шнурком привязан к куполу парашюта. При прыжке веревка натягивается и вытаскивает купол и стропы из ранца на спине, после чего шнурок под тяжестью человека обрывается и парашютист окончательно отделяется от аэростата или самолета, затем купол заполняется воздухом.

Мы прыгаем, как учили, стоймя, «солдатиком». Правая рука должна лежать на кольце запасного парашюта — на случай, если что случится с основным. Следует рывок — «динамический удар», падение резко замедляется, так как парашют раскрылся. Медленно раскручиваются шелковые стропы, мягко покачивается купол парашюта, плавно поворачивается бескрайняя земля с бесконечно далеким фиолето-

во-сизым горизонтом. Она приближается медленно. Разрезанная на квадраты полей, пересеченная лучами дорог, лентами рек, она застыла внизу.

Ощущение радости, полноты жизни пронизывает все существо, наполняет его будоражащим восторгом. Хочется кричать, петь.

А снизу слышны голоса:

— Держи ноги вместе! Земля близко!

Плохо тому, кто попробует «ловить землю ногами» — сделает движение, как при беге, — перелом ноги или ног обеспечен. Поэтому кричат и предупреждают инструктора и все кто внизу. Нужно спружинить удар о землю — носки вместе, пятки вместе, колени вместе. И еще нужно развернуть купол за стропы так, чтобы ветер дул тебе в спину. Иначе полетишь спиной вперед, упадешь на спину и ударишься затылком о землю.

Но мы выполняем указания инструкторов. Сильный удар о землю. Падаешь на бок, «гасишь» парашют, чтобы не тащил тебя по земле, собираешь его в ранец и идешь на сборный пункт. Мы совершали прыжки не только на открытую местность, но и на лес, на воду. Кроме того, были прыжки и в ночное время. Всего я совершил 128 прыжков, большинство с самолета. Стал инструктором парашютного дела.

Каким должен быть парашютист-десантник? Это не просто хороший, дисциплинированный боец. Конечно, как и всякий солдат, он должен в совершенстве владеть своим оружием. И не только своим, но и оружием своего товарища. И оружием противника. Должен быть готов пойти на все возможные хитрости, чтобы победить врага.

В начале 1944 г. 100-й дивизии в составе 9-й,10-й и 12-й воздушно-десантных бригад было приказано убыть на Карельский фронт.

Ко многим из нас приезжали и в Хлебниково, и в Раменское матери и другие родственники. Привозили что-нибудь поесть. Совестно было брать эти выкроенные из суровых военных пайков крохи, но брали: есть постоянно страшно хотелось, хотя кормили нас неплохо по тому времени, а в училище по курсантской девятой норме. Но наши растущие организмы, получавшие огромные физические нагрузки, требовали пищи больше.

В день отправки на Карельский фронт ко мне приехала мать. Она приехала, несмотря на трудности военных лет. Ехать было трудно, с многочисленными пересадками, ожиданиями. Тогда ведь в основном транспорт работал только для нужд фронта. Но она добралась.

В 1916 году она ездила к мужу Герасиму Тимофеевичу на фронт в Белоруссию. В дальнейшем, в 1946 году выезжала к сыну Дмитрию в Иркутск. Два раза в 1951 и 1952 годах приезжала ко мне в Киев, где я проходил военную службу. Как она, бедняга, неграмотная, не умеющая ни писать, ни читать преодолевала такие расстояния и добиралась на различных видах транспорта к мужу и детям? Приходится только удивляться. О чем она думала в июне 1944 года на платформе Раменское, увидев меня, убывающего на фронт? На мне были каска, автомат, скатка (шинель), противогаз, саперная лопатка, вещмешок с боеприпасами.

Когда я смотрю на семнадцати-, восемнадцатилетних ребят, то думаю: «Неужели мы были такими? Если на них сейчас нагрузить все, что тогда было на нас, да чтоб они прошли столько, сколько мы проходили иногда в день (до 50 км), да они же не выдержат! Так как многие совершенно не занимаются спортом».

Все пришло в движение, четко, слаженно. Части грузились в эшелоны и мчались на север. На станциях заправлялись паровозы водой и топливом, наспех питались мы перловкой на коротких остановках.

Утром наш эшелон, стремительно пробиваясь сквозь леса, болота, оставляя позади небольшие полустанки, мчался туда, где белые ночи.

Спешно выгрузились на станциях Паша и Оять Ленинградской области и потянулись батальоны по расхлябанным таежным дорогам, по хлюпающим гатям — день и ночь, день и ночь. Порой без сна, без отдыха.

— Каким был первый бой?...

Июнь 1944. 100-я дивизия на Карельском фронте, войскам которого поставили задачу разбить Свирско-Петрозаводскую группировку противника и форсировать реку Свирь...

Говорят, каждая ночь перед боем — особенная... Белая ночь с 20-го на 21 июня 1944 года холодной сталью отражалась в водах разлившейся Свири. Ровно в восемь утра тишину разорвал могучий гул. Небо качнули волны краснозвездных бомбардировщиков, по-русски раскатисто громыхнула артиллерийская канонада. Через четыре часа на противоположном берегу Свири все было буквально перепахано снарядно-бомбовым плугом. Началось форсирование. Бойцы стрелкового отделения, которым я командовал, переплывали реку на плоту из бревен, гребя самодельными веслами. Под ураганным огнем мы преодолели реку и с ходу ворвались во вражеские траншеи. Завязалась

рукопашная схватка... Вот таким запомнил я свое первое боевое крещение.

Особенно тяжелые бои шли за населенные пункты Самбатукса и Олонец. Но, в конце концов, успешными боевыми действиями дивизия способствовала выводу из войны сателлита фашистской Германии — Финляндии.

После боев в Карелии наша бригада передислоцировалась в город Калинин, а затем — в Венгрию, В марте 1945 года в районе города Секешфехервар, между озерами Веленце и Балатон, немцы сосредоточили крупную группировку и перешли в наступление. 100-я дивизия (в составе 39-го воздушно-десантного корпуса) остановила противника и перешла в наступление. Дальше боевой путь дивизии пролег по Венгрии и Австрии...

Отчетливо помнятся упорные уличные бои за Вену. Штурмовали дом за домом, квартал за кварталом. К рассвету 11 апреля наша 8-я рота с боем подошла к высоким стенам одной из городских фабрик. Командир роты лейтенант Макар Лисица послал в разведку меня, я уже тогда был заместителем командира взвода, и двух солдат. Через пролом в заборе проникли к зданию с подвальным помещением, из которого доносились душераздирающие крики о помощи.

Взломали дверь, ведущую в подвал. Нам на встречу бросились русские женщины, плакавшие от радости. Они рассказали, что фашисты вот-вот должны были затопить подвал. Исхудавшие, в рваной одежде, женщины просили отомстить врагу. В 1947 г. я одну из этих женщин встретил в городе Никополь.

Последний бой, как поется в песне, выдался самым трудным.

...К середине дня 13 апреля 1945 г. наше подразделение вышло к Дунайскому каналу в Вене. По берегам тянулись дома с толстыми кирпичными стенами. В подвалах и на первых этажах были установлены артиллерийские орудия, а на верхних — пулеметы. Впереди маячил подорванный мост. Правда, в воду рухнул лишь его центральный пролет, концы по-прежнему удерживались на береговых опорах. По общему сигналу рота по оставшимся частям этого моста переправилась на другой берег и завязала жаркий бой. Последнее, что я запомнил — это были жалящие брызги кирпича. Горячий зазубренный осколок снаряда, впившийся в левую руку, мгновенно бросил меня из болевого шока в липкую темноту...

...В деревенском домике — госпитале находились пятеро раненых и санитар. 8 мая всем приказали на ночь закрыть ставни, запереть двери — неподалеку в лес немцы высадили десант — возможно напа-

дение на госпиталь. В полночь началась пулеметная и автоматная стрельба, небо, как днем, осветили тысячи сигнальных ракет: мы подумали, что на госпиталь напали немцы. У меня и ближайшего соседа были пистолеты «ТТ», у санитара — винтовка... Принимая решение организовать оборону, подумал: «Живым не сдамся. Всю обойму — в немцев, последнюю пулю в себя...» И тут раздался страшный стук в дверь, послышался возбужденный, радостный крик: «Открывайте! Война кончилась!». Мы выбежали на улицу и начали салютовать из имеющегося у нас оружия.

По окончании боевых действий из Чехословакии своим ходом вернулись в Венгрию и там находились до апреля 1946 года. В апреле дивизия по железной дороге была перевезена в город Белая церковь, что на Украине. В 1955 году в связи с сокращением Советской Армии 100-я ВДД была расформирована.

По 1949 год (то есть семь лет) служил срочную службу. Столько тогда пришлось служить солдатам и сержантам 1924-1927 годов рождения. В феврале этого года по совету начальника штаба батальона капитана Люлина Алексея Арсентьевича поступил и в 1950 году окончил годичные курсы лейтенантов инженерных войск при понтонном полку в Киеве.

Полком в то время командовал замечательный человек Герой Советского Союза» полковник Берзан Ян Андреевич. Об этом периоде подробно сказано в очерке полковника Богомолова Павла Степановича — моем однокласснике по курсам лейтенантов, так же ветерана 100-й ВДД. Этот очерк «Как молоды мы были» помещен в книге «Фронтовики сотой десантной — потомкам».

В 1951 году окончил 10-й класс вечерней школы при Киевском доме офицеров; в 1953 году с должности командира роты поступил в Военно-инженерную академию на командный факультет (20-е учебное отделение). В отделении нас было 25 слушателей, и только четверо — нефронтовики. Командиром нашего 20-го отделения был полковник Василий Алексеевич Волков, секретарем партийной организации — полковник Анатолий Сергеевич Солдатов.

И сегодня, полвека спустя, с теплотой вспоминается их чуткое, внимательное, дружеское отношение к младшим по званию и возрасту. Пять слушательских лет — это годы нашего технического и профессионального роста. К примеру, даже участие в военных парадах на Красной площади (а их за период учебы было девять) формировало из нас истинных командиров, подтянутых во всех отношениях. Интенсивные занятие спортом (лыжи, коньки, футбол...) делали нас фи-

зически развитыми и бодрыми, поднимали настроение и звали к преодолению трудностей.

Нам повезло с учителями, ведь в академии преподавали такие корифеи наук, как В.М. Келдыш, С.С. Давыдов, В.М. Авилов, С.А. Ильясевич, Б.Н. Жемочкин, М.М. Филоненко — Бородич, И.М. Рабинович, П.С. Паша, А.Ф. Иоффе, Н.Я. Виленкин и другие не менее знаменитые ученые. И мы слушатели-фронтовики в полном смысле слова «грызли» науку и впитывали знания, как губка воду.

Четверо из отделения в дальнейшем стали генералами: В.А. Волков, Г.Ф. Пухов, П.С. Донец, Н. Г. Голышев, а трое — А.М. Бурлаков, В. А. Корнилов, Л.М. Ефимочкин — кандидатами наук.

По окончании Академии в звании капитана я был направлен в Дальневосточный военный округ — в город Дальнереченск (ранее Иман) Приморского края, на должность начальника штаба батальона (понтонный полк). По расформировании части был переведен в г. Хабаровск — на должность заместителя начальника штаба понтонного полка. Служба фактически состояла из частых командировок, так как в этой части было лишь три человека с высшим образованием: я, капельмейстер полка и заместитель командира по тылу. Поэтому начальник инженерных войск округа генерал-майор В.Л. Авсеенко и его заместитель И.П. Николайчук привлекали меня как инженера ко всем окружным инженерным мероприятиям и включали в различные комиссии — с географией поездок от Благовещенска до Анадыря (включая Сахалин, Чукотку и Камчатку).

Как-то пришлось выполнять необычное поручение Авсеенко. В Приморье есть населенный пункт Шмаковка. В далекие времена там был монастырь, в зданиях которого впоследствии разместился военный санаторий. Недалеко от него на возвышенности стояла разрушающаяся церковь. Генерал Авсеенко приказал мне капитально отремонтировать и несколько изменить ее вид и, соответственно, назначение: внизу спроектировать библиотеку, а наверху соорудить смотровую площадку для обзора отдыхающими окрестностей. Для восхождения экскурсантов наверх было велено сделать наружную винтовую лестницу. Короче говоря, задумывалась трансформация бывшей церкви в современное здание культурного назначения. Пришлось вспомнить все, чему учили в академии. В течение трех месяцев задача была реализована. За выполнение проекта и руководство работами по его исполнению я получил благодарность. Потом, встречаясь в академии, мы с товарищем Авсеенко часто вспоминали эту необычную для нас работу. Интересно, стало ли это здание вновь храмом в настоящее время?

В 1961 году я был назначен в Военно-инженерную академию на должность заместителя начальника редакционно-издательского отдела.

Разумеется, для работы в этом отделе нужны были определенные специальные знания. Пришлось повышать образовательный уровень: два года учился на вечернем отделении Московского полиграфического института. Окончил факультет редактирования книжно-журнальных изданий и... вскоре пришлось попрощаться с родной академией.

Участие в Великой Отечественной войне, наличие у меня двух дипломов о высшем образовании, опыт службы на Дальнем Востоке, положительные аттестации — все это способствовало тому, что в январе 1964 года я был назначен офицером ГОМУ (Главное организационно-мобилизационное управление) Генштаба ВС СССР.

Долгое время работал там под непосредственным руководством замечательного человека, истинного наставника полковника Павла Сергеевича Макарова, участника Великой Отечественной войны, выпускника командного факультета нашей Военно-инженерной академии 1950 года. Начальником отдела был вежливый, спокойный, уравновешенный, отлично знающий вопросы войск связи, инженерных и химических войск — генерал-майор Семенов Алексей Илларионович. С ним работалось легко и приятно. Он учил нас высокой культуре исполнения документов.

Хочется особенно доброе слово сказать сослуживцу по отделу майору Батенкову Владимиру Николаевичу. В будущем генерал-майору. Он руководил отделом военных приемок и до тонкостей знал это. Вот уже более пятьдесяти лет он в армейском строю. Пользуется большим авторитетом среди офицеров и служащих Генштаба и штабов родов и видов Вооруженных сил РФ.

В Генштабе я служил на должностях: офицера, старшего офицера, начальника группы отдела. Занимался вопросами организационно-штатной структуры инженерных войск и спецобъектов. Дело было непростое, но интересное. Так, например, по служебным вопросам часто приходилось встречаться с маршалами инженерных войск В.К. Харченко, а затем — с С.Х. Агановым. Наши войска в то время получали принципиально новые средства минирования, преодоления инженерных заграждений противника. Появлялись и новые средства механизации: землеройные, дорожные, мостостроительные, лесозаготовительные. Исходя из этого менялась и организационно-штатная структура частей и подразделений...

В 1973 году с должности начальника группы был выдвинут на должность начальника 1-го отдела 9-го Центрального управления МО

(Министерства обороны). А в 1978 году назначен на должность помощника 9 ЦУМО по спецвопросам и кадрам. В этом управлении прослужил около 10 лет.

В 1982 году при увольнении из Армии после 40-летней календарной службы Управлением кадров Генштаба был рекомендован на работу в Миннефтегазстрой на должность заместителя начальника второго спецотдела.

На одном из учений случайно разговорились с начальником Главного управления «Ремонттрубопроводтехники» министерства Еремеевым Владимиром Ивановичем, оказалось, что мы родом из одного района (Скопинский) Рязанской области и воевали в одной дивизии (100-й ВДД). В дальнейшем Владимир Иванович долгое время, пока работал, был спонсором Совета ветеранов дивизии. О себе он подробно пишет в очерке « Никто не забыт, ничто не забыто», помещенном в одной из книг, изданных Советом ветеранов 100-й ВДД.

Я женился в 1950 году. С женой Валентиной Васильевной воспитали четверых детей: дочерей Елену и Марину, сыновей — Андрея и Виталия. Оба сына и дочь Елена стали офицерами. Двоих — сына Виталия и дочь Марину — усыновили и удочерили после смерти сестры жены.

Моя военная служба была отмечена многими наградами.

...Парадная форма под золотом погон. Истинная кольчуга из орденов и медалей, по которым можно изучать военную историю вкупе с географией: ордена Отечественной войны I степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, болгарский — «9 сентября 1944 г. С мечами»; медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Всего 27 наград Родины и зарубежных государств.

В честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне и в связи с 70-летием со дня рождения мне присвоили звание «Почетный гражданин города Раменское», а также в честь 55-летия освобождения города Олонец (Карелия) присвоено звание «Почетный гражданин города Олонец». В 2000 году награжден Почетным знаком «За заслуги перед городом Подольск» I степени.

Ежегодно в мае в весеннем воздухе звенят тысячи колокольчиков. Это — трепетный перезвон наград солдат Великой Отечественной войны. За пролитую кровь, за то, что их внуки и правнуки всем врагам на зло будут достойными гражданами новой великой России, свободу которой они отстояли в той страшной войне.

В соответствии с ходатайством администрации и Совета ветеранов Раменского района за многолетнюю и самоотверженную службу отечеству, многотрудную деятельность по военно-патриотическому воспитанию военнослужащих и героико-воспитательную работу, проводимую Советом ветеранов 100-й Гвардейской Свирской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии и в честь 60-летия Победы в битве под Москвой (как участнику) приказом №058 от 7 декабря 2001 года мне присвоено звание генерал-майор.

В 1975 году был избран в Совет ветеранов 100-й ВДД, а в январе 1999 года избран председателем этого Совета.

Несмотря на возраст члены Совета продолжают активно работать. За прошедшее время издано:

— Памятная Книжка ветерана дивизии (два издания — 1981 и 1993 гг.);

— Книга памяти воинов дивизии, погибших в ВОВ;

— «Песни и стихи воинов-десантников» (военных и послевоенных лет);

— «О тебе, сотка, пою» Кочкин А.Г.;

— «Мы помним братство фронтовое» Жуков А. Г.;

— «Песни и стихи о крылатой пехоте»;

— «Сотая воздушно-десантная» (два издания 2000 и 2002 гг.);

— «Фронтовики сотой десантной потомкам»;

— «Почетные ветераны 100-й ВДД»;

Приняли участие в издании книги «Особые солдаты Верховного Главнокомандующего Маршала Сталина И.В.»

Советом ветеранов были организованны поездки: в Вену, в Карелию, в музеи ВДВ Рязани, в Казань, музей 100-й ВДД.

В честь воинов десантников в городе Раменское названы городские улицы: «Десантная», «100-й Свирской», Генерала Левашова, Генерала Гурьева, Полковника Щукина.

Воздвигнут памятник «Десантникам».

В городе Раменское установлена мемориальная доска Героям Советского Союза, а в городе Звенигород — в честь формирования 12-й ВД бригады. Ежегодно Совет организует встречу фронтовиков-десантников в День Победы в городе Раменское, которая включает в себя прием приезжающих гостей, их размещение, питание и проведение всех городских мероприятий совместно с администрацией города.

Совет ветеранов дивизии по предложению Московского комитета ветеранов войны взял под опеку ветеранов 7-й Гвардейской Черкасской ВДД, 4-й ВД бригады, 39-й ВДК в связи с прекращением деятельности Советов ветеранов этих частей.

Ежегодно Совет ветеранов дивизии рассылает ветеранам информационные письма о своей работе.

13 апреля, каждый год, организуем возложение венков к Могиле Неизвестного солдата в память о погибших при взятии Вены. Оказываем постоянную помощь в работе школьных музеев дивизии; 8-й Раменской школы, 782-й Московской средней школы, Мегрегской средней школы (Карелия), 82-й Казанской средней школы.

Проведение многих вышеуказанных мероприятий было бы просто не возможно без огромной помощи со стороны администрации г. Раменское во главе с Деминым Владимиром Федоровичем. Мы, ветераны дивизии, очень ему признательны и сердечно за все благодарны.

В 2003 году на 9 мая в городе Раменское мы отмечаем 60-летие формирования 100-й ВДД. В связи с этим каждому ветерану будет вручена почетная грамота, приведенного ниже образца.

В период Отечественной войны, а также за период работы в Генштабе и Министерстве нефтяной и газовой промышленности я много бродил, ездил и летал по белу свету. Посетил страны: Болгария, Венгрия, Австрия, Чехословакия, Германия, Польша и Монголия. Побывал во многих городах: Ленинград, Волгоград, Курск, Рязань, Саратов, Алма-Ата, Рига, Надым, Уренгой, Сургут, Тюмень, Иркутск, Киев, Минск, Кишинев, Томск. Пришлось побывать на Сахалине, Камчатке, Забайкалье, Приморском Крае, на Кавказе, в Крыму, в Карелии.

Дорога всегда сулит человеку много нового, неведомого. Новые впечатления, встречи с людьми, знакомства с нравами, обычаями. Дорога — это новизна. А новизна имеет большую притягательную силу. В дороге ощущаешь какой-то особенный внутренний подъем, и он помогает нам, ветеранам, жить.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Черняков Андрей Александрович***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Козлов Владимир Сергеевич

ТАКИЕ ЖЕ ЗНАКИ НАРИСОВАЛИ АМЕРИКАНЦЫ

Родился я в 1925 году в городе Москве. По национальности — русский. Христианин. Состоял в КПСС. В 1939 году окончил школу и сразу поступил в ПТУ.

Во время учебы в училище по радио услышал сообщение советского правительства о начале Великой Отечественной войны.

В 1943 году, когда мне исполнилось 18 лет, меня призвали в ряды Красной Армии. Первое время мы проходили обучение в учебной бригаде в Москве, на Хорошевском шоссе. Учился я на радиста. Когда мы закончили учебу, нас погрузили в вагоны и повезли, а куда — никто не знал. Все гадали, сразу мы вступим в сражение или дадут возможность привыкнуть к новым обстоятельствам. Наконец мы приехали. Огляделись. Оказались мы в Брянской области на станции Чежники. Недалеко шли бои на Курской дуге. До нас доносились звуки взрывов, и мы могли только гадать, чьи снаряды взрываются — наши или немецкие.

Наконец нас распределили по местам несения службы. Я попал в 312-й гвардейский минометный полк и стал минометчиком.

В боевых действиях начал принимать участие 30.01.1944 года в городе Киеве. Находился там до 28.02.1944 года. Форсировали Днепр. За эту операцию два солдата получили звезду Героя Советского Союза.

Затем путь лежал через Каменец-Подольский (21-26.03.1944г.), Золочев (17.07.1944г.), Львов (21-27.07.1944г.), Самбор (01.08.1944г.),

Перемышль (1.08.1944г), Сандомир (25.08.44 — 12.01.45гг.), Кебен (25.01.1945г), Ратибор (15-31.03.1945г), Потсдам (24.04.1945г), Бранденбург (30.04.1945г.).

День нашей Великой Победы встретил в Праге вместе со своими боевыми товарищами. Закончил я службу в Вооруженных Силах СССР в 1949 году в звании рядовой.

* * *

Много есть эпизодов войны, которые мне запомнились, многое забылось. А есть случаи, которые хотелось бы забыть, да не получается.

Вообще, вспоминаю войну и порой не верю, что я, простой человек, простой смертный, прошел через все это и остался жив и живу до сих пор.

Я хочу рассказать о том, что особенно запомнилось.

Был такой случай. Мы ехали на машине. Со мной рядом сидел солдат, который держал автомат между ног, ладонями закрыв дуло. На ухабе машина подпрыгнула, автомат выстрелил, и солдат прострелил себе руку — забыл поставить на предохранитель. Солдата потом, как я слышал, забрали в штрафную роту.

Или вспоминаю вот такой случай. В Золочеве мы окружили немцев; они из города выходили, а нам нельзя было проехать. Пускали вперед танк и «катюшу», и опять танк, и опять «катюшу». Я сел на танк, на броню, и вдруг танк посреди поля остановился, развернул пушку свою и начал палить. Я соскочил на землю, танк уехал. А с той стороны дороги немцы.

Думаю: ну, сейчас они побегут и в меня будут стрелять. Увидел дерево, вскарабкался на него. А на поле была посеяна рожь. Смотрю — изо ржи появляется то голова, то рука. Думаю, ползут. Ну, я две очереди дал из автомата. Дальше стрелять было бесполезно. Патроны могли кончиться. Чуть только танк поравнялся со мной — я сразу на танк.

* * *

Когда въезжали в Прагу, на обочине стояли люди, мужчины и женщины с детьми. Как только машина останавливалась, к нам подбегали девушки, дарили нам платочки.

Когда мы встречались с союзными войсками — с американцами, на всех своих машинах, танках, «катюшах» мы нарисовали большие кресты, чтобы американцы не перепутали нас с немцами.

Встреча должна была состояться на Эльбе. Мы немножко не доехали до нее — смотрим, с разных сторон едут машины с нарисован-

ными белыми крестами. Поравнялись с ними. Американцы на бронетранспортерах в комбинезонах салатового цвета на молнии, чистенькие, а мы замызганные, грязные. Приходилось ведь спать на улице, под танками, машинами. В любую погоду, в дождь, в снег.

Постояли, пообщались, конечно, только мимикой и жестами — ведь мы не понимали по-американски, а они по-русски. Обменивались — кто ручкой, кто часами. Мы недолго там стояли, примерно полдня, потом поступил приказ уезжать.

* * *

За участие в боевых действиях я был награжден медалью «За отвагу». Но, как это часто бывало, медаль не успела меня найти во время войны, ее вручили уже потом, после Победы, в военкомате.

Во время Великой Отечественной войны, в Польше, в боях возле города Санок, я получил осколочное ранение в ногу.

Мы стояли тогда на окраине села. Делали артиллерийскую подготовку. Меня и еще пятерых раненых положили на сено и отвезли в медсанбат, а нас не принимают, говорят, что мы не из их части. Еле-еле уговорили командиров-медиков. В санчасти я провел месяц. По госпиталям ездили «покупатели» из всех частей. Слышу разговор, что в 312-й полк нужен кто-нибудь, а я как раз на выписке был. Я и сказал: «Я из 312-го». Мне командир говорит: «Ну, давай собирайся!».

Так попал я снова в свой 312-й гвардейский минометный полк и закончил войну в этом полку.

В первых числах войны погиб мой брат Иван Сергеевич Козлов, и повоевать-то толком не успел. Другого моего брата, Дмитрия Сергеевича Козлова, призвали в армию уже в конце войны. Он остался жив. Еще один мой брат, Борис Сергеевич Козлов, 1929 года рождения, служил, но участия в боевых действиях не принимал, так как был еще слишком молод.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Карпина Ольга Борисовна***, студентка 2-го курса Профессионального училища №5

Колишер Леопольд Гаврилович

НА КАЖДОГО БЫЛО ПО ЧЕТЫРЕ БРОНЕБОЙНЫХ СНАРЯДА

Родился 3 апреля 1920 г. Москва. Русский. Был членом КПСС, ОСОАВИАХИМ. До войны окончил четыре курса Московского института инженерной связи, в 1941г.

Узнал о начале войны утром по любительской радиостанции.

Стал участвовать в боевых действиях по мобилизационному плану, по которому нам предписывалось прибыть в 770-й отдельный батальон связи. Задача батальона была вывезти с Центрального телеграфа все аппаратные и закольцевать московскую связь. Батальон связи находился в Химках. Я был, как и все студенты, в звании рядового. Батальон подчинялся министерству связи во главе с генералом Перешининым.

В середине октября должны были всех студентов отправить в Ташкент, но выехать не успели, и часть студентов попала в безопасный полк связи, располагавшийся в г. Мытищи, откуда укомплектовывались полки. Задержался на некоторое время, вел занятия с радистами, которых отправляли на фронт, — учил восстанавливать радиостанции. Участником боевых действий стал с мая 1942. Попал в 239-ю стрелковую дивизию, которая вела боевые действия в районе г. Тулы, на должность радиста на полковой радиостанции 668-го артполка. Дивизия в то время входила в состав 50-й армии, позднее 31-й.

Мой боевой путь был таким. Обеспечение выхода конницы Белова под Смоленском через линию фронта (май-июнь 1942). В июле дивизия участвовал в Ржевско-Сычевской операции по освобождению г. Ржева (31 апреля). В декабре 1942 дивизия была переброшена на Волховский фронт, где участвовала в прорыве блокады Ленинграда. После окончания зимних боев по прорыву блокады Ленинграда дивизия защищала различные участки обороны, а зимой 1944 участвовала в наступательных боях и освобождала г. Новгород и новгородские земли. Впоследствии в составе 1, 2, 3-го Прибалтийских фронтов дивизия вела боевые действия в Прибалтике, после чего была переброшена в составе 59-й армии и участвовала в боях по освобождению Польши и овладению Германией. Боевые действия дивизия закончила в районе Праги.

Участвовал в освобождении:

— Ленинграда (1943 г., прорыв блокады);

— Новгорода и новгородских земель (1944 г.);

— Прибалтики (лето-осень 1944 г.);

— Польши и Германии (март 1945 г.).

Бои закончил в 20 км от Праги, спустя неделю после окончания войны, в составе 59-й армии, в звании техника-лейтенанта.

Были легкие ранения и контузия.

После окончания войны 668-й артполк входил в состав бригады, которая несла гарнизонную службу в г. Вена. Был демобилизован в конце 1945 года и направлен для продолжения учебы. Летел из Вены на самолете.

Демобилизовался в Москве, продолжил учебу и одновременно работал на военном заводе инженером. В 1947 году закончил институт и был направлен в КБ министерства авиационной промышленности инженером.

Награжден:

— медалью «За отвагу» (1943год, за прорыв блокады Ленинграда)

— орденом Красной Звезды (1944 год, за бои по освобождению Новгорода и новгородских земель)

— орденом Отечественной войны (за бои по освобождению Польши и Чехословакии)

— орденом Ленина

— орденом Красного Знамени

— орденом Знак Почета

— медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу», и др.

— медалью лауреата Государственной премии за работы в области авиационной и космической промышленности.

* * *

Поздняя осень 1942 г. Закончилась Ржевско-Сычевская операция. 239-я дивизия в глухой обороне, недалеко от Ржева. Город так и не взят, но наиболее короткий путь немецким дивизиям на Москву из Ржева ликвидирован.

В этих боях дивизия участвовала в составе 31-й армии. Эшелонами она была перебазирована из-под Смоленска в Можайск (через Москву), где и разгружалась. Приказом от 18 июля 239-я СД передается 31-й армии, дивизии ставятся задачи не допустить отхода немцев из треугольника Мозурово, Михельки, Курьково и к исходу дня 4 августа овладеть районом Молозино—Хожлево.

Идут тяжелые бои под Сталинградом, а на нашем участке фронта полное затишье, стоим в глухой обороне. Приходит приказ сдать оставшиеся после наступления снаряды и горючее. Ночные заморозки немного улучшают тонущие в грязи дороги, и где повозками, где грузовиками начинается вывоз снарядов. Горючее с автомашин и тягачей носим на себе в ближайший пункт приема у железной дороги. Сливаем его в немецкие двадцатилитровые канистры, и в путь, поутру, километров десять.

Водитель нашей радиостанции Семен Усачев особенно расстроен приказом, и не от трудной дороги, по которой он шагает с канистрой на плече, а оттого, что автомобиль без горючего — одна обуза: «Взрывать его, что ли будем, если что?» Нас предупреждают: «Если не сдадите все горючее — под трибунал». Оставляем заначку литров 10, хорошо маскируем ее. Со снарядами еще хуже: разрешили оставить по четыре бронебойных на каждое оружие. Батареи минируем противотанковыми минами.

Ночи темные такие, что если на несколько шагов отойдешь, то не найдешь свой окоп или блиндаж. Немцы, и те не пускают осветительных ракет, боятся, что мы сразу засечем их позиции. Ночью и днем необычная для прифронтовой полосы тишина, радиообмена почти никакого, радисты свободны и помогают нашему водителю.

Включаемся каждые полчаса на несколько секунд, для проверки связи. Экономим питание. Телефон работает только когда к нам за-

ходит командир полка или кто-то из офицеров штаба. Так случилось и в этот день, когда в 12 часов дня зашел командир полка подполковник Лишко. Я один находился на радиостанции и отрапортовал, что связь с дивизией надежная и что от начальника артиллерии дивизии сообщений нет.

С его разрешения разжег маленькую печурку, которая была в нашем фургоне. Командир полка не надолго отлучился, пошел проверить батарею 320-го дивизиона, в полсотне метров от нас. Когда он вернулся, в машине было уже тепло. Увидев дымок, собрался весь экипаж, чтобы обогреться. Посмотрев на нас, комполка сказал: «Не умываетесь, что-ли? Совсем обовшивели!» А в бане мы не были уже больше полугода. Хорошо еще, по ночам можно было помыться в речке. Командир нам посоветовал хотя бы белье постирать, пока лужи не замерзли.

Большой охоты возиться с бельем в холодной, мутной воде у нас, естественно, не было. Но поручение командира — закон. Я и водитель приступили к делу первыми. Оставщись в одних шинелях на голое тело, стали стирать. Не успели развесить постиранное белье, как с переднего края стала доноситься стрельба. Через несколько минут с переднего края прибежали два наших радиста и сообщили, что левее появились два танка, наша пехота с переднего края ушла и в траншеях никого нет.

Все это слышал наш командир полка. Он приказал нам с Усачевым взять автоматы. Мы подчинились. Командир поставил беглецов-радистов у воронки, где только что стирали белье. Произнес несколько слов из приказа 227, известного как «ни шагу назад», и велел изготовить оружие к бою. Все произошло так быстро, что я даже не услышал приказа: «Цельсь!». Слезы застилали глаза, и я только подумал, неужели мы их убьем? Но последовал приказ: «Отставить!», и командир приказал нашим радистам немедленно вернуться на прежнее место и немедля связаться с нашей рацией.

Не успели мы вернуться в радиостанцию, как наши орудия открыли огонь по танкам бронебойными снарядами. Командир велел передать, чтобы немедленно прекратить огонь и подождать, пока танки подойдут ближе к батарее. Я передал эту команду, и в дивизионах стрельба затихла.

Назойливо лезла мысль в голову: а может, немцы знают, что у нас только по 4 бронебойных снаряда на орудие. Появился еще один танк, правее нас он что-то устранил на переднем крае. Два других танка

слева продвигались в нашем направлении. Огневые позиции не были приспособлены для стрельбы прямой наводкой, они были заглублены еще со времени наступления.

Но вот раздался выстрел, за ним другой, и один из танков загорелся. Хорошо было видно, что экипаж покидает его. Опять открылась беспорядочная стрельба. Оставшийся слева танк стал отходить. Его примеру последовал и танк справа. Двое танкистов из подбитого танка были захвачены в плен. Они рассказали, что немецкую дивизию, стоящую в обороне против нас, сменяет другая дивизия, а их задача — отвлечь наше внимание.

Неприятный осадок от действий нашего командира полка (когда он приказал расстрелять беглых радистов) полностью исчез на следующий день, когда начальник связи полка нам все разъяснил. Это сняло тяжесть с наших сердец.

Мы любили нашего командира полка. Он был строгим и требовательным человеком, но смелость его и умение управлять огнем восхищали нас. Что стоило только посмотреть, как он верхом выезжал на рекогнасцировку, и никакой обстрел не мог его заставить изменить этот ритуал!

Погиб он, когда наша дивизия прорывала блокаду Ленинграда со стороны Волховского фронта. Светлая ему память!

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Машков Егор Олегович***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Лаврентьев Валентин Петрович

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Я родился 14 июня 1923 года в селе Передел Медынского района Калужской области. Был членом ВЛКСМ и КПСС.

До начала войны, июнь 1941, успел окончить на «отлично» первый курс Московского автомеханического института.

О начале войны я узнал тогда же, когда и все — 22 июня 1941 года. Я тогда находился в поселке Каромышево, Москва-103. Был выходной день, и я отдыхал. Проснулся я примерно в 11-00 от странного шума на улице. Выйдя из дому, я спросил у прохожего: «Что случилось?» И в ответ получил: «Война с Германией!!!»

Начал участвовать в боевых действиях добровольцем. 5 июля 1941года записался во 2-ю Сталинскую дивизию народного ополчения. Часть находилась в Государевом дворце на Петровском острове (поселок Баумана). До 25 июля 1941 г. я обучал более молодых добровольцев езде на велосипеде, т.к. подразделение в котором я служил, носило название Отдельной самокатной разведроты. И как раз 25 июля мы выдвинулись на фронт под командованием старшего лейтенанта запаса Зайцева.

Куда мы шли, нам никто не говорил, поэтому приходилось ориентироваться по пройденным населенным пунктам. Даты я затрудняюсь вспомнить, но приблизительный маршрут был такой: метро Сокольники (там было прощание с родственниками); Ленинградское

шоссе; город Сходня; город Солнечногорск; город Клин; Волоколамский район; Ярополец; деревня Ханево; потом повернули на юг; ж/д станция Касьня.

Примерно 10 дней находился в действующей армии. После того как миновали станцию Касьня (10.08.1941), всех построили, отобрали 10 студентов, в число которых попал и я. Мы сдали оружие (самозарядная винтовка Симонова, 30 патронов, 3 рожка), и нас направили в Москву для учебы на младших командиров. Нас погрузили в 16-тонный товарняк («теплушка»), и мы поехали. В пути было принято решение направить нас не в Москву, а в город Копейск, в 30-й учебный танковый полк. Там долго решали, на кого нас готовить, то ли на радистов-пулеметчиков на средний танк Т-34, то ли механиков-водителей Т-34. И вдруг нас направляют в Челябинскую авиашколу, где из нас хотели сделать механиков самолетов Пе-2. Но потом меня опять направили в 30-й танковый полк. Где-то в 1942 году окончил курс радистов-пулеметчиков. После этого был оставлен командиром отделения учебного радиовзвода, коим являлся до 23.02.1944 г. В это время я подал рапорт об отправке меня на фронт. Вместо этого был направлен в школу радиоспециалистов в Москву, на Большую Пироговку. Потом, в середине 1944 был направлен в отдельный батальон связи при военной академии Фрунзе (ВАФ) в город Загорск (Сергиев Посад). Примечательно то, что в батальоне служили в основном девушки. И 02.11.1945 г. я демобилизовался как студент 2 курса

Ранений не было, никаких населенных пунктов не освобождал.

Награжден:

— орденом Отечественной войны 2-й степени (вручил военный комиссар Ворошиловского военкомата города Москвы);

— медалью «За победу над Германией» (вручал начальник Военной Академии имени Фрунзе генерал-полковник Чибисов).

Во время войны у меня никто из родственников не погиб.

Отец — Лаврентьев Петр Алексеевич. По окончании войны — майор медицинской службы. За время войны награжден орденом Красной Звезды. За послевоенный труд награжден орденом Красного Знамени.

Мать — Лаврентьева Екатерина Иосифовна. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени.

Отец и мать во время войны работали в армейском госпитале легкораненых 6-й общевойсковой армии.

Мои собственные публикации:

«Они защищали Москву осенью 1941», «Районная газета Мозаика. Газета района Хорошево-Мневники». №2(045). Февраль 2001. Страница №4.

Обо мне было опубликовано:

— М.Иванихин, М.Ефимов, В.Иванов. «Пролог Великой Победы». Москва. 2000г.

— «Районная газета Мозаика. Газета района Хорошево-Мневники». №11 (041) октябрь 2000г.

* * *

Когда мы прибыли в город Сходня, нас отправили на стрельбище. Нам на всех дали одну винтовку и каждому по три патрона. Раньше я не стрелял из боевого оружия, поэтому, когда я сделал первый выстрел, меня оглушило, вследствие чего все остальные пули я пустил мимо. Таким был мой первый опыт стрельбы из боевого оружия.

В деревне Ханево, где у нас был привал, я и ещё один солдат должны были ночью идти в дозор, или, как он назывался, «секрет». Накануне солдаты, которые сидели в «секрете», услышали подозрительные звуки из кустов и, перепугавшись, открыли огонь. Наутро оказалось, что они застрелили корову. И вот, ночью мы сидим в «секрете». Меня назначили старшим. Сидели так тихо, что даже рядом с нами начала прыгать птичка. Было не по себе, так как вокруг было очень много странных звуков. Нервы у нас были на пределе, но, помня о предыдущем дозоре, мы не спешили спускать курки. Так нервно прошла ночь. Утром оказалось, что всю ночь нас пугала лошадь, которая была спутана по передним ногам.

Надо рассказать о моих товарищах — Николае Степановиче Ларине и о Валентине Николаевиче Доронине.

Николая Степановича Ларина судьба хранила. Много раз он выходил «сухим» из воды, говорили, что он «родился в рубашке». Например, один раз выдернул предохранительную чеку гранаты «лимонки» (Ф-1). В закостеневшей руке удерживал предохранительный рычаг прижатым к корпусу, а потом пришлось отжимать пальцы другой рукой, чтобы освободиться от смертоносного груза и кинуть его. Обошлось...

Валентин Николаевич Доронин служил рядовым 1286-го стрелкового полка 2-го ДНО. Однажды, когда в разведке наткнулись на не-

мецкие танки, Валентин поджег два из них бутылками с зажигательной смесью. Он использовал любое оружие: ручным пехотным пулеметом Дегтярева сбил самолет «Юнкерс» на бреющем полете; создал из обычного карабина и половины полевого немецкого бинокля снайперскую винтовку и как снайпер превратился в грозу для немецких офицеров (на его счету их 25).

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Никитин Дмитрий Владимирович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Левченко Мария Анатольевна

РАНЕНОГО ПОЛОЖИЛИ НА ОПЕРАЦИОННЫЙ СТОЛ, А ТАМ ОКАЗАЛАСЬ МИНА...

Родилась 24 января 1924 г. в деревне Поречье Ярославской обл. Русская. Православная. Беспартийная. Состояла в комсомоле, ОСОАВИАХИМе.

До войны в 1939 г. закончила школу (семь классов), поступила в 1939 г. в училище медицинских сестёр.

Узнала о начале войны 22 июня 1941 г.

30 июня начала работать в детской больнице им. 8-го марта медсестрой.

Боевой путь

Село Большая Боёвка (1943г.).Село Носовка (31.12.43-26.01.44). Село Малотеньки (1.02.44-4.02.44). Село Большой Ерчик (6.02.44-15.02.44). Город Белая Церковь (18.02.44-19.02.44). Город Сарны (24.02.44-3.03.44). Станица Рафаловка (5.03.44-17.03.44). Село Ломчанка (20.03.44-18.06.44). Село Скулино (19.06.44-5.07.44). Село Облапы (6.07.44-5.07.44). Населенный Пункт Сенница (Польша 7.08.44-24.09.44). Населенный Пункт Сулеовек (15.09.44-24.11.44). Город Радзинень (25.11.44-10.01.45). Станица Зегше (11.01.45-31.01.45). Город Верзитц (3.02.45). Город Гросс-Замоканский (4.02.45-25.02.45). Село

Зольдин (1.03.45-3.03.45). Село Вольтерсфорн (4.03.45-6.03.45). Город Линпене (7.03.45-26.04.45). Город Шенвалде (27.04.45-15.06.45). Город Виттенберг (21.06.45-.11.07.45). Город Кветленбург (12.07.45-7.11.45).

Расформирование ХППГ 747 47-й армии.

Ранения

31.01.43 г. Место лечения — госпиталь ХППГ. Осталась там на должности операционной медсестры. Характер ранения: закрытый перелом сустава голени стоп, обширное осколочное ранение правого бедра, контузия.

Уволили: 5.11.45 г., г. Кветленбург. Впоследствии работала на должности процедурной медсестры.

Награждена

— медалью «За боевые заслуги» 1944г;.
— орденом Красной Звезды №1752819;
— медалью «За взятие Берлина» 10.10.84г.;
— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945» 6.09.46г.;
— орденом Отечественной войны 1-й степени №537807;
— медалью «За освобождение Варшавы» 10.10.84.

В войну погибли родственники: зять — Петров Константин Васильевич 18 марта 1944г., двоюродный брат — Широков Анатолий Иванович 19 августа 1943г., двоюродный брат — Зайцев Александр Александрович.

Публикация обо мне в газете: Рыбаков И. «Военными дорогами» // «Вестник ассоциации мебельщиков». №5 (15). Май 2003 г., с. 1 и 3.

* * *

В 1939 г. окончила 7 классов школы и поступила в училище медицинских сестер в г. Ярославле. Окончила училище в 1941г. Сдавала экзамены, и началась война, 22 июня 1941г. Получила аттестат и сразу, 30.06.41г. была направлена в детскую больницу им. 8-го марта. Работала там, где лежали больные менингитом. Когда к нам стали привозить детей из блокадного Ленинграда, вот тогда я увидела, что такое война. Дети были такими истощенными, что смотреть на них

спокойно было нельзя. Дистрофия ужасная. Кормили дробными порциями, нельзя было сразу кормить большими дозами, да у них и сил не было кушать. Мы старались с ложечки жиденьким кормить детей. Когда заносили в приемное отделение, бедненькие оправлялись прямо во что были завернуты или одеты. На улице было уже холодно, и приставала одежда. Когда одежду снимали, им было очень больно, так как прилипало все к коже. Просто страшно вспомнить, сколько они пережили.

Помню, привезли 15-летнюю Нину Чмутину. Она все уговаривала меня не делать ей уколы, ей и так тяжело очень. Говорила, что она все равно умрет. И она ушла из жизни. Я пришла утром, а её коечка пустая, до слез жаль было. Много детей погибло в нашей больнице, на Леонтьевском кладбище в городе Ярославле есть памятник «Детям блокадного Ленинграда». Когда вывозили детей, то они попадали в один город, а родители — в другой. Знаю что, ярославцы усыновили детей по выздоровлении.

В нашей больнице им. 8-го марта были очень хорошие врачи, я многому у них научилась. Все были пожилые, но какая культура общения с больными! У всех было желание только помочь больным. Пожилые медицинские сестры, которых в армию не брали по возрасту, старались нам помочь, показывая, как удобней и не очень болезненно сделать любую процедуру. Их нет в живых, но у меня лично остались очень хорошие воспоминания о коллективе этой больницы.

10 марта 1943 г. меня призвали в армию. В г. Ярославле формировались сразу 4-е полевых госпиталя, я попала в (госпиталь легко раненных ГЛР 5286), операционной медицинской сестрой. Пока госпиталь формировался, я каждый день была в госпиталях г. Ярославля. Меня очень старались научить этому сложному делу.

В конце апреля — начале мая наш госпиталь погрузился в эшелон и, не доезжая Курска 30 км, мы разгрузились. Ночевали в поле, тогда очень сильно бомбили Курск и Елец. Не очень помню число, когда мы впервые развернули свой госпиталь и приняли раненых, но раненых было много.

Когда началась Курская дуга, раненых было так много, что они лежали на улице под открытым небом. Мирное население нам очень тогда помогало: раненых размещали по домам, люди даже приносили питание и кормили лежачих. Наше 2-е хирургическое отделение перевели на опытное поле, там были до конца ноября, а, может, до первого числа декабря. Мы нашим отделением выехали в Житомирскую

область, село Федоровка, развернулись, но раненых не принимали, так как Житомир обратно взяли немцы. Когда отступали, ночью перешли р. Тетерев, там (населенный пункт не помню) по хатам было так много раненых, что присесть негде было. Утром начальник отделения ст. л-т Коротич поставила задачу: эвакуировать раненых «дикой санитарной летучкой», т.е. товарным вагоном. Не было там никаких удобств, приносили с поля солому, а было это 9 декабря 1943 г. Не знаю, сколько вагонов, но было нас всего 4 медсестры. На два дня в небольшом количестве сухарей выделили, бинтов и перевязочный материал. Сказали, что до Киева, а когда приехали в Киев, больных с гангреной еле сняли. Это был ужас. Довезли мы их до г. Усмань Воронежской обл., вот там люди очень оперативно подоспели за ранеными. А мы, медсестры поехали догонять свой госпиталь попутными эшелонами. Проехали г. Нежин, на нас налетели немецкие самолеты, опять очень было много раненых. Нас засыпало, а когда откопали, я была тяжело ранена и контужена. А у моей подруги, Фени Голубковой, тоже с Ярославской обл., был закрытый перелом голени обеих ног, открытый перелом правого бедра, открытый перелом левой ключицы. Положили ее на колени ко мне, и она сразу же умерла. У меня был шок, даже не похоронила ее, так как не могла ходить. Через 30 лет было перезахоронение недалеко от полустанка Ставок, село Червонные партизаны. Я пообщалась с двумя женщинами, которые помогали в перезахоронении. Навестила могилу всего два раза: спустя 50 лет и 55 лет после освобождения г. Нежина. Побеседовала с однополчанами.

26/I 44 г. меня в числе раненых эвакуировали в тыл для дальнейшего лечения. У меня практически не было одежды, кроме рваного бушлата и сапог, которые мне разорвали прямо в перевязочной. Главный хирург спросил меня, кем я была в госпитале, я ответила — операционной сестрой. Он мне сказал, что им нужны операционные медсестры. Так я и осталась в ХППГ 747 47-й армии. В операционной еще не работала, но готовила материал для перевязок, только с начала марта я стала работать в операционной. Войска готовились взять Ковель, а мы развернулись в с. Облапы. Раненые находились в палатах, некоторых после оказания медицинской помощи сразу эвакуировали.

Не помню, где это было, но раненого положили на перевязочный стол, а там была мина. Помню, кого-то приводили, чтобы обезвредить мину, но мы как работали, так и работали, лично я была за стерильным столом. Там стоял ХППГ 767 тоже 47-й армии, и работал

профессор Юдин, наши некоторые врачи и сестры ходили посмотреть, как он работает. Я не ходила — от стерильного стола не уйдешь. Работу прекращать было нельзя. Перешли Западный Буг 7/VIII 44 г. В Польше (м. Сенницы) развернули госпиталь свой, к нам подошел поляк и сказал, что днем с чердака этого здания сняли шпиона с рацией. Здание было большое, и немцы, наверное, спешили, оставили кровати, матрацы, инструменты хирургические, много перевязочного материала и гипсовых бинтов — у них тогда уже готовые гипсовые бинты были, и как они нам помогли! У нас был гипс, и мы делали гипсовые бинты сами. Когда освобождали в Польше населенный пункт Сулеовек (с 15.9.44г. по 24.11.44г.), там было очень много раненых, среди них лежал польский мальчик. Ему обрабатывали раны и накладывали гипс на обе ножки, а он очень плакал и все повторял: «О, Езус Мария». Перевязочная была дальше, я стояла за стерильным столом, мне его не было видно.

В г. Радзимень с 25/XI 44 г. по 10/I 45 г, встретили новый, 1945г.

Ст. Зегже с 11/I 45 г. по 31/I 45 г, госпиталь готовится к принятию раненых. Развернули нас многопрофильным, и на всю 47-ю армию — один наш госпиталь. 14/I 45 г. началась разведка боем, у нас через час было очень много раненых. 17/I 45 г. была освобождена Варшава. Раненых было много, и в основном тяжелых. Несмотря на то, что к нам приезжала бригада черепников, челюстно-лицевая хирурги и разные другие специалисты, все равно нас было мало и условия ужасные. Движок сломался, а у нас только лампы: ведь переезжали много, и лампы бились. Не было пенициллина, а был только стрептоцид. Да и наркоз масочный был.

В г. Грос-Замоканский с 4/II 45 г. по 25/II 45 г. разворачивался госпиталь, только помню, везде было очень много раненых. Гор. Линпене с 7/III 45 г. по 6/VI 45 г. Как обычно, много раненых, очень тяжелых вывозили на самолетах ПО-2, и донорскую кровь они нам доставляли. Там, напротив операционной, площадь, на площади были захоронены один подполковник и его ординарец, а у нас умер, видимо, большой начальник, его тоже хоронили на площади. Были его однополчане, и когда гроб с телом поставили на лафет пушки, его конь-красавец встал на дыбы. Не хотел идти за гробом, наверное, тоже протестовал против смерти хозяина.

В г. Шенвальде с 7/IV 45 г. по 26/IV 45 г. встретили Победу.

Наступили бои по освобождению г. Берлина, также очень много было раненых. А с 3-го мая еще шла группировка, нам говорили, 10000

немецких СС шли сдаваться в плен американцам, мы продолжали работать. У нас было 2000 раненых, легко раненные и санитары занимали оборону. Работали до 5 утра, идем отдохнуть. Целая дивизия была подтянута, чтобы защитить раненых. Позднее нам рассказали: прилетал адъютант начальника тыла, узнав обстановку, очень нам помог. Берлин капитулировал, но раненых к нам 8 мая очень много привозили и в ночь с 8/V на 9-е, это было приблизительно в 3.15 ночи, такая стрельба началась. Мы подумали, что подошла немецкая группировка, но зашли раненые, которые были на ногах, они сказали, это наши летчики отмечают победу, да прямо напротив окон нашей операционной стоял авиационный полк, где служил Кожедуб. Так мы узнали, что кончилась война. 9 мая нас собрали в палатке, накрыли столы и отметили день Победы.

Все мы еще работали много в операционно-перевязочном блоке, ведь у нас были раненые, у которых была газовая гангрена.

В г. Виттенберге мы госпиталь не разворачивали. В Квидленбурге разворачивались, и когда госпиталь расформировали, 5/XII 45г. я демобилизовалась из армии.

17 мая 1945г. командование части приняло решение посмотреть Берлин и расписаться на Рейхстаге. Стены нижних этажей уже были расписаны фамилиями, и мы, три операционно-перевязочных медсестры, добрались до купола и в правом крыле расписались: Усачева Е.Р. (Кировобад — Берлин), Иванова С.В. (Ленинград — Берлин), Левченко-Широкова М.А. (Ярославль — Берлин) хирургический полевой передвижной госпиталь первого эшелона, формировался 26.6.41г. — 5.9.41г. в городе Кировобад.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Михайлов Артем Николаевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Левченко Николай Фёдорович

УНИЧТОЖЕНИЕ БРОДСКОЙ ГРУППИРОВКИ

Я родился 20 августа 1925 года в деревне Луговатое Починковского района Смоленской области. По национальности — русский. Вероисповедание — христианин. Беспартийный. В 1931 году умерла моя мать, и семья переехала в Москву.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в Москве рано утром дома, по радио. В июле 1941 года все учащиеся с 7 по 10 классы, в том числе и выпускники, были мобилизованы на сооружение оборонительных укреплений в Смоленскую область. По окончании работ поступил работать на Московский инструментальный завод на должность шлифовщика 5-го разряда, где производили оборонную продукцию. Чтобы пойти воевать, добавил себе по возрасту год.

В 1943 году по призыву ушёл служить в армию. Закончил курс стрелка-радиста в 20-м отдельном танковом полку в городе Рязань. В феврале 1944 года прибыл в пункт формирования соединения в Костаревские лагеря Ивановской области. На фронт соединение отправилось в апреле 1944 года. Я начинал служить рядовым в составе 4-й танковой армии 22-й самоходно-артиллерийской бригады на воинской должности стрелок-радист под командованием командира бригады полковника Чупрова.

Боевой путь проходил через города: Тернополь (апрель 1944), Львов (лето 1944), Перемышль (лето 1944), Краков (лето 1944); реки:

Висла (осень 1944), Одер (весна 1945), Нейсе (весна 1945); город Берлин (1 мая 1945).

Военные боевые действия закончил под Берлином 1 мая на воинской должности стрелок-радист, в воинском звании ефрейтор, под командованием комбрига подполковника Приходько.

В городе Зарау в госпитале встретил Победу 9 мая. Затем был эвакуирован в город Львов (лето 1945), где проходил лечение до сентября 1945 года. Служил в городе Городок Львовской области завскладом с августа 1945 года по январь 1946 года. Затем попал в запасной полк, а оттуда — в батальон аэродромного обслуживания. Был шофёром с января 1946 года по апрель 1950 года, заправлял бензином самолёты, которые были на дежурстве на случай нарушения границ Советского Союза.

Демобилизовался в городе Луцк в апреле 1950 года, прибыл в Москву в апреле 1950 года и трудоустроился шлифовщиком на Московский инструментальный завод. Обстоятельства демобилизации: по приказу.

* * *

Было это, когда я попал в пехоту. Под Берлином стоял замок под названием Геббельс, омываемый с четырех сторон каналами. Мы еще тогда шутили, что пойдем снимать часы с Геббельса. На переправе немецкий фаустпатрон разбил нашу машину-амфибию прямым попаданием. Несколько человек погибли, а я и командир получили небольшую контузию. В госпиталь мы не пошли, а продолжали наступление и освободили большой населенный пункт, выбили немцев с островка, где стоял замок, и продолжили наступление на Берлин.

В Польше, когда мы освободили деревню Глубокое, находящуюся в ложбинке, немцы «очухались» и стали обстреливать деревню с высоты. Большой обстрел велся из шестиствольного немецкого миномета. Мы стояли в одном из домов. Я вышел за продуктами к машине, и в этот момент начался обстрел. Три маленьких осколка попали в голову. Но мы продолжали бороться, выстояли и победили (один из осколков до сих пор находится в левой щеке).

Награждён медалью «За отвагу» (без номера), Приказ 06-Н от 13 сентября 1944 года. Приказ подписал полковник Чупров. Вручена в сентябре 2000 года в Первомайском районном военкомате.

Боевое крещение я получил в мае 1944 года при ликвидации окруженной немецкой группы войск в составе трех дивизий. На одном из участков кольца немцам удалось сделать небольшой прорыв для соединения с главными силами. В этот прорыв направили дивизион

наших самоходок во главе с командиром капитаном Старовойтовым Я.Б. Мы сумели замкнуть кольцо. При этом наш интернациональный экипаж с командиром Михайловым, механиком-водителем Ратниковым, наводчиком Елеу Джолгау (казах), Брага (украинец), несмотря на подбитую самоходку, продолжал бой и уничтожил немецкий танк, два орудия и около 30 солдат противника. За этот подвиг весь экипаж был награждён орденами и медалями.

После ликвидации немецкой группировки наш экипаж продолжил путь с боями по освобождению города Броды, Львов, Краков и вышел на Вислинский плацдарм. Форсировали реку Висла и закрепились на правом берегу, где простояли в обороне продолжительное время до января 1945 года. А 19 января 1945 года пошли в наступление и вошли на территорию Германии.

4 февраля 1945 года — легкое ранение в левую кисть. Лечился в городе Трахтенберге (Германия) с 4 февраля по 16 апреля 1945 года. Вернулся в войсковое соединение 16 апреля. Попал в запасной полк, из полка зачислили в один из стрелковых полков 13-й армии.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, № награды: 2279096, дата приказа 11 марта 1985 года, дата вручения — май 1985 года, место вручения — Первомайский районный военкомат.

Освобождал города Львов (лето 1944 г.), Краков (лето 1944 г,) в составе бригады под командованием полковника Чупрова и подполковника Приходько.

1 мая 1945 года — сквозное пулевое ранение в левое предплечье. Лечился в городе Львове с 1 мая по сентябрь 1945 года. Вернулся в войсковое соединение в сентябре 1945 года. После лечения попал в батальон аэродромного обслуживания. Демобилизовался по приказу.

В войну никто из родственников не погиб.

Январь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Ряжских Анна Николаевна,** студентка 2-го курса Профессионального училища №5

Либман Михаил Львович

КОМАНДИР САПЕРНОГО ВЗВОДА

Я родился на Украине в городе Житомире 25 октября 1925 года. Национальность — еврей. Вероисповедание — христианин. В годы войны принадлежал к ВКП(б). В данный момент беспартийный.

Окончил до войны школу (в1939 г.) и ФЗУ (в 1941г.).

О войне узнал 22 июня 1941 года.

Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем. В ноябре 1941 года прибыл в пункт формирования соединения в Москве. Через несколько дней соединение было отправлено на фронт. Начинал боевые действия рядовым солдатом в составе бригады народного ополчения под командованием командира бригады комиссара 2-го ранга Бондаренко.

Боевой путь проходил через города: Кашира (1941). Тула (1942), Гомель (1943), Минск (1944), Вильнюс (1944). Шяуляй (1944), Житомир (1944),Винница (1944), Каменец-Подольский (1944), Львов (1944), Краков (1945); через Верхнюю Силезию (1945); реки Одер, Нейссе, Эльба (1945); город Берлин (1945), город Прага (1945).

Военные боевые действия закончил 9 мая 1945 года в Праге в составе 4-й танковой армии командиром саперного взвода в звании старшего сержанта под командованием командира 119-го танкового полка подполковника Савченко.

Возвращался с войны через города: Вена (август 1945), Бухарест (август 1945), Тбилиси (сентябрь 1945).

Демобилизовался в городе Тбилиси в октябре 1946 года по ранению (инвалид войны 2-й группы). Прибыл в Москву и устроился рабочим на авиационный завод имени Хруничева (впоследствии стал мастером участка).

Особенно запомнившиеся эпизоды войны:

— разгром немцев под Москвой (первый бой);

— бои за освобождение села Грабченки и села Узловая;

— первые пленные немцы;

— встреча на реке Эльба с американскими войсками;

— бои за Берлин;

— встреча советских солдат в Праге.

Награжден:

— орденом Отечественной войны 1-й степени (№1423104. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1944 года. Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил член военного совета армии генерал-майор Гуляев — за освобождение Польши);

— орденом Отечественной войны 2-й степени (№1487085. Указ Президиума Верховного Совета СССР (январь 1945). Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил командующий инженерными войсками генерал-полковник Галицкий — за взятие Берлина);

— медалью «За боевые заслуги» (№2486870. Приказ командующего Украинским фронтом от 27 мая 1945 года. Вручил начальник штаба 4-й танковой армии генерал-майор Мальцев — за освобождение Праги);

— медалью «За оборону Москвы» (№010119. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года. Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил генерал-майор Слюнин в июле 1945 года — за оборону Москвы);

— медалью «За взятие Берлина» (№018491. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил командир 42-й отдельной мотоинженерной бригады полковник Бондарев — за взятие Берлина);

— медалью «За освобождение Праги» (№105854. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил начальник управления армией полковник Сафонцев — за освобождение Праги);

— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (№0320098. Указ Президиума Верховного Сове-

та СССР от 9 мая 1945 года. Указ подписан Председателем Верховного Совета. Вручил начальник управления армией полковник Сафонцев — за победу над Германией);

— юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР», медалью Жукова. (№0649205. Указ Президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. от 19 февраля 1996 года), «60 лет битвы за Москву» (вручил мэр Москвы Лужков Ю.М.).

Освобождал города: Каширу (1941), Тулу (1942), Гомель (1943), Минск (1944), Вильнюс (1944). Шяуляй (1944), Житомир (1944), Винницу (1944), Каменец-Подольский (1944), Львов (1944), Краков (1945), Верхнюю Силезию (1945), Берлин (1945), Прагу (1945).

Ранения:

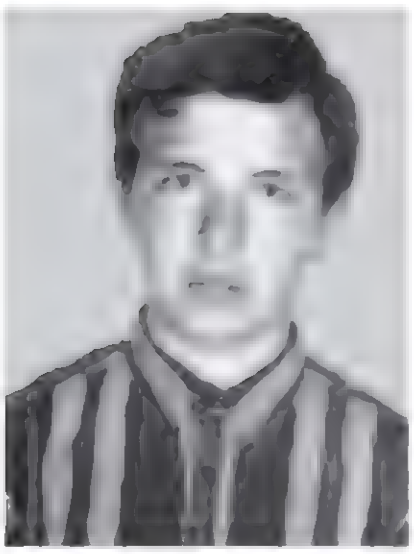
— 1944 год — контузия средней тяжести. Лечился в санитарной части полка. Период лечения — 1 месяц.

— 1945 год — ранение в область лица, получил инвалидность. Убыл из войскового соединения 9 мая 1945 года в госпиталь 4-й танковой армии, затем в госпиталь в город Тбилиси. Период лечения — 6 месяцев. Демобилизовался по причине ранения.

Во время войны погибших родственников не было.

В живых остался брат — Либман Семен Львович 1914 г.р., звание — полковник, награжден 8-ю боевыми орденами.

Декабрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Логунов Алексей Юрьевич***, студент 2-го курса Московского авиационного института

Маздрина Раиса Фоминична

БЫЛ ИЗДАН ПРИКАЗ О ФОРМИРОВАНИИ ЖЕНСКИХ АВИАЦИОННЫХ ПОЛКОВ

Родилась 17 декабря 1917 года на Украине в деревне Серебряная Кировоградского района Кировоградской области. Национальность — украинка. Атеистка. Член КПСС с 1941 года.

В 1935 году окончила московскую среднюю школу (10-летку), после окончания школы поступила в историко-архивный институт, училась 4 года и закончила институт в 1939 году. После окончания института работала в Наркомате станкостроения в должности начальника центрального архива Наркомата.

* * *

О начале войны узнала в Москве. Был выходной день, 22 июня 1941года. Я собиралась ехать за своими детьми в Подмосковье, в детский санаторий. Вижу, на улице люди в панике бегают, волнуются. Я спрашиваю: «Что случилось, что произошло?» На меня смотрят с удивлением: «Как что случилось — война !» Я говорю: «Как, какая война?» «Война, немцы напали на нас, уже вторглись на территорию СССР.»

Муж ушел на фронт сразу. Я неоднократно обращалась на призывной пункт с просьбой отправить меня добровольцем на фронт , но

мне отказывали, так как у меня к тому времени было двое маленьких детей. Я вывезла детей к маме и вернулась в Москву.

В октябре 1941 года немцы подошли к Москве. В это время в Правительство приходило сотни писем от девушек -пилотов аэроклубов , летных школ , транспортной авиации с просьбой направить их на фронт. В октябре 1941 года был подписан совершенно секретный приказ Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина за № 0099 «О формировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии № 586, 587, 588 — истребители, пикирующие бомбардировщики ,ночные бомбардировщики».

Сроки были очень сжатые.

Формирование данных полков было поручено известному штурману ГСС Марине Расковой ,но для того, чтобы укомплектовать полки, не хватало штурманов, техников, механиков, штабистов. 9 октября 1941 года ЦК ВЛКСМ телеграфировал во все РК ВЛКСМ Москвы о призыве девушек добровольно пойти на фронт. По призыву ЦК ВЛКСМ я добровольцем записалась в ряды Красной Армии.

Мы прибыли в пункт формирования соединения. 16-го октября 1941 года нас погрузили в товарные вагоны, и через несколько дней мы прибыли в город Энгельс на шестимесячные курсы по подготовке к боевым действиям по конкретным специальностям в распоряжение 122-й авиадивизии.

7 ноября 1941 года весь личный состав принял присягу. В феврале 1942 года из 122-й авиадивизии был выделен наш полк ВВС № 588, на вооружении которого был По-2 под командованием майора Бершанской Евдокии Давыдовны, а два полка № 586 и 587 летали на Яках, пикирующих бомбардировщиках и По-2. В апреле 1942 года наше соединение отправили на Южный фронт. И в звании рядового я встала на защиту Родины. На фронт шли многие добровольно. И если в техническом училище обучаются два года, то наши девчата обучались ускоренным курсом — 6 месяцев и нисколько не уступали спецам в своем профессионализме. Мы ведь были ночные бомбардировщики, но не были обучены уходить от вражеских прожекторов и поэтому в первом бою потеряли сразу два экипажа.

В 1942 году полк базировался в Донбассе, позже был переведен на Северный Кавказ и в звании младшего лейтенанта я занимала должность начальника строевого отдела и кадров. На войне много горя и смерти пришлось увидеть. Казалось, ничем уже не испугают, но вспоминаются и смешные случаи.

К г. Грозному немцы подтягивали свои силы, и наш полк был перебазирован в один из пригородов Грозного (станица Асиновская). По прибытии на место, нас расквартировали у местного населения. Возвращаюсь ночью с дежурства, меня встречает грозный лай одной из собак, но к этому лаю подключались остальные собаки поочередно . Я с криком «мама» бросилась бежать, и пока моя хозяйка не дала команду своему псу «молчать», собачий хор продолжал сопровождать мое бегство. Я действительно очень испугалась собак.

Сложной была ситуация в Крыму. Летчикам нашего полка приходилось доставлять медикаменты и продукты в Севастополь для военных моряков в то время, когда там шли ожесточенные бои.

Далее полк участвовал в боях за Ростов-на-Дону, Краснодар. Я уже была в должности начальника связи полка, в звании гвардии старшего лейтенанта под командованием полковника Бершанской Евдокии Давыдовны в составе 46-го гвардейского Таманского Краснознаменного авиационного полка ночных бомбардировщиков 218-й авиадивизии 4-й воздушной армии .

В феврале 1943 года на фронте мы получили 46-й гвардейский Краснознаменный авиационный полк ночных бомбардировщиков 218-й авиадивизии 4-й воздушной армии (женский полк , ни одного мужчины в полку не было). В полку на вооружении находились самолеты По-2.За освобождение полуострова Таманский наш полк стал называться 46-й гвардейский Таманский Краснознаменный авиационный полк.

Тяжело было переносить смерть девчат, которые улетали на задание и не возвращались. Среди них: Докутович Галина, Вера Белич, Макарова Татьяна — ее именем назван пищевой колледж . Женя Руднева погибла в Польше, там и была похоронена. В ее честь названа одна из открытых звезд.

В свободное время, когда была нелетная погода или передышка, девчата занимались художественной самодеятельностью: пели, танцевали, стихи читали собственного сочинения, духом никогда не падали.

В конце 1943г. года наш полк был переброшен на Белорусский фронт. В декабре 1943г. в Крыму я закончила свой фронтовой путь, вернулась в Москву на курсы начальников связи полка. Ранений не имею. К этому времени Наркомат вернулся в Москву. Я была назначена на должность помощника начальника отдела кадров Главного Управления ВВС МВО.

Обстоятельства демобилизации следующие: двое детей перевезены были уже в Москву Наркоматом, получила похоронку на мужа, дети были без надзора. Я подала рапорт об увольнении из армии, мне отказали, поскольку я была уже офицером. Офицерский состав во время войны не демобилизовался. И я осталась работать в ВВС МВО до окончания войны.

В 1952 году закончила Высшую школу профдвижения ВЦСПС. Работала в профсоюзном движении главным экономистом НИС Министерства коммунального хозяйства РСФСР. С 1981 года являюсь секретарем Объединенного Совета ВВС и ВДВ Московского комитета ветеранов войны однополчан. Совет объединяет 55 армейских и корпусных советов и выполняет следующие функции :

— патриотическое воспитание молодежи. В 73-х учебных заведениях открыты музеи боевой и трудовой славы;

— забота о ветеранах;

— увековечение памяти погибших и живых ветеранов.

Мои награды :

— медаль «За отвагу» № 80700. Декабрь 1942г. Приказ 007223 15 октября 1946г. Выдал Секретарь Верховного Совета СССР А.Горкин;

— орден Отечественной войны II степени А№ 900526 номер ордена № 3087047. Получила 14 марта 1985г.;

— орден «Дружбы» № 075260. Награда № 0351. Указ Президента РФ от 28 апреля 1995г.;

— медаль «За оборону Кавказа» № 041753. Выдана Президиумом Верховного Совета от 1 мая 1944г. Вручена 2 ноября 1944г. Вручил Начальник Отдела Кадров МВО полковник Мосягин;

— медаль «За оборону Москвы» Б№037622 от 1 мая 1944г. Вручена 16 августа 1992г. Вручил Начальник Чкаловского Гарнизона генерал-лейтенант авиации В.Коваленок

и еще 18 медалей.

Нет в России дома, семьи, которых бы не коснулась своим черным крылом война. Так и в моей семье (девичья моя фамилия Татарина) участвовали в войне четыре человека — родные братья Татарины:

Леонид Фомич — летчик в звании майора; Виктор Фомич служил в артиллерии в звании подполковника; Александр Фомич — командир мотострелковой дивизии в звании полковника; Владимир Фомич — капитан.

За годы Великой Отечественной войны полк совершил 24 тысячи боевых вылетов. Многие экипажи имеют на своем счету от 500 до 1000 боевых вылетов. За участие в освобождении Феодосии полк награжден орденом Красного Знамени. За бои по освобождению Белоруссии полк награжден орденом Суворова III степени. 22 раза полк получал благодарности в приказах Верховного Главнокомандующего.

Весь личный состав полка награжден орденами и медалями. 23 летчика и штурмана полка удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

15 октября 1945 года полк был расформирован. Личный состав полка демобилизован.

Публикации о ветеранах:

— «46-й гвардейский полк». Магид Александр Самойлович — редактор газеты «Правда»;

— «Солдаты XX века». Семенов Сергей Михайлович. Вып. 1. Москва 2000г.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лымарь Ян Николаевич***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Малафеев Евгений Васильевич

НА БОМБАРДИРОВЩИКЕ — К ЦЕЛИ

Я родился 29 декабря 1923 года в селе Нижнее Иргинское Красноуфимского района Свердловской области. По национальности — русский, по вероисповеданию — православный. Был членом ВЛКСМ, членом коммунистической партии со стажем более 40 лет; в настоящее время — член президиума Совета ветеранов войны авиации дальнего действия.

До войны в 1938 году я окончил школу-семилетку в селе Нижнее Иргинское и педагогическое училище с отличием в г. Красноуфимске в 1941г. Во время войны окончил в г. Челябинске Военно-авиационное училище штурманов и стрелков-радистов авиации дальнего действия, в котором учился с июля 1941 г. по ноябрь 1943 г.; вторую Ивановскую высшую офицерскую школу ночных экипажей авиации дальнего действия, где проходил обучение с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. в г. Мары Туркменской ССР; в июне 1944 г. окончил Летный центр авиации дальнего действия в г. Астафьево Московской области. После войны с 1947 по 1952 г. я обучался на штурманском факультете Краснознаменной военно-воздушной академии в поселке Монино Московской области.

О начале войны я узнал утром 22 июня 1941 г., а в ночь с 21 на 22 июня у меня был выпускной вечер, посвященный окончанию педагогического училища. Начался выпускной вечер в училище и продол-

жался всю ночь на Девьей горе в Красноуфимске. Утром 22 июня мы спустились с горы в Красноуфимск и узнали по радио, что началась война. Все ребята-выпускники, в том числе и я, и некоторые девушки к 12 часам дня пошли в военкомат, чтобы быть призванными в армию. Но я был призван в Вооруженные силы только в середине июля, прошел медицинскую комиссию и был направлен в Челябинское военно-авиационное училище.

25 июля 1941 года я прибыл в училище, а 25 августа уже совершил первый полет. До конца 1941 года я налетал 50 часов на легких самолетах Р-5, а за весь 1942 год — 100 часов на средних и тяжелых бомбардировщиках ЦБ-1, ЦБ-3, ДБ-3а, СБ. У нас в училище были сформированы несколько эскадрилий из числа постоянного состава и выпускников. Мы, курсанты училища, просились на фронт, считая себя вполне подготовленными для ведения военных действий. Но из нас продолжали готовить штурманов-профессионалов. До октября 1943 года нами еще раз была пройдена программа обучения на более высоком уровне с налетом 50 часов. Мы окончили училище офицерами и младшими лейтенантами; мы могли летать штурманами на любых типах самолетов — бомбардировщиках, умели стрелять, вести самолет по маршруту, выходить на заданную цель в заданное время, поражать цель бомбами различного калибра и с разных высот, умели работать радистами на радиостанции. Мы уже были готовы воевать. Но нас снова направляют для продолжения учебы и совершенствования летного мастерства в Ивановскую высшую офицерскую школу ночных экипажей авиации дальнего действия, где мы прошли теоретическое и практическое обучение на самолетах Ил-4 в составе экипажа. Наше обучение включало полеты на максимальную дальность (6-7 часов), ночью, с бомбометанием на полигонах и полеты в сложных условиях над пустыней.

После сдачи зачетного полета в 1944 году выпускников училища направили на фронт. А меня как штурмана направили в Летный центр авиации дальнего действия в г. Астафьево Московской области, где я за две недели ещё налетал 60 часов ночью и в сложных условиях вместе с Героем Советского Союза полковником авиации Андреевым.

Вот так тщательно готовился летный состав авиации дальнего действия к выполнению боевых задач, в то время как боевым частям крайне требовался летный состав.

В боевой полк я прибыл 10 июля 1944 года. Это был семнадцатый гвардейский бомбардировочный авиационный росландский полк

авиации дальнего действия, который в то время базировался на аэродроме Асняки под Черниговом и входил в состав шестнадцатой гвардейской дивизии. Командиром полка был Герой Советского Союза подполковник Матросов Алексей Иванович.

Когда я прибыл в полк, члены моего экипажа (летчик, стрелок и радист) уже были там полмесяца и были проверены в практических полетах, в том числе и на выполнении боевых задач. Весь свой боевой путь я прошел на дальнем бомбардировщике Ил-4. Это был двухмоторный самолет со скоростью до 400 км/ч, высотой полета 6-7 тысяч метров, дальностью полета до 3,5 тысяч километров, продолжительностью полета 6-8 часов и бомбовой нагрузкой до 2,5 тонн (бомбы калибра 100, 250, 500, 1000 кг). На этом же самом самолете еще в начале войны (26 июня 1941 г.) совершил героический подвиг экипаж Н. Гастелло и были осуществлены первые бомбардировки Берлина в августе 1941 г.

Через четыре дня после моего прибытия в полк в ночь на 14 июля я уже совершил удачный первый боевой вылет на бомбардировку железнодорожного узла Двинск (Даугавпилс) в Прибалтике. В ночь на 15 июля — ж/д узла Крувпилс, затем — Паневежис. Так наш экипаж включился в военные действия.

Боевой путь нашего полка — это места базирования, аэродромы, с которых полк выполнял боевые вылеты:

— аэродром Асняки под Черниговом (10 июля 1944 г. — 11 сентября 1944г.);

— аэродром Мачурище юго-западнее Минска (12 сентября 1944 г. — 15 марта 1945 г.);

— аэродром Пружаны в Белоруссии (с 15 марта 1945 г. и до конца войны).

Наш семнадцатый гвардейский бомбардировочный авиационный росландский полк, находясь в составе 16-й гвардейской сталинградской бомбардировочной авиационной дивизии под командованием Героя Советского Союза подполковника Матросова Алексея Ивановича, выполнял боевые задачи в интересах большинства фронтов и способствовал успешным действиям наземных войск по освобождению захваченной территории нашей страны, а также городов и населенных пунктов, по которым наносились удары авиации противника. Мы принимали участие в освобождении городов-портов в Прибалтике: Рига, Двинск, Крувпилс, Паневежис, Скрунда, Мемель, Либава; в Восточной Пруссии и Польше: Кенигсберг, Фирбрудеркруг, Данциг; в Германии: Берлин, Свинемюнде.

Таким образом, наш полк участвовал в операциях 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов по освобождению от врага Прибалтики, Восточной Пруссии, Польши и Германии.

Наш экипаж 17-го гвардейского росландского бомбардировочного авиационного полка авиации дальнего действия окончил боевые действия в составе шестнадцатой гвардейской дивизии в г. Пружаны в Западной Белоруссии под командованием подполковника Матросова Алексея Ивановича. Я закончил боевые действия в должности штурмана экипажа самолета Ил-4 в звании младшего лейтенанта. Ранений не имел.

После окончания ВОВ наш полк нес службу по охране рубежей родины сначала на западе, а затем на востоке страны. 18 июня 1945 года полк с аэродрома Пружаны перелетел в Польшу под Варшаву на аэродром Януф. В апреле 1946 года в связи с преобразованием дальней авиации полк стал именоваться 169-м гвардейским росландским бомбардировочным полком дальнего действия. В мае 1946г. по приказу командующего дальней авиацией, сдав все самолеты и погрузившись в эшелон, полк выехал на новое место базирования. 14 июня 1946г., проследовав через весь Советский Союз с запада на восток, личный состав полка прибыл в Северную Корею в город Канко на аэродром Канко-2. В это время я уже работал инструктором полка по астрономической навигации и получил звание лейтенанта. Летом 1947 года я убыл из полка в Военно-воздушную академию в Монино.

Демобилизация меня не коснулась, так как я продолжал служить в Вооруженных силах и закончил служить в 1986 г.

Был награжден четырьмя орденами и двадцатью медалями:

— орденом Красной Звезды №1726426 указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.11.1946. (Награду вручал командир полка Герой Советского Союза подполковник Матросов Алексей Иванович за успешные 15 вылетов);

— орденом Отечественной войны II степени (№1032148, указом Президиума Верховного Совета СССР 11.03.1985);

— орденом Красной Звезды №3507395 (после войны);

— орденом за службу Родине в Вооруженных Силах СССР III степени №9159;

— медалью «За победу над Германией в ВОВ» 9.05.1945 указом Президиума Верховного Совета СССР;

— медалью «За взятие Кенигсберга» 9.06.1945.

Также был награжден: юбилейными медалями двадцати-, тридцати-, сорока- и пятидесятилетия Победы; юбилейными медалями тридцати-, сорока-, пятидесяти-, шестидесяти- и семидесятилетия Вооруженных Сил СССР.

Кроме наград за участие в боевых действиях ВОВ, мне, принимавшему участие в боях, были объявлены восемь благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина: за участие в освобождении г. Рига, г. Клайпеда (Мемель), за участие в овладении городами Будапешт, Гданьск (Данциг), Кенигсберг, Берлин, Свинемюнде, за прорыв обороны немцев на берлинском направлении.

В войне погибли мой двоюродный брат Шмелев Николай Асафович и тесть Шевелин Иван Афанасьевич — оба погибли в Московской битве. В живых остался мой двоюродный брат Шмелев Степан Асафович, награжденный за участие в ВОВ.

Собственные публикации:

— «Воспоминания участников ВОВ 1941-1945 гг.» : рассказ «На дальнем бомбардировщике к цели» — М.: Военная академия им. Дзержинского, 1995;

— «На дальнем бомбардировщике на штурм Кенигсберга» // газета «Ветеран-ракетчик» — М.: Военная академия ракетных войск им. Петра Великого.

Публикация обо мне:

Конюшкова Г. Листая страницы жизни // Красная звезда. №36 (17123) от 13.02.1980. Четвертая полоса.

* * *

Семнадцатый бомбардировочный росландский полк.

Осень 1943 г. завершилась убедительной победой российских вооруженных сил над фашистской Германией в Курской битве. Немалый вклад в эту победу внесли части соединений дальней авиации. Нашим полком (семнадцатый гвардейский бомбардировочный авиационный росландский полк авиации дальнего действия) было совершено 263 боевых вылетов на объекты врага в период Курской битвы. Летчики полка с аэродрома Подскока совершали по 2-3 боевых вылета в ночь, при этом около 100 вылетов совершено полком на разгром немцев в районе Смоленска и Росланда, за что полку и было присвоено название «росландский».

В этих полетах эффективно действовал при выполнении боевых задач экипаж будущего Героя Советского Союза и моего боевого

товарища лейтенанта Глазова Ивана Матвеевича. В одном из таких полетов в боях за город Росланд на высоте 1800 метров самолет экипажа лейтенанта Глазова был атакован немецким истребителем Фокке-Вульф-190 уже после выполнения боевой задачи. Лейтенант Глазов принял этот неравный воздушный бой, не пытался оторваться от вражеского истребителя и отвлек его на себя, облегчив задачу другим экипажам полка прорваться к цели. Экипаж Глазова нанес немецкому истребителю поражение, вынудив его прекратить борьбу, но сам при этом получил серьезные повреждения самолета: пробитый бензобак, оторванная половина правого элерона, разбитый триммер руля высоты, разбитое самолетное переговорное устройство, поврежденный фюзеляж и левый посадочный щиток и пр. Несмотря ни на что, лейтенант Глазов довел самолет до аэродрома, благополучно провел посадку и сохранил тем самым жизнь всему экипажу.

В августе 1944 года Глазову Ивану Матвеевичу было присвоено звание Героя СССР и воинское звание капитана. Но в последнем боевом вылете полка 30 апреля 1945 г. капитан Глазов погиб. В этот день полк в составе дивизии наносил бомбовые удары по железнодорожному узлу и порту на Балтийском море, г. Свинемюнде. Этот важный узел коммуникаций противника был прикрыт средствами противовоздушной обороны; в нем шла стремительная эвакуация войск, техники и населения. Самолет Глазова получил смертельное ранение от зенитного огня при отходе от цели после успешного выполнения боевой задачи, но Глазов сумел вывести практически потерявший управление самолет из зоны огня. Зная о том, что самолет вот-вот упадет, капитан Глазов дал команду экипажу покинуть борт самолета. Капитан Глазов до последнего оставался в воздухе, стараясь выиграть считанные секунды, чтобы спасти жизнь членов экипажа и своих товарищей. Когда капитан убедился, что все члены экипажа покинули падающий самолет, он уже не мог воспользоваться парашютом и спастись. Было слишком поздно... Наши наступающие войска подобрали оставшихся в живых штурмана, радиста и стрелка. Летчика с ними не было. Он погиб вместе с самолетом.

* * *

В нашем полку постоянно была группа из 7-8 молодых, еще недостаточно опытных, экипажей. В состав этой группы входил и наш экипаж. Молодые экипажи, как правило, не включались в плановую таблицу боевых вылетов полка, когда полеты совершались на полный

радиус действия самолета, когда цель была прикрыта средствами ПВО и когда боевой полет проходил в сложных метеорологических условиях. Несмотря на то, что молодые экипажи берегли от подобных вылетов, нашему экипажу все-таки удалось несколько раз выполнить боевые задачи в сложных условиях. Это были боевые вылеты на бомбардировку крупных скоплений войск и техники противника в портах Прибалтики — Либаве и Мемеле — и на город-крепость Кенигсберг. Эти объекты были прикрыты мощными средствами ПВО, которые необходимо было преодолеть для успешного выполнения боевой задачи. Так, в ночь с 20 на 21 декабря 1944 года командиром полка Матросовым была поставлена задача нанести бомбовый удар в 1 час 20 минут с высоты 1200 метров по скоплению вражеских войск и техники в порту Мемель (Клайпеда) с заходом на цель с востока и уходом от цели с левым разворотом. По данным разведчика погоды, на пути полета к цели наш экипаж ожидали сложные погодные условия. Нам пришлось в этом убедиться уже сразу после взлета: впереди по курсу самолета сплошной стеной стояли облака. Обойти их было никак нельзя: мы могли опоздать с выходом на цель. Всматриваясь в ночное небо, мы старались проскочить в «окна» в мощной стене облаков, несмотря на всю опасность таких маневров. Но нам это удалось. Внизу, в разрывах облаков, были видны пожары и отблески артиллерийских орудий. Это была линия фронта. Через некоторое время впереди показался долгожданный край разорванной облачности, стали видны отдельные ориентиры на земле. Сверяя карту с местностью, я измеряю путевую скорость, скорость ветра, уточняю курс самолета, и на заданной высоте мы выходим на путь поворота к заданной цели. Пилот разворачивает самолет к цели, и в этот момент впереди и ниже нас вспыхивают светящиеся авиационные бомбы — это экипаж капитана Сурхова освещает район цели эшелону бомбардировщиков. Внизу, в районе порта, видны взрывы бомб идущих впереди нас экипажей. Мы делаем небольшой поворот и ложимся на боевой курс. На этом этапе ведущую роль играет штурман, а все члены экипажа обеспечивают ему наилучшие условия для точного бомбометания. Штурман производит прицеливание, наблюдает за целью в специальный прицел и отдает команду летчику на выполнение небольших плавных поворотов самолета, т.е. выполняет боковую наводку, чтобы цель находилась строго на курсовой черте. И тут на нашем самолете скрестились лучи прожекторов, а вокруг стали лопаться шары зенитных снарядов. Прожектора сильно мешали следить за це-

лью, а маневрировать самолету было уже нельзя: нужно строго выдерживать высоту, скорость и направление полета. Но вот цель «пришла» на установленный угол прицеливания. Я нажимаю кнопку электросбрасывателя и докладываю командиру экипажа, что бомбы сброшены. Закрываю бомболюки, и через несколько секунд весь наш экипаж наблюдает взрывы серии бомб. Летчик отработанным маневром с левым разворотом и крутым снижением уводит самолет от цели, стараясь быстрее вывести самолет из лучей прожекторов и взрывов зенитных снарядов. Наконец нашему экипажу это удается, и на малой высоте мы уходим из района цели курсом на аэродром. Полк выполнил боевую задачу, потеряв в этом вылете два экипажа и восемь человек. За освобождение города Мемель всему личному составу полка, в том числе и нашему экипажу, была объявлена благодарность Верховным Главнокомандующим.

* * *

Боевые вылеты на штурм города-крепости Кенигсберга проходили на завершающем этапе войны. Тогда в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, оборонялась в окружении крупная группировка противника. Нашим наземным войскам предстояло преодолеть три оборонительные позиции с находящимися там долговременными огневыми сооружениями, фортами, противотанковыми препятствиями и заграждениями вокруг города. Для их подавления и разрушения были привлечены многочисленные силы авиации: две воздушные армии 3-го Белорусского фронта, авиационные соединения Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов, а также соединения дальней авиации. Применение такого количества авиационных сил с высокой эффективностью в интересах одного фронта в ходе Отечественной войны было реализовано впервые. Противовоздушная оборона крепости Кенигсберг, которая включала более 100 батарей зенитной артиллерии и истребителей авиации, действиями нашей фронтовой и штурмовой авиации была полностью парализована. Таким образом, господство нашей истребительной авиации было безраздельным, и работа бомбардировочной авиации была обеспечена надежно. Наш 17-й гвардейский бомбардировочный полк получил боевую задачу днем 7 апреля 1945 года в 14.45 — 15.00 бомбардировать скопления войск противника и оборонительные сооружения непосредственно в крепости Кенигсберг. Боевой порядок полка представлял собой колонну трех эскадрилий,

которая перед целью рассредоточивалась на звенья на расстоянии огневого взаимодействия между ними. В целях обеспечения безопасности полета звенья эшелонировались по высоте. Для их сопровождения было выделено необходимое количество истребителей. Истребители также патрулировали и вокруг крепости и осуществляли блокировку аэродрома истребительной авиации противника. При подходе к цели подразделений полка уже вовсю шла бомбардировка крепости самолетами дальней авиации с разных направлений. Город заволокло дымом. Поступил приказ снизить высоту бомбометания с 3000 до 1000 метров, чтобы обеспечить более высокую точность. Наше звено отыскало заданную цель и поразило ее бомбами крупного калибра. Около часа в Кенигсберге раздавался грохот разрывов крупнокалиберных бомб дальней авиации. Бомбардировка была удачной: многие порты и опорные пункты были разрушены, сопротивление противника было сломлено, и наши войска смогли беспрепятственно проникнуть в центр города. На следующий день, 8 апреля 1945 г., наш полк в том же составе из 25 экипажей и в том же боевом порядке бомбардировал скопления войск противника, танков, артиллерии севернее Кенигсберга, у Фирбрудеркруга. 9 апреля 1945 г. гарнизон крепости прекратил сопротивление. За овладение городом-крепостью Кенигсберг личный состав полка получил благодарность Верховного главнокомандования и главнокомандующего ВВС, а 92 человека летного состава, в том числе и наш экипаж, были награждены медалями «За взятие Кенигсберга».

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Богданов Илья Анатольевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Минаев Владимир Васильевич

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Родился 25 сентября 1925 в г. Житомире. Национальность — русский, член партии с 1946 г.

До войны учился в средней школе закончил 8 классов; ремесленное училище, где учился на токаря, не закончил в связи с началом войны.

После войны окончил школу рабочей молодежи — 4 июля 1951 г. с серебряной медалью; техническое училище (механик по холодильным установкам) — 16 июля 1953 г.; техникум общественного питания — 1 июля 1961 г.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г., учился тогда в ремесленном училище г. Лубны. 25 июня 1941 г. началась бомбежка завода в городе, так как у противника была информация, что завод выпускает военную продукцию.

Вместе с рабочими рыл окопы. Начал участвовать в боевых действиях по призыву. Прибыл в Загорск, в пункт формирования соединения, 28 апреля 1943 г., приняв присягу.

26 июня 1943 г. артиллерийское соединение отправилось на фронт. Начинал в воинском звании — солдат, под командованием вышестоящего командира полковника П.Н. Туркина.

Боевой путь:

29.03.44 г. — прорыв обороны на участке Тернополь и взятие г. Гусятин;

27.03.44 г. — взятие г. Каменец-Подольский;
27.07.44 г. — взятие г. Львов;
15.01.45 г. — взятие г. Кельце;
20.01.45 г. — взятие г. Пиотркув;
23.01.45 г. — взятие г. Гернштадт и выход на реку Одер;
15.02. 45 г. — взятие г. Грумберг, Зомерфельд, Зорау;
23.04.45 г. — прорыв обороны на реке Нейсе и взятие г. Любен и г. Тельков;
23.04.45 г. — взятие г. Нейсе и Леопшутц;
31.03.45 г. — взятие г. Ратибор и г. Роскау на р. Одер;
22.03.45 г. — прорыв обороны западнее Опельна и взятие г. Штейнау и Айештадт;
18.3.45 г. — уничтожение окружающей группы войск в районе реки Бреслау;
25.04.45 г. — полное окружение г. Берлина;
01.05.45 г. — взятие г. Бранденбург;
02.05.45 г. — ликвидация окружающей группировки юго-восточнее г. Берлина;
02.05.45 г. — взятие г. Берлина;
09.05.45 г. — освобождение г. Праги.

Военные действия закончил в 35-й механизированной бригаде под командованием полковника Туркина в Праге 9 июня 1945 г. Рядовой гвардии на должности шофер. Возвращался с войны в эшелоне через Польшу, Белоруссию.

Демобилизовался в ноябре 1946-го в г. Лубны. Был признан негодным к строевой службе. Собственных публикаций нет.

Награжден:

— медалью «За боевые заслуги» (25 февраля 1945 года № 06/III. За освобождение Праги);

— орденом Отечественной войны 2-й степени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11. 03. 85 г.)

Имею благодарности Верховного Главнокомандующего тов. Сталина.

Ранений не было. Дважды контужен (немцы закапывали танком в окопы).

Родственники, погибшие на войне: брат отца Минаев Владимир Федорович — полковник, командир 35-й танковой бригады. Погиб при обороне Москвы 12 января 1942 г. в районе г. Клина. Похоронен в Москве, на территории Донского монастыря.

Родственники живые: дядя, Минаев Михаил Федорович — командир подводной лодки, капитан 1-го ранга, Черноморский флот.

* * *

Никогда не забуду апрель 1945 года. 35-я механизированная бригада в составе артиллерийского дивизиона расположилась в лесу в районе г. Кетцин. У моей машины подтекал радиатор, приходилось подливать воду. Ну, я, как обычно, пошел с ведром искать ручей. Шел по лесу, вижу дымок, пахнет борщом. Пошел на запах. Стоит солдатская кухня. Подошел попросить повара, чтобы покормил мою бригаду. Кухня, оказалось, принадлежит первому Белорусскому фронту. Узнали друг друга, стали обниматься.

Так 24 апреля 1945 г. состоялась историческая встреча двух фронтов — событие, которое означало полное поражение Германии в Великой Отечественной войне и окончание войны.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ермаков Павел Андреевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Миронов Лев Николаевич

К ВИНТОВКАМ И ПРОТИВОГАЗАМ ДОБАВИЛИСЬ ЕЩЕ И ЛЫЖИ

Родился 27 декабря 1919 года в г. Нолинске, Кировской области. Русский. Православный. Беспартийный. До апреля 1991г. — член КПСС. Был членом ВЛКСМ и ОСОАВИАХИМа.

Окончил в 1938 г. среднюю школу, в 1947 г. — вуз.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в Москве, будучи студентом Московского горного института. Готовился сдавать последний экзамен за третий курс. Начал участвовать в боевых действиях добровольцем. По личному заявлению 27 июня 1941г. был зачислен бойцом истребительного батальона Ленинского района г. Москвы.

Истребительные батальоны создавались по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 24 июня 1941г. для борьбы с парашютным десантом и диверсантами противника, для защиты Москвы.

28 июня 1941г. прибыл в пункт формирования соединения — 3-ю роту истребительного батальона, в здании Московского института цветных металлов.

Командовал истребительным батальоном майор И.К. Казак.

В октябре 1941г. истребительный батальон Ленинского района вошел в состав 6-го стрелкового полка 4-й Московской стрелковой дивизии. В должности красноармейца 6-го полка оборонял Москву

в районе Кунцево на Можайском направлении Московской зоны обороны.

В конце января 1942 г. 4-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия первоначально направляется на Северо-Западный фронт. В пути на фронт дивизия была доукомплектована, 25 февраля получила наименование — 155-я стрелковая дивизия и направлена на Калининский фронт в состав 22-й армии.

Участие в боях начинал красноармейцем 786-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии под командованием майора И.С. Гавилевского.

Боевой путь: Москва (июль-октябрь 1941г.); Московская зона обороны, Кунцево (октябрь 1941г. — январь 1942г.); Калининский фронт, Калининская область, Нелидовский район — деревни Сукино, Озерки, Толкачи (Ржевский узел) (февраль — июль 1942г.); Калининский фронт, город Кувшинов, курсы младших лейтенантов при 22-й армии (июль-октябрь 1942г.). Калининский фронт, Калининская область, Оленинский район, деревни Смольково, Кореневка (октябрь — декабрь 1942 г.).

Освобождал: деревни Сукино, Озерки, Торопино Нелидовского района Калининской области (март — апрель 1942г.) в составе Калининского фронта под командованием И. С. Конева 155-й стрелковой дивизии под командованием А. П. Блинова 786-го стрелкового полка под командованием Казарина батальона под командованием А.И. Головченко взвода под командованием Н.Н. Стасенко;

деревни Смольково и Кореневка Оленинского района Калининской области (декабрь 1942г.) в составе Калининского фронта под командованием И.С. Конева 3-го мотомеханизированного корпуса под командованием М.Е. Катукова 1-й танковой бригады под командованием А.Ф. Бурды, являясь командиром мотострелкого взвода.

Военные действия закончил на Калининском фронте в бою за освобождение деревни Кореневка Оленинского района Калининской области. 31 декабря 1942г. был тяжело ранен в голову и выбыл с фронта. Находился в составе 1-й Гвардейской танковой бригады 3-го мотомеханизированного корпуса на воинской должности командира мотострелкового взвода в воинском звании гвардии младший лейтенант. Командующим 3-м мотомеханизированным корпусом был генерал-майор М.Е. Катуков.

Ранения: 31 декабря 1942г. Тяжелое ранение в голову осколками от противотанкового снаряда. Во время атаки был на броне танка Т-34. В результате ранения — отсутствие левого глазного яблока после

энуклеации, поверхностное помутнение роговицы правого глаза, левосторонний травматический гайморит. Убыл из 1-й гвардейской танковой бригады в январе 1943 г. в госпиталь №1 в городе Калинине, а затем в эвакогоспиталь №1388 в городе Иваново. Период лечения с января по апрель 1943 г.

Как ограниченно годный к строевой службе, был направлен для прохождения службы в тыл, в Урал ВО, во 2-ю Запасную стрелковую бригаду.

Демобилизовался согласно приказу ГОКО №3183 от 04.07.43, как студент старшего курса горного института.

Возвращался с войны через города:

— г. Калинин, военный госпиталь №1 (январь — февраль 1943г.);

— г . Иваново, эвакогоспиталь №1388 (февраль — апрель 1943г.);

— г. Чебаркуль Свердловской области, Урал ВО, 2-я Запасная стрелковая бригада, 24-й Западный стрелковый полк (апрель 1943г. — январь 1944г.).

Демобилизовался: Урал ВО, 2-я Запасная стрелковая бригада, 24-й Запасной стрелковый полк. Отбыл 25 января 1944г.

Место прибытия г. Москва, Московский горный институт 29 января 1944г. Восстановлен студентом IV курса.

Демобилизовался согласно приказу ГОКО №3183 от 04.07.1943г., как студент старшего курса горного института, находящийся в тыловых воинских частях.

Награжден:

— медалью «За отвагу» (без №, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.02.1943г. согласно приказу командира 1-й гвардейской танковой бригады от 22.02.1943г. №028. Указ подписал Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Устюжанинов, удостоверение К№244296 от 18.11.1985г. Вручена в мае 1986г. военным комиссаром Пролетарского района г. Москвы капитаном 1-го ранга Ю. Пахомовым). Награжден за освобождение деревни Смольково Ленинского района Калининской области в декабре 1942 г. Взвод под моим командованием незаметно подполз к окраине деревни и первым ворвался в нее, вызвав замешательство среди немцев, чем обеспечил подход остальных наших сил и захват деревни с малыми потерями);

— орденом Отечественной Войны II степени (№765939, Указом Президиума Верховного Совета от 02.07.1946г. Указ подписал Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. Орденская книжка №706446. Вручен в августе 1946г. военным комиссаром Ленин-

ского района г. Москвы. Награжден за подбитый мною из противотанкого ружья ПТР немецкий танк. Стрелял вместо раненого солдата, когда командовал взводом при наступлении на занятую немцами деревню Кореневка Оленинского района Калининской области в конце декабря 1942г., что способствовало ее освобождению от фашистов);

— орденом Отечественной войны I степени (№515810, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985г. Указ подписал Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Устюжанинов. Орденская книжка А№470601. Вручен в мае 1985г. военным комиссаром Пролетарского района г. Москвы капитаном 1 ранга Ю. Пахомовым.Награжден за храбрость, стойкость и мужество проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг);

— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (без №, удостоверение А№014038. От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 03.07.1946 г. военным комиссаром Ленинского района г. Москвы;

— медалью «За оборону Москвы» (без №, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944г. Удостоверение Б№038205. От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 08.01.1992г. военным комиссаром Пролетарского района г. Москвы капитаном 1 ранга Ю. Пахомовым);

— медалью Жукова (удостоверение Г№0896477);

— орденом «Знак почета» (№226871, Орденская книжка №706446);

— юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (удостоверение А№5418068);

— юбилейной медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (удостоверение от 08.09.1975г);

— юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (удостоверение от 05.05.1985г);

— юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (удостоверение П№12456467 от 22.03.1995г);

— юбилейной медалью «50 лет Вооруженных сил СССР» (удостоверение от 14.12.1968г);

— юбилейной медалью «60 лет Вооруженных сил СССР» (удостоверение от 21.06.1978г);

— юбилейной медалью «70 лет Вооруженных сил СССР» (удостоверение от 20.06.1988г);

— знаком «Народное ополчение 1941г.» (удостоверение от 12.1990г);

— знаком «Фронтовик 1941-1945гг.» (удостоверение от 09.05.2000г);

— юбилейной медалью «За доблестный труд». В ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения В.И. Ленина (удостоверение от 07.04.1970г);

— медалью «Ветеран труда» (приказ по Министерству среднего машино-строения СССР №482/К от 27.05.1986г);

— знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (приказ по Министерству Российской Федерации по атомной энергии №317/К от 10.05.2000г);

— медалью «В память 800-летия Москвы» (удостоверение Б№321821);

— медалью «В память 850-летия Москвы» (удостоверение А№0102561);

— памятным знаком «60 лет битвы за Москву» (удостоверение без №).

В войне погибших родственников нет.

Остались живы родственники: отец Миронов Николай Семенович, пенсионер; мать Шубина Вера Васильевна, бухгалтер педучилища; сестра Миронова Тамара Николаевна, рабочий строительного треста.

Собственных публикаций не имею.

Публикации обо мне: брошюра. Автор-составитель И.А. Баскаков, Совет ветеранов 155-й Станиславской Краснознаменной стрелковой дивизии. Типография военной академии им. Фрунзе. г. Москва, 1978г., 46 стр.Газета. Автор Оксенюк О.: Их повенчал вальс. Даниловский вестник. №5(71). Май 2002 года, страница 3 (газета издается управой Даниловского района г. Москвы).

Марш на линию фронта

В декабрьские дни 1941г., когда войска Красной Армии перешли в контрнаступление под Москвой, наша часть находилась в районе Кунцево, на Можайском направлении Московской зоны обороны.

Фашистские войска, рвавшиеся к Москве, получили достойный удар и откатывались на запад. Нам предстояло преследовать врага в отступлении от Москвы. Последовал приказ: готовиться к отправке на передовую, на фронт.

Стояла снежная зима. Готовя себя к зимним боям, мы с товарищами много говорили о том, как лучше снарядиться и выдержать суровые испытания. Я вспомнил свой горный институт, кафедру физкультуры. Вспомнил, как сдавал нормы на значок «Готов к труду и обороне II степени»; как ходили на лыжах. Нужно было пробежать кросс на лыжах 5 километров; стреляя из боевой винтовки, поразить мишень из положения лежа и уложиться в норматив времени.

И тут возникла мысль: неплохо бы на фронт взять лыжи. А в части лыж не было. Тогда я обратился к командиру роты с предложением взять лыжи на фронт, которые есть в горном институте. Уже тогда был лозунг «Все для фронта, все для победы!»

Мое предложение понравилось и командиру батальона. Было составлено обращение в горный институт от имени 6-го полка «Московских рабочих» 4-й Московской стрелковой дивизии с просьбой о выдаче нам лыж для фронта.

Командование выделило нам грузовую машину, полуторку «ЗИС», мне вручили бумагу, и я с водителем поехал в Москву. Стоял пасмурный зимний день. Первая остановка на окраине Москвы, у Дорогомиловской заставы. Вся улица была перегорожена противотанковыми ежами в два ряда, и только узкий проезд на одну машину.

Проверка документов. Нас пропускают.

Удивили пустые улицы. Хотя фронт уже далеко от Москвы, но военное напряжение еще чувствовалось. Многие заводы и предприятия были эвакуированы на восток. Подъехали к Горному институту на Большой Калужской ул., 6. Всегда многолюдная, шумная площадь перед институтом сейчас была пуста и безмолвна. Оказалось, что институт тоже эвакуировался на восток, переехал в г. Караганду.

Старичок-вахтер придирчиво спрашивает, кто и зачем. Я в ушанке и серой солдатской шинели, конечно, не похож на обычного студента. Поднимаюсь на второй этаж, иду в дирекцию. Кругом никого нет. Прохладно и темновато. Постучав в дверь, извиняясь, вхожу в кабинет директора. За директорским столом в зимнем теплом пальто с поднятым воротником и в шапке сидит человек и что-то пишет. Подхожу ближе и узнаю заведующего кафедрой математики профессора Гребенчу, которому когда-то сдавал экзамены. Он исполнял обязанности директора Горного института — части, оставшейся в Москве.

Представляюсь и подаю наше прошение о выдаче нам лыж. «Да, да, конечно, они вам нужны», — говорит профессор Гребенча и подписывает резолюцию о выдаче лыж.

Спускаюсь на кафедру физкультуры. Там только старичок-заведующий материальной частью. Представляюсь не как солдат, а как студент 3-го курса, группы ГМ-38, приехал, мол, вот с такой оказией. Он меня узнает, расспрашивает о других студентах, кто в июне 1941г. добровольцами ушли в истребительный батальон. С охотой открывает склад лыж, и мы тщательно выбираем каждую лыжу и палку к ней, чтобы не было поломок. Нагружаем целый кузов лыж и палок к ним. Попрощавшись, ухожу из института.

А в голове институтские воспоминания. Для меня, приехавшего в Москву в 1938г., Горный институт за три года учебы стал вторым родным домом. «Неужели я здесь последний раз. Отсюда я ушел в окопы под Кунцевом оборонять Москву! Нет, я должен выстоять, перенести все испытания войны и снова вернуться в институт!» — с этими мыслями я залез в машину, и мы поехали в часть.

К винтовкам и противогазам добавились лыжи — их хватило на весь наш студенческий взвод из четырех отделений по 10 человек.

Поступил приказ: грузиться в эшелон. 4-я Московская стрелковая дивизия покидает Москву и направляется на новый участок фронта.

Наш путь пролегал через деревни, поселки, города, где еще недавно был фашист. Кругом следы войны, здесь шли бои. Сожженные станции, разрушения, одиноко стоящие печные трубы. Гнев нарастал в сердце и звал в бой с захватчиками.

Эшелоны шли на северо-запад. Уже близок фронт. Часто звучит команда: «Воздушная тревога!». Слышны взрывы авиабомб. Немецкая авиация бомбит железнодорожные пути. Станция Бологое подверглась сильному авианалету. Путь на Ленинград разрушен. Наш эшелон направляют в сторону города Белый, на Калининский фронт. На станции Андриаполь-Осташково выгружаемся из вагонов.

Предстоит пеший марш на восток. Мы оказались западнее Ржева, где закрепились отступающие от Москвы неразбитые части немецкой армии. Нам поставлена задача: выйти в Нелидовский район, занять станцию Мостовая железной дороги Ржев — Великие Луки и перерезать коммуникации противника. Предстоял 250-километровый марш. Стоял вьюжный морозный февраль. Снежные метели заносили дорогу. Мы шли по лесным тропам. Вот тут-то нам и пригодились лыжи. Особенно они помогли пулеметным расчетам со станковыми пулеметами «максим». Обычно тяжелый пулемет несли двое. Первый номер нес ствольную часть, а второй — станину, погрузив ее на спину. Идти так по снегу было тяжело. Тогда ребята-пулеметчики взяли

лыжи и из четырех лыж поперечными брусками сбили санки-полозья, на которые поставили и закрепили всегда собранный и готовый к бою станковый пулемет «максим». Идти стало во много раз легче. Пулемет тащили на санках за лямку.

Вскоре нашу колонну заметила немецкая авиация. Самолет-разведчик «Рама», как прозвали его солдаты, часто пролетал над нами. За ним появлялись немецкие истребители «мессершмиты» или бомбардировщики «юнкерсы» и начинался обстрел или бомбежка наших частей. Это вынудило нас совершать марш только по ночам, а днем прятаться в лесу от дороги и отдыхать.

Однажды стояла морозная, как назло, лунная ночь. Было светло, дорога просматривалась хорошо. И вдруг слышим шум самолета. Команда: «Воздух!». Мы бросаемся на обочину дороги в снег, стараясь укрыться в снегу. Видны только наши ушанки. Слышны пули над головами. Смотрю вперед и вижу, как вдруг как-то неестественно одна голова наклонилась вперед. «Мессер» улетел. Команда: «Отбой!» Встаю, осматриваюсь. Несколько солдат остались лежать в снегу. Я подхожу к одному и вижу: пуля попала прямо в затылок, видна кровь. Сбегаются другие ребята. Переворачиваем солдата лицом вверх. Убит общий друг, весельчак нашего взвода Саша Сухоруков.

Доброволец, только что окончивший институт стали и сплавов, молодой инженер, получивший направление на один из оборонных заводов Москвы, он отказался от брони и вместе с нами пошел в истребительный батальон. И вот сейчас лежит он перед нами на снегу неподвижно, за многие километры от родной Москвы, в Калининской области. В лесу, от дороги мы копаем мерзлую землю, хороним боевого друга и клянемся отомстить фашистам за смерть товарища. Это была первая потеря из нашего взвода.

Идем много суток и только по ночам. Сильно устали. Научились спать на ходу. Хоть на мгновенье, но погрузиться в сон, пока не споткнешься. Научились по звездному небу, по положению звезд Большой Медведицы, определять, который сейчас час. Наконец, в двадцатых числах февраля подходим к линии фронта. Дальше враг. Мы дошли до нашей цели.

Первый бой

Прямо с марша, после короткого отдыха, в ночь на 23 февраля командование батальона решило внезапной атакой выбить немцев из деревни Сукино, куда мы подошли вплотную к линии фронта. Хоте-

лось ко Дню Красной Армии одержать первую победу. Мы стояли на опушке леса. Нас от немцев отделяло большое заснеженное поле. Мы рассчитывали на ночную темноту и внезапность нашей атаки.

Команда «Вперед, за Родину!» — и мы короткими перебежками продвигаемся по полю. Преодолев почти половину поля, мы вынуждены залечь в снег. Немцы, обнаружив наше наступление, выстрелами из ракетниц осветили всю передовую. Проклятая осветительная ракета, запущенная вертикально вверх, медленно опускается на парашютике, освещая ярко все вокруг. Чтобы ты, зараза, горела скорее! — единственное наше желание. И тут мы слышим разрывы мин. Фашисты открыли по нам минометный огонь. Команда: «Вперед! Выйти из-под обстрела!» Поднимаемся, бежим вперед. Нас встречает пулеметный и автоматный огонь. Наша атака захлебнулась. Мы отступаем обратно. Кто-то ранен, кто-то лежит неподвижно.

Первый бой оказался неудачным. Наши потери были большими. Но это был для нас большой урок — нельзя идти в бой с фашистами, имевшими уже большой боевой опыт, прошедшими по всей Европе, без хорошей предварительной разведки врага, без артиллерийской обработки переднего края. (Наш артполк был еще где-то на марше.)

Как выяснилось позже, немцы умело подготовились к зимней обороне. В деревне Сукино они согнали все местное население, заставили на переднем крае сгребать снег в высокий бруствер и залить его водой. Получилась ледяная преграда высотой в человеческий рост, за которой хорошо было укрыться от стрелкового огня.

В то время немцы имели большое преимущество в минометном огне, господствовали в воздухе, вели постоянную авиаразведку. От минометного огня немцев мы несли основные потери.

Позднее, в течение марта — апреля 1942г., мы уже силами всего 786-го стрелкового полка и при поддержке нашей артиллерии, заняли и освободили от фашистов деревни Сукино, Озерки, Торопино Нелидовского района Калининской области. За время боев был тяжело ранен в ногу мой друг, пулеметчик Володя Громов, но вскоре вернулся в строй Зиновий Марьяновский. Погибли Леня Чаплыгин и Иван Громов. Все они были студентами-добровольцами из Московского горного института.

Медаль «За отвагу»

В конце апреля 1942г. последовал приказ: перейти к обороне. Общее наступление наших войск на Калининском фронте приостановилось. Кое-где вспыхивали бои местного значения. В конце июня,

меня, солдата, бывшего студента 3 курса института, имевшего некоторую военную подготовку, направляют на курсы младших лейтенантов при 22-й армии Калининского фронта. В октябре 1942г., окончив фронтовые курсы и получив звание младшего лейтенанта, я назначаюсь командиром мотострелкового взвода 1-й гвардейской танковой бригады, 3-го мотомеханизированного корпуса под командованием генерал-майора М.Е. Катукова.

Летом 1942г. был издан приказ Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина об оснащении всех танковых частей МСП батальонами с целью закрепления успеха танковых боев. Так я, пехотинец, оказался в танковой части. Снова участие в боях, но уже в Оленинском районе Калининской области. Снова зимние бои, но уже с участием танков Т-34, под их прикрытием, или как десантники — сидя на броне танков.

В начале декабря 1942г. немцы перешли в наступление и захватили деревню Смольково, обороняемую небольшим гарнизоном 786-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии. Последовал приказ помочь нашей пехоте и выбить фашистов из деревни.

Командуя мотострелковым взводом, я незаметно с бойцами подполз к окраине деревни. Мы воспользовались глубокими следами в снегу от гусениц немецких танков, которые вели в деревню. Продвигаясь вперед по-пластунски по узкой снежной траншее, мы были незамечены врагом. Я командую: «В атаку, вперед!», и мы первыми врываемся в деревню, захватив два ближайших дома. Фашисты в замешательстве отступают. Этим броском мы обеспечиваем подход основных наших сил. Кругом много убитых немцев, наши потери незначительны.

Деревня Смольково снова освобождена от фашистов.

За этот бой меня командование представило к награждению медалью «За отвагу».

Снова бои. Вскоре я был ранен и выбыл из части. Медаль я получил уже после войны. Она нашла меня спустя 43 года.

Подбитый танк

В конце декабря 1942г. противник при поддержке танков повел наступление на населенный пункт Кореневка, обороняемый одной ротой 786-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии. Бойцы этого гарнизона в течение 6 часов вели бой с противником и только по

приказу командования, вследствие значительного превосходства сил противника, отошли от занимаемого рубежа.

Последовал приказ командования 1-й гвардейской танковой бригады помочь пехотной части выбить фашистов из Кореневки. Мы, как десантники на броне танков, совершаем марш и входим в район Кореневки. Совместно с бойцами стрелковой части идем в наступление. Я командую мотострелковым взводом. Где короткими перебежками, где по-пластунски продвигаемся вперед к деревне, в которой засели немцы, поддерживаемые танками.

Вдруг слышим шум мотора. Впереди появляется немецкий танк и открывает пулеметный огонь. Я командую: «Огонь из ПТР». Солдат стреляет два раза из противотанкого ружья и замолкает. Фашистский танк продолжает надвигаться и строчит из пулемета. Пригнувшись, подбегаю к солдату с ПТР. Вижу, он ранен, стрелять не может. Тогда я бросаюсь к ружью и несколько раз стреляю по танку. Пулемет заглох, башню танка заклинило, и она больше не поворачивается, появился дымок. Немецкий танк останавливается , а затем дает задний ход и снова останавливается. Немецкие танкисты выпрыгивают из танка и пытаются бежать. Мы открываем огонь из автоматов и продолжаем наступать. Кругом идет бой. Наши танки, стреляя из пушек, входят в деревню, за ними наша пехота.

Кореневка снова освобождена от фашистов.

За подбитый немецкий танк командование бригады представило меня к награждению орденом Отечественной войны II степени. Вскоре я был ранен и орден получил уже после войны в Москве, в 1946г.

Ранение

В конце декабря 1942г. 3-й мотомеханизированный корпус должен был выйти в резерв Главного Командования. 1-я гвардейская танковая бригада в ходе летних и зимних боев потеряла часть техники, многие танки требовали капитального ремонта. Требовалось пополнение новыми танками. Предстояла поездка на Урал, где обычно танковые части получали новенькие Т-34.

Танкисты и мы, мотострелки, предвкушали передышку от боев, мечтали помыться в настоящей бане, отдохнуть. Но вот неожиданный бой. В ночь на новый, 1943, год немцы решили снова вернуть себе деревню Кореневка и пошли в наступление.

Приказ по бригаде: отбить атаку немцев. Спешно садимся на броню танков и через лес идем навстречу врагу. Завязался бой, мы

потеснили фашистов. Я с ординарцем — на броне головного танка Т-34. Начинает светать. Наши танки идут через лес. На опушке леса останавливаемся, чтобы уточнить по карте направление движения на врага. И вдруг слышим пушечный выстрел и удар снаряда по башне нашего танка. Это выстрелила немецкая пушка с другой стороны леса. Наш водитель включает задний ход, и мы скрываемся за деревьями.

Немецкий снаряд не смог пробить крепкую башню Т-34. Снаряд разорвался, и осколками меня тяжело ранило в голову и ударило воздушной волной, а командира танка контузило.

Упираясь ногами, стараюсь удержаться на танке и не упасть под гусеницы. Мне помогает мой ординарец, его осколки снаряда не задели. Нас увозят с поля боя в полевой госпиталь танковой бригады. В результате ночного боя немцы отступили, и Кореневка снова осталась за нами.

В январе 1943г. я выбыл из действующей армии на лечение в г. Калинин, а затем в эвакогоспиталь в г. Иваново. Получив инвалидность, я участвовать дальше в боях уже не смог.

Песня о 155-й стрелковой дивизии

Летом 1942 года на Калининском фронте один боец написал песню о 155-й стрелковой дивизии, сформированной из истребительных батальонов г.Москвы. Песню пели москвичи-добровольцы во время отдыха между боями.

В пламени пожарищ родилась дивизия.
Шли бои под самою Москвой.
По приказу Сталина на защиту Родины
Вышли истребители на священный бой!

Припев:

Бейте гадину, истребители,
Пусть из вас не дрогнет ни один!
Поколение победителей,
Вам дорога на Берлин!

Нам велела Родина немчуру проклятую
Истреблять нещадно каждый час.
Славная дивизия сто пятьдесят пятая
От любимой Родины выполнит приказ!

Припев:

Мы дорог немало проходили,
Многих уносил кровавый бой.
Мы всем сердцем землю защитили,
Что зовется русскою землей!

Припев:

И в морозы, и в бури стояли —
Не страшила нас в поле пурга.
Мы Калинин и Ржев защищали,
Отстояли свои города.

Припев:

Защитили Родину
От фашистских полчищ мы,
Истребляли гадов каждый час.
Славная дивизия сто пятьдесят пятая
Выполнила доблестно сталинский приказ!

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Подковыров Александр Александрович***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Надолько Николай Дмитриевич

СНАЙПЕР, КАК И САПЕР, ОШИБАЕТСЯ ОДИН РАЗ

Родился 16 января 1926 года в деревне Сеятель Альшеевского района Башкирской АССР. Украинец. Никакой веры не исповедовал. Комсомолец, член КПСС.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, вместе со своими односельчанами. Надо сказать, что среди взрослых это известие не вызвало особой тревоги, паники и беспокойства, все рассчитывали на скорое окончание войны, по типу финской войны и других военных конфликтов. Настроение у народа изменилось после выступления по радио 3 июля 1941 года товарища Сталина И.В., к этому же времени из нашего села стали призывать в армию мужчин определенного возраста, в том числе был призван и мой отец Дмитрий Иванович (Надолько Дмитрий Иванович в войне с первых дней принимал активное участие. Под Ржевом был тяжело ранен. Награжден орденом Красной Звезды. В связи с ранением уволен из армии.) Через 2-3 месяца после начала войны на восток начали двигаться эшелоны с эвакуируемыми заводами, предприятиями и населением. В нашу деревню решением местных властей было направлено несколько семей из Москвы, и вот теперь люди в полную меру осознали, что предстоит трудная, длительная и тяжелая борьба с немецко-фашистскими захватчиками. Эвакуированных в деревне приняли хорошо, разместили, колхоз оказал помощь в обеспечении продуктами, трудоустройстве, а со временем

они адаптировались к условиям сельской жизни, крестьянского труда и до самого возвращения к местам своего проживания жили с селянами одной дружной семьей.

15 ноября 1943 года со второго курса Башкирского медицинского техникума Кировским РВК города Уфы я был призван в Красную Армию, мне было тогда 17 лет. Прежде чем попасть на фронт, я прошел основательное обучение военному ремеслу в 14-й окружной школе снайперов Южно-Уральского военного округа.

Наша школа вместе с двумя другими (12-й и 13-й), а также офицерский запасной полк находились в лесном массиве недалеко от ст. Колтубановка Оренбургской области. Это была настоящая школа, нас обучили в совершенстве снайперскому делу и всему остальному, что необходимо на войне: окапываться и оборудовать позиции для стрельбы в снегу и в грунте, наш командир взвода лейтенант Куминов говорил: «Солдат должен работать малой саперной лопатой, так же, как и ложкой». Мы тренировались преодолевать опасные участки по-пластунски, передвижению на поле боя короткими перебежками, отрабатывали приемы и способы маскировки в условиях различных времен года (для снайпера это чрезвычайно важно). Немалое внимание уделялось и рукопашному бою, нас учили наносить уколы штыком и отбивать штыковые атаки противника. Вся эта учеба сочеталась с довольно суровыми условиями жизни и быта: размещались мы в землянках полузаглубленного типа (одна на роту). В этих так называемых «казармах» располагались двухэтажные нары, соломенные матрацы и подушки, для обогрева использовались металлические печки, а для освещения — коптилки, в которых в качестве горючего материала использовалась щелочь, предназначенная для чистки стволов оружия.

Следует заметить, что тогда не было фактов насилия со стороны офицеров и младших командиров, одних против других и прочих уродливых явлений, которые процветают в армии сейчас. Я часто вспоминаю с душевной теплотой офицеров нашей роты — лейтенантов Куминова, Зайцева и Утяшева и своего командира отделения ефрейтора Коваленко. Иногда, в редкие часы досуга, лейтенант Зайцев, хорошо игравший на баяне, вместе с лейтенантом Куминовым пели прекрасные русские песни, мне особенно запомнилась песня, в которой есть такие слова: «Эх, барин, милый добрый барин, вот скоро год как я люблю, а некий нехриста татарин меня журит, а я терплю». Лейтенант Утяшев при исполнении этой песни сердился и негодовал (он был татарин по национальности).

К концу августа 1943 года нас погрузили в эшелон и отправили на запад, к линии фронта. Примерно в первой декаде сентября эшелон с маршевыми ротами (пополнением) прибыл в г. Ровно. Дальше железнодорожное сообщение прерывалось, нас выгрузили, и в лесном массиве недалеко от Ровно, где находились на формировании новые части и соединения, а возможно, уже существующие в ожидании пополнения, распределили по взводам, ротам, батальонам, полкам и дивизиям. Так я оказался в 585-м полку (батальон, роту, взвод не помню) 213-й Ново-Украинской дивизии, которая входила в состав 52-й армии 1-го Украинского фронта, в качестве рядового, снайпера по воинской профессии. Примерно в течение 10-12 дней проходило боевое сколачивание сформировавшихся частей (подразделений), продолжалось обучение тактике наступательного и оборонительного боя, офицеры и сержанты-фронтовики делились своим опытом, политработники разъясняли существо текущего момента, вселяли в нас уверенность в скорой победе и неминуемом крахе немецко-фашистской армии, разъясняли особенности и характер предстоящих боевых задач.

Перед нашим полком стояла задача — совершить многодневный и многокилометровый марш в условиях строжайшего соблюдения мер маскировки. Колонны двигались только ночью, на дневные привалы и отдых располагались в лесных массивах или больших сельскохозяйственных ангарах, предназначенных для сушки и складирования зерна и других сельскохозяйственных продуктов. На территории Западной Украины, по которой мы продвигались на запад, к польской границе, существовала хуторская система поселений, при которой одиночные хутора (строения) находились на почтительном расстоянии друг от друга, и это способствовало сокращению нежелательных контактов войск с местным населением. Такая нежелательность диктовалась тем, что на Западной Украине в это время активно действовало враждебно настроенное к Красной Армии и Советской власти националистическое подполье — так называемые бандеровцы. В ходе совершения марша, практически каждую ночь из засад колонна обстреливалась враждебно настроенными националистами. Это обстоятельство замедляло темпы совершения марша, так как требовалось подавить (рассеять) нападавших и привести колонну в порядок после рассредоточения по обочинам дороги.

Хочу, с позиций солдата, отметить, что с первых дней, как оказался в солдатском строю, я чувствовал и понимал, насколько была высока дисциплина в армии. Мне никогда не забыть случившегося со мной в одном из ночных переходов. Я уже говорил, что маршрут

пролегал по лесным и проселочным дорогам с песчаным грунтом, по которым идти чрезвычайно трудно: сделаешь шаг вперед и тут же из-за песка отползаешь на полшага назад. По-своему оценив эту ситуацию, я вышел из строя на обочину дороги с неразбитым твердым грунтом, но вскоре был замечен командиром батальона, который верхом на лошади контролировал движение своей колонны. Тут же последовало наказание — мне дали тащить станок от станкового пулемета «максим».

Так, в течение часа вместе со снайперской винтовкой я тащил за собой станок от пулемета, мне казалось, что конца этому часу не будет. Это был урок на всю оставшуюся жизнь.

Хочу подчеркнуть еще один момент, который характеризует зрелость и ответственность командиров за судьбу и боевую готовность вверенных им подразделений. Для того, чтобы мы, молодые снайперы (нас было по 2 в роте), были более уверенными в предстоящих боях, во время дневных привалов, если позволяла местность, нам разрешали самостоятельные тренировки в стрельбе в условиях, приближенных к боевым. Мы устанавливали немецкие каски, а их на полях было много, на различные расстояния и вели огонь, затем проверяли попадание и степень пробиваемости каски в зависимости от расстояния. Это были нужные и очень хорошие тренировки, потому что стрельба по мишеням и по каске противника, расположенным на конкретной местности, — совсем разное дело.

Примерно в октябре 1944 года мы заняли уже хорошо подготовленную оборону с развитой системой траншей, ходов сообщения, блиндажами и укрытиями на Сандомирском плацдарме (левый берег р. Висла), видимо, сменили ранее оборонявшихся или произошло уплотнение боевых порядков в обороне с целью создания наступательной группировки (тогда мне, конечно, было это не ведомо).

Начались будни оборонительных боев, артиллерийско-минометные обстрелы (при одном из которых я был ранен маленьким осколком в верхнюю губу, после кратковременного пребывания в медсанбате возвратился в строй, а шрам на губе остался на память), короткие ружейно-пулеметные перестрелки из специально назначенных дежурных огневых средств, разведка системы обороны и огневых точек противника, ночные дежурства на огневых позициях (от каждого отделения выделялось, в основном, по 2 человека), а также продолжалось совершенствование системы обороны, углубление траншей и ходов сообщения, укрепление блиндажей, землянок и укрытий. Все

это приходилось делать под постоянным воздействием огня противника. Помню случай, когда командир роты мне и второму снайперу, более опытному, поставил задачу подавить (уничтожить) фашистского пулеметчика, который, имея несколько хорошо замаскированных позиций, искусно меняя их, буквально терроризировал нашу оборону. Мы оборудовали, хорошо замаскировали позиции для наблюдения и ведения огня в местах, откуда хорошо просматривался передний край обороны противника (расстояние 350-400 м); связь друг с другом поддерживали голосом. За два дня наблюдения с помощью оптического прицела мы точно установили количество и место позиций фашистского пулеметчика, а также схему его перемещения. Зная повадки фашистского пулеметчика, удалось поразить его; пулемет умолк, а его владелец, возможно, навсегда. Командир роты объявил нам благодарность за этот первый конкретный успех в оборонительном бою. Нам часто приходилось быть в составе дежурных огневых средств, которые назначались от роты для наблюдения за полем боя (нейтральной полосой) и ведения беспокоящего огня по обороне противника. Снайперы, как правило, вели огонь по наблюдательным пунктам, огневым точкам, кратковременным появлениям в поле зрения оптического прицела фашистов, при этом трудно сказать, сколько врагов было убито, ранено или просто напугано прицельным огнем с нашей стороны.

Появление снайпера на сопредельной стороне — крайне нежелательное явление, так как он открывает огонь быстро, метко и в основном поражает избранные цели. В таких случаях неизбежна снайперская дуэль. Кто, кого! Фронтовой снайпер: как он смотрится со стороны, что испытывает сам, будучи на позиции, на том «пятачке», который выбрал для себя сам? Снайперу тихо, незаметно приходится раствориться в безмолвном кустарнике, среди кочек, неровностей почвы, поломанных деревьев и обгорелых пней. Его нередко застигает буря, дождь, снег, но он недвижим. Снайпер отдален от своих, он ближе к позиции противника. Как бы не маскировался он — все равно на виду у смерти, ближе всех к ней. Между снайпером и врагом, тоже снайпером, лишь полоска — нейтральная полоса. Снайпер постоянно в неимоверном напряжении, он борется с тяжелой полудремой, с кашлем. Он отрешен от всего. Снайпер, как и сапер, ошибается только один раз.

Все это нам с напарником Владимиром пришлось познать в течение нескольких дней декабря 1944г. Мы перехитрили немецкого снай-

пера, один из нас со своей позиции демаскирующими приемами (показом из окопа каски, при солнечной погоде — поблескиванием оптического прицела и др.) вызывал огонь противника на себя, второй засекал позицию противника и в подходящий момент открывал огонь на поражение. На этот раз мы не ошиблись, и немецкий снайпер был сражен.

Будни оборонительных боев продолжались до первой декады января 1945г. Где-то 10-11 января меня неожиданно в ночное время (я отдыхал в блиндаже) командир роты через своего посыльного вызвал к себе на командно-наблюдательный пункт. Когда меня подняли, первой была мысль — готовится разведка боем, так как это периодически в разное время практиковалось в нашем, да видимо, и в соседних полках.

Однако мне и еще 2-3 прибывшим солдатам после краткой беседы (образование, здоровье, возраст, семейное положение) командир роты приказал забрать свои вещмешки, оружие и с сопровождающим отправиться в тыл обороны полка.

Не знаю точно — в управлении 213-й дивизии или 52-й армии мы прошли что-то вроде мандатной комиссии, где всем отобранным было объявлено, что мы отзываемся с фронта и направляемся в тыл обороны для зачисления в военные училища. Так закончилась моя непродолжительная фронтовая жизнь, и я вступил в новую фазу военной службы.

По прибытии в глубь страны я вместе со многими другими фронтовиками был зачислен в Одесское Краснознаменное пехотное училище, которое в это время находилось в г. Уральске Западно-Казахстанской области. Теперь мы, конечно, понимаем, что дальновидное военное руководство страны тогда, когда еще шли кровопролитные бои, заботилось о пополнении офицерского корпуса, о подготовке военных кадров из числа фронтовиков. Учитывалось и то обстоятельство, что группировка войск, из которой мы были отозваны 12 января 1945 года, приступила к осуществлению наступательной Висло-Одерской операции, а затем и Берлинской.

В 1947 году в возрасте 21 год я успешно окончил Одесское училище уже в самой Одессе, и мне было присвоено первичное офицерское звание — лейтенант.

До ноября 1950г. командовал пулеметным взводом в 86-м гвардейском полку 28-й гв. СД (Одесса), затем был переведен на должность командира курсантского взвода в Одесское пехотное училище. В 1951 году по специальному отбору органами Министерства государствен-

ной безопасности СССР был переведен во внутренние войска МГБ (затем они относились к МВД). Так я волею судьбы оказался на объекте (теперь в городе Сарове вблизи Арзамаса), где в условиях строжайшей секретности создавалась мощь оборонного щита нашей родины. Не всякий офицер допускался на такие объекты в то время.

Внутренние войска, характер выполнения стоящих перед ними задач, имеют свою специфику, и мне по ходу службы приходилось кое в чем переучиваться.

За шесть напряженных лет службы (1951-1957) я в полной мере освоил должности начальника гарнизона(застава), командира роты, заместителя командира учебного батальона и начальника школы сержантского состава дивизии внутренних войск.

Я хорошо понимал: для того, чтобы офицер имел перспективу в продвижении по службе и росте воинских званий — нужно учиться и учиться. Руководствуясь этим убеждением, еще в Одессе я поступил в вечернюю школу (тогда это широко практиковалось), а здесь, во внутренних войсках, продолжил обучение и получил аттестат о среднем образовании.

По рекомендации командования ВВ в 1957 году меня направили на учебу в Краснознаменный военный институт КГБ СССР имени Ф.Э Дзержинского (г. Москва), который в 1960 году я окончил с золотой медалью.

Это были лучшие годы моей жизни. Последующие 14 лет служил в различных городах Сибири — командир отдельного батальона (г. Ангарск), заместитель командира и командир полка (г. Красноярск).

В армии считают, что самые трудные должности низшего звена воинской структуры — это командир роты и командир полка. Мне удалось с помощью дружного офицерского состава справиться с этой трудной должностью. В 1967 году, в год 50-летия Советской власти, по итогам проверок служебной деятельности частей вышестоящей инстанции, полк был признан лучшим во внутренних войсках и награжден недавно учрежденным Переходящим Красным Знаменем МВД СССР. Я горжусь этим и искренне признателен своим заместителям: Тихомирову М.М., Казакову П.И., Ступанову В.Я., а также офицерам управления полка, командирам взводов, рот и батальонов. Спасибо им, моим боевым друзьям-однополчанам.

В 1968 году я получил очередное повышение по службе — назначен начальником штаба 97-й дивизии (г. Новосибирск). Это была одна из крупнейших по своему составу дивизия во внутренних войсках страны (4 полка и 6 отдельных батальонов, дислоцированных в горо-

дах Сибири и Северного Казахстана). Я преднамеренно подчеркнул особенности дислокации и организационно-штатную структуру дивизии, так как это в значительной мере определяет характер и условия работы не только штаба, но и всего управления соединения. Здесь уместно напомнить известное изречение: «Руководить — значит предвидеть», а чтобы предвидеть возможный ход развития событий, надо хорошо знать истинное положение дел в частях, объективно оценить и анализировать, на основе чего принимать конкретные решения и меры. Прослужил в должности начальника штаба дивизии 7 лет, а в 1974 году меня перевели для продолжения службы в Главное Управление внутренних войск МВД СССР.

В течение 14 лет я являлся сначала заместителем, а затем начальником штаба специальных частей — Заместителем начальника Управления внутренних войск МВД СССР.

Это был штаб армейского масштаба, от четкости и слаженности работы которого в немалой степени зависело положение дел в подчиненных частях и соединениях, дислоцированных практически на всей территории Советского Союза.

С теплотой и благодарностью вспоминаю многих из старого поколения штабистов — полковников Парфенова А.А., Степанова Ю.Н. Афонского С.Н. Гольцова Ю.А., Завалуева А.Ф., Силькевича Т.И.. Добычина М.И. и др. Все они участники Великой Отечественной войны. Это были не только подчиненные, но и соратники в полном смысле этого слова, по нашему общему делу.

Благодаря сплоченной работе штаба нам удалось по-новому поставить информацию, активизировать работу по обобщению передового опыта организации службы, укрепить связи с руководителями министерств и ведомств, объекты которых охранялись нашими войсками и, пожалуй, самое главное в деятельности любого штаба — твердо и непрерывно контролировать исполнение приказов своих и старших инстанций.

В финале своей многолетней службы в 1986 году я получил приказ возглавить оперативную группу войск, предназначенную для руководства внутренними войсками, занятыми в охране Чернобыльской атомной электростанции и режимных зон в районе аварии, которые были определены решениями правительственных инстанций.

В течение месяца с небольшой группой офицеров разных специальностей я выполнил эту трудную, опасную, но крайне необходимую работу.

В итоге стал инвалидом II группы, заболевание связано с участием в ликвидации аварии на ЧАЭС.

Советом министров СССР мне присвоено звание генерал-майор, награжден: Орденом Трудового Красного Знамени (1967г.) — за высокие результаты, достигнутые полком, которым я командовал; орденами: Отечественной войны II степени — за службу Родине в вооруженных силах, Мужества — за исполненный долг при участии ликвидации аварии на ЧАЭС и более чем 20-ю медалями. Самая дорогая и ценная из них медаль «За победу над Германией» — это моя первая в жизни награда, и притом фронтовая. Вручил мне ее в 1947 г. командир 86-го гвардейского полка гвардии полковник Бочаров.

В 1988 г. 15 ноября, прослужив ровно 45 календарных лет, я уволился в запас. Сейчас уже в отставке, но продолжаю трудиться в Московском комитете ветеранов войны, оказываю возможную и посильную помощь ветеранам-однополчанам.

Имел честь участвовать в параде 2000 года ветеранов войны и войск Московского гарнизона, посвященном 55-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

Анна Гулевская
Член Союза писателей России

Мой генерал!
(посвящается мужу)

Мне о тебе пришлось узнать,
Каким течением ты плыл.
Хотел лечить и помогать —
Господь иначе рассудил.

Гуляло лето по земле,
Зеленый август проходил,
Закончив курсы, в тишине
На фронт мой снайпер уходил.

Ах, Генерал, мой Генерал!
Везде победу ты ковал.

Ах, Генерал, мой Генерал!
Ты жизнь нелегкую познал.
Ты, мной любимый генерал.
Была беда, и день тот был
И был Чернобыльский аврал...
И здесь ты Родине служил,
Мой милый, нежный Генерал!

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Воронин Евгений Сергеевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Наливалкин Дмитрий Алексеевич

ДИВИЗИЯ ВОЗВРАЩАЛАСЬ С ВОЙНЫ, ИЗ АВСТРИИ, ПЕШКОМ

Родился 2 ноября 1925 года в селе Красногвардейское Ставропольского края. Село было большое — 15 тысяч жителей. Сеяли пшеницу, ячмень, подсолнечник, выращивали арбузы, огурцы, помидоры. Был у нас водочный завод и маслозавод; организовано было производство кирпича. Посреди села — река Егорлык; она снабжала население водой. А летом мы, мальчишки, пропадали на ней целыми днями — купались, ловили рыбу.

Земля наша плодородная, разные травы и разные звери — тушканчики, зайцы, лисы, волки, хороший климат. Я очень люблю этот благодатный край.

Родители

Отец мой, Наливалкин Алексей Михайлович, 1897 года рождения, из крестьянской семьи. Читать и писать он не умел, но деньги посчитать мог. Очень трудолюбивый был и хозяйственный.

В феврале 1943 года его призвали на войну, служил в дивизии ездовым, подвозил боеприпасы к артиллерийским позициям.

В апреле 1943 г. я с отцом встретился на фронте. Его дивизия сменяла нашу 320-ю СД. Отец войну закончил в 1945 году и после демобилизации работал в колхозе.

Мать моя, Наливалкина (Гридина) Мария Ивановна, 1899 года. Умерла 16 мая 1976 года. Образование имела 3 класса. Работала разнорабочей. Трудолюбивая, очень рассудительная, старалась и нас воспитать такими же. Все делала, чтобы мы с сестрой окончили школу (10 кл.) и получили высшее образование.

Сестра окочила сельскохозяйственный институт. Работала зоотехником в колхозе и главным зоотехником.

Моя жена Наливалкина (Иванисова) Майя Михайловна беспокоится о муже и детях. Старается, чтобы в семье было хорошо и дружно.

До 25 января 1943 года жил с родителями в родном селе. Учился средне, переходил из класса в класс. В каникулы работал в колхозе, помогал родителям.

После 1930 года жизнь стала налаживаться: бесплатное образование, лечение. Колхозы окрепли — появились в них трактора, комбайны и другая сельхозтехника, которая облегчила труд людей. Урожаи стали намного богаче. В магазинах появились разные товары. В сельской местности крестьянам помогало личное подсобное хозяйство.

Ставропольский край был оккупирован немцами с сентября 1942 года по 20 января 1943 года.

На фронте

Великая битва под Сталинградом позволила нашей армии освободить Ставрополье. Произошел коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Я был призван в действующую армию в возрасте 17-ти лет и 2-х месяцев 25 января 1943 года в 476-й СП 320-й СД. Продолжал гнать немецких фашистских захватчиков с нашей земли в составе батареи 120-мм минометов.

Мы, восемь новобранцев, воевали в гражданской форме. Тыловые части отстали и догнали дивизию под г. Батайском, и тогда выдали нам шинель, гимнастерку, брюки, ботинки, обмотки, шапку, нательное белье.

Освободив Ростов-на-Дону, преследовали противника до Таганрога. Затем два месяца находились в обороне. Нас сменила дивизия, где служил мой отец.

320-ю СД перебросили на главное направление, под Матвеев курган, где участвовали на р. Миус в первом летнем наступлении, в первом эшелоне. Бои были жестокие и кровопролитные, наша диви-

зия потеряла много людей и техники, и ее вывели из боя и направили на переформировку, пополнение и отдых под г. Воронеж. Переформировка длилась 20 дней — с дорогой. Из-под Воронежа 320-ю СД направили на форсирование Днепра в район села Большая Лепетиха. Фашисты не выдержали нашего напора и вынуждены были отступить. От Б.Лепетихи 320-я СД погнала немцев на Херсон и Николаев, которые были освобождены, и устремилась на Одессу. С 26 марта по 14 апреля 1944 года немцы в жестоких боях были выбиты из Одессы и области и вышли в Молдавию, к реке Днестр. Здесь, захватив несколько плацдармов, перешли и обороне. На плацдарме 320-й СД погиб наш командир дивизии генерал-майор Щвыгин И.И.

Оборона на р. Днестр проходила с мая по август 1944 года, без особых жестоких сражений. Мы готовились к наступлению, и вот 20 августа 1944 г. началась мощная артиллерийская подготовка по всему фронту. Ясско-Кишиневокая операция увенчалась успехом, был освобожден г. Кишинев и вся Молдавия, мы разгромили немецкие и румынские дивизии. 24 августа 1944г. Румыния вышла из войны на стороне Германии и стала создавать части для войны с фашистами. В Румынии был установлен демократический отрой

После Ясско-Кишиневской операции в 1944 году и в Болгарии был свергнут монархо-фашистский режим и создано народно-демократическое правительство отечественного фронта.

320-я СД после Ясско-Кишиневской операции была передана 46-й армии. По территории Болгарии мы прошли по южной части без боев. Народ нас встречал, как родных.

Вскоре мы перешли в Югославию, здесь нас тоже встречали очень радушно.

Пройдя без боев Югославию, 320-я СД вошла в Венгрию. Немецкое командование сосредоточило в Венгрии свои силы, стремясь использовать эту территорию и население против Советской Армии. Начались частые тяжелые бои, особенно за г. Сегед. И так — по всей Венгрии: Кечкемет, Цеглед. К 26 декабря 1944г. Будапешт был окружен, и затянулись уличные бои за город. К 15 февраля 1945 г. в городе была ликвидирована 188-тысячная группировка немцев и мадьяр. Будапешт был свободен.

После Будапешта 320-я СД была направлена в Австрию, в Альпы, для борьбы с остатками фашистов и власовцами.Весной 1945 года (апрель-май), покончив с гитлеровцами и власовцами в альпийских горах, мы пошли по австрийской территории. Австрийцы, как и венгры, встретили нас недружелюбно. Особенно мадьяры.

Шли по Австрии практически без боев. Дошли до г. Брук и встретились с американцами. Они были на мотоциклах. Поговорили немного и распрощались. 320-я СД в г. Брук пробыла двое суток. Отдохнули и получили приказ возвращаться на Родину, в СССР.

Марш на Родину, в СССР

Приказ возвращаться в СССР (г. Каменец-Подольский) получили примерно 12 мая 1945 г. Вся дивизия возвращалась только пешком. Командир полка — верхом на коне. Нам говорили, что весь транспорт, особенно железнодорожный, вывозил из Германии оборудование для промышленности. Это мы видели своими глазами. Каждый день совершали марш — пешим порядком 30-35 км.

До Каменец-Подольского шли два с половиной месяца.

Здесь 320-ю СД расформировали, личный соотав и технику передали в 25-ю механизированную дивизию. Я попал в батарею 122-мм пушек. Стал секретарем комсомольской организации дивизиона. Примерно в сентябре 1946г. меня с товарищем вызвал заместитель по политчасти пушечного полка и предложил поехать в Харьков, в военно-политическое училище. Мы согласились, нас, как фронтовиков, зачислили курсантами училища.

Служба после войны

С 25 ноября 1946 года по 30 августа 1948 года учился в военно-политическом училище МО СССР, около года — в г. Харькове, а затем во Львове. После окончания училища находился в отпуске на родине, селе Красногвардейском.

С сентября 1948 года по март 1949 года назначен зам. командира роты по политчасти 86-го полка МГБ СССР, 65-й дивизии в г. Бережаны (Тернопольокая обл.), где вели борьбу с украинскими националистами.

31 марта 1949 года назначен зам. командира роты по политчасти 365-го полка внутренних войск МГБ СССР в Арзамасе-16. Задача — охрана и оборона объекта особой государственной важности. Работал здесь до июня 1950 года.

С 8 июня 1950 г. по 1 сентября 1952 г. работал секретарем партийной организации 1-го батальона 365-го полка ВВ МГБ СССР.

С I сентября 1952 года по 17 апреля 1956г. — слушатель Краснознаменного, ордена Ленина, института МГБ СССР.

В апреле 1956 года был направлен на должность начальника штаба 18-го отдельного батальона дивизии ВВ МВД СССР в Арзамас-16. Батальон состоял из 14 застав, охранял 68-км зону объекта от наземного противника. В должности НШ батальона проработал до августа 1958 года.

27 августа 1958 года стал командиром 180-го отдельного батальона этой дивизии.

С декабря 1959 года по апрель 1962 г. — начальник отдела боевой подготовки дивизии.

В апреле 1962 года вновь на должности командира 18-го отдельного батальона.

С апреля 1963 года — командир 92-го отдельного полка в Челябинске-70. Объект для охраны оборудован так же, как Арзамас-16. Полк численностью около 2600 чел. непосредственно подчинялся главному управлению ВВ МВД СССР (непосредственно командующему спецвойск). Был командиром 92-го полка до ноября 1965 года.

Затем был назначен в Москву зам. командира отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Дзержинского (ОМС ДОН им. Дзержинского). Эта прославленная дивизия задачи выполняла самые разнообразные: охрана общественного порядка в г. Москве и Московской области, охрана и оборона ЦК КПСС, охрана золота и его обработки в г. Москве, охрана денег по территории СССР, борьба с бандитизмом и оказание помощи милиции, а также ряд других правительственных и партийных задач.

Зам. командира ОМС ДОН им. Дзержинского , а затем командиром до 23 марта 1982 года.

26 марта 1982 года был назначен командующим (начальником управления) специальных частей Главнокомандующего ВВ МВД СССР. Спецчасти охраняли и обороняли особо важные государственные объекты по всей территории СССР. Численность войск — около 100 тысяч человек.

10 мая 1988 года уволился из Вооруженных Сил в возрасте 63 года. С 1992 г. — председатель ветеранов-фронтовиков 5-й ударной армии. В 1994 г. избрали еще заместителем председателя Московского комитета ветеранов войны (пенсионеров). На этой должности и нахожусь по настоящее время.

Мои награды

Ордена: Октябрьской Революции (21.2.78 г.); Отечественной войны (11.3.85 г.); Красной Звезды (12.3.45 г.); Красной Звезды (16.12.72 г.); Дружбы (09.95 г.); Красного Знамени 2сб (венгр.) (4.4.85 г.); Мужества (20.07.96 г.); Почета (17. 06. 99 г.).

Медали: «За отвагу» (28.10.44 г.); «За отвагу» (20.11.43 г.); «За боевые заслуги» (12.43 г.);« За оборону Кавказа» (4.05.45 г.); «За победу над Германией» (9.05.45 г.); «За взятие Будапешта» (9.06.45 г.); «20 лет победы» (7.05.65 г.); «30 лет победы» (25.04.75 г.); «40 лет победы» (12.04.85 г.); «50 лет победы» (22.03.95 г.); «30 лет Советской Армии» (22.2.48 г.); «40 лет Советской Армии» (18.11.57 г.); «50 лет Советской Армии» (26.12.67 г.); «60 лет Советской Армии» (28.01.78 г.);« За безупречную службу» (11.10.58 г.); «Ветеран Вооружонных сил» (3.05.84 г.); «За отличную службу по охране общественного порядка» (17.08.76 г.); «100 лет со дня рождения Ленина» (11.04.70 г.); «60 лет советской милиции» (20.10.67 г.); «60 лет Монголии» (81 г.); «1300 лет Болгарии» (11.5.82 г.); «70 лет ВС СССР» (28.01.88 г.); Медаль Жукова (19.02.96 г.); «55 лет победы» (2000 г.); «За боевое Содружество» (20.04.01 г.); «За освобождение Украины» (2001 г.).

Почетные знаки: «25 лет в ВСВ»; «Почетный сотрудник Госбезопасности»; «Заслуженный работник МВД»; «50 лет особым отделам»; «За отличную службу во ВВ МВД РФ» (I и II степени); «Участник юбилейного парада 1995 — 50 лет окончания ВОВ».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Крылова Анна Викторовна***, студентка Профессионального училища № 5

Нечева Клавдия Михайловна

НАМ БЫЛО НАМНОГО ТРУДНЕЕ

Родилась 15 июля 1922г.Место рождения — Рязанская область, Муравлянский район. Русская, православная. Членство в общественной организации — совет ветеранов №5 района Аэропорт.

* * *

21 июня 1941 г. мы пошли на площадь Суворова получать аттестаты. И на 22 число договорились, что будем праздновать окончание школы. Но ничего не получилось — в 12 часов выступил Молотов. Известие о начале войны я прослушала по радио вместе со своими двумя одноклассниками. На этом моё образование закончилось. Потом я работала на оборонительных рубежах, затем — год на фабрике.

После этого по комсомольской путёвке пошла в армию. Нас определили в противовоздушную оборону города Москвы. Мужчин, которые были призваны, всех забрали на фронт. А оборонять столицу призвали нас — девчонок. У нас в батальоне было пять рот: одна только пожарная рота состояла из пожилых и старых мужчин, а во всех остальных ротах были женщины. Пока я служила, в марте месяце, по-моему, восьмого числа был налёт на Москву, и в нашем районе как раз упала бомба на — Мясницкой. Теперь мы занимались и раз-

бором завалов и раненых увозили; в общем тем, чем сейчас занимается МЧС. Кроме этого работали в госпиталях и учились одновременно. Мы приняли армейский устав, и нас всегда было легко собрать — через несколько минут уже могли стоять в строю. Посылали нас куда угодно, на любые работы. Когда стали немцы уходить из Москвы, когда уже закончилась оборона Москвы, мы просто выполняли всякие хозяйственные работы, как тяжёлые, так и лёгкие. В общем мы жили так, как живёт любая армия. Только мы были девчонками, и нам было немножко труднее. В нашем ведении находилась светомаскировка, чтобы нигде не загорелся свет, когда мы выходили на ночное дежурство. Когда же война стала заканчиваться, нас всех просто переключили на хозяйственные работы. Так, мы восстанавливали здания, я работала маляром. Занимались всякого рода деятельностью. Охраняли склады, которые были на нашей территории. В основном, конечно, работали в госпиталях. Они отнимали очень много сил внутренних, потому что это очень тяжкий и очень горький труд. Демобилизовалась я в 45 году, в августе.

Награждена:

— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», ГЖ0266391. Дата вручения 4 марта 1946г.;
— медалью Жукова, ГЖ0707075, указ от 19 февраля 1996г.;
— медалью «Ветеран труда»;
— медалью «40 лет Победы»;
— юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина»;
— медалью «Фронтовик».

Конечно, всего рассказать нельзя. Но вот несколько историй.

На пристани

Послали нас грузить дрова. А там каждое бревно длиной в 2 метра! И вот я с этим бревном проходила путь от палубы к трамваю. Я, как могу, с ним танцую, а затем так слегка его наклоняешь, а оно внизу сучком зацепилось, и ты его ни коленом, ни животом, никак с места не сдвинуть! Мы в жизни не ругались матом, а вот тут, как только коленом бревно пихнёшь, да ещё и что-нибудь скажешь при этом, смотришь — оно уже и пошло.

Учения

Были у нас и учения тоже. К нам пришли командиры, в последнее время всё молодые попадались — преимущественно фронтовики. И гоняли они нас как сидоровых коз! Нам доставалось от них очень. А так, хоть девчонкам и было труднее служить, в общем, ничего особенно жуткого не было. Во всяком случае, когда мы собирались все вместе, то больше смеялись, чем грустили. Это и понятно, я думаю. Что уж там говорить, это была молодость; в 19-20 лет одно восприятие, а в 80 — уже совсем другое.

Наша организация называлась МПВО

Ранений у меня не было. У нас три женщины ушли на фронт, точнее их отправили туда за нарушение устава; вот у них могли быть ранения. Возможно, могли быть и бытовые ранения. Я помню, на улице Горького был пожар — там горело Министерство. Нас тогда за две минуты подняли, и мы были в строю. Поехали на пожар мужики, а мы — на разборку. Вот такой мы были организацией. И называлась она Местная противовоздушная оборона и имела 25 батальонов в городе Москве.

Пятно на сердце

Демобилизовалась я 25 августа 1945 года. 2 мая объявили о победе, ночью. Мы все тогда повыскакивали из казармы и помчались на Красную площадь. Там было очень много народу, генерал нас какой-то целовал, вышел из машины потому, что мы ему нагло пересекли всю улицу. На Красной площади нас качали, вообще мы, по-моему, своими ногами не шли.

Но вспоминается другое, то, что было очень обидно. До сих пор для меня это чёрным пятном на сердце осталось. Никогда на Красной площади не было столько народу. И в это же время стали проезжать какие-то иностранные машины и начали бросать в толпу и пачками, и отдельными сигаретами. И наши бросились за этим куревом, как приехавшие из голодного края!

Да, мы были раздеты, разуты, холодно нам было, но всё равно не могу я понять, неужели гордость для людей не важнее, чем эта сигарета? Очень обидный был момент. Это наши так называемые союзники, которые нас «мариновали» со вторым фронтом, решили нас так

отблагодарить. Вот 60 лет с тех пор прошло, а я и сегодня этого забыть не могу.

Переписка

Мне дали адрес, и я стала переписываться с одним военным... Правда, сейчас нет уже, наверное, в живых этого человека. Переписывались мы со многими, но этот человек был с очень большим чувством юмора. Мы читали всегда всей ротой его письма, потому что если Хорохорин прислал письмо, значит там обязательно есть над чем посмеяться. Вот одно из писем — последнее его письмо: «Дорогая моя кошечка, как ты могла своими лапочками написать такое хорошее, яркое письмо! Я ликую от восторга и радости!» А я обиделась. Мне было тогда 20 лет, и я думаю: «Ну почему он меня так, ведь у меня имя есть!» Допустим, я тогда была немножечко другая. Ну, пусть бы это случилось 5 лет спустя, тогда бы я ему в тон ответила, и было бы всё в порядке. А тогда я обиделась и в ответном письме написала ему, чтобы он меня впредь называл меня по имени, а не какими-то там кошечками. После этого я получила от него открытку, в которой он писал: «Уважаемая Клавдия Михайловна! Получил ваше письмо. Пишу ответ. Кошек больше нет! Какие были — всех убили! Благодарю вас за теплоту и заботу о бойцах Красной Армии. Примите мой привет!» С тех пор 60 лет уже прошло почти, а я бы с удовольствием с ним встретилась, если он жив, конечно. Я, правда, помню только его фамилию и имя и то, что он из Саратовской области. А больше — ничего.

Обмундирование

Мы были очень плохо обмундированы. Когда мужиков всех забрали, для нас прислали одежду, но под наши размеры ничего не давали. Вот, допустим, мне дали ботинки. Но, так как я ношу 35-й размер, мне дают 40-й (самый маленький из всех, какие только были). Зашнуровать мне ботинок удаётся, а к носку-то он всё равно болтается. Брюки выдали галифе. И обмотки ещё дали. Это такая длинная лента; она начиналась от щиколотки, и от самого ботинка до галифе нога должна быть очень аккуратно обмотана! А галифе эти у мужиков на бедрах сходятся, а у нас не сходятся. И мы должны были их разорвать. Было очень интересно посмотреть на нас со стороны, по-

тому что мы очень смешно выглядели. Потом нас уже обмундировали поприличнее, и уже в последнее время мы ходили в армейских шинелях, из которых потом, после демобилизации, сшили себе пальто. Потому что пришли мы домой, как говорят, к разбитому корыту.

* * *

Фронтовики много рассказывали: о Курской дуге, о Сталинградской битве.... У меня, кстати говоря, есть сборник стихов поэтессы, которая у нас в районе живёт. Гудкова Алла Петровна пишет стихи о Сталинградской битве. Она — жительница Сталинграда, ей 17 лет было тогда. У неё воспоминаний более чем достаточно. Кое-что расскажу и я.

...Это произошло до того, как я попала в армию. Открываю дверь собственного дома, и тут в неё стукнул осколок от снаряда. И я подумала тогда: «Значит, так тому и быть! Видно, сама судьба велела мне остаться в живых». Я до сих пор так думаю. Как говорят, кому сгореть — тот не утонет.

...Звание у меня было старший сержант. А учились мы в полковой школе два месяца — так в то время выпускали командный состав. Награда у меня за войну только одна — медаль «За победу над Германией». Нам её вручали при демобилизации; кто вручал — я не помню, но, наверное, кто-нибудь из нашего штаба, потому что никто к нам не приезжал. Самое интересное, что я должна была получить медаль «За оборону Москвы», потому что я была и на оборонительных рубежах, и на других работах. Но самое главное — нас очень хорошо демобилизовали, так как понимали, что это за рабочая сила в Местной противовоздушной обороне. Очень многие пошли учиться на водителей троллейбуса. И когда уже поступали туда, их демобилизовывали. То же произошло и со мной — я демобилизовалась 25 августа, а 26 августа уже работала в Куйбышевском райисполкоме. И ни много ни мало а секретарём комиссии, и могла иметь эту медаль; точнее я даже имела право её иметь! Но тогда ведь об этом никто не думал.

...Я одиннадцать раз сдавала кровь. По 400 грамм. Ну, а где у меня эти документы? Ещё через много-много лет можно было по меткам посчитать, но теперь уже и их нет. Сейчас за донорство уже прибавляют к пенсии. А у меня нет документов, что я сдавала кровь. Я никуда не хожу и не прошу ничего. А процедура сама проходила так:

приходишь туда, тебе откачивают 400 грамм, после чего теряешь сознание. Тогда тебя кладут на пол, а ноги на стул. Полежишь немного, придёшь в себя, потом пойдёшь, пообедаешь и отправляешься назад в казарму.

...На войне у меня погиб жених. У меня даже есть «Книга памяти». Это книга о погибших на войне, в ней есть и о нём. Он был мой одноклассник — Сараев Владимир Андреевич, родился он в Москве, звание имел младший сержант. Я до сих пор его помню.

...Я была восьмым ребёнком в семье, родители у меня были старые. Брат у меня воевал, пришёл с трёмя ранениями. А какое звание у него было — я не помню. Ещё у меня зять воевал. Он тоже вернулся с трёмя ранениями. Имел звание лейтенанта. В семье из мужиков был только брат. Так получилось, что я жила с сестрой и с зятем, когда пришла из армии. Поэтому он был для меня более близким человеком, чем брат.

...Собственных публикаций у меня нет, хотя я и работала в издательстве. Зато у нас писал генерал Арсеньев. Он был самым главным в Местной противовоздушной обороне. Он командовал 25 батальонами.

...Вообще-то, я хоть и участник войны, но этого я не выпячиваю. Потому, что есть люди, которые через такое прошли! Взять, к примеру, хоть ту же Курскую дугу — страшнее, по-моему, ничего не было. По крайней мере, так рассказывают. Правда, некоторые люди умеют так рассказать, что заслушаешься. А мне кажется, что всё было обыденно.

...Я работала в 5-й роте. Это была химическая рота. Я там была командиром отделения разведки, а потом меня перевели на должность химического инструктора в пожарную роту. Там были в основном мужики. Возраст у них был уже в районе 50-ти. Они не попали на фронт по каким-либо причинам. Когда случались пожары, я была связной. И мужики нас учили, как надо работать. Я могла с пятого этажа запросто спускаться с карабином на верёвке. Меня карабином перематывали сильнее, чтобы не вывалилась, начинаю спускаться, а они возьмут и оттянут верёвку вот и вишу где-то по середине. Карабин-то мне велик, меня прижало и мне больно. И я им кричу: «Мне больно!» А они стоят внизу и веселятся! Им радостно, видите ли, что я одна, девчонка, к ним попала, а теперь повисла на карабине на полпути.

...Вообще невозможно о войне написать, и я уже говорила об этом. Это такой страх! Никакими словами невозможно описать войну. Поэтому правдивый рассказ о ней невозможно составить.

...Я была на встрече, где собирались фронтовики. Очень они интересные истории вспоминали — было что послушать. Та самая Алла Гудкова, из Сталинграда, рассказывала, что пришла девочкой в госпиталь. И был с ней такой случай: она разносила еду. А тот, кто ей это поручил говорит: «Тому, кто получил яйца, сметана не положена!» Заходит она в палату и говорит: «У кого яйца есть, тому сметана не полагается» Возвращается назад и говорит: «Я спросила, но они сказали, что у всех яйца есть» Вот садятся вспоминать о войне, и что вспоминают? Боль прошедшую? Как же! Вот так и мы иногда собираемся и начинаем вспоминать.... А ведь было и трудно, было и плохо. Мы никогда не дотягивали пайку хлеба до ужина. Давали по 600 грамм чёрного хлеба, и мы резали его на три части. И до ужина мы свою третью пайку никогда не дотягивали. Работа наша была физически очень сложной, особенно для женщин. И еды нам не хватало.

...Наш начальник был сугубо гражданский человек. Он был командиром роты. Потом его перевели. Собрали нас по тревоге в пять часов утра чистить Красную площадь. Вечером всем сказали, кто куда должен пойти. И вот мы бежим в сушилку хватать валенки. Схватить валенки надо было небольшого размера. Затем нас ведут в столовую. Когда шли из столовой, уже чуть рассвело. Посмотрели на свои ноги, а там один валенок серый, другой белый или черный. Размеры разные. И вот мы начинаем друг с другом меняться. Приходим на Красную площадь. Возле храма Василия Блаженного, с другой стороны Москвы-реки был склад. Нам открыли дверь, и мы сразу бросились за ломами. Потому что лом надо было взять не острый, а толстый и тяжелый. Тот, который острый, сейчас же затупится. Он сделан из такого материала... А тот, который толстый и тяжелый, немножко туповатый, часть уже срубилась и он будет хорошо рубить лед, потому что стальной. Мы хватаем эти ломы, лопаты. В этот раз нас привел командир роты. Раньше водили взводные. Он и говорит кладовщику: «Ну что вы, мои девочки работать ломом не могут». А мы уже давно навкалывались этими ломами. Вот тяжелый какой труд. Но мы остались живы. Мы, бывшие в местной противовоздушной обороне города Москвы, потом ремонтировали помещения, столовые. У нас была строительная рота. Из нас двоих прикрепили к Раменову, работали у него малярами. Старый мастер нас учил очень здорово. Допустим, если ты красишь масляной краской и у тебя где-то подтек, он говорил: «Это ты что соплей сюда напустили?». Вот я свою комнату ремонтировала сама. Два года назад. Обои клеила, потолки белила. Мне было семьдесят восемь лет. Иногда бывает очень тяжело, но я встаю и иду.

...Наш эвакогоспиталь №2212 находился около Красных ворот. У нас лежали по три, четыре дня; раненых оперировали и отправляли в тыл, в другие госпитали. У нас делали только что-то срочное. Госпиталь — это страдания. Очень тяжелые страдания. Представляете, лежит человек, от щиколотки до шеи в гипсе. И все время кричит. Молодой офицер, красивый парень. Сидишь и смотришь на него. Думаешь: «Да что же это такое?». И вот можешь просидеть весь день, погладить ему ногу. И когда ты гладишь, он молчит. Ты думаешь, что он уснул. Только ты отнимаешь руку, он начинает кричать. Просто ты его этим движением каким-то образом отвлекаешь. Он хоть как-то дремлет. А что он прошел — это одному богу известно.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Комов Алексей Юрьевич***, студент 3-го курса Московско гогосударственного строительного университета

Новоченко Иван Ефимович

РОДНЫХ СВОИХ Я НАШЕЛ В БЛИНДАЖЕ

Родился 17 августа 1919 г. Белгородская обл., Шебекенский р-он, село Пенцево. Русский. Православный. Был в комсомоле; в КПСС с 1941 г.

В 1935 г. окончил школу, в 1938 г. политпросветтехникум, с сентября 1938 по декабрь 1939 г. курсант Харьковского военного училища связи. В 1958 г.окончил Ленинградскую академию связи им. Будённого.

На 22 июня 1941 г. служил в г. Борисполе Киевской обл. в 204-й воздушно-десантной бригаде начальником связи батальона в звании лейтенант. Это было воскресенье. Служил на аэродроме. Когда выглянул в окно, самолётов не было. На 2-й день войны аэродром начали бомбить.

28 июня наш батальон под командованием капитана Солопа погрузили на самолёты и бросили в тыл противника.

Мой боевой путь: Житомир (июль 1941), Киев (сентябрь 1941). Река Десна. Города: Пирятин (сентябрь 1941), Харьков (сентябрь-октябрь 1941), Ростов-на-Дону (ноябрь 1941), Матвеев Курган (декабрь 1941-январь 1942), Барвенково (начало 1942). Река Дон в районе города Ростова (июль 1942). Река Кубань (лето 1942). Станицы Шапшугская и Эриванская (лето 1942). Новороссийск (1942), Майкоп (март 1943), Россошь (май 1943), Короча (лето 1943). Река Днепр (конец

1943). Киев (конец 1943), Ковель (март 1944). Крепость Прага — предместье Варшавы (10 сентября 1944). Река Одер (весна 1945). Города Бернау (апрель 1945), Берлин (май 1945).

В ноябре 1941г. освобождал Ростов-на-Дону в составе Южного фронта, 216-й СД, в должности командира штабной роты батальона связи в звании лейтенант.

10 сентября 1944 освобождал крепость Прагу — предместье Варшавы в составе 47-й армии 79-го полка связи, в звании лейтенант.

В мае 1945 освобождал Берлин в составе 1-го Белорусского фронта 47-й армии в должности зам. начальника войск связи, под командованием генерал армии Перхоровича. В звании майора.

В августе контузия под Черниговом. Без последствий.

После окончания войны остался работать в Советской военной администрации в Германии, в должности старшего офицера отдела связи. На майорской должности. Продолжал службу.

Награды:

— орден Красной Звезды. №240654 — за форсирование реки Днепр;

— Орден Отечественной войны 2 ст. №77820 — за освобождение Варшавы;

— Орден Отечественной войны 1 ст . №139744 — за взятие Берлина;

— Орден Отечественной войны 1 ст . № 223650 — за окончание войны;

— Орден Красной Звезды № 3124108 — за 15 лет службы.

В войну погиб брат Семен Ефимович Новоченко (июль 1943 г.). При битве на Курской дуге разорвалась в руках противотанковая граната.

Остались живы:

— старшая сестра Воронина Катерина Ефимовна. 1918 года рождения Была медсестрой в госпитале легкораненых;

— младшая сестра Павленко Татьяна Ефимовна. Три года работала в плену.

Обо мне есть публикация: журнал «Радио». 1985 г. № 5. Маршал войск А.И. Белов. К сорокалетию победы.

* * *

С первых дней войны я был на фронте. Прошел боевой путь от Кавказа до Берлина. В начале войны мне пришлось испытать горечь

отступления, начиная почти с западной границы. За год до начала Великой Отечественной войны я закончил военное училище радиосвязи в Харькове, и в декабре 1939 года мне было присвоено звание лейтенант. Участвовал в боях на Финском фронте в 44-й СД, 146-м СП в должности командира взвода связи, освобождал Бессарабию в должности начальника связи десантного батальона 204-й ВДБ в Киевском округе. Когда фашистские войска рвались к Киеву, нашу бригаду направили на защиту г. Киева в район Житомира. Бригада вела бои в течение недели, но силы были не равные и нам пришлось с боями отступать. Когда фронт под Киевом стабилизировался, нашу бригаду перебросили в район Чернигова, так как враг пытался обойти Киев с севера и уже была форсирована р.Десна в районе Чернигова и заняты два села на левом берегу реки. Нашей бригаде было приказано выбить противника из этих сел и ликвидировать плацдарм противника. Бригада выполнила эту задачу и в течение нескольких суток удерживала оборону по реке Десна. Когда Киев был оставлен нашими войсками, бригаде пришлось отступать в район Пирятина. Это было страшное Пирятинское окружение Юго-Западного фронта, где погиб командующий фронтом Кирпонос. Мне удалось вырваться из этого окружения и прибыть в Харьков. Это был трудный период в моей жизни, который никогда не забудешь. Здесь на базе воздушной бригады была сформирована 216-я стрелковая дивизия, где мне пришлось командовать штабной ротой в батальоне связи и участвовать в обороне и уличных боях в Харькове. В этот период рота использовалась в качестве пехоты, занимала оборону по ул.Ворошилова. После занятия противником Харькова наша дивизия была переброшена в район Ростова, где и участвовала в освобождении города в ноябре 1941 года. В этих боях противник понес большие потери, была разгромлена танковая армия Клейста, наши войска вышли на р.Миус. По р.Миус в районе Матвеева Кургана дивизия вела оборонительные бои до января 1942 г. Когда наши войска прорвали оборону в районе г.Харькова и вышли в район Барвенково-Лозовая, нашу 216-ю дивизию перебросили в район г.Барвенково. Здесь дивизия вела оборонительные бои под стенами Краматорска в тяжелых условиях зимы 1941 года. В начале весны 1942 года дивизию вывели в резерв на пополнение в район Рубежное. Вскоре Барвенковская группировка (или, как ее называют, Харьковская группировка наших войск) была окружена противником. Вывод нашей дивизии на пополнение спас её от участи войск, попавших в окружение. В июле 1942 года наши войска оставили Ростов.

Нашей 216-й СД пришлось обеспечивать переправу наших войск через р. Дон в Ростове, поэтому дивизия переправилась последней. С большим трудом мне удалось переправить автомобильные радиостанции через Дон. Наличие радиостанции и радиосвязи с 18-й армией обеспечило, можно сказать, существование дивизии. Дивизия с боями отступала в направлении Краснодара и, когда вышла на р. Кубань, заняла по ней оборону. Когда Краснодар был оставлен нашими войсками, дивизия была вынуждена отойти в Кавказские горы, в станицы Шапшугская и Эриванская. Здесь дивизия заняла оборону и уже дальше не отступала. С этого рубежа дивизия участвовала в освобождении Таманского полуострова. Мне не пришлось участвовать вместе с дивизией в освобождении Таманского полуострова, так как был переведен в 79-й полк связи 47-й армии командиром радиороты. Войска 47-й армии в это время находились в обороне под стенами Новороссийска и обеспечивали высадку основного морского десанта в район Малой Озерейки и вспомогательного — в район Мысхако, где батальон морской пехоты майора Ц.Л.Куникова сумел захватить небольшой плацдарм в районе Станички. Примерно в середине марта 1943г. управление 47-й армии передало полевые войска соседней 18-й армии, незадолго до того реорганизованной в десантную, и с частями армейского подчинения выехала в район Майкопа. Нас отводили в тыл, во фронтовой резерв. В районе Майкопа мы пробыли меньше месяца. В двадцатых числах апреля погрузились в железнодорожные эшелоны. Теперь наш путь лежал на север. Армия направлялась в распоряжение Степного военного округа. Местом её временной дислокации был определен район г.Россошь.

Встреча

5 июля 1943 года немецко-фашистские войска перешли на Курской дуге в наступление, бросили против советских войск крупные силы пехоты, танков и авиации. Курская битва продолжалась, и с каждым днем становилось все очевиднее, что после Сталинградского сражения — это новый важнейший этап Великой Отечественной войны, что немецко-фашистская армия терпит такое поражение, от которого уже не сможет оправиться. Авантюристическая попытка немецко-фашистского командования развернуть третье летнее наступление обернулась полным банкротством. 6 или 7 августа был получен приказ на марш. Войска 47-й армии передислоцировались в район горо-

дов Короча, Новый Оскол с задачей занять оборону за боевыми порядками 69-й армии и готовиться к наступлению. Для меня эти дни были волнующими в жизни, так как район Корочи был моей родиной и я с 1941 года не имел сведений о судьбе моих родных. Село Пенцево Шебекинского района, где я родился, находилось в 40 км от Корочи, и мне командование полка разрешило навестить родных. Был выделен мотоцикл, и мы вдвоем с мотоциклистом выехали в село Пенцево. Через два часа были на месте. В селе был расположен штаб дивизии, войска вели упорные оборонительные бои с противником, который рвался из г. Белгорода. Упорные бои велись в 1,5 км от села. Поэтому село постоянно находилось под артиллерийским обстрелом и постоянно бомбилось противником. Родных своих я нашел в блиндаже в огороде, где они прятались от обстрелов и бомбежек. Это была волнующая встреча. Я встретил отца, мать и маленькую сестренку. Они мне рассказали о жутких днях на территории, окупированной немцами. Хотя оккупация длилась непродолжительное время, она принесла много бед: была сожжена хата, угнана в рабство младшая сестра Таня. Полицаи преследовали отца за то, что его сын и старшая дочь Катя служат в Красной Армии. С родными я находился несколько часов, надо было спешить в свою часть, так как войска армии готовились к прорыву обороны противника восточнее г. Суммы.

В атаку

В ночь на 17 августа войска армии, сменив на переднем крае части и соединения 40-й армии, вышли на исходный рубеж для наступления. Наступлению должна была предшествовать пятидесятиминутная артподготовка, а затем десятиминутный огневой налет «катюш». Войска связи нашей армии были готовы обеспечить устойчивую связь на всех этапах наступления войск. Особая ответственность возлагалась на радиосвязь, т.е. на радистов моей радиороты. В наступательной операции основным средством связи с войсками была радиосвязь, а пока до начала наступления все радиосредства работали только на прием.

Атака стрелковых частей была назначена на 7 часов утра. Ровно в 6.00 прогремел первый артиллерийский залп. Почти одновременно заработали сотни орудий и минометов. Грохот нарастал с каждой секундой, пока не слился в сплошной оглушительный гул. В воздухе появились штурмовики. Гудела земля. Гудел воздух. Все дрожало вокруг. Подобного грома артиллерии и авиации мне еще не приходи-

лось слышать. После такой артподготовки, наверное мало кто остался живым в окопах врага. За первый день боев войска 47-й армии освободили территорию примерно в 150 кв. километров, уничтожили до трех тысяч вражеских солдат и офицеров, десять танков, много орудий, пулеметов, захватили немало пленных. Были освобождены города Гадяч, Зенько. Продвигаясь с боями вперед , войска армии ежедневно освобождали десятки населенных пунктов. Местные жители восторженно встречали своих освободителей.

Утрата

16 сентября 1943г. командующий армией генерал-майор Павел Петрович Корзун выехал в освобожденный город Гадяч. Командующего всегда сопровождала его личная радиостанция РСБ на автомашине. Начальником радиостанции был лейтенант Голиков, старшим радистом — старшина Болотников. В тот день выдалась мерзкая погода — шел осенний дождь. Местность в районе г.Гадяча была болотистая. Впереди экипажа радиостанции медленно двигалась открытая машина командующего. С ним были два автоматчика, которые сидели на заднем сидении. До города оставалось несколько километров, и вдруг мы услышали сильный взрыв, над дорогой взметнулись клубы дыма. Когда дым рассеялся, увидели на обочине обломки машины. Командующий Корзун лежал вниз лицом. Он был еще жив, но через несколько минут, не приходя в сознание, скончался. Как потом было установлено, машина командарма подорвалась на противотанковой мине. Местные жители свято чтут светлую память о Павле Петровиче Корзуне. У его памятника в Гадяче всегда много цветов.

Только вперед

Армия освободила от гитлеровских захватчиков города Гадяч, Ромодан, Дубны. Хорол, Лохвицу, Золотоношу. Преодолев реки Псёл, Хорол, Сулу, Супой, передовые части вышли к Днепру. К исходу 23 сентября все войска армии подошли к Днепру и готовились к броску на правый берег. Первыми форсировали Днепр подразделения 748-го СП 206-й СД, 667-го СП 218-й СД, а потом и другие части армии. С частями на правый берег переправились и радисты с радиостанциями. Связь с ними работала бесперебойно. Но радиосредства не могли удовлетворить потребности армии в передаче большого потока инфор-

мации с правого берега Днепра. Была поставлена задача проложить кабель через Днепр. Выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями, так как у нас не было специального подводного кабеля. Проводная связь между левым и правым берегами прокладывалась обычным полевым кабелем, с подвеской к нему грузов, но связь по этому кабелю осуществлялась не более 2-3 часов, так как изоляция была слабая. Потом стали кабель пропитывать озокеритом и смолой, с этой пропиткой кабель обеспечивал связь в течение 5-6 часов. Затруднение в прокладке кабеля создавало и быстрое течение реки. Каждый солдат и офицер старался выполнить свою задачу как можно лучше. За обеспечение проводной связи с правым берегом Днепра нашему солдату 79-го ОПС Колчину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Многие связисты были награждены орденами и медалями. Мне вручили первый орден «Красной Звезды».

В районе Великого Букрина 47-я армия наращивала удары по врагу и готовилась для удара по Киевской группировке гитлеровцев. Но был получен приказ Верховного Главнокомандования перебросить основные силы с букринского плацдарма на лютежский, откуда и начать новое наступление по освобождению Киева. Наше полевое управление 47-й армии вместе со штабом и частями непосредственного подчинения, в том числе и 79-й полк связи, выводились в резерв Ставки. Так нам и не довелось освобождать столицу Украины — г.Киев. В течение трех месяцев мы находились в резерве Ставки. За это время нашим войскам приходилось принимать участие в ликвидации бендеровцев, бульбовцев и других вооруженных банд буржуазных националистов в Ровенской области. В конце 1943 года пришла новая, тринадцатая по счету смена командующего армией: вместо Ф.Ф.Жмаченко к нам прибыл генерал-лейтенант В.С. Поленов. Начальником штаба стал генерал-майор М.С. Филипповский. Приказом командующего 2-м Белорусским фронтом в подчинение нашей армии переходили 77-й СК, I25-й СК, 129-й СК. Нам, связистам, необходимо было организовать связь с новыми корпусами как радио, так и проводную. Это требовало больших усилий всего коллектива армейских связистов. Необходимо было обеспечить войска средствами связи. Планировалась наступательная операция по овладению Ковельской группировкой противника.

17 марта войска начал наступление. К исходу 18 марта вражеский гарнизон в Ковеле был окружен, а остальные войска противника, оборонявшие Ковельский выступ, оттеснены на 10-20 км на запад от

города. В период ковельской наступательной операции мне пришлось обеспечивать радиосвязь с авиацией, которая поддерживала танковый корпус, вводимый в преследование противника. Это было впечатляющее зрелище, когда сотни танков на полном ходу двигались на запад, а в воздухе проносились на малой высоте сотни штурмовиков и истребителей 6-й воздушной армии. На внешнем фронте завязались упорные бои. Наступление наших танков было встречено сильным артиллерийским противотанковым огнем противника. Несколько танков загорелось. Противник обстреливал наши танки какими-то огненными кусками металла, как потом я узнал, это были кумулятивные снаряды. Наша радиостанция, кузов которой возвышался над другими машинами, тоже получила несколько пробоин от снарядов противника, в результате чего была выведена из строя. Как потом мне стало известно, противник стремился прорвать кольцо окружения и вывести свои войска из Ковеля. Для этой цели в район города была переброшена танковая дивизия «Викинг» и другие пехотные и танковые части противника. Наши войска, сражавшиеся на внешнем фронте, а также окружившие Ковель несли значительные потери в живой силе и военной технике. Ценой больших потерь врагу в первых числах апреля удалось прорваться вдоль железной дороги к Ковелю и несколько оттеснить наши войска. 5 июля началось наступление на Ковель, а 6 июля мы принимали поздравление Верховного Главнокомандующего тов. И.В.Сталина об овладении «важным опорным пунктом обороны немцев и крупным железнодорожным узлом — городом Ковель».

Первая граница

2 июля наша армия вышла на государственную границу СССР с Польшей. Это событие также было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего. В Польше трудовой народ встречал нас радушно. К 1 августа армия продвинулась в северо-западном направлении почти на 300 км. Были освобождены города Минск-Мозовецкий, Луков, Бяла-Подляска. В течение августа войска армии вели затяжные бои, до польской столицы было уже совсем недалеко. Наступление на Прагу — предместье Варшавы, — началось 10 сентября, а 14 сентября мы читали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором сообщалось о том, что войска 1-го Белорусского фронта овладели крепостью Прага — предместьем Варшавы. В честь овладения

крепостью Прага столица нашей Родины салютовала 14 сентября двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Наш 79-й полк связи получил почетное наименование Пражский. За сотню километров от Варшавы было видно зарево. Как потом мне стало известно, варшавяне восстали. Это восстание было спровоцировано лондонским эмиграционным польским правительством под руководством генерала графа Бур-Коморовского. Он хотел захватить власть в Варшаве и передать ее лондонскому эмигрантскому правительству. Но эта авантюра не удалась. Мне пришлось наблюдать с НП армии через подзорную трубу Варшаву, которую немцы непрерывно бомбили с воздуха. Наши войска по мере возможности помогали восставшим варшавянам, сбрасывая с самолетов продукты и вооружение, но эта помощь была недостаточная. С самого начала было ясно, что восстание было преждевременно и оно не будет иметь успеха. За преступные действия реакционеров поплатились жизнью четверть миллиона варшавян.

15 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. Прорвав оборону на участке всего в 5 км, части и соединения армии к исходу дня расширили прорыв до 15 км по фронту и продвинулись на 12 км в глубину. Соседом нашей армии была 1-я Польская армия под командованием генерала Станислава Павловского, которая, форсировав р.Вислу, завязала бои в западной части польской столицы. 17 января столица Польши Варшава была освобождена. В этот же день был принят приказ Верховного Главнокомандующего, в котором войскам, участвовавшим в освобождении Варшавы, объявлялась благодарность, а в столице нашей Родины — Москве — был дан салют. В числе отличившихся войск в боях за освобождение Варшавы были названы и войска связи 47-й армии.

После выхода войск армии за Вислу развернулись бои преследования, бои за освобождение городов западной Польши — Шнейдемюль, Альтдам, Дейч-Кроне. На этом рубеже войска армии заняли оборону для отражения возможного удара противника во фланг со стороны Восточной Пруссии, так как наши далеко вклинились в оборону противника. Активные боевые действия на главном направлении: возобновились лишь во второй половине марта. Наша армия после упорных боев вышла к реке Одер в районе Гюстебизе, Клоссов и заняла плацдарм на противоположном берегу реки Одер. Стало очевидно, что армии предстоит участвовать в завершающей битве на главном направлении в наступлении на Берлин. Перед решающими

боями войска связи армии готовили средства связи, личный состав связистов к обеспечению командования армии устойчивой связью. Мне, как ответственному за радиосвязь в армии, пришлось много поработать, чтобы подготовить личный состав радистов, средства радиосвязи к предстоящим боям. Советские воины горели ненавистью к фашистским захватчикам, старались отомстить за своих замученных близких, за разорение родной земли. Но как быть с мирным немецким населением? Я помню статью в газете «Правда» за тот период под названием «Товарищ Эренбург упрощает». Статья указывала на ошибку известного писателя, который в одном из своих выступлений сказал, что все немцы одинаковы и что они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев. Газета решительно заявила, что Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения. Тогда же войска получили специальную директиву Ставки Верховного Главнокомандования, которая требовала от советских воинов и на немецкой земле свято и нерушимо беречь честь Красной Армии как армии-освободительницы.

На Берлин

Наша 47-я армия входила в состав главной ударной группировки фронта для наступления на Берлин. В период 30-минутного артиллерийско-минометного огня все слилось в один общий непрерывно нарастающий гул. По сигналу к атаке одновременно вспыхнули десятки прожекторов, ослепляя противника и освещая путь нашей пехоте и танкам. Мне довелось быть в это время на НП командующего армией и все это видеть своими глазами. Это было незабываемое зрелище! Ожесточенные бои велись за Бернау, этот город был на пути к Берлину. После взятия Бернау оставались считанные километры до окраин Берлина. 24 апреля войска 77-го СК овладели гор. Науен — основным центром фашистской радиопропаганды. Здесь была одна из мощных в Европе радиостанций. Науенскую радиостанцию наши войска захватили в полной исправности.

27 апреля войска 77-го СК заняли город Потсдам и встретились с войсками 1-го Украинского фронта. Так было завершено окружение берлинской группировки противника. Мне в этой период пришлось обеспечивать радиосвязь встречи с войсками 1-го Украинского фронта. Эта радиосвязь работала устойчиво еще задолго до встречи войск двух фронтов, и она исключила возможность поражения огнем артиллерии и стрелкового оружия своих войск.

27 апреля войска 129-го стрелкового корпуса овладели городом Шпандау.

2 мая был принят по радио приказ Верховного Главнокомандующего о завершении разгрома берлинской группировки войск противника и овладении столицей Германии — г. Берлин. В числе войск, отличившихся в боях за овладение Берлином, в приказе была названа и наша 47-я армия. Несмотря на окончание боев, нашим войскам пришлось вести бои с прорвавшейся 20-тысячной армией гитлеровцев, которая стремилась через наши тылы прорваться на соединение с американскими войсками. Эта затея им не удалась...

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Попов Юрий Евгеньевич***, студент 3-го курса Московского государственного горного университета

Огоновская Лидия Георгиевна

БЫЛ ШАНС ПОДОРВАТЬСЯ НА МИНЕ

Я родилась 13 августа 1923 года в Мценском районе Орловской области, в деревне Ильково.

До девяти лет жила в деревне, но после того как все мои деды были раскулачены, наша семья была вынуждена уехать из деревни в Мценск.

В это время мой отец был арестован (по 58 статье, которая считалась политической), за какие проступки его арестовали, я не знаю, он четыре года отсидел где-то в Гулаге на Севере, в 33 году вернулся, а 20 октября 37 года его опять арестовали, и пропал он без вести.

Мама очень долго пыталась его найти, но поиски были безрезультатны. А маму просили, чтобы она официально отказалась от отца, чтобы этот отказ был напечатан в газете, но она не хотела, наоборот, она просилась, чтобы её отправили к мужу. Но работник НКВД говорил о том, что если уж вас и отправят, то в противоположную сторону.

Мама очень боялась за семью, за детей, но нас не трогали, мы остались на месте. В 1958 году я пыталась ещё раз попробовать найти отца, оказалось, что он умер в 1942 , где именно, так и не узнала. Вообще у меня очень много родственников было репрессировано. Мамину сестру с пятью сыновьями выслали в Котельнич. Там она ещё родила четверых детей.

После окончания семи классов я два года не училась, потому что не было средств, мама была одна, детей у неё было двое.

Я как дочь «врага народа» очень трудно пробивалась в комсомол. Помню, после семи классов первый раз сдавала экзамены, но меня не приняли. После долгих усилий я всё-таки вступила в комсомол.

В 1939 году поступила в педагогическое училище, закончила только два курса, так как началась война.

О войне я узнала в 1941 году, как раз после выпускного вечера третьего курса. Это было 22 июня 41 года, около одиннадцати часов меня разбудила тётушка и сказала, что на нас немец войной пошёл.

И уже на следующий день мы с подружкой пошли в военкомат, просили, чтобы нас взяли на фронт. Тогда нас военком выгнал, сказав, что мы насмотрелись фильмов о Чапаеве и думаем, что война это прогулка по тому городскому саду, что у нас был.

В конце августа 1941 года я уехала в Тулу к своему дядюшке, тогда мне уже исполнилось восемнадцать лет. Помню, перекопали всю Тулу, потому что немец очень быстро от Орла к Туле пришёл. Тула же была вся заминирована, и мы копали окопы. Перекрёстки всех улиц были перекопаны. Всё нами, по существу, молодёжью.

Тогда у молодёжи был патриотический дух, я не чувствую этого у современной молодёжи. А мы были готовы на всё что угодно, о чем бы нас ни попросили. Скорее, наоборот, — мы сами просились. Одно время, ещё во времена учёбы в педагогическом училище, была мода освоения Дальнего Востока, и я никогда не думала, что останусь в Мценске, буду там учительствовать, напротив — я мечтала уехать на Дальний Восток. Но впоследствии всё сложилось по-другому.

Через некоторое время я поступила на оружейный завод, работала сверловщицей. Как раз в это время мне предложили и я сразу же согласилась пойти на курсы медсестёр. Тогда рабочий день был с 7 до 19, поэтому курсы проходили в вечернее время, правда, из-за курсов нас с завода отпускали на час раньше. Работали на заводе практически без выходных, давали нам выходной — воскресенье, но его мы полностью посвящали военной подготовке. Недалеко от Тулы в сторону Курска есть станция Косая Гора, в этом месте мы с подружками проходили военную подготовку: приходилось много бегать, ползать по-пластунски, на четвереньках и т.д. И за воскресенье уставали до изнеможения.

Я проучилась на курсах медсестёр полгода, и меня направили в госпиталь, в котором мне работалось очень нелегко: раненых было много (они прямо с фронта прибывали, им сразу же оказывалась первая помощь). Я с непривычки не могла переносить всю эту атмосферу, запахи от ран, которыми наполнялись помещения госпиталя, осо-

бенно в летнее время. Иногда я по трое суток не выходила из госпиталя, работала, и если выдавалась свободная минута, то мгновенно засыпала. Тогда на заводе уже не работала, работала только в госпитале и училась.

Я постоянно просила своего начальника курса, чтобы с первым набором на фронт меня направили в любую часть. Помню, сначала был набор в батальон аэродромного обслуживания (БАО), но меня не призвали. А вот 12 июня 1943 года меня уже отправили на фронт. Наверное, потому, что мы с подружками постоянно ходили в военкомат и просили, чтобы как можно быстрее нам выписали повестки. У нас в военкомате был знакомый мальчик, нам всё организовали.

Таким образом, я до 43 года работала в госпитале, донором была, крови сдала около шести литров, сдавала ежемесячно большие нормы по 450 грамм, один раз перенесла прямое переливание.

И вот привезли меня куда-то под Калугу, станция Сергеев-Скит, если не ошибаюсь, сейчас она называется Калуга-2. Это было 12 июня 1943 года, привезли меня в палаточный лагерь, который находился в лесу.

Помню, там уже было три девочки из Алексина, и я приехала с подругой, т.е. всего в части тогда было пять девушек. Я попала в 32-й мостовой железнодорожный батальон, входящий в первую железнодорожную бригаду, которая приблизительно равнялась дивизии, на Западный фронт. Командиром батальона был Вейцман Самуил Гдальевич, начальником штаба — Троянский.

Мы передвигались в основном по железной дороге, восстанавливали все мосты, переправы, так как наши отступали — взрывали, немцы восстанавливали, отступали — тоже взрывали. Я помню некоторые населённые пункты, которые мы пересекали: Сухиничи, Думиничи, Людиново, Жиздра, Дядьково. Нашим солдатам было очень тяжело работать, потому что они работали всегда с оружием, ожидая нападений, напряжённо. Тогда в воздухе свирепствовала немецкая авиация, как только наши что-то восстановят, немцы налетали и всё разрушали. Мне кажется, тогда наши орудия ПВО были немного пассивны или их не хватало.

Попала я вместо медсестры машинисткой. Я умела печатать и, увидев в штабе, как солдат ужасно печатает, решила ему помочь, меня заметил начальник штаба и решил оставить в штабе. Мне очень хотелось работать медсестрой, вот я в госпитале не хотела, а в части у меня было огромное желание. Я плакала, жаловалась, но все мои причитания оставались без ответа. Помню, приезжал к нам в часть начальник

санитарной службы бригады, он был москвич, уже пожилой человек, я ему жаловалась, он начинал командира ругать за использование медиков не по назначению. Меня на два дня отправляли в санчасть, а как только он уезжал, опять сажали в штаб за машинку.

Наши соединения всегда занимали заминированные места, у нас было очень много сапёров-специалистов, даже собаки были, которые им помогали. Часто собаки подрывались и люди подрывались. Несколько раз меня посылали дежурить с минёрами.

Наши войска пошли по московско-киевской дороге. Следующая запомнившаяся мне остановка — станция Палики, когда едешь по дороге, можно было видеть большое количество разминированных противотанковых мин на расстоянии метров 20 друг от друга. В Паликах мы стояли в лесу.

Иногда нас отправляли в тыл, например, перед взятием Брянска, затем мы возвращались обратно в Палики.

Через некоторое время прибыли в Брянск.

В первых числах ноября 1943 года мы попали под Смоленск, в деревню Бочаровщина, это станция Приднепровская. Там Днепр не очень широкий, но с очень быстрым течением.

Между Брянском и Смоленском мы останавливались в большой деревне, названия не помню, помню косогор большой, это был как раз конец года, в этой деревне мы встречали Новый год. Я возила в Смоленск раненых под бомбёжками. Немцы сбрасывали 1000-килограммовые бомбы, если яму от бомбы наполнить водой, то получилось бы маленькое озеро.

По пути к Смоленску проезжали Рославль.

Я не точно помню когда, но в районе Смоленска разделился фронт, мы стали третьим Белорусским. Смоленск был очень сильно разрушен, на него страшно было смотреть: на окраинах трубы, печки от домов стояли. Сам Смоленск мы миновали.

Далее мы двинулись в Западную Белоруссию. Проезжали Оршу, Витебск обошли стороной, Минск.

Всё это время я работала машинисткой. Машинистки ценились тогда на вес золота, причём штатной единицы машинистки не было, нас держали или связистами, или путейцами, кого как — всё по приказу. Где можно было держать лишнего человека, то там тоже штат соблюдался.

Летом 1944 года мы прибыли в Борисов. Как раз в это время пришёл приказ из штаба первой бригады, в котором говорилось о моём переводе из штаба 32-го мостового железнодорожного батальо-

на в штаб самой бригады, в оперативно-строевой отдел. Я очень не хотела. Начальник оперативно-строевого отдела подполковник Соколов, когда получал документы из батальонов, смотрел, как машинистка печатает: грамотно ли, как располагает материал. Я ему понравилась, я грамотная была (русский язык и литература были моими любимыми предметами). Поэтому меня перевели в оперативно-строевой отдел, а он был одним из главных отделов после политотдела. Соколов был очень строгим начальником. Служила у него девушка по фамилии Куликова, калужанка, он её обожал, а меня заставлял до двух часов ночи печатать весь материал. По прошествии некоторого времени мы с ним стали друзьями. Командиром первой бригады был полковник Дугин, он был ленинградцем, начальником штаба бригады — Тымчук. В бригаде было восемь батальонов.

Следующая запомнившаяся мне станция — станция Лида, большой железнодорожный узел, это был июнь или июль 44 года. Фронт был настолько близко, что очень хорошо слышны были орудия.

Вот мы проехались по Белоруссии. При быстром наступлении машины с продовольствием очень часто запаздывали, и мы терпели голод. Нам давали по два сухаря на день и два раза в день кормили затирухой: мука, смешанная с водой. Вообще, Белоруссия для меня осталась как сплошное болото. Я всегда удивлялась, как там проводили железную дорогу: едешь — слева болото, справа — болото, сколько едешь — всё болото да деревья поваленные. Но вот в Западной Белоруссии, там, по-моему, было немножко посуше.

За Белоруссией следовала Литва. (В Литве мы пробыли почти до конца 44 года.) Осенью 44 года в ноябре мы приблизились к границе с Польшей. Мне кажется, это был город Эйткунен. В Литве останавливались в городах Мелькемен, Друскининкай. Многие пересекаемые литовские города уже не помню. В некоторых местах останавливались на неделю, а иногда и меньше. Меня даже не интересовало, в каком месте мы остановились, сидишь — работаешь, было бы тихо и спокойно. Помню одно: бригада стояла недалеко от Каунаса, в местечке Панимуни.

Польские города: Коршин, Сувалки, Козлоруды.

А уже 8 марта 1945 года мы стояли в Инстербурге (переименован в Черняховск), тогда как раз был штурм Кенигсберга, бои были страшные. В Инстербурге штаб нашей бригады располагался в конноспортивной школе, я жила на втором этаже. Бывало, ездили за продуктами в Кенигсберг, там продовольственные склады горели. На складах

были огромные обгоревшие куски сахара, мы их обрубали и прекрасно потребляли.

9 апреля 45 года наши войска взяли Кенигсберг. Я не помню, как далеко мы были от него, но гул слышался на многие километры. Как только Кенигсберг был взят, часть батальонов первой бригады отправили куда-то на восток.

Я закончила войну в Инстербурге. День Победы, 9 мая 1945 года, встречала здесь; потом оставалась в Инстербурге ещё недели две.

Оттуда мы выехали в первых числах июня. Ехали до Омска.

Сейчас я не могу вспомнить, какие места мы проезжали. Ехали в поезде, очень мало останавливались. Первая остановка — город Эйткунен. Останавливались в Свердловске, ехали до него примерно две недели, приехали в первых числах июня. В Свердловске ещё с довоенных времён стоял железнодорожный корпус.

В Горьком стояли до тех пор, пока не накупались в Волге.

Вот мы прибыли в Омск, наш эшелон встречали командир 64-го батальона, который уже стоял в Омске, ленинградец Степанов Евгений Иванович и Огоновский — мой будущий супруг. В управлении дороги сказали, что можно разгружаться. Нам предоставили место для расположения штаба бригады, я жила в комнате. По прибытии в Омск меня попросили подежурить на кухне, там тоже медики дежурят.

24 июня 45 года я вышла замуж за Огоновского, с ним я была давно знакома. Я служила в штабе бригады, он — в 64-м батальоне. И в Омске мы случайно встретились. Гулял весь наш батальон с оркестром — у нас свои музыканты были. Тогда муж снял отдельный домик в Омске, на улице Ярославского. В 1974 году я искала эту улицу, оказалось её уже там нет.

Нашу бригаду в Омске остановили, она дальше не поехала. И до сих пор первая железнодорожная бригада стоит в Омске.

Меня демобилизовали 29 ноября 1945 года. Демобилизовалась я в Мценск. Мне кажется, что меня демобилизовали позже всех остальных, наверное, я нужна была как машинистка, некем было заменить. В документе мне написали подразделение — санчасть, должность — санинструктор. Я закончила войну в звании ефрейтор.

После демобилизации я десять лет не работала, в 46 году родился сын, в 48 — дочь. На руках у меня был ещё племянник, которого я привезла к себе, и прожил он с нами 23 года.

Через некоторое время я решила устраиваться на работу, машинисткой идти было бессмысленно, так как платили им тогда очень

мало. И мне посоветовали идти работать в сберкассу. Я заочно окончила финансовый техникум и работала уже заведующей сберкассой. Выдвигали меня выше, на заместителя заведующего центральной кассой Бауманского района, но райком не утвердил — я беспартийная была. Но два года я занимала должность исполняющей обязанности. Отработала заведующей сберкассой 24 года. Когда внучка отказалась ходить в группу продлённого дня, меня уговорили остаться дома, вот таким образом я вырастила трёх внуков, а на правнука уже здоровья не хватает.

Многие родственники принимали участие в войне. Я знаю, что два двоюродных брата (из тех, которые были репрессированы в Котельнич) были на штурме Сталинграда и там погибли. Вообще, до войны у меня было около сорока двоюродных братьев и сестёр, я видела только нескольких человек, а остальных не знала.

Среди моих наград одна боевая — «За боевые заслуги». Меня награждали летом 44 года в местечке Ораны, это, по-моему, Польша была. Кто-то приезжал из штаба фронта, но вручал медаль командир нашей бригады Дугин. Меня к награде представляли дважды, но первый раз Соколов, начальник оперативно-строевого отдела, отклонил, потом, видимо, согласился. Я думаю, меня наградили за безупречную работу. Какого-нибудь героического поступка, как мне кажется, я не совершала. Но работа в оперативно-строевом отделе была нелёгкой: круглосуточная, никогда нет полной ночи, очень часто приходилось по ночам подписывать командировки и т. д.

Кроме медали «За боевые заслуги», у меня есть и другие награды: орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За взятие Кенигсберга», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «60 лет вооружённых сил СССР», медаль «70 лет вооружённых сил СССР», медаль Жукова, медаль «В память 850-летия Москвы», медаль «Ветеран труда», знак победы «Фронтовик», медаль «150 лет железнодорожных войск России».

Ложная тревога

В 1943 году произошел забавный случай. Мы стояли, по-моему, в Людиново. Эти места были уже захвачены немцами, но при наступле-

нии наших войск они отошли. Немцы занимали эти территории почти два года, ими были разбиты шикарные лагеря. Тогда штаб батальона располагался в землянке, причем каждая землянка была очень хорошо оборудована, прекрасно отделана.

Однажды я легла немного отдохнуть и заснула. Через некоторое время слышу какое-то тиканье. В то время очень много людей подрывалось на минах. У меня нервы были настолько напряжены, что я даже от такого глубокого сна моментально очнулась и, можно сказать, «поставила на уши» весь штаб, сразу бросились выносить документы и т. д. К счастью, взрыва не произошло. Оказалось, мне под голову положили штаны, чтобы мягче было спать. В карманах этих штанов лежали огромные кировские часы, которые и тикали. Этот случай хорошо отложился в памяти, и даже в 1974 году, когда проходила встреча первой бригады, о нём вспоминали.

Музыкальный взвод

В нашем батальоне были свои музыканты. Руководил ими москвич Саша Орлов. Они делали пародии на немцев, разыгрывали всевозможные сценки, пытаясь поднять боевой дух солдат. Без участия музыкантов из взвода не проходил ни один праздник.

Немецкий шпион

В Литве, на границе, как только приезжали наши машины с продовольствием и с другим грузом, так сразу же налетали немцы и всё бомбили. Так продолжалось три или четыре дня. Особый отдел начал искать причину. Штаб располагался в доме, в котором жила хозяйка с сыном. Оказалось, что её сын был немецким шпионом, он постоянно докладывал немцам о времени прибытия наших машин. После этого случая мы стали выселять всех жителей из тех домов, в которых собирался расположиться штаб.

Ирония судьбы

Неприятный инцидент произошёл между станциями Думиничи и Сухиничи в 1943 году. Мы разбили палаточный лагерь; штаб батальона располагался в палатках, которые были длинные, с одним окном.

Я работала в палатке для начальника штаба и его помощника. Мне соорудили стол из подручных материалов и поставили машин-

ку, я печатала. А перед палаткой рос большой дубовый куст. Видно, дерево давно спилили, и за много лет от него выросло множество отростков. Очень часто мы проводили свободное время рядом с этим кустом на траве.

Однажды ко мне пришёл старший лейтенант Гапонов и попросил сходить к командиру, чтобы тот подписал ему командировку. Когда я приносила документы командиру лично, он их сразу же подписывал. А с ним мог бы ещё поговорить. И как только я вышла из палатки с подписанным командировочным удостоверением, раздался взрыв.

Смотрю, Гапонов в крови лежит, ему задело ногу, но рана была лёгкая. Гапонова сразу же перевязали и отправили в госпиталь. Дальнейшей его судьбы я не знаю. Но я очень часто думала о том, что у каждого из нас был шанс подорваться на мине, которая лежала прямо под ногами.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Костенко Юрий Владимирович,*** студент 1-го курса Московского государственного строительного университета

Осипова (Лемешко) Валентина Тихоновна

ПРОСПАВ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, ВОЗВРАЩАЛИСЬ В ОПЕРАЦИОННУЮ

Родилась 24 апреля 1922 г. в селе Кабанье, Кременского района, Ворошиловградской области. Украинка. Православная. Была членом КПСС с 1950 по 1989г. и выбыла из партии в связи с ее ликвидацией.

В 1939 г. окончила медицинский техникум в г. Рубежное, Ворошиловградской области, получив специальность акушерки, и была направлена на работу в село Ново-Червоне Нижне-Дуванского района Ворошиловградской области Украинской ССР, где трудилась акушеркой 2 года.

О начале войны узнала из сообщения, прозвучавшего по радио в 12 часов 22 июня 1941 года.

Я в это время вела прием больных и до сих пор хорошо помню чувство страха, охватившего меня в тот момент. Жизнь поделилась надвое.

До этого дня я помогла сотням младенцев появиться на свет, испытывала огромную радость, когда слышала первый крик ребенка и держала в своих руках хрупкое тельце только что рожденного человека. Теперь мне предстояло увидеть весь тот ужас, который несет с собой война. При этом мои родные и близкие были далеко, и некому было меня поддержать в такую страшную минуту. Мне в ту пору было всего 19 лет.

29 июля 1941 г. я была призвана на военную службу и в качестве медсестры направлена в расположение хирургического полевого подвижного госпиталя (ХППГ) № 2179 3-й гвардейской танковой армии.

В составе 3-й гвардейской танковой армии я прошла боевой путь от Москвы до Берлина и Праги. Наша армия принимала участие в боях на Западном, Сталинградском, Юго-Западном и 1-м Украинском фронтах. В начале войны командующим армией был назначен генерал-лейтенант П.Л. Романенко. 24 сентября 1942 г. его сменил генерал-майор П.С. Рыбалко, под командованием которого армия воевала до Победы.

Наиболее ожесточенные бои проходили под Сталинградом в районе Калача — Бутурлиновки. Поток раненых был огромен. Истекающих кровью, обгоревших и обмороженных людей привозили машинами. Стоны, крики, плач не стихали ни днем ни ночью, а в госпитале работало всего 5 врачей, 9 медсестер и 8 санитарок. Только тот, кто побывал в подобных условиях, сможет оценить то, что мы пережили в это время.

Медицинские работники знают, что успех каждой конкретной операции зависит от того, насколько тщательно она была подготовлена. Необходима стерилизация инструментов, наличие перевязочных материалов, антисептических средств. Даже то, в каком порядке разложены инструменты во время той или иной операции, позволяет сэкономить такие нужные секунды, когда речь идет о спасении человеческой жизни. А как же тяжело было нам, когда лекарств нехватало, бинты приходилось кипятить, но, главное, не было времени на сон и отдых.

Я была старшей операционной сестрой и по несколько дней ассистировала хирургам без отдыха потому, что стерилизация рук занимала 45 минут, а времени в тех экстремальных условиях просто не было. Бывали случаи, когда врач или медсестра падали без сознания прямо у операционного стола, но, проспав несколько часов, снова возвращались в операционную.

Страшно вспомнить, как проходили ампутации конечностей, когда «наркозом» служил разведенный медицинский спирт. Какие физические муки при этом испытывали те, кто лежал на столе, и моральные — те, кто проводил операцию, об этом словами не расскажешь. Но главное дело мы делали — спасали жизни наших солдат.

Тяжелые воспоминания остались от боев на Орловско—Курской дуге. В этой битве принимало участие огромное количество танков,

самолетов, артиллерии. Наш госпиталь находился в самой гуще боевых действий.

От обилия снарядов, выпущенных с обеих сторон, и бомб самолетов земля горела. Именно в это время, кроме тяжелораненых к нам в госпиталь было доставлено самое большое количество обгоревших людей. Страдания их были невыносимы, перевязки, которые им приходилось делать, доставляли раненым мучительные страдания.

Сердце разрывалось от горя, когда раненый, еще вчера видевший небо, радовавшийся, что остался в живых, узнавал, что глаза ему не удалось спасти, а другой, перенесший тяжелейшую операцию, понимал, что передвигаться теперь сможет только на коляске, а кто-то жаловался на боли в руке, которую ему вчера ампутировали... Мы, уставшие от операций, приходили в палаты, чтобы успокоить раненых, а слышали стоны и слова: «Я не хочу жить!». Никогда не забыть, как в забытьи молодые солдаты звали своих матерей, как пропитывались бинты слезами из их незрячих глаз, как выкрикивали их обожженные губы: «Кому я такой нужен!»...

Спустя многие годы после войны я с болью в сердце вспоминаю, как тяжело проходило форсирование Днепра, Вислы, Одера. Во время водных переправ под пулями и рвущимися снарядами чувствуешь свою полную незащищенность, а для меня это испытание было вдвойне тяжелым, так как я не умела плавать. Мы переправляли раненых на понтонных мостах, прикрывая их своими телами от пуль и осколков. Многие, очень многие погибали, ценой своей жизни спасая других.

Но ничто в жизни не вечно. Оборонительные бои сменились наступлением наших войск по всем фронтам. Наши войска перешли границу и теснили врага. Когда победа уже была близка и шли ожесточенные бои за Берлин, наш госпиталь был окружен отступавшими фашистами. Произошло это в местечке Бланкиндфельд, где госпиталю фактически пришлось вступить в неравный бой. Беспомощные раненые и плохо вооруженный медицинский персонал сражались отчаянно. Силы были явно не равны, но никто не вышел с поднятыми руками, моля о пощаде. Тяжелораненый начальник госпиталя Прокудин нашел в себе силы добраться на машине до штаба армии и доложить о случившемся. Помощь наших танкистов подоспела вовремя, нас освободили из окружения.

После разгрома советскими войсками берлинской группировки и падения Берлина гитлеровские войска на всех участках Западного фронта стали сдаваться в плен американским, английским и частично

французским войскам. Однако на советско-германском фронте — в Курляндии и Чехословакии — они продолжали оказывать сопротивление.

Наиболее крупная группировка гитлеровских войск находилась на территории Чехословакии и в северных районах Австрии. 5 мая в Праге началось вооруженное восстание жителей против немецких оккупантов.

По решению командования 3-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-майора Рыбалко П.С. совершила марш-бросок в Чехословакию на помощь восставшим. Прага была освобождена рано утром 9 мая 1945 г., и в этот же день был подписан договор о безоговорочной капитуляции Германии.

Победа!!! Жители Праги встречали нас с неподдельной радостью и благодарностью. На броню танков ложились букеты весенних цветов, взбирались дети; женщины и старики обнимали нас. Все смеялись и плакали одновременно, что-то говорили, не понимая друг друга, но это было не важно. Главное — закончилась война, мы выжили, и мы победили!

После окончания войны 3-я гвардейская танковая армия и наш госпиталь в том числе были передислоцированы в Австрию. Мы долечивали раненых, оказывали помощь мирному населению.

Войну я закончила в звании старшего сержанта медицинской службы. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 25 декабря 1945 г. я была демобилизована и направлена в запас. С 10 января 1946 г. была принята на воинский учет Мытищинским РВК Московской области, позже состояла на воинском учете в Ленинградском РВК г. Москвы до снятия с учета по возрасту.

Среди ужасов войны случались и счастливые мгновения, находилось место и самым светлым чувствам человека. Так и я встретила свою любовь на фронте. Мой муж, Осипов Сергей Дмитриевич, добровольцем ушедший на фронт, служил в штабе нашей армии. Мы случайно встретились и договорились, что если выживем, то обязательно будем вместе всю жизнь. После войны мы поженились и прожили вместе 43 года, до самой его смерти.

Война оставила страшный, неизгладимый след в жизни нашего поколения, но она и научила нас мужеству, взаимопомощи, подарила веру в свои силы. Мы научились ценить дружбу, любовь, своих друзей. Долгие годы 9 мая мы встречались с однополчанами, вспоминали свой боевой путь и тех, кого уже не было с нами. Сейчас из моих однополчан остались единицы, но в День Победы мы обязательно

поздравляем друг друга с праздником, который завоевали ценой многих и многих жизней.

За участие в Великой Отечественной войне и боевые заслуги я награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 2992688, Указ Президиума ВС СССР от 11.03.85 г.) и медалями:

— «За боевые заслуги» (№ 2482177, Указ Президиума ВС СССР от 11.10.46 г.);

— «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Указ Президиума ВС СССР от 09.05.45 г.);

— «За взятие Берлина» (Указ Президиума ВС СССР от 09.06.45 г.);

— «За освобождение Праги» (Указ Президиума ВС СССР от 09.06.45 г.);

— юбилейными медалями «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью Жукова.

После войны я не смогла вернуться в медицину — слишком тяжелые воспоминания оставила война. Более 30 лет проработала во Всесоюзном институте научной и технической информации, награждена медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «В память 850-летия Москвы» и «Ветеран труда». В настоящий момент нахожусь на заслуженном отдыхе.

Прошли годы, многое стерлось из памяти, но День Победы навсегда останется для меня самым дорогим и священным; праздником со слезами на глазах».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Сизов Александр Вячеславович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Пеганов Сергей Иванович

ПОДДЕРЖКА ПЕХОТЫ ОГНЕМ И КОЛЕСАМИ

Я родился 25 февраля 1921 года в деревне Юркино Волоколамского района Московской области в семье рабочего, русский. В комсомольскую организацию был принят в сентябре 1941 года, в декабре 1942 года политотделом 158-й стрелковой дивизии принят в члены КПСС.

В 1941 году окончил 10 классов школы №280 города Москвы, в 1942 году — первое Ленинградское артиллерийское училище. В 1953 году закончил экстерном Калининградское артиллерийско-минометное училище.

О начале войны я узнал в 12 часов 22 июня 1941 года в Останкинском (бывшем Дзержинском) парке. Тогда я работал инструктором по фотографии в детских кружках и был назначен руководителем фотокружка пионерского лагеря завода «Калибр». Во время открытия первой смены лагеря приехали военные в полевой форме, которые велели нам эвакуироваться в село под Волоколамском. Не прошло и недели, как немецкие бомбардировщики начали бомбить станцию Волоколамск. К тому времени все мои друзья были направлены либо в военные училища, либо в действующую армию. Позже я узнал, что больше трети ребят нашего класса погибло в первом бою.

20 августа 1941 года я был призван в ряды Красной Армии Ростокинским районным военкоматом. Проходил службу стрелком в

72-м запасном полку Приволжского военного округа. Первый бой наша дивизия приняла за освобождение населенного пункта Холмыцк Калининской области. В октябре 1941 года меня направили на учебу в первое Ленинградское артиллерийское училище Приволжского военного округа, которое закончил через полгода в звании младшего лейтенанта. В мае 1942 года я был назначен в 875-й стрелковый полк 158-й стрелковой дивизии 39-й армии Калининского фронта на должность командира взвода батареи сорокапятимиллиметровых пушек.

За время Великой Отечественной войны я участвовал в боевых действиях на Калининском, Ленинградском, 1-м Украинском фронтах. Был дважды ранен.

Награды:

— орден Красной Звезды (№2016553, вручен командующим 115-м стрелковым корпусом в марте 1945 года за боевое отличие);

— орден Красной Звезды (№1209083, вручен командиром 158-й стрелковой дивизии в апреле 1945 года за боевое отличие в боях за Ратиборский плацдарм);

— орден Красной Звезды (№3541881, Указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1956 года за выслугу лет);

— орден Отечественной войны 1-й степени (№500185, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года);

— медаль «За боевые заслуги» (без номера, 1951 год, за выслугу лет);

— медали: «За победу над Германией», «30 лет Советской Армии», «40 лет Советской Армии», «За безупречную службу» 1-й степени.

В войне погибли родственники: брат — Пеганов Александр Иванович, старший сержант. Служил в военной автоинспекции. Погиб 30 марта 1943 года при задержании автомобиля, управляемого военнослужащими, находившимися в нетрезвом состоянии. Похоронен в Беловетском районе Луганской области.

Окончив артиллерийское училище, я попал на Калининский фронт и был назначен командиром взвода в отдельный противотанковый дивизион, его только начали формировать (было сформировано две батареи, одна из которых имела только две пушки).

Надо сказать, что прибыл я туда в неудачное время. Части 39-й армии значительно продвинулись вперед, и образовался такой мешок, где мы попали в окружение. Как-то все сразу растерялись. Образовалась группа человек, наверное, сто пятьдесят, и мы шли из окружения. Маршрут выхода нам сбрасывали с самолетов «У-2» (так назы-

ваемых «кукурузников»). Наша группа расчленилась, меня назначили руководителем 15 человек, и в районе Ломоносова мы нашли лазейку, где можно было без боя прорваться к своим.

Подошли к дороге, оказалось, что посередине ее были глубокие кюветы, проделанные немцами, и по бокам с каждой стороны приблизительно на 25 метров были полностью вырублены деревья и кустарники. Там у немцев не было сплошной линии обороны, только пулеметные точки через каждые 50 метров, которые охраняли этот переход. Они знали, что мы здесь движемся лавиной, выходя из окружения.

А я в то время уже плоховато видел и слышал. Поэтому, чтобы определить, где находится пост и пройти посередине между постами, решил подобрать себе помощника. Я спросил: «Ребята, кто хорошо видит и слышит?» Подходит ко мне артиллерийский мастер соседнего полка и говорит: «Давай, лейтенант, я с тобой пойду».

Продвигаемся мы с ним потихоньку и вдруг где-то метрах в 25 слышим ясную немецкую речь. Мы сделали вывод, что наткнулись на пулеметную точку. Я говорю: «Давай назад». Пришли назад на то место, где располагался наш отряд, но там никого не оказалось. Спрашиваю тихонько помощника: «Умеешь свистеть?» — «Ну, давай попробую». Свистнул — никакого ответа, даже ни звука. Что же мне делать? «Видимо, они решили, что мы хотели от них как-то «улизнуть», и перешли на другую сторону дороги», — подумал я и принял решение идти за ними. Ну и пошел с этим солдатиком.

Везде сыро, грязно. Кругом болото. Устали, вторые сутки почти ничего ни ели, только кое-где ягоды и чистили какие-то растения, солдат называл их «дудками». Я говорю: «Ладно, сейчас посуше место найдем и ляжем отдыхать». Нашли место и, накрывшись шинелями, легли спать. Проснулся я оттого, что услышал речь, говорили по-русски. Я открыл глаза и увидел помощника, говорящего с одним бойцом из нашей группы. Вскакиваю и спрашиваю: «Почему? Что случилось?». Оказывается, что кто-то из группы увидел провод, связывающий две точки, взял его и перерезал. Связь моментально потерялась, и телефонисты пошли проверить линию. Наш отряд услышал шорохи и немецкую речь и откатился немного назад.

Поднялся шум. Немцы начали стрелять по обеим сторонам дороги, начался шквальный минометный огонь. Слышны были крики раненых, стоны. Кому-то все-таки удалось позже перейти. Комиссара, которого мне назначили в отряд, я так и не встретил.

Прибыли мы на сборный пункт, нас там долго сортировали, проверяли в особом отделе.

Был такой эпизод. В окружении у меня был с собой комсомольский билет, уголок которого вылезал из нагрудного кармана. Когда я ходил по лесам, на солнце этот кусочек билета выгорел. В особом отделе меня спрашивают: «Где ваши знаки различия?» Я говорю: «Какие знаки различия, когда нам выдали их, они были из какого-то красного материала, и мы приклеили их клеем для резины, выданным нам на взвод?! Они отвалились, когда мы бродили в окружении». Показываю им комсомольский билет с выгоревшим уголком со словами, что я ничего никуда не прятал и не терял и что все у меня находилось в моем нагрудном кармане. Отвечают: «Ладно, направляешься в 158-ю стрелковую дивизию».

Назначили меня командиром взвода батареи сорокапятимиллиметровых пушек, она тогда была полковой артиллерией. Принял я один из взводов, входящих в состав батареи. Командовал я одной пушкой. Разместили нас на танкоопасном направлении, на берегу реки, хотя танкоопасным его можно было называть только условно. Правый берег, занимаемый противником, был очень крутым, наверное, градусов 60, когда наш левый берег был пологим (луговым).

Весь август и почти сентябрь 1942 года мы простояли в обороне. В конце сентября начались боевые действия, нашей целью было оттянуть резервы противника от Сталинградского фронта. В сводках наши действия описывались следующим образом: «На Калининском фронте ведутся бои местного значения».

Были и успешные бои. 12 марта 1943 года был освобожден районный центр Холм-Жерковский. Там состоялась встреча с партизанами отряда «Чапаев». Городок был частично разрушен, был организован госпиталь — было много людей, болевших тифом. Партизан тут же призывал армейский военкомат, и они вливались в воинские части.

С конца марта по август 1943 года наша дивизия встала в оборону на дальних подступах к Духовщине. Это был очень мощный опорный узел, который считался «вратами по дороге на Смоленск». Там, под Духовщиной, меня первый раз ранило. Ранение оказалось легким: пуля попала в подбородок и, задев язык и выбив мне несколько зубов, прошла навылет. Меня отправили в санитарную часть вблизи от передовых позиций, где я, не выдержав и недели, начал проситься обратно. Военный врач написал мне справку о ранении и отпустил.

28 августа 1943 года меня вторично ранило, ранение оказалось тяжелым, в обе ноги. Произошло это так. Отправился я по каким-то делам своего взвода. Пройти мне было можно двумя путями: первый, короткий, проходил через поляну и был длиной 50 метров, второй был

чуть-чуть длиннее — 150 метров, но проходил через лес. Я пошел по короткому пути. Как только я достиг середины поляны, то услышал свист приближающегося снаряда. 81-миллиметровый минометный снаряд, выпущенный немцами по мне, упал где-то рядом. Осколки, разлетевшись, задели мягкие ткани одной ноги и берцовую кость другой. Я был эвакуирован в эвакогоспиталь №1326, в котором находился на лечении до 6 марта 1944 года.

После лечения меня направили в резерв Ленинградского фронта. Оттуда я получил назначение в 370-й отдельный истребительный противотанковый дивизион 286-й стрелковой дивизии на должность командира взвода.

Во второй половине июля 1944 года началось наступление на Карельском перешейке. Нашей армии пришлось второй раз прорывать оборонительную линию Маннергейма. Два года я воевал с немцами на Калининском фронте, командуя взводом сорокапятимиллиметровых пушек, огневые позиции которых располагались в боевых порядках пехоты. В то время уже родилось такое понятие «поддержка пехоты огнем и колесами». Но то, с чем пришлось столкнуться на Карельском перешейке в войне с финнами, перевернуло наше представление о ведении войны. Война была вокруг нас. Снайперы — «кукушки» сидели на деревьях, в остовах зданий.

Вспоминаются два случая из боевых действий.

Первый. Наша батарея получила задачу прикрыть на марше штаб дивизии. Передовые части далеко ушли вперед. Вдруг финны открыли мощный пулеметный и автоматный огонь. Создалось такое впечатление, что стреляют со всех сторон. Скомандовал: «К бою!». А куда стрелять? Кругом один лес. Подбежал к первому орудию, приказал наводчику направить ствол туда, где расстояние между деревьями больше, и слегка приподнять его. Последовало четыре или пять выстрелов. Перестрелка затихла. Собрали несколько групп и начали прочесывать лес. Нашли только одного финна. Подойдя к одной из штабных машин, я увидел раненного в обе ноги знакомого лейтенанта. Спросил его о самочувствии. Он сказал, что боли особой нет, но он не может поднять правую ногу. Я приказал солдату бежать в голову колонны и найти санитаров. Вскоре прибыли две медсестры с носилками. Мы положили лейтенанта на носилки. Он отстегнул кобуру с пистолетом и отдал мне его на память.

В это время узнали горькую весть. Убило заместителя командира дивизиона капитана Власова — любимца личного состава дивизио-

на, ему недавно присвоили звание Героя Советского Союза. Пулеметной или автоматной очередью ему снесло половину головы. Большая толпа собралась вокруг раненого финна. Кто-то крикнул: «Вешать фашиста!». Толпа одобрительно отозвалась. У меня это вызвало неодобрение, и я отошел к орудиям взвода. Немного позже была передана команда к маршу. Колонна выехала на лесную поляну, справа стоял столб. На этом столбе был повешен финн. На его груди висела табличка, на которой было написано: «Так мстят артиллеристы майора Дощечкина».

Второй эпизод.

Наша батарея была остановлена в ожидании заправки горючим. На другой день приказано занять огневую позицию справа от дороги в пятистах метрах, окопаться и привести орудия к бою. Дивизион продолжал боевые действия с первой батареей и ротой противотанковых ружей и продвинулся от нас на 10 — 15 километров. Связь с ними мы поддерживали по рации. С рассветом началась беспорядочная автоматная стрельба. Справа от нас в секторе обстрела второго взвода появился танк, который вскоре был подбит. Мы хотели помочь второму взводу, но не хватило разворота. В этой обстановке мы не посмотрели налево: следующий танк сместился левее, произвел выстрел с дистанции трехсот метров и прямым попаданием разбил орудие, смертельно ранив его командира старшего сержанта Соколова.

29 августа 1944 года наша дивизия заняла жесткую оборону, и после заключения перемирия в конце декабря была передана 1-му Украинскому фронту. Расположились мы в нескольких километрах от Сандомирского плацдарма.

12 января 1945 года началось наступление на Сандомирском плацдарме. Наша дивизия вступила в бой во втором эшелоне. После прорыва первой и второй позиций в бой ввели танковые войска. Умелыми и стремительными действиями танкисты подавили огневые точки противника и дали возможность дальнейшего продвижения пехоте в общем направлении на Краков. Продвижение наших войск было настолько быстрым, что к концу января наши войска освободили весь Силезский угольный бассейн. На Домбровском бассейне дивизия сделала остановку. И вот чудо видим: идут чумазые шахтеры. Мы спросили: «Откуда вы, ребята?» «Из забоя» — ответили они. Эта встреча еще раз подчеркивает то, как стремительно наступали наши армии.

Все с более ожесточенными боями мы продвигались к реке Одер и к концу января вплотную подошли к ней. В районе населенного пун-

кта Ратибор наши войска заняли небольшой плацдарм. По моим представлениям, в глубину он был не более 6—7 километров, в ширину — не более 3—4 километров. Простреливался он справа и слева.

Населенный пункт Ратибор располагался на северо-западе и был длиной с километр, в конце он заворачивал почти на запад. На западной стороне деревни находилась небольшая высотка. Командир батареи старший лейтенант В.С. Кокора принял решение один взвод расположить на высоте. Мой взвод расположился на северо-западной окраине села.

С наступлением темноты, надеясь на внезапность, без предварительной артиллерийской подготовки немцы начали атаку. Но артиллерия и пехота были начеку. Завязался жестокий бой. Несмотря на потери, немцы лезли вперед. Артиллеристы расстреливали «немчуру» в упор. Особенно отличился наводчик орудия Нарсеев. Не умолкали станковые пулеметы.

Наблюдая завязавшийся бой, командир дивизии генерал-майор Гришин спросил окружавших его офицеров: «Разведка мне доложила, что на высоте наших войск нет». Но там же были наши войска. Может быть, офицеры разведки и были в чем-то правы. Дело в том, что перешеек на Ратиборе, как я уже говорил, был шириной всего 3 километра и постоянно переходил из рук в руки. В группе окружавших генерала офицеров был наш командир дивизиона майор Дощечкин. Он доложил генералу, что третья батарея находится на этой высоте и он имеет связь с ней по рации. «Дай команду, чтобы командир батареи показал свое местонахождения красной ракетой», — приказал генерал Гришин майору Дощечкину. Некоторое время прошло в тревожном ожидании. Вдруг взвилась красная ракета. Но сомнения не рассеялись у генерала, и он приказал дать залп из трех ракет. И вот взвиваются только две ракеты. Майор кричит без позывных: «Кокора, тебе приказано пустить три ракеты?!» Ответ: «А где я их возьму? Красных ракет больше нет». Трудно представить то, что было с генералом. Досталось всем. Он погнал к месту боя всех, кто в какой-то мере планировал операцию, чтобы те лично ему оттуда доложили.

Обстановка на высоте сложилась тяжелая. Фашисты атаковали штаб полка. Все штабные работники, вооружившись тем, чем было возможно, сражались с врагом. В это время на плацдарм пробрался посыльный, а штаб пуст, лишь одно знамя полка стоит в углу. Он снял полотнище, обвязал им себя и отправился в обратный путь. Представь-

те себе ужас командира полка, когда штабные работники вернулись в штаб и не обнаружили знамени.

Осознав свое бессилие, враг начал отходить. Рассвело. Был хорошо слышен шум моторов. Машины и техника отходили на северо-запад. Мой наблюдательный пункт находился на чердаке отдельно стоящего дома. Из-за холмистой местности от моих орудий не было видно дороги, по которой отходили немцы. Я принял решение стрелять с полузакрытой позиции. Подготовил расчеты и скомандовал открыть огонь по намеченной цели — дом на окраине села. Снаряд отклонился от угла дома на 0 — 20 и не долетел до цели 50 — 60 метров. Ввел коррективу и стал ждать, рассчитывая дать левее 0 — 10 и открыть огонь, как только появится техника противника.

Первый снаряд из моего орудия угодил прямо в середину под немецкий бронетранспортер. Он, наверное, перевернулся, мне его не стало видно. Из-за дома появился грузовой автомобиль, я скомандовал открыть беглый огонь. Выпустив по машине пять снарядов, я приказал прекратить огонь. Грузовик горел.

За умелые действия в этом бою к званию Героя Советского Союза были представлены командир батареи В.С. Кокора и наводчик одного из орудий старший сержант Нарсеев. Командира взвода лейтенанта Кузнецова наградили орденом Александра Невского. Я был награжден орденом Красной Звезды. Многие бойцы были награждены медалями «За отвагу».

К концу войны противотанковую артиллерию начали привлекать к сопровождению пехоты в атаку. В конце апреля перед наступающей пехотой, которую поддерживала наша батарея, оказалась очень укрепленная высота. В эти последние дни войны враг упорно сопротивлялся. Несколько попыток овладеть высотой с ходу не имели успеха. Тогда командование решило наступающих пехотинцев поддержать двумя грузовиками, в кузовах которых укрепили станковые пулеметы, а за ними двинулась наша батарея.

Оба пулемета, не смолкая, вели огонь. Вдруг на высоте появился легкий танк. Я развернул одно орудие в боевое положение. Наводчик доложил, что видит башню танка. Открыли огонь прямой наводкой на поражение. Танк исчез. В том же направлении выпустили еще 3 — 4 снаряда. Через некоторое время справа от нас из-за рощи появился не замеченный никем танк. Может быть, это был тот же самый танк, по которому мы вели огонь до этого. Наше орудие стояло к нему боком, пехота успешно пошла вперед, отрываясь от нас. Вдруг про-

звучал выстрел. Колесо нашей 76-миллиметровой пушки отлетело в сторону. Дело случая — никто из расчета орудия даже не был ранен. Подцепили подбитое орудие и доволокли до назначенной позиции.

Высота была взята. За этим боем наблюдал командир артиллерии дивизии, который и ставил нам задачу. Отважный полковник (к сожалению, не помню его фамилии). Он прибыл на батарею. Посмотрел на орудие и говорит: «Что будем делать с орудием?». А наводчик этой пушки ему отвечает: «А ничего, найдем березку с искривленным концом, приспособим ее к станку и будем воевать дальше». И что вы думаете: несколько дней мы стреляли из такой пушки, пока по приказу командира не прибыла команда для ее починки.

25 апреля 1945 года мне вручили извещение политического отдела дивизии о награждении меня за этот бой орденом Красной Звезды.

Первого и второго мая продолжаем движение, преследуя противника без серьезных боев. Второго мая кто-то по рации услышал о конце войны. Эта весть разнеслась по колонне с непрерывным «Ура».

Девятого мая 1945 года командир дивизиона приказал построить дивизион, где он официально объявил о конце войны и поздравил нас с победой.

Десятого мая командир дивизиона приказал прибыть к нему с картой. По прибытии он сообщил, что моя батарея включена в состав оперативной группы, задача которой — предотвратить отход немецко-фашистских войск генерала Шернера, которые стремительно отступали с целью передать технику и личный состав союзникам. Они так быстро «улепетывали», что догнать их было не в наших силах.

Утром двенадцатого мая командир дивизиона по рации дал команду прекратить преследование и возвратиться в переданные координаты.

Таким вот образом для меня закончилась Великая Отечественная война. Закончил ее я в звании старшего лейтенанта.

Мне хотелось бы отметить то радушие, с которым встречало Советскую Армию население освобожденных сел, деревень, городов. Колонны наших войск с трудом продвигались сквозь толпы ликующих людей. В некоторых местах на больших центральных площадях накрывались столы с угощением для советских воинов-освободителей, воинов-победителей.

Вспоминается такой случай.

Моя батарея стояла на позиции в одном из чешских населенных пунктов. Прислонившись к ящикам с боеприпасами, я спокойно дре-

мал. Тут подбегает ко мне командир одного из моих взводов и говорит: «Комбат, с тобой хотят побеседовать». Я подошел к группе чехов, которые пригласили всю мою батарею к праздничному столу. Связь с командиром дивизиона должна была состояться приблизительно часа через два, поэтому, чтобы не беспокоить понапрасну комдива раньше времени, на свой страх и риск я дал согласие. Была только одна загвоздка: надо было съездить в соседний населенный пункт на пивоваренный завод за бочкой пива. Я подозвал командира взвода, который меня разбудил, и говорю: «Жора, возьми машину и езжай». Он быстро вернулся обратно с бочонком пива в кузове.

Сели за столы и начали гулять. Тут влетает ко мне радист Ахмед и докладывает, что на связь вышел командир дивизиона и требует меня к аппарату. Подбегаю к рации, докладываю, в ответ слышу: «Комбат, приказываю сниматься с занятой позиции. Бери карту и наноси новые координаты. На карте я отметил новый пункт назначения и задумался, как же мне быстро собрать весь личный состав моей батареи. Решение пришло само собой. Голос у меня был громким, подаю команду: «Батарея, к бою!» Тут уже как хочешь, пьяный или трезвый, но должен добраться до орудий. Расчеты быстро заняли свои места у пушек. Подаю новую команду: «Батарея, отбой» и приказываю сниматься с позиции.

По дороге я остановился около небольшого озера и дал команду всем бойцам раздеться по пояс и умыться в этом озере. Надо, чтобы весь личный состав привел себя в нормальный вид. Впереди была встреча с командиром дивизиона.

Прибыли в назначенный пункт, где я расположил батарею на значительном удалении от штаба. Пошел с докладом к командиру дивизиона. Вхожу и докладываю, что батарея прибыла, в бой по дороге не вступала, происшествий не было. Командир дивизиона выслушал и попросил своего заместителя налить мне из чайника. Тот наливает полную солдатскую кружку и протягивает ее мне. Ну, думаю, будь что будет. Выпиваю эту кружку полностью на одном дыхании. А в ней оказался чай. Посмеялись дружно, и комдив меня отпустил.

По окончании войны оставили нас в Чехословакии, затем ненадолго отправили в Австрию.

В 1946 году я был направлен в центральную группу советских войск в Венгрии в 58-й гвардейский механизированный полк 17-й гвардейской механизированной дивизии на должность командира батареи. В апреле 1951 года по замене я прибыл в 150-й гвардейский стрелко-

вый полк 50-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа в город Брест на должность командира батареи. В сентябре 1956 года был назначен на должность начальника вещевого снабжения этого же полка. В феврале 1958 года я прибыл по замене в 67-й мотострелковый полк 20-й мотострелковой дивизии в группе советских войск в Германии на должность начальника вещевого снабжения полка. С октября 1960 года по ноябрь 1962 года находился на должности заместителя командира по снабжению 20-го отдельного танкового батальона 20-й мотострелковой дивизии в группе советских войск в Германии.

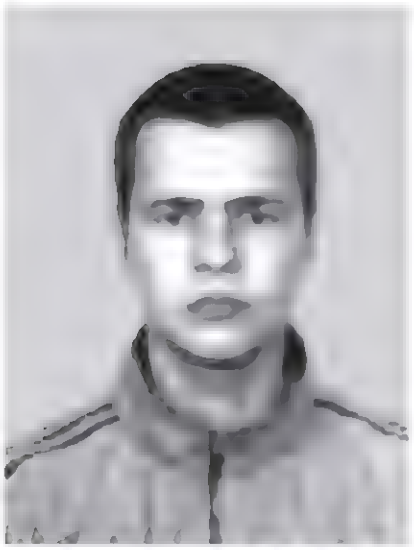
В 1963 году я попросился в Москву, где жила моя старая мать, требовавшая ухода за собой. Из управления с проверкой жилищных условий пришел подполковник, после чего мой перевод был утвержден. В Москве я стал работать в Управлении учета и распределения жилой площади, где проработал до апреля 1969 года. С апреля 1969 года по ноябрь 1991 года работал на должности заместителя начальника Городского бюро по обмену жилых помещений. Затем я работал инженером в «Мосжилсервисе».

В запас уволен в звании майора.

В 2001 году указом Президента Российской Федерации В.В. Путина мне было присвоено звание подполковника запаса.

Вместе с другими ветеранами я занимался героико-патриотическим воспитанием молодежи, неоднократно проводил уроки мужества в одной из московских школ. В настоящее время я принимаю активное участие в работе первичной ветеранской организации Мещанского района города Москвы.

Май 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Глухоедов Александр Сергеевич***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Пермогенский Владимир Сергеевич

887 ДНЕЙ ВОЙНЫ

Родился 29 сентября 1923 г. в Харькове, УССР. Украинец, родной язык — русский; с 1941г. — член ВЛКСМ, с 1952 г. — член КПСС.

До войны 19 июня 1941 года окончил 10 классов 44-й средней школы г. Харькова.

Узнал о начале войны утром 22 июня 1941г., на третий день после выпускного вечера в школе. Стал готовиться к досрочному призыву.

Призвался после школы 30 июня 1941г. Вместе с другими выпускниками школ и студентами вузов г. Харькова был отправлен на восток. Около месяца добирались до Красноярска, где по списку были распределены по училищам. Я был распределен в Киевское военное училище связи им. Калинина(эвакуированное в г. Красноярск). В августе 1942 г. окончил училище в звании лейтенанта.

В начале сентября 1942 г. вместе с другими выпускниками училища я прибыл в Москву в главное управление связи Красной Армии (ГУСКА) для распределения в формируемую часть. Меня направили в г. Свердловск, в роту 136-го полка связи под командованием старшего лейтенанта Рэйнеке. В конце ноября, после обучения, весь полк был направлен под Сталинград.

Мы влились в группу войск, замыкавшую кольцо окружения войск генерала Паулюса с запада. Нас перебрасывали из Степного на Воронежский и далее, на Юго-Западный фронт. Выгрузившись на станции Лиски, двинулись на соединение с 3-й Танковой армией.

В составе 3-й Танковой армии прошел г. Харьков (середина февраля 1943г.), г. Чугаев(март 1943г.) . Отступление за реку Северский Донец (апрель 1943г.)

В июне, войдя в состав 57-й Стрелковой армии, форсировал р. Северский Донец в районе села Старый Салтов, освобождал Харьков (23 августа 1943г.), г. Красноград, форсировал Днепр в районе Верхнеднепровска (сентябрь 1943 г.), освобождал Кривой Рог, Устиновку, Кривую Пустошь (январь-февраль 1944 г.), поселок Цебриково, Великую Михайловку, Великоплоское и вышли к Днестру в р-не г.Тирасполь (апрель-май 1944 г.), г. Белград, г. Измаил. Форсирование реки Дунай. Далее освобождал: г. Шумен; г. Плевен (конец сентября 1944 г.); г. Капошваре (январь 1945 г.); г. Надьканижа (март 1945 г.); г. Грац (16.05.1945 г.).

Военные боевые действия закончил в г. Грац (Австрия) 16 мая 1945 г. в составе 57-й стрелковой армии — нач.связи армии полковника Старолетова в должности командира взвода отдельной роты связи №1352-ОТСР в звании лейтенанта. Под командованием капитана Соколова, командира отдельной роты.

Возвращался с войны из г. Грац, июнь 1945г. Рота двинулась на восток через Австрию, Венгрию (города: Капошвар, Байя, Суботица, Кикинда), Румынию (города: Тимошира, Крайова).

В г. Крайова остановился, войдя в Южную группу войск, август 1945 г. Служил в составе части 1352, в должности начальника направления связи.

Служил в 469-й ОКШР ЮГВ в должности командира взвода под командованием командира роты капитана Жукова (1947 год, город Крайова).

Уволился в запас в апреле 1947 г. в звании старшего лейтенанта запаса.

* * *

Особо запомнился мне день 13 мая 1945 г. Он оставил в моей памяти глубокий след: три эпизода «чуть-чуть» сохранили мне жизнь:

— когда наш фаэтон подорвался на мине и лошади своими телами заслонили нас от осколков;

— когда по ошибочному приказу дать связь мы вошли в село, занятое немцами. Разоружили четырех солдат и направили к нам в плен, а сами благополучно через огороды вышли к своим;

— когда нас обнаружили немцы и обрушили на нас минометный огонь, но канава-спасительница помогла нам выползти за пределы видимости и огня.

Награжден:

Август 1943 г. — медаль «За боевые заслуги» №1575033. За бои по освобождению г. Харькова.

Август 1944 г. — орден Отечественной войны 2-й степени № 166238.

Октябрь 1944 г. — медаль «За освобождение Белграда».

Апрель 1945 г. — орден «Красная звезда» №1219938.

Май 1945 г. — Болгарский орден «За храбрость 2-й степени». Приказ по 1-й Болгарской армии №161 от 21.5.1945г.

Май 1945 г. — медаль «За победу над Германией».

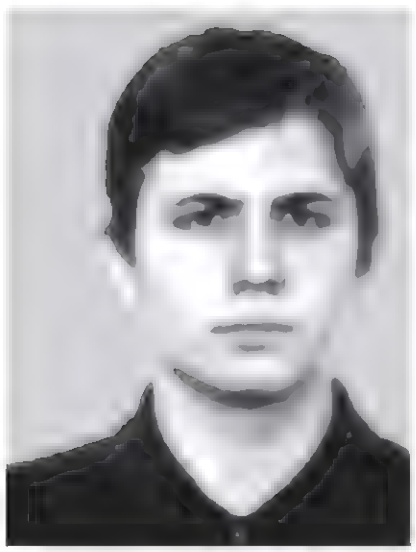
Ранения:

3.3.1943г. г. Мерефа, Харьковской области — контужен взрывом авиабомбы.

Июль 1943г. с. Артемовка, берег Северского Донца — контужен взрывом мины минометного обстрела.

13.5.1945г., Австрия — контужен.

Декабрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Анохин Иван Алексеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Подольская Юлия Дмитриевна

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Я (в юности Цветкова) родилась 15 декабря 1924 года в городе Москве, по национальности русская, по вероисповеданию христианка. Расскажу вам правду о Великой Отечественной войне.

Лето 1941 года. Мне 16 лет. Сданы последние экзамены в школе за 8-й класс.

Впереди долгие каникулы, когда можно просиживать в библиотеке, посещать музеи, бегать в кино, играть в теннис, а в конце долгожданная поездка в Ленинград, где прошло моё детство. Но не суждено было сбыться этим желаниям. В солнечное воскресное утро 22 июня 1941 года ко мне в комнату ворвалась моя подруга и сказала, что только сейчас было сообщение по радио о том, что вероломно, без объявления войны, фашистская Германия напала на Советский Союз и уже авиация бомбит наши города, а на границе идут военные действия. Я не представляла тогда, какие испытания предстоит вынести нашему народу, что мы уже судьбой поделены на живых и мёртвых, что живым суждено будет хранить память о тех, кто не вернётся с этой войны. В течение месяца в городе всё изменилось: с прилавков исчезли продукты, люди запасались солью, спичками, была введена карточная система, появились первые очереди за хлебом, керосином. Ввели лимит на электроэнергию, для светомаскировки окна завешивались плотной бумагой, введён комендантский час, то есть хождение

по городу с 24 до 6 утра было запрещено (только по специальным пропускам), город погрузился в темноту. Промышленные предприятия срочно эвакуировались в Сибирь и за Урал, где прямо с колёс, под открытым небом выпускали военное оборудование и снаряжение. В Москве дети 13-14 лет вставали к станкам. Молодёжь, не достигшая совершеннолетия, мобилизовалась на рытьё оборонительных сооружений, заготовки леса, строительство баррикад, противотанковых ежей, организовывались дежурства по тушению пожаров. Не работали школы и вузы. Девизом стал лозунг: «Всё для фронта — всё для победы». Военкоматы осаждают добровольцы, которые записываются в ополчение: кто в истребители танков, кто в снайперы, а некоторые сразу попадают в состав Красной Армии. Люди разные: от профессора до подростка, от артиста до пожилого рабочего.

Вот и первая бомбёжка. Паники нет. Люди деловиты, сосредоточены, занимают свои места: кто для тушения зажигалок, кто по оказанию медицинской или иной помощи. В бомбоубежищах женщины с детьми. Небо исполосовано прожекторами в поисках цели, бьют зенитки, расставленные в парках, крышах домов, летят осколки, вокруг Москвы зарево пожарищ. Немцы сбрасывают осветительные ракеты — светло, как днем, город на осадном положении.

16 октября 1941 года немцы подошли вплотную к городу. Ценою невероятных усилий и жертв враг был остановлен. К ноябрю все мои друзья-мальчишки ушли добровольно: кто в ополчение, кто постарше в ряды Красной Армии. Со мною дело обстояло совсем плохо: возраст стал непреодолимым препятствием. Нужно было срочно приобретать военную специальность. Я поступила в медицинское училище при больнице имени Боткина на фельдшерское отделение. Занимались много. Изучали только специальные предметы, и уже через несколько месяцев я, не прекращая учёбы, уже работала медицинской сестрой. Здесь я увидела впервые все ужасы войны: искалеченных, обмороженных солдат, тяжёлые ранения, ампутированные конечности, в морге горы трупов моих сверстников, и чем больше я соприкасалась со смертью, тем больше во мне крепла уверенность, что на фронте я принесу больше пользы. Военкомат систематически требовал медработников для фронта, но выискивать их было всё труднее и труднее. Иные имели малолетних детей, другие не подходили по возрасту. Словом, в очередной запрос добровольно, аттестовав меня как медсестру, зачислили в список из 8 человек и отправили в военкомат, где я прошла медицинскую комиссию и другие формальности. С повест-

кой на руках на следующее утро я прибыла к месту назначения. Моя мечта сбылась. Это был ноябрь 1942 года с трескучими морозами.

Назначение я получила в 57-ю зенитно-артиллерийскую дивизию, в 5-й полк на 25-ю батарею, в огневой взвод под командованием полковника Чернявского Виктора Петровича. Нужно было осваивать новое для меня дело: работать на приборе ПУАЗО-3 (прибор управления артиллерийско-зенитным огнем) , который синхронно подключён с 75-миллиметровыми. пушками (орудиями). При этом условии мы можем стрелять прицельно. Большую часть мы стреляли заградительным для того, чтобы самолёты противника не смогли спикировать и сбросить бомбы на объект. Благодаря такой зенитной защите к Москве прорывались только отдельные самолёты, и она подверглась незначительным разрушениям. Пришлось учиться не только стрелять, но и ходить строем, учить уставы, преодолевать полосу препятствий с полной выкладкой, ползать по-пластунски, метать гранаты, стрелять из винтовки и карабина. Боевые дни были так уплотнены, что приходилось спать не более трех часов в сутки, не снимая зимнюю одежду, так как в зенитной артиллерии очень жёсткие нормативы для открытия огня. С фронта поступали нерадостные сводки, наступая, мы несли большие потери, союзники с открытием второго фронта не спешат, говорят, что пока ещё не готовы.

В 1943 году у меня произошли некоторые события. Первое очень печальное: погиб под Старой Руссой мой друг. Мне присвоили звание ефрейтора, и я вступила в комсомол. Нашей дивизии придали 341-й ОЗАП (отдельный зенитно-артиллерийский дивизион), а меня туда фельдшером. Я стала медиком. Задача МЗА — оборона важных объектов, мостов, аэродромов и других объектов. Мы более мобильны, стоим в разных точках. Для меня это обернулось не легкой работой. Приходилось в день по бездорожью шагать по 15-20 км, чтобы попасть в нужный расчёт.

Мы сначала обороняли Реутово в начале декабря, наша дивизия расположилась в совхозе «Коммунарка». Обороняли Наро-Фоминск (январь 1943 г.), Дмитров, Малоярославец, а в конце войны — Переделкино, там нас и встретила победа.

Под Сталинградом разбита фашистская группировка. Генерал Паулюс взят в плен. Большая победа. Мы окрепли и научились воевать. Впереди Курская дуга — тоже победа. Мы начинаем приближаться к нашим границам, 6 июня 1944 года войска союзников открыли второй фронт. Наши солдаты сражались героически. В Отечественную

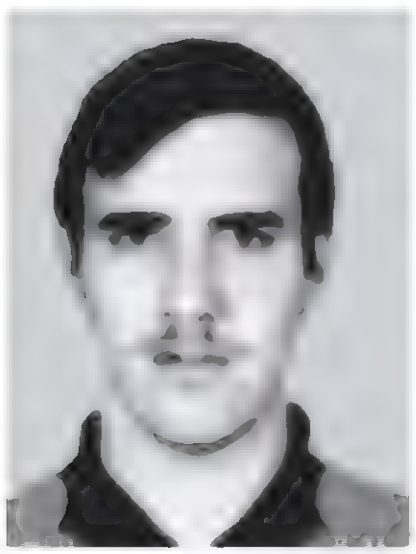
войну было награждено орденами и медалями более 7 миллионов человек, 11603 удостоились звания Героя Советского Союза. На рассвете 9 мая 1945 года весь личный состав был поднят по тревоге, и командир дивизиона сообщил, что гитлеровская Германия подписала капитуляцию. Это конец войны. От этого сообщения мы просто обезумели: стреляли из автоматов, ракетниц, карабинов. Солдаты пели, смеялись, обнимались, плакали. Такого всплеска эмоций я больше никогда не видела. Это трудно передать словами.

Впереди трудная жизнь по восстановлению народного хозяйства. Гитлеровцы разрушили 1700 советских городов, вывели из строя 32000 промышленных предприятий, в то время как на территорию США не упала ни одна бомба. 24 июня в 10 часов утра на Красной Площади состоялся парад победы. Парад принимали Жуков и Рокоссовский. Народ ликовал. Москва салютовала победителем. Мы потеряли в этой войне 20 миллионов населения, и, как сказал поэт Виктор Авдеев:

Победой не окуплены потери,
Победой лишь оправданы они...

19 июля 1945 года я демобилизовалась и вернулась домой. Встала на военный учет, получила паспорт с пропиской и пошла гулять по знакомым, родным улицам Москвы. Вглядываясь в прохожих, я не находила знакомых лиц. Никто не вернулся. Они были только в моей душе и памяти. Подросло новое поколение. Они шли веселые, озабоченные своими проблемами, влюбленные и счастливые и не думали о том, что война отняла у нашего поколения не только любимых, но и юность. Я шла одна, слезы капали на гимнастерку, где красовалась единственная медаль «За победу над Германией». Мне было 20 лет.

5 декабря 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Раскин Вячеслав Маркович***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Попкова Маргарита Ивановна

16-ЛЕТНИЙ БОЕЦ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

Я коренная москвичка, русская, родилась 13 ноября 1924 г. в Москве, где и прожила всю свою жизнь.

Я всегда активно участвовала в общественной жизни страны, была комсомолкой, затем членом КПСС (с 1950 г.), избиралась членом бюро Ленинского райкома партии, секретарем парткома треста «Мосгазспецстрой».

Когда фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину и началась война, мне было всего 16 лет. Я заканчивала девятый класс и сдавала экзамены, строила планы на летние каникулы. И вдруг война, сразу вся наша мирная жизнь оборвалась...

В воскресное утро 22 июня 1941 г. я была дома и услышала о начале войны по радио. Это было очень неожиданно, хотя все мы знали, что война может начаться в любой момент.

Очень скоро начались налеты вражеских самолетов на Москву. Было очень страшно и тревожно. При райкоме комсомола были организованы добровольные отряды, в которых мы, школьники, старались, как могли, помочь взрослым в это тяжелое время. В период воздушных тревог мы дежурили на крышах домов, скидывая с них сброшенные немцами «зажигалки». Мне навсегда запомнилась трагическая картина — моих глазах от прямого попадания бомбы рухнул большой жилой дом.

В сентябре 1941 года немцы рвались к Москве, надо было защищать подступы к городу, и нас направили на оборудование фортификационных сооружений. Мы рыли противотанковые рвы в Павшино и на Волоколамском направлении в Нахабино. Работа была непосильной, но мы все выдерживали и продолжали работать, хотя и были, как говорится, «на последнем издыхании». Мы понимали, что все мужчины на фронте и кроме нас это делать некому.

После контрнаступления Красной Армии в декабре 41-го, в результате которого враг был отброшен довольно далеко, нас вернули обратно в Москву.

Я, как и большинство моих друзей, очень хотела что-то сделать для победы и, как только узнала, что объявлен набор девушек в МПВО (части местной противовоздушной обороны), не стала ждать повестки, а добровольно, 26 июля 1942 г. поехала в штаб МПВО Тимирязевского района г. Москвы и отдала документы. Меня зачислили бойцом МПВО 324-го отдельного батальона, в 5-ю аварийно-восстановительную роту, которой командовал капитан Бондарев.

С этого момента для меня началась суровая военная жизнь. Я еще тогда не представляла, какие трудности мне, девочке, предстоит преодолеть. Был порыв, энтузиазм и желание помочь стране в это трудное время.

Наша рота располагалась в школе № 206 г. Москвы, где я проучилась 9 лет. Все было до боли родное и знакомое. В нашей учительской располагался кабинет командира роты, в столовой — санитарный пункт, а спали мы в тех же классах, где еще совсем недавно сидели за партами и где протекала наша веселая школьная жизнь.

Распорядок дня у нас был очень жесткий: утром поверка, потом распределение на работы, вечером опять поверка, и мы буквально валились с ног от усталости.

Работа была непосильная: нашей роте, состоящей в основном из молодых девчонок, приходилось разгружать тяжелейшие противотанковые ежи и устанавливать их в районе Тушино. Было очень много другой тяжелой физической работы. Так как Москве были необходимы строительные материалы, а зимой не хватало тепла, мы разгружали на причалах баржи с углем и кирпичом. От такой работы у нас было много травм и ушибов, но мы не сдавались.

По ночам в зимнюю пургу нас часто поднимали по тревоге расчищать от сугробов и завалов трамвайные пути, чтобы утром обеспе-

чить передвижение трамваям. Техники никакой не было, и мы делали всю работу вручную при помощи лопат.

Мы дежурили в госпиталях и на вышках во время воздушных налетов. После работ было очень тяжело восстановиться, быт был плохо налажен, не хватало питания и медикаментов, мы постоянно недосыпали.

Наша рота участвовала в создании противовоздушного заслона вокруг Москвы. Для этого мы запускали в небо аэростаты, от которых вниз тянулись длинные канаты. Между этими канатами натягивалась сетка. Данная преграда являлась большой помехой для немецкой авиации.

У нас была очень строгая дисциплина. Мой дом был всего в семи минутах ходьбы, но я не могла туда отлучиться без увольнительной. Мы были молодые и горячие, многие из нас рвались на фронт, хотели участвовать в сражениях. Моя подруга решила бежать на фронт и самовольно покинула роту. Ее искали и даже хотели судить за дезертирство. Как мне известно, она все-таки добралась до фронта, воевала и впоследствии погибла.

Чтобы помочь фронту, я с моими товарищами по роте каждый квартал сдавала кровь для раненых. Из-за того, что мы недоедали, однажды после сдачи 450 грамм крови я упала и потеряла сознание.

Я закончила войну в звании сержанта. После ее окончания нас сразу не демобилизовали, а по Решению Правительства направили на восстановление народного хозяйства г. Москвы.

В 1945 году началась газификация г. Москвы, и меня направили во вновь организованный трест «Мосгазстрой». Я начала там работать чертежницей, а закончила трудовую деятельность уже в должности заместителя управляющего трестом «Мосгазсетьстрой». Мой трудовой стаж составляет 50 лет, с мая 1945 г. — по май 1995 г.

Я являюсь «Почетным строителем Главмосинжстроя», награждена Почетной грамотой Моссовета, Почетной грамотой Главмосинжстроя, Почетной грамотой Ленинского РК КПСС и семью грамотами треста Мосгазсетьстрой, медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», медалью «Ветеран труда».

Я и сейчас, находясь на пенсии, не прекращаю общественной деятельности — работаю в активе Совета ветеранов МПВО.

Я имею удостоверение участника Великой Отечественной войны, имею звание «Почетный донор СССР».

Мои награды:

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», вручена указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года Севастопольским районным военным комиссаром г. Москвы, полковником Савиновым;

юбилейные медали:

— «20 лет Победы»;

— «30 лет Победы»;

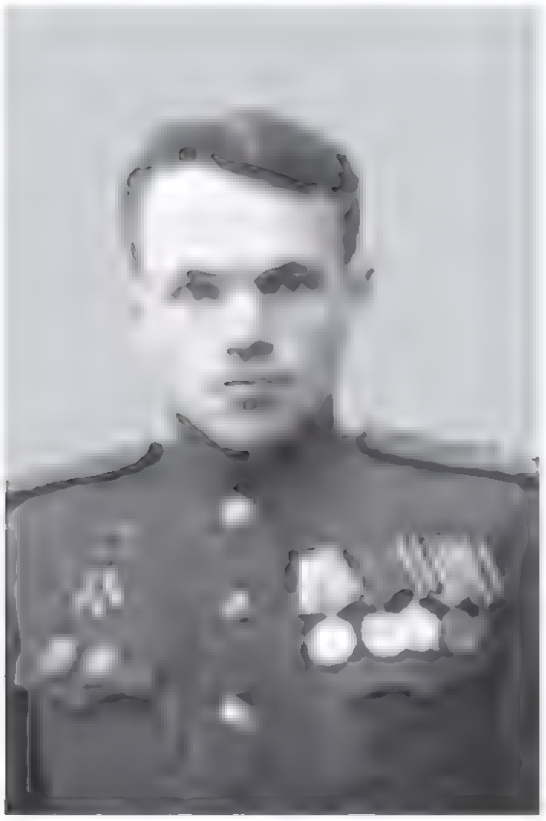
— «40 лет Победы»;

— «50 лет Победы»;

— памятный знак «Фронтовик 1941—1945 гг.»

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Пузанов Василий Витальевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета



Порхаев Павел Иванович

ЧЕРЕЗ 60-80-КИЛОМЕТРОВУЮ ЗОНУ БОЛОТ

Родился 29 июня 1920 года в деревне Воробьи (Варшавское шоссе), Жуковского района Калужской области. Русский, православный. Член КПСС.

До войны окончил среднюю школу № 206 Октябрьского района г. Москвы в 1939 году, посещал изокружок. Поступил в текстильный институт на художественное отделение, но не закончил его, так как был призван в армию.

В 1939 году был призван в 8-й дважды Краснознаменный железнодорожный полк в г. Мичуринск. 19 июня 1939 года прибыл в расположение Юго-Восточного фронта на границу с Бессарабией в звании сержанта в должности командира взвода.

О начале войны узнал из объявления Молотова.

22 июня 1942 года встретил в должности помощника дежурного по полку под командованием полковника Иванова, командир батальона — полковник Руз, командир роты — лейтенант Наконечный.

Воинское соединение по численности оставляло примерно 1860 человек, располагалось на станции Вопнярка, где нас сменил стрелковый полк. А полк, где я проходил службу, по мобилизационному плану был расформирован: часть военнослужащих была направлена

в Мичуринск, а я с группой военнослужащих был направлен на Западный фронт.

По дороге на Западный фронт был получен приказ повернуть в сторону Воронежа и через него добраться до Мичуринска. Куда мы и прибыли 16 июля 1941 года, и где я был определен во вновь сформированную 30-ю ж/д бригаду 6-го отдельного запасного ж/д полка, который оставили на станции Хоботово. Оставшаяся часть командиров была направлена на разные участки фронта. Мы же были направлены на Западный фронт. Был сформирован стрелковый батальон, и в августе 1941 года мы находились на участке между Смоленском и Вязьмой, где участвовали в боях с немцами.

В сентябре 1941 года по приказу Верховного главнокомандующего все лица, которые находились не в своих воинских частях, были направлены в свои части по специальности, и мы со своим воинским формированием продвигались в расположение 22-й армии, на станцию Кувшиново Калининской области.

В октябре 1941 года прибыли в составе бригады железнодорожных войск в город Торжок. Затем в начале 1942 года занимались ликвидацией последствий вражеских налетов, в составе 8-го отдельного восстановительного батальона железнодорожных войск в должности командира взвода я вел восстановительные работы от станции Льняная до станции Старицы, а затем строительство железной дороги на станции Старая Торопа и восстановление моста через реку Вскуица. За это время мною было обезврежено 19 бомб замедленного действия; при подготовке к очередному разминированию получил контузию и был направлен в госпиталь.

До 1943 года восстановление и строительство железных дорог на участке Старая Торопа — Крестцы. В 1944 году (25 июня) — восстановление моста в Витебске. Затем восстановительные работы продолжались под Половском, Шяуляем, Тильзитом, Инстербургом, и 11 апреля 1945 года прибыли мы в Кёнигсберг.

Победу встретил рядом с Иркутском, на станции Култук 9 мая 1945 года, в должности командира мостовой роты 8-го батальона железнодорожной бригады.

Демобилизовался из армии в звании подполковника.

Ранения: Сентябрь 1941 года на участке Смоленск — Вязьма — пулевое ранение в грудь. Не убывал из соединения. Там же был контужен и направлен в госпиталь. В ноябре 1944 года находился в СЕГЕ (г. Двинск) — последствия контузии.

Январь 1944 года — осколочное ранение в голову и вскоре осколочное ранение в спину. Лечение проходил в медсанчасти воинского соединения.

Имею всего 22 награды.

Награжден тремя медалями «За боевые заслуги»; орденами Красной звезды, Отечественной войны I и II степени; медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кёнигсберга», «За участие в Великой Отечественной войне»; знаком «За доблесть и отвагу в ВОВ»; двумя знаками отличного восстановителя железных дорог.

Родственники на войне не погибли.

Собственных публикаций нет.

* * *

В 1942 году, когда восстанавливали железную дорогу на станции Торопец (она была одной из базовых станций, подпитывающих фронт), работали под непрерывными ударами авиации противника, работа усложнялась бездорожьем и недостатком автомобильного транспорта.

Потом занимались строительством участка железной дороги Старая Торопа — Крестцы. Ширококолейная 27-километровая перемычка до Старой Торопы была спроектирована и построена буквально за пару недель.

Командование фронтом приняло решение о необходимости продлить железнодорожный путь далее к линии фронта, где ни днем ни ночью не смолкали бои. Сложный рельеф местности не позволял проложить путь широкой колеи, и поэтому было принято решение провести узкоколейную железную дорогу, а станцию Старая Торопа развить в скрытый перевалочный пункт.

Для подвоза боеприпасов, продовольствия и строительных материалов по бездорожью, через множество водных преград, через 60-80-километровую зону болот как для действующих частей, так и для строителей привлекались местные жители — женщины и даже дети.

Несмотря на то, что прошло уже шестьдесят с лишним лет, никогда не забуду невероятно тяжелый труд, невиданный энтузиазм солдат и офицеров, участвовавших в проектировании и строительстве железной дороги.

Дни и ночи без сна и отдыха питаясь гороховым и пшенным концентратами, похлебкой с ржаными клецками, мы под посто-

янными бомбежками строили дорогу, зная, что тем самым помогаем фронту.

По пояс в воде и болотной жиже мы прорывали осушительные канавы, укладывали настилы и фашинные гати, на тачках и носилках доставляли грунт, пилили и тесали шпалы, проталкивали платформы с рельсами и материалами, строили разъезды, пункты снабжения локомотивов водой и топливом, заготавливали дрова, тянули линии связи и сигнализации. Все работы на этом участке были выполнены в течение месяца, и к фронту двинулись составы с боеприпасами и продовольствием.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лунцов Денис Юрьевич***, студент 4-го курса Московского государственного университета

Пыликова Екатерина Егоровна

ДЕВУШКА С САНИТАРНОЙ СУМКОЙ

Родилась 28 ноября 1921 г. в Калужской области, Мосальском районе, деревне Зайцево.

Национальность — русская, вероисповедание — христианка, была комсомолкой, далее беспартийной.

В 1938 г. закончила деревенскую школу (7 классов). В 1940 г. окончила школу медицинских сестер.

Когда началась война, мне было 19 лет, работала я тогда в Наркомате внутренних дел.

30 июня 1941 года по окончании рабочего дня нам в спешном порядке было объявлено: срочно собраться в дорогу, имея при себе две пары сменного белья и теплые вещи.

Явились в пункт сбора, где погрузились в товарные вагоны и двинулись в направлении на запад.

По прибытии на место назначения нам была поставлена задача — создать оборонительный рубеж по линии реки Десна (Смоленская обл.), где наши отступающие войска смогли бы закрепиться и сдерживать рвущегося к Москве противника.

На одном из участков оборонительных сооружений, а это были блиндажи, окопы и противотанковые рвы, расположились подразделения 53-й стрелковой дивизии, которые с честью остановили врага на этих рубежах.

К тому времени я была в какой-то степени уже обстреляна и твердо решила добровольно встать в ряды защитников Родины от немецких захватчиков.

Я и еще одна девушка, Надежда Мухина, обратились к командиру второго батальона 12-го СП товарищу Муковскому с просьбой зачислить нас добровольно в ряды РККА.

Просьба наша была удовлетворена.

Нас поставили на довольствие и выдали обмундирование, куда входили кирзовые сапоги и брюки-галифе.

Мы почувствовали себя бойцами.

На этих рубежах враг был остановлен, но время от времени с обеих сторон производились артиллерийские и минометные налеты, давали ощутимые потери личного состава. В одном из минометных обстрелов со стороны врага, а это было в августе, много пострадало наших бойцов. Мне и моей подруге пришлось в считанные минуты перевязать и оказать помощь 40 раненым бойцам и отправить их в медсанчасть.

Во 2-м батальоне 12-го СП я встретила лейтенанта Александра Бараева, который возглавлял разведгруппу. По заданию командования эта группа с наступлением темноты через проволочные и минные заграждения противника проникала в расположение врага, добывала ценные сведения, а заодно и прихватываля языка. По дороге к своим иногда эта разведка заканчивалась боем. Сам Александр Бараев был физически сильным и смелым, со смекалкой разведчика. Одновременно он был очень веселый и большим чувством юмора.

Помню, как-то в один из дней на рассвете возвратился А. Бараев из разведки и притащил здоровенного немца. Около штаба батальона развязал его и самолично налил ему водки и предложил хлеб с салом. Немец угощения принял и заметно повеселел.

Тогда А.Бараев взял гармошку и заиграл «Барыню». И тут немец пустился в пляс. Мы очень долго смеялись над прытким немцем.

В одном из боев был ранен командир 2-го батальона, и на его место был поставлен Александр Бараев. Оборонительные рубежи на дальних подступах к Москве проходили по линии реки Десны. Наши части сдерживали противника до 2 октября 1941 года.

2 октября 1941 года противнику удалось мощным ударом пробить нашу оборону.

Наши войска с боями сдерживали противника, но силы были не равны, и мы, неся потери, вынуждены были оставить Медынь, Юхнов, Малоярославец.

В октябре к нам в подкрепление прибыли воины-дальневосточники и курсанты артиллерийских и пехотных училищ города Подольска.

Враг был остановлен, наши войска закрепились и больше не отступали ни шагу назад.

Батальон, которым командовал А.Бараев, стал называться 1-м батальоном, входящим в 475-й СП. Лейтенанту Александру Бараеву было присвоено воинское звание капитан.

Наступили холода и морозы. Выпал глубокий снег, но мы были одеты очень добротно. У всех бойцов имелись ватные стеганые брюки и куртки и поверх них шинели, были валенки, теплые подшлемники и двупальцевые варежки. Труженики тыла проявляли по отношению к нам большую заботу и любовь, снабжали нас всем необходимым.

Вечером 6 ноября в расположении нашего батальона прибыли представители коллектива фабрики и привезли нам подарки, в числе которых были теплые вещи, кисеты с махоркой, не забыли и угощения.

Гостей принимали в землянке штаба батальона, где были произнесены торжественные речи по случаю приближающегося праздника Великого Октября. Были пожелания скорейшего изгнания врага с нашей территории. На прощание Александр Бараев спел свою любимую песню «Синий платочек», и все стали спешно рассредоточиваться.

Мне Бараев приказал следовать за ним. Он отправлялся в боевое охранение самолично проверить все посты боевого охранения. Взяв санитарную сумку, я тоже отправилась вместе с ним. По пути к окопам около нас разорвался снаряд и комом мерзлой земли ударило Бараева в лицо. Через минуту-две он пришел в себя, смахнув землю с лица. Протер снегом и, улыбнувшись сказал, что он неуязвим, и запел «Синий платочек». Сколько хладнокровия и выдержки было в этом человеке. И по отношению ко мне он был благороден. В его лице я всегда могла найти защитника.

14—15 ноября на нашем участке передовой было неспокойно, что-то затевалось, но причину мне было знать не положено.

Маскируясь, прибывали танки с десантными группами автоматчиков. У бойцов был возбужденный вид, слышался иногда смех, все были в белых маскировочных халатах, в тот же цвет были выкрашены и танки. На рассвете 15 ноября я находилась в медпункте батальона, куда зашел комиссар батальона и приказал мне следовать за ним. Он направился к передовой, которая была в 500—600 метрах от медпункта. Мы двинулись к опушке леса, где были ходы сообщения и

окопы, но вдвоем двигаться было опасно, так как вся местность простреливалась пулеметным огнем противника.

Первым бросился комиссар, я ждала, когда он достигнет цели и короткими перебежками побежала сама. Достигнув ходов сообщения, свалилась в окоп, и принялась рассматривать местность, где увидела пролегающий глубокий овраг. Он-то и являлся разделительной линией между нами и немцами. На краю оврага я увидела маленькое строение, похожее на домик лесника, только очень маленьких размеров. Рядом стоял танк, зарытый в землю, только башня оставалась снаружи и жерлами пулемета была обращена в сторону противника. Здесь я увидела Александра Бараева, который был очень сосредоточен. Здесь же я увидела санинструктора Чумакова, которому было столько же лет, сколько и мне. Он нагнулся над упавшим бойцом, чтобы перевязать его, и тотчас ничком сам упал на бойца, не успев перевязать его.

Когда я подползла к ним, то увидела отверстия на шинели санинструктора — он был убит наповал. Пуля прошила ему сердце навылет. Я перевязала бойца, которого не успел перевязать Чумаков. Артиллерийского и минометного огня не было, но с левого фланга начали очередями свистеть пули, и я увидела, как рухнул комиссар батальона. Перевязать его я не успела, хотела подобраться к нему поближе и не помню ничего, что случилось. Очнулась и слышу голос Александра Бараева: «Катя! Вставай! Перевяжи!»

Тут я почувствовала, что левая рука одеревенела, а я лежу, зарывшись лицом в снег. И когда ощутила горячую струю, текущую по шее, то поняла, что ранена.

Бараев сам снял с меня санитарную сумку и перевязал две раны от пулевого ранения.

Придя в себя, я начала ползком выбираться за пределы передовой, где мне помогли добраться до батальонного пункта, в котором еще оставались Николай Малафеев и Надежда Мухина. После чего меня отправили в медсанчасть, а дальше — в полевой передвижной госпиталь, откуда отправили в Оренбург, где я пробыла 3 месяца. После чего меня отправили на Сталинградский фронт.

Из сообщений я узнала, что Александр Бараев дважды награжден Орденом Ленина, что его батальон освобождал Малоярославец.

15 ноября 1941 г. получила сложное сквозное пулевое ранение в шею. По причине ранения убыла из 43-й армии 475-го стрелкового полка 12-го батальона под командованием Бараева. 3 месяца проходила лечение в госпитале в г. Екатеринбурге. После выписки направили под Сталинград в железнодорожные войска.

Обратный путь проходил через Германию, Венгрию, Чехословакию, Польшу.

В конце 1945 г. демобилизовалась по случаю окончания войны. Приняли медсестрой в НКВД по обслуживанию высшего командного состава.

После войны окончила Университет марксизма-ленинизма.

Ордена и медали:

— орден Отечественной войны 1 степени №1399281;

— медаль «За отвагу» №2431127, вручал секретарь президиума верховного совета Горкин;

— «За победу над Германией», вручал 15 июня 1946г. генерал-лейтенант Сумбатов;

— «За оборону Москвы» №037927, вручал 15 февраля 1993г., полковник Савинов;

— «За оборону Сталинграда», вручал 5 января 1944г. полковник Смирнов.

В войну потеряла родного брата Задохина Евдокима Егоровича. Ушел и не вернулся, до сих пор считается пропавшим без вести. В настоящее время в живых из родственников не осталось никого, кроме дочери. Проживаю с дочерью.

Обо мне упоминается в публикациях:

журнал «Советский красный крест» от 2 февраля 1969г. Статья «Девушка с санитарной сумкой», с.2. Автор статьи И. Борисов;

газета «Маяк» от 16 января 1988г.

газета «На боевом посту» от 13 января 1972г. №6 (5313). Статья: «За отвагу», с.3. Автор статьи Г. Кривобок;

газета «Маяк» от 20 августа 1968г. Статья: «Её звали Катюшей», с. 2. Автор статьи И. Борисов.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Горбов Артем Генадьевич***, студент 4-го курса Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина

Рясин Вячеслав Николаевич

В ПЛЕН СДАВАЛИСЬ ТЫСЯЧИ ИТАЛЬЯНЦЕВ

Я родился в феврале 1922 года в городе Иваново. По национальности — русский, по вероисповеданию — православный.

Участие моих родных в строительстве Вооружённых сил и служба в армии побудили меня задуматься о моём вкладе в укрепление могущества армии, повышения обороноспособности страны. Моё стремление помочь Родине было ускорено формированием оси «Рим-Берлин», к которой вскоре присоединилась Япония. Образовались два очага войны: на Западе и на Востоке, что угрожало нашему государству. В таких обстоятельствах на моих глаза произошли такие события, как бои на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, где японская военщина получила от бойцов Красной Армии по зубам. Не без помощи Красной Армии осуществилось воссоединение западных областей Украины и Белоруссии, возвращение Буковины, вхождение в состав СССР Литвы, Латвии, Эстонии. Назревала и вскоре началась война с Финляндией. Всё это вместе способствовало тому, что я твёрдо решил после окончания в 1939 году средней школы в городе Москве, куда мой отец переехал со мной, посвятить себя военному делу. С этой целью я подал заявление о приёме на обучение в Московский авиационный институт. Я сдал на «отлично» сочинение и устный экзамен по литературе, но мне не удалось преодолеть «математический барьер». Но я успел сдать документы еще в Московское высшее техническое училище им. Баумана и был принят на артиллерийский факультет (Е-14).

Однако в 1940 году был призван в армию (в это время началась война с Финляндией, и создалась довольно тревожная обстановка в стране).

Судьба распорядилась так, что я был направлен служить на Дальний Восток. В это время на Дальнем Востоке уже образовался Дальневосточный фронт, главной мощью которого являлась Особая Краснознамённая Дальневосточная Армия (ОКДВА). Ехали призывники из Москвы на Дальний Восток в товарных вагонах 24 дня! Было очень холодно. Наступала зима 1940 года. Я был зачислен с другими москвичами курсантом в 185-ю отдельную роту связи, размещенную на одной из сопок около города Иман (нынче — Дальнореченск), Приморского Края, недалеко от места впадения реки Иман в реку Уссури. Родители писали нам письма, называя город Иман городом «Иван», и письма доходили.

Рота занималась линиями связи границы с Манчжурией, где тогда хозяйничали японцы, они вели себя воинственно, обстреливая с левого берега реки Уссури наших воинов.

Проучившись 9 месяцев в школе младшего командного состава, я получил звание младшего сержанта и стал командиром отделения.

Через некоторое время я был направлен на курсы младших лейтенантов, а затем в военно-пехотное училище около Владивостока, на берегу Тихого океана, которое закончил лейтенантом в 1942 году.

После окончания военного училище я был направлен служить командиром взвода 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады, размещавшейся в городе Комсомольск-на-Амуре. После сообщения Рихарда Зорге о том, что Япония с Советским Союзом воевать не намерена (видимо, бои на Хасане и Халхин-голе Япония не забыла), наша воинская часть в числе многих других частей была направлена на советско-германский фронт, где немцы рвались к Сталинграду.

Со станции Барановской (под Владивостоком) до Брянского фронта мы ехали 9 дней.

Где-то в районе Читы нам зачитали телеграмму Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, в которой он поздравлял личный состав бригады с направлением на фронт и выразил уверенность, что бригада оправдает оказанное ей доверие защищать Родину.

На Брянском фронте летом 1942 года мне запомнились с первых дней пребывания на передовой разведывательные полеты немецкого разведывательного самолета, получившего прозвище «рама» у наших

воинов, после которого вылетали стаи «юнкерсов», сыпавших на нас, как из решета, авиационные бомбы. При этом казалось, что каждая из этих бомб летит именно на тебя.

Я помню, как наш офицер, если память мне не изменяет, по фамилии Корнейчук, бесстрашно стрелял из пулемета, установленного в кузове автомобиля «ГАЗ», по пикирующим на нас немецким самолетам, не уклоняясь от летящих бомб.

Вскоре меня переводят на Воронежский фронт, где сначала предлагалась служба в Гвардейском минометном соединении, а затем в 25-м танковом корпусе, завершавшем бои за город Воронеж, разрушенный за время боев на 90%.

Первоначально основные бои, в которых мне пришлось участвовать, развернулись на Юго-Западном фронте против 8-й итальянской армии, занимавшей огневые позиции на правом берегу реки Дон.

В районе верхнего Мамона Воронежской области была налажена понтонная переправа, по которой форсировали водный рубеж сотни наших танков, в том числе и подразделения 25-го танкового корпуса. Форсирование Дона произошло в середине декабря 1942 года. Впечатляло то, что линия итальянского фронта была прорвана благодаря залповому огню артиллерии, гвардейских минометов («катюша») и летящих в бреющем полете летающих танков «Ил».

Все это вселяло уверенность, что мы выиграем войну. Наступил перелом в войне. Вместо отступлений начались наступления.

Колонны наших войск, перешедших на правый берег реки Дон, растянулись на несколько километров. Немцы пытались бомбить колонны, но вдоль колонн их самолеты боялись лететь, опасаясь, что их могут сбить зенитки. Поэтому самолеты немцев налетали на колонны сбоку, что не давало немцам нужного эффекта.

Итальянский фронт был прорван. В плен сдавались тысячи итальянцев.

На правом берегу Дона итальянцы создали укрепленный район — подземные дзоты, траншеи, окопы.

В подземных казематах нами были найдены огромные запасы макарон, мясной тушенки, рома.

Сами итальянцы — неважные вояки. Некоторые из них прибыли на фронт с губными гармошками, даже со скрипками.

Пленные итальянцы, в основном рядовые, сами расстреливали своих офицеров, выдавали из колонны пленных немцев (наши солдаты расправлялись с немцами, а итальянцев щадили).

Колонны пленных итальянцев почти без охраны и сопровождения двигались на восток, а наш корпус двигался дальше на запад, освобождать от немцев Россию, а затем Украину. Некоторые итальянцы задерживались в корпусе — таскали воду, готовили нам обеды, у нас с ними сложились добрые отношения.

Один из итальянцев (из Генуи) показывал мне фотографии своих близких — жены, дочерей. У меня осталась алюминиевая кружка с надписью на итальянском «Bottoli».

Но для нашего корпуса итальянская армия была лишь эпизодом военных действий на Юго-Западном фронте.

У корпуса была более серьезная задача — совершить рейд по тылам противника (территории, занятой немцами от Воронежа до Запорожья — это несколько сотен километров).

Такая задача была поставлена командующим Юго-Западным фронтом генералом Ватутиным, приказавшим войскам фронта подтянуться и воссоединиться с подразделениями корпуса.

Но этот приказ, к сожалению, войска Юго-Западного фронта выполнить не сумели, и 25-й корпус оказался в окружении.

Об этом эпизоде в боевых действиях 25-го танкового корпуса писал в книге «Полководец» писатель Владимир Карпов, ссылаясь при этом на воспоминания адъютанта Гитлера. Причем адъютант писал в мемуарах, что в то время, когда советские танкисты ворвались в Запорожье, там проводилось под руководством Гитлера важное совещание с генералитетом. И получилось так, что, с одной стороны, в городе Запорожье его жители радостно встречали освободителей-танкистов, а с другой стороны, окружение Гитлера срочно получило указание от своего фюрера о срочной эвакуации (паковались чемоданы, собирались документы, готовился к вылету его личный самолет).

К несчастью для нас, дело кончилось тем, что вскоре немцы, убедившись, что ослабленный после боев корпус — это не армия и тем более не фронт, окружили корпус.

К этому моменту у корпуса были на исходе горючее, боеприпасы и продовольствие после длинного рейда по тылам противника.

Фронтовые части к Запорожью не вышли, Гитлера в плен взять не удалось. Да, видимо, соответствующие органы не смогли поставить в известность командование корпуса о нахождении Гитлера в Запорожье.

Корпус получил приказ об отходе.

Во время рейда по тылам противника мне запомнились такие эпизоды.

Эпизод первый

В одном из населенных пунктов я услышал немецкую речь в деревенском доме, на чердаке, у меня в руках была ручная граната «РГД», и я ее бросил в слуховое окошко чердака, открытое нараспашку в виде бойницы. Но она в окошко не попала, ударилась о стенку дома и упала к моим ногам. Мне удалось броситься за угол дома как раз в момент взрыва, ее осколки разлетелись в разные стороны, однако, к моему счастью, они пролетели мимо меня.

Эпизод второй

В другом населенном пункте я с автоматом «ППД» двигался по правой стороне улицы. Мне навстречу на большой скорости, буквально в трех метрах от меня, передвигался немецкий танк песочного цвета (видимо, он был переброшен из Африки). Что я мог сделать со своим автоматом? Приготовился принять немецкую пулеметную очередь на себя. Но мне опять повезло: немецкие танкисты меня не заметили. Пронесло...

Эпизод третий

Тем не менее немецкая пуля из танка меня не миновала. В рейде в еще одном населенном пункте на Запорожском направлении меня ранило на льду небольшой речки в левую голень. Мне перебило обе кости, двигаться я не мог, хотя дело было ночью, немцы освещали район боевых действий ракетами. Светло было как днем, и меня, раненного пулей и лежащего без движения на льду, заметили санитары. Они выволокли меня по льду и снегу на плащ-палатке и эвакуировали в полевой госпиталь сначала в Миллерово, затем в станицу Каргинскую Ростовской области. В госпитале был поставлен диагноз: газовая гангрена. Врачи пытались спасти раненую ногу: мне сделали 4 продольных надреза голени, но началось артериальное кровотечение, мне ампутировали левую ногу на уровне бедра (операцию делал московский хирург).

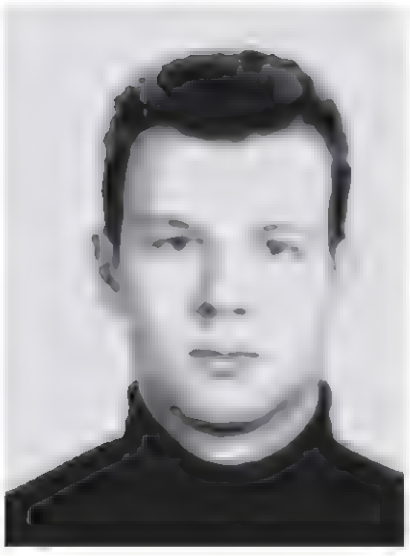
В госпитале я пролежал почти год. В станице Каргинской я лежал в помещении школы. В палате лежало примерно 10 раненых. Казачки станицы забирали раненых молодых солдат и лейтенантов, разбросанных по всей станице, к себе в избы и выхаживали своими силами. Подполковник медицинской службы Саратьян Петр Артемь-

евич и его жена, тоже медик, выхаживали меня долгое время, после моей выписки из госпиталя писали мне письма. Также я поддерживал связь и встречался с медсестрой Тумановой Ириной, которая первая обратила внимание на то, что я истекаю кровью после операции. Последний госпиталь находился в Пензе (№3530). Там я протезировался и женился на ординаторе Стрельцовой Зое Яковлевне (лейтенанте медицинской службы).

За участие в боях я награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу».

Руководство Совета ветеранов 25-го танкового корпуса спустя много лет после исторического рейда получило письмо от жителей Запорожья о том, что на его глазах немцы сжигали заживо пленных танкистов 25-го корпуса. Жители Запорожья захоронили тела танкистов в братской могиле и установили скромный памятник погибшим танкистам. Жители Запорожья просили оставшихся в живых от того рейда приехать на могилу и помочь восстановить имена погибших танкистов.

Декабрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминани оказал помощь ***Шамота Андрей Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Тарасенко Сергей Иванович

Я БЫЛ ОДЕТ В «БАНДЕРОВСКИЙ» ПИДЖАК И ГУЦУЛЬСКУЮ ШЛЯПУ

Я родился 21 сентября 1921 года в селе Федоровка Купянского района Харьковской области в многодетной крестьянской семье. По национальности — украинец. Православного вероисповедания. Член КПСС с 1942 года.

Родное Приосколье

Родная моя Федоровка расположена в причудливом месте между двух извилистых балок, разделенных могучими вербами, у прудов. Здесь множество яблоневых и вишневых садов. С юго-востока и до самого западного горизонта село окружают полоса лесов и три дубравы; с северной стороны — луговая пойма, тянущаяся до самой реки Оскол.

С ранней весны до глубокой осени радовало моих земляков множество цветов на лесных полянах, луговое разнотравье, поймы с богатыми укосами пахнущего сена, ухоженные хлебные поля с бахчами. Грибы и ягоды в дубровах и лесах...

Родители мои — отец, Тарасенко Иван Евлампиевич, и мать, Тарасенко (Можара) Мавра Иосиповна, — в молодости батрачили у местного помещика Маркова, дальнего родственника известного укра-

инского драматурга Кропивницкого. Своей земли они не имели. Учиться грамоте им также не довелось.

В 1914 году отец был мобилизован в царскую армию на Юго-Западный фронт, которым командовал генерал от кавалерии Брусилов. В бою на Австрийском участке фронта в Карпатах отец был тяжело ранен. В 1917 году вернулся домой по ранению.

После свершившейся Великой Октябрьской социалистической революции от новой власти получил землю без всякого выкупа, в свою собственность. И поэтому, видимо, отец очень поверил власти большевиков и всячески ее поддерживал, особенно в период НЭПа. Мечтал обустроить жизнь в достатке, дать образование детям.

В семье у нас было пятеро детей, четыре сына и дочь. Как я помню, родители не настаивали на том, чтобы молиться Богу, ходить в церковь. И когда в период культурной революции и борьбы с неграмотностью в конце 20-х годов закрыли в нашем селе церковь, срубили кресты, перенесли иконы, хоругви и церковную утварь в хилое помещение сельсовета, отец отнесся к этому как-то безразлично, посчитав, однако, за большой грех перед Богом.

В детские годы я очень дружил с соседскими сверстниками — Мишей Водолазским и Ваней Гордиенко. Вместе мы играли, забирались на соседские бахчи, в чужие сады, ходили купаться. Отпуская меня на пруды, бабушка строго предупреждала: «Утопнешь — домой не приходи!»

В семье мне было определено стать землемером — это была самая авторитетная в те годы профессия на селе.

В 1928 году, в октябре месяце, с наступлением холодов, когда мне исполнилось 7 лет, отец повел меня в школу и, помню, просил Андрея Кузьмича Бобруся, директора нашей сельской школы, принять меня во второй класс, так как я умел к этому времени читать и писать — научился у старшего брата Михаила. «Сидеть ему целый год в начальном классе незачем», — сказал отец. — «Ты же знаешь, Иван Евлампиевич, что мы берем в школу ребят, которым исполнилось полных восемь лет, а ты привел семилетнего, да еще просишь во второй класс», — ответил директор. Отец выжидательно молчал.

Превозмогая робость, я выдержал проверку по чтению и письму. Андрей Кузьмич разрешил мне ходить в школу и предупредил, чтобы я приходил не босиком, а в ботинках.

Отец поблагодарил учителя и с грустным видом, почесав в затылке, согнувшись, пошагал домой. В семье у нас на четверых была одна пара ботинок...

А я остался в классе. Меня посадили за парту, где уже сидела девочка, дочка учительницы начального класса, по имени Рая. Мне показалось, что она была необыкновенной красоты, я очень ее стеснялся, особенно когда она бросала взгляд своих красивых глаз под парту, на мои порозовевшие от холода босые ноги. Потом я нередко заступался за нее, когда старшие мальчишки пытались ее дразнить.

Мне очень нравилось в школе участвовать вместе с пионерами в сборе лекарственных растений, собирать металлолом, дежурить при уборке урожая в пионерском дозоре имени П. П. Постышева.

Мы, школьники, участвовали также в сборе средств в пользу МОПР (Международной организации помощи революционерам), на постройку нового дирижабля им. М. Горького (вместо рухнувшего на землю под Москвой) и в других школьных делах. Мне очень хотелось стать пионером.

До сих пор свежи в памяти школьные праздники, посвященные годовщинам Великого Октября, 1 мая, Красной Армии, 8 марта и др. Мы, дети, старательно готовились к ним, учили стихи. Убирали классы, пионерский уголок, библиотеку.

Учителя выстраивали нас по классам, а директор школы Андрей Кузьмич произносил перед нами небольшую речь. Потом он подходил к каждому со словами: «Вітаю зе святом Жовтня! Одержутй подарунок — зошит і олівець!»

Со временем я стал пионером и первое время боялся потерять повязанный на шею красный галстук, часто ложился спать, не снимая его.

Быстро пролетели школьные годы. С благодарностью вспоминаю своих учителей: Харитину Федоровну Бобрусь — учительницу начальных классов, Дюкова Бориса Ивановича — учителя русского и украинского языков, требовавшего от учеников каллиграфического почерка и строгого соблюдения орфографии; Черняк Надею Петровну — преподавателя русской и украинской литературы в 6-7 классах.

От нее мы получили великой силы начальные литературные познания о произведениях классиков русской и украинской классической литературы.

С большим увлечением учили стихотворения, отрывки из повестей и рассказов современных авторов, прославлявших героические усилия советского народа и становление нового общества, декламировали на уроках и вечерах, приуроченных к революционным праздникам (как, например Николая Островского «Как закалялась сталь»,

Павла Тычины «На майдані біля церкви, революція іде...», Владимира Сосюры «Зима. На фронт, на фронт... и многих других).

Ширился мир познаний, оказавший влияние на выбор моей профессии в будущем.

Здесь следует коснуться и теневых сторон жизни на селе. Мне довелось трижды писать заявления о приеме отца в колхоз. Первое заявление в 1928 году о приеме в «СОЗ» — (суспільна обробітка землі), второе — о выходе из этого товарищества по обработке земли и третье заявление с новой просьбой о приеме.

Не нравилась отцу некомпетентность активистов партячейки в ведении кооперативного хозяйства, их аморальные поступки и пьянство.

В 1930 году родители начали строить новую хату, большей площади, соответствующей большой семье.

Для строительства родители во многом экономили, отказывая себе в самом необходимом. Заранее купили кровельное железо на рынке в городе Изюм. Об этом знал секретарь партячейки — дальний родственник нашей мамы Можара Мыкита Антонович. И когда подошло время кровли новой хаты, Можара Мыкита — продукт своего времени — через вестового сельсовета повесткой вызвал отца на беседу: «Покроешь хату железом, внесу тебя, Иван Евлампиевич, в список куркулей (кулаков), и загремишь ты вместе с семьей на Соловки. Отвези железо на колхозную кузницу».

Отцу ничего не оставалось делать. Он запряг в бричку лошадей и отвез железо, куда велел партсекретарь. Сбросил его у стены кузницы, сплюнул, крепко выругался и поехал на колхозный двор. Сдал свою бричку и лошадей в колхоз. Вернулся домой расстроеннный и обратился ко мне со словами: «Садись, сынок, пышы заяву — знову в колгосп. Пропади оно все пропадом...»

Так мы снова стали колхозниками колхоза имени Г.И. Петровского.

В 1932 году в нашем селе, как и во всей Харьковской области, был неимоверный голод, унесший из жизни более 1/3 жителей. Нашей семье, как и другим, в этот страшный голодный год чем мог помогал, не дал умереть председатель колхоза В.И. Таран, направленный в наше село по директиве партии большевиков из числа 25-тысячников от рабочего класса для укрепления колхозного строя.

А в 1933 году, после 1932 голодного года, органы НКВД арестовали его и отправили в колонию на Холодной горе в Харькове якобы за падеж скота и другие недостатки в колхозном хозяйстве.

После этого голода и по ряду других причин наш колхоз имени Г.И. Петровского так и остался нерентабельным хозяйством до самой Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Отцовское кровельное железо никому больше не пригодилось, поржавело у колхозной кузницы.

В результате постоянных неурожаев, увеличенных планов по хлебопоставкам мало что оставалось для выдачи колхозникам на трудодни. К примеру, наша семья (работали отец, мать, дедушка и старший брат) зарабатывала свыше тысячи трудодней. На них в конце года начислялось по 200-300-500 граммов зерна на один трудодень. Этого хлеба хватало до марта месяца следующего года. И мать часто посылала отца пойти в правление колхоза попросить у головы (председателя) выписать хотя бы 5-7 килограмм муки в счет следующего урожая. По этой причине родители в июне 1939 года с тяжелым чувством покинули родное село Федоровку и переехали на постоянное жительство в Сальские степи Ростовской области. Помню, из домашних вещей они взяли с собой икону Божьей Матери и портрет К.Е.Ворошилова. Там они только за второе полугодие заработали столько хлеба, сколько у них было только в лучшие годы НЭПа.

Ко времени отъезда родителей к новому месту жительства я, будучи студентом 3-го курса техникума, оставался жить в городе Купянске. В селе Федоровка из родственников у нас никого не осталось, и побывать там с тех пор не довелось.

Студент техникума

От своих учителей семилетней школы я слышал, что после десятилетки можно поступить в Харьковский университет. Это меня заинтересовало. К тому же из нашего села сын знакомых нашей семьи Даниленко Павел (он был намного старше всех нас) учился в Харьковском медицинском институте. Кроме того, сосед по дому, художник-самоучка Казюта Платон, писавший иконы, часто ездил в города Изюм и Савинцы в церковные мастерские и на художественные выставки, учился заочно в Харьковской студии изобразительных искусств. Ходили слухи, что при последней поездке он попал в НКВД, и с тех пор его больше никто не видел.

В этот период, в начале 30-х годов в ряде поселков городского типа Харьковщины стали открывать при семилетних школах восьмые классы с последующим преобразованием их в средние школы-десятилетки.

Тогда я, 14-летним окончив 7-й класс, подался поступить в 8-й класс в нашем новом районном центре — поселке городского типа Шевченково, в 40 километрах от своего села. Меня приняли в эту школу, а старшая пионервожатая сказала директору, что я смогу временно пожить в доме ее матери, пока откроется обещанный гуртожиток для восьмиклассников из дальних сел, и так я жил в доме пионервожатой больше трех месяцев до наступления холодов. Еженедельно «зайцем» на поездах, больше товарных, ездил домой. Мне давали на неделю буханку хлеба, кусок сала или стакан сливочного масла и три рубля денег. Возвращался к занятиям в понедельник тем же путем с корзиной в руках. При подъезде к своей ж.д. станции Булацеловка на изгибе колеи, когда поезд сбавлял ход, я стоял в тамбуре предпоследнего вагона, бросал вперед свою корзину и вслед прыгал сам в песчаную насыпь. В основном все обходилось благополучно.

Спал я на полу, в изголовье была корзина вместо подушки. Свободной мебели и постельных принадлежностей у хозяев дома не было, а родители мои на содержание меня средств не имели. Мать пионервожатой относилась ко мне очень хорошо, иногда подкармливала, но обещанного общежития школа от поселкового совета так и не получила. Об этом пионервожатая опубликовала в районной газете «Колгоспный шлях» разгромную статью, она стала известной в моем селе. Прочитав статью, директор школы, найдя меня среди учеников, повела сразу в столовую МТС (машинно-тракторной станции), накормила сытным обедом и сказала, что сегодня состоится бюро райкома партии, там будут земляки, и я смогу с ними поехать домой. Потом выдала мне справку с оценками по изучаемым предметам.

Наступившую зиму 1936 года я работал с отцом на животноводческой ферме, летом был назначен старшим пастухом отары овец и законтрактованных товарных бычков. В сумке за спиной носил учебник, готовился поступить в техникум.

В июле 1936 года, успешно сдав вступительные экзамены, я стал студентом Купянского сельскохозяйственного техникума с зачислением на стипендию и с предоставлением общежития.

Город Купянск на реке Оскол стал мне родным, там я вырос, вступил в комсомол. Учился в целом неплохо. По учебным планам, кроме предметов по специальности и гуманитарному циклу, много часов отводилось полевым работам в учебном хозяйстве и занятиям по военной подготовке, по физкультуре, в спортивных секциях, часто на пляже на Осколе. Активно работали кружки художественной са-

модеятельности и бальных танцев. Однако танцевать я так и не научился из-за отсутствия подходящей обуви. Носил я стеганые валенки в галошах, поэтому приглашать партнершу на танец не решался.

В техникуме было два драматических кружка. В них мне поручалось исполнять отдельные эпизодические роли, а чаще открывать занавес сцены, и я был счастлив этому поручению.

В нашем репертуаре были пьесы: «Дай сердцю волю, заведе в неволю» Кропивницкого, «Любовь Яровая» К.А. Тренева, «Платон Кречет» Александра Корнейчука и другие.

Дважды за время учебы в техникуме нас, студентов-полеводов, направляли на производственную практику: в 1939 году в Хмельницкий район Винницкой области на период уборки урожая; в 1940 году в Ставищанский район Киевской области на время весенне-полевых работ.

В июне 1939 г. при поездке в Винницкую область на станциях Фастов, Казатин и других Юго-Западной железной дороги я обратил внимание на интенсивное движение воинских эшелонов с личным составом, техникой и лошадьми в западном и южном направлениях. Я не мог тогда предположить, что шла подготовка к присоединению Западной Украины, а позже и Бессарабии к Советскому Союзу.

А ранней весною 1940 года, при поездке в Киевскую область, довелось видеть, как в залах ожидания на станциях Конотоп, Ворожба и в самом Киеве было полно раненых красноармейцев, возвращавшихся с Карельского перешейка после зимней финской кампании.

Мы, студенты, жили тогда также событиями на Дальнем пограничье у озера Хасан, финской кампанией, вступлением Красной Армии в Западную Украину, присоединением Бессарабии, прибалтийских республик к Советскому Союзу.

В воздухе пахло грозой ...

Бывало, нас, студентов, привлекали снимать со стен учебных классов портреты врагов народа, пробравшихся в Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КПБ(У), поочередно Косиора, Скрыпника, Ватонского, Бубнова, Любченко, Якира, Гамарника и других.

В это время в нашем городе Купянске органами НКВД одновременно были арестованы: первый секретарь Купянского РК КП(б)У, председатель исполкома районного совета депутатов трудящихся и заведующий земельным отделом — за «вредительство» и пособничество врагам народа (к сожалению, не могу вспомнить их фамилии).

В техникуме студентов призывали к бдительности и спокойствию, уверяя, что власть в городе находится в надежных руках верного ленинца, начальника РО НКВД товарища Фосса. Кто он, толком никто не знал. Вскоре его тоже в городе не стало.

В актовом зале техникума обычно проходили встречи кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР и УССР с избирателями. Нам, студентам-активистам, доверялось стоять в глубине сцены позади президиума собрания избирателей в почетном карауле с деревянными учебными винтовками в руках. К этой миссии мы тщательно готовились, но без неожиданностей не обошлось.

Так, вначале кандидатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР по Харьковскому избирательному округу выдвигался комдив Озолинь, участник Гражданской войны. Всюду были его портреты на предвыборных плакатах, и вдруг оказалось, что он враг народа. И вместо Озолиня мы встречали комкора С.К. Тимошенко, командующего Харьковским военным округом (был такой). В 1940 году Тимошенко стал министром обороны СССР вместо К.Е. Ворошилова.

Все это влияло на формирование моих взглядов, на выбранную профессию. Я пришел к мысли стать профессиональным военным, командиром Красной Армии, поступить в военное училище. Отцу не нравились мои намерения. Он сказал: «Выучись хотя бы на бригадира, а потом иди хоть и в солдаты. Я то войну бачив. До сих пор ношу осколок в спине».

Мы любили наш техникум. Все четыре года учебы достраивали его основное здание и обустраивали территорию. Мы гордились нашей футбольной командой, в которой из 12 игроков были три брата Бугаевы, один из них заведующий канцелярией техникума. Не пропускали ни одной игры, были самыми активными болельщиками. Самый популярный духовой оркестр был наш. Комплект инструментов подарил А.И. Микоян, приезжавший в г. Купянск на открытие сахарного завода, будучи министром пищевой промышленности СССР.

Большим уважением у студентов пользовался директор техникума Травенко Н.К., носивший на груди орден Трудового Красного Знамени, а также преподаватели Сауляк Нина Васильевна (энтомология и защита растений), Нечипоренко Софья Лукинична (общее земледелие и ботаника), Заречная Мелинтина Федоровна (почвоведение и мелиорация), Каравайченко П.М. (растениеводство), Кучерявый Андрей Павлович (механизация сельскохозяйственного про-

изводства) и историк, секретарь партийной организации техникума Ткаченко Н.Ф..

Слушали факультативные лекции по истории литературы и искусства, их читали преподаватели из педагогического техникума.

Вспоминаю студенческую столовую и ее директора, не устававшего заботиться о нашем здоровье и благополучии. Кстати, здесь я впервые услышал запавшую в душу мелодию полонеза Огинского «Прощание с Родиной» — его часто исполнял на рояле в обеденный перерыв местный пианист.

Наш военрук Марковский, казалось, никогда не снимал с себя военную форму, даже во время сна. У него мы учились стрельбе из винтовки, ручного и станкового пулеметов, владеть штыком: «Длинным, коротким — коли!» Многие из нас стали значкистами «Ворошиловский стрелок».

По распределению в августе 1940 года я должен был ехать на работу в качестве младшего агронома-полевода в совхоз Бийского района Алтайского края. Однако военкомат воспрепятствовал моему распределению, не снял меня с воинского учета и предложил ехать к месту жительства родителей в Ростовскую область и ждать вызова «До особого распоряжения».

В конце сентября 1940 года из военкомата на имя отца мне прислали вызов на призывную комиссию в город Купянск. 1 октября прибыл я в военкомат. На призывном пункте собрались призывники и провожающие. Играла музыка, парни и девушки лихо отплясывали цыганочку и гопак, парами танцевали польку, краковяк, пели частушки и народные песни.

Дождавшись своей очереди к военкому, я предстал перед призывной комиссией. Среди членов комиссии сидели два старших командира в пограничной форме. Военный комиссар города Купянска майор Фоменко объявил: «Вы призываетесь в пограничные войска. Вам оказывается большое доверие. Служите честно». Я ответил: «Спасибо, оправдаю» и, как по команде «Кругом!», вышел в общий зал. У меня от переживаний или от той дружелюбной, доверительной атмосферы на комиссии все сжалось в груди, и выступили слезы...

Как изменилось время! Как торжественно проходил призыв в мой предвоенный 1940 год, и что сейчас?

В ночь на 2 октября нашу команду призывников погрузили в поезд и отправили в Харьков. Оттуда сформированным из товарных вагонов железнодорожным составом последовали в обратном направлении,

на Восток. В пути кормили наш целый железнодорожный состав новобранцев в пунктах питания на станциях Ртищево, Сызрань, Оренбург, Арысь. Джамбул. Голодных, как и недовольных, не было.

Мы были не только вовремя накормлены, но и помыты в хороших банях в городах Сызрань и Оренбург.

Одно нас как-то насторожило. В Оренбурге купил я местную областную газету. Там был опубликован приказ министра обороны СССР, который гласил: военнослужащие, уволенные в запас, обязаны сдать свою военную форму в военкомате по месту жительства при постановке на воинский учет. Мы были удивлены — кому эта одежда нужна? Может, это было экономией перед войной? Но у нас, в Ростовской области, без военной формы не мужчина, даже старики без нее себя не уважают. 16 октября прибыли мы на станцию Сарыозек Туркестано-Сибирской железной дороги.

Красноармеец погранзаставы на Тянь-Шане

На станции Сарыозек — перевалочной базе Джаркентского погранотряда, зная о низкой температуре в горах на перевале, нам выдали теплые полушубки и валенки.

В ночь на 16 октября 1940 года команда призывников, предназначенная для службы в Джаркентском погранотряде, покинула железнодорожную станцию Сарыозек и автомобильной колонной последовала в сторону Тянь-Шаньского хребта.

Благополучно проследовав ночью через извилистый перевал, мы спустились с гор в широкую, необозримую долину.

Солнечным днем 17 октября мы въехали в жаркий, пыльный восточный город Джаркент — вековой город на пути в торговый центр Синьдзянь-Уйгурской провинции Китая — город Кульджу.

В городке погранотряда новобранцев провели через санобработку и горячую баню, одели в новую пограничную форму. Вчерашние призывники, только ставшие пограничниками, свою рваную одежду тут же выбросили прочь через дувал (глиняный забор). После праздничного обеда и часового отдыха нас распределили по подразделениям учебного полка.

На плацу молодое пополнение приветствовал начальник отряда майор Неволин Д.В. Позже я слышал, что в 1941 году он воевал в составе Панфиловской дивизии.

В боях под Москвой бывший наш начальник погранотряда был ранен в голову, лишился левого глаза. После госпиталя вернулся в

Джаркент и вновь вступил в командование погранотрядом в звании подполковника, награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Я был определен в 1-й взвод (командиром которого был лейтенант Фехтман Б.А.) 2-го учебного эскадрона, где через неделю учебных занятий по строевой и кавалерийской подготовке меня избрали секретарем комсомольской организации эскадрона.

К трудностям военной службы я был подготовлен всей своей жизнью, поэтому их как-то не замечал. Даже выполнение такой труднейшей команды, как «Учебной рысью, марш!», вытряхивавшей из неопытных всадников, казалось, все живое, не было сложным — на лошадях я ездил с детских лет.

Законом для новичков были наставления нашего младшего командира отделения Сикоры: «Три года службы, три года бегом». Медленной походкой выполнять команды командиров в пограничных войсках не принято.

Через три месяца службы в учебном полку я в числе других проходил еще «обкатку» в реальной обстановке на границе на пограничной заставе Хоргос.

В апреле 1940 года я был распределен на Первую правофланговую заставу Кольджат, участок которой был высокогорным. Начальник заставы старший лейтенант Струнин был внимателен к молодым пограничникам, терпеливо вводил нас в тонкости службы и оперативной обстановки на участке заставы.

Вблизи заставы расположено село (аул) уйгурского населения с одноименным названием Кольджат. Нам надлежало знать на уйгурском языке 10-15 слов, таких, как «Стой!», «Руки вверх!», «Бросай оружие!»

Сопредельная территория Китая напротив участка заставы населена также уйгурами. Поэтому стремление к нелегальным контактам было вполне реальным.

Каждый пограничный наряд получал инструктаж и приказ на охрану границы от начальника заставы или дежурного офицера — заместителя начальника заставы по боевой подготовке или заместителя по политчасти.

После доклада старшего наряда о готовности к охране границы начальник заставы отдавал приказ: «Приказываю выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик. Вид наряда — дозор (например). Маршрут: такой-то. Пароль: такой-то. При обнаружении противника задержать, обезоружить и т.д.. Старший наряда: такой-то. Младший наряда: красноармеец

такой-то. Приказ начальника заставы повторялся дословно: «Есть! Выступить на охрану государственной границы и т.д.». Эта церемония, как и в целом служба на заставе, мне очень нравилась.

Из молодого пополнения вскоре на охрану границы я стал назначаться старшим пограничного наряда и затем был избран секретарем бюро ВЛКСМ этой пограничной заставы.

В ночь на 22 июня 1941 года я с товарищем нес службу старшим наряда в ущелье Будуть на скрытом наблюдательном пункте. Мы расположились между скал этого ущелья. Лошадей укрыли внизу под скалой. С рассветом в бинокль мы увидели командира отделения Кошубу, подъезжавшего к нам на лошади и не по установленным правилам, принятым на границе. «Стой, ни с места!» — кричу я ему. Сикора назвал пароль и сообщил: «Война! Германия напала на Советский Союз. Начальник заставы приказал немедленно прибыть на заставу».

В считанные часы оповещенные наряды были на заставе. У казармы играл патефон грустное танго «Дождь идет». Начальник заставы построил личный состав в одну шеренгу, зачитал список красноармейцев, которые следуют вместе с ним и политруком Тукаевым в штаб отряда для отправки на фронт.

Оставшимся приказал честно нести службу на заставе — до очередного вызова на фронт. Назначил вместо себя временно исполняющего обязанности начальника заставы — заместителя по боевой подготовке лейтенанта Боровика.

Оставшиеся 14 красноармейцев несли службу круглосуточно, появляясь на заставе только для смены лошадей, чистки оружия и приема пищи. Выступление В.М. Молотова по радио и обращение И.В. Сталина 3.07.1941 к народу, сводки о боевых действиях на фронте сообщали нам из политотдела и штаба погранотряда из Джаркента по телефону. Только к концу 1941 года прибыло к нам пополнение с Урала.

Мучительными были сводки об отступлении наших войск, сдаче городов на Украине, о боях под Ленинградом и Москвой. Перестали приходить письма от родных и близких. Когда услышал о сдаче Ростова, мне стало горько, что не могу помочь родителям, находясь на Тянь-Шане. Я подал заявление в политотдел с просьбой принять меня в ряды Коммунистической партии и отправить на фронт коммунистом. Рекомендации дали командиры Базаров и политрук Феоктистов, которые знали меня по учебному полку, когда я был комсоргом эскадрона.

В июле 1942 года мое заявление было рассмотрено на партийном собрании управления погранотряда в Джаркенте, и я был принят в ряды Коммунистической партии большевиков. На второй день после собрания начальник строевой части штаба отряда Прихожан Александр Васильевич вызвал к себе на беседу и объявил о решении, принятом начальником штаба отряда и согласованном с Политотделом — направить меня на учебу в Военный институт иностранных языков для подготовки к работе в пограничной разведке. «Такая разнарядка получена штабом отряда из Управления погранвойск Казахского округа. Одним из кандидатов будешь ты, — сказал Прихожан. — На фронт поедешь позже, а сейчас мы направим тебя в окружной госпиталь на медкомиссию в Алма-Ату».

На следующий день рано утром я поступил в распоряжение старшины автовзвода, назначенного старшим конвойного наряда. Нам была поставлена задача на полуторке отконвоировать нарушителя границы, уйгура по национальности, в НКВД Казахской ССР. 400 километров длинной дороги от Джаркента до Алма-Аты я трясся в кузове полуторки с карабином в руках вместе с уйгуром. В кабине со старшиной-водителем ехала врач санэпидстанции. Доставили и сдали задержанного без происшествий, после чего я отправился на медкомиссию в окружной госпиталь.

Уже значительно позже, когда я начал познавать мудрости чекистского труда, я подумал, что этот уйгур мог быть «подставой» для проверки моей бдительности. Уж очень похоже на проверку. Возможно, ошибаюсь, но попыток к бегству уйгур не предпринимал и всю дорогу спал.

В июле 1942 года вместе со своим сослуживцем Козаченко Александром, призванным из Краснограда Харьковской области тогда же в 1940 году, я выехал на учебу в ВИИЯКА, находившийся в годы войны в городе Ставрополе на Волге (Куйбышевская область).

К истории ВИИЯКА

Началась Великая Отечественная война. В Москву стали поступать захваченные в боях карты, приказы и переписка противника. На военном факультете экстренно создали спецбюро для их переводов. Стало ясно — теряется драгоценное время. Такие переводы надо делать на месте, в действующих частях, чтобы по замыслам противника своевременно принимать контрмеры. Но как это сделать, когда даже

пленных допрашивать некому было. Переводчиков катастрофически не хватало. А вернее, их не было вовсе. Кое в чем помогали выпускники средних школ, оказавшиеся в армии. Но они знали язык противника плохо. И уж совсем не представляли они немецкого военного перевода.

Военным факультетом ИНЯЗа Красной Армии (он был создан накануне войны) руководил в ту пору генерал-майор Биази Н.Н, талантливый организатор и лингвист, выходец из богатой интеллигентной семьи, служил в царской армии на генеральской должности, знал 14 языков. Он и организовал тогда ускоренную подготовку переводчиков.

Но слушатели и курсанты военфака, да и сам генерал рвались на фронт, о чем написали коллективный рапорт — слишком уж набатной была обстановка на передовой. Маршал Шапошников Б.Н. выслушал Биязи и рассудил иначе: армии срочно нужны военные переводчики, а не просто солдаты. Он предложил эвакуировать военфак на Волгу и там заняться ускоренной подготовкой переводчиков и отправкой их в действующую армию.

В октябре военфак погрузился на пароход и в обстановке полной секретности поплыл по Волге. Причалил вскоре у пристани «Ставрополь на Волге» . В городе он занял главный корпус санатория «Лесное», все подсобные помещения, даже лесопилку (в ней разместилась строевая часть). Нередко будущие командиры, впрягшись в большие сани, привозили из леса для себя дрова.

Занимались в три смены. По окончании курсов переводчики немедленно отправлялись в штабы фронтов и армий, в воинские и партизанские соединения.

В Ставрополе после курсов стала военным переводчиком Елена Ржевская, впоследствии автор книг «Апрель — кривые дороги», «Была война», «Ближние подступы». Для нее решительные минуты начались с Ржева. О том, что это было за время, свидетельствует листовка, которую она перевела: «Немецкие солдаты! Мы должны удержать Ржев любой ценой! Какие бы мы потери не понесли! Ржев должен быть нашим! Ржев — это трамплин! Отсюда мы совершим прыжок на Москву!».

Прыжка, однако, у немцев не получилось, а военный переводчик Ржевская со своей армией закончила войну в Берлине.

В то же время выпускниками Военфака были: Трояновский О.Я., Этуш В.А., Мицкевич А.П., Эшпай А.Я., Кац З. Они стали дипломатами, писателями, народными артистами, композиторами, разведчи-

ками. За два года Военфак подготовил 500 военных специалистов. В апреле 1942 года военфак был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии, на котором велось преподавание на 28 иностранных языках на 13 кафедрах. В октябре 1943 года институт возвратился в Москву. А на стене санатория «Лесное», где располагался 1-й факультет ВИИЯКА, сохранилась мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1941-1943 годах находился центр подготовки военных переводчиков».

Предвидя потребность в военных переводчиках и успешное продвижение действующей армии к западным границам Советского Союза с Финляндией, Польшей, Венгрией и Румынией, командование погранвойск заблаговременно готовило офицеров со знанием иностранных языков этих стран.

После вступительных экзаменов я был зачислен на 1-й (западный) факультет для изучения польского языка и позже второго — немецкого. Начальником факультета был полковник Нароевский, известный лингвист.

Учились ускоренным темпом. Оказывали также помощь местному Ставропольскому РК ВКП(б) в выполнении различных сельскохозяйственных работ в ближайших колхозах, разгружали баржи. Помогали также местному военкомату кадрами по обучению призывников 1927 года рождения.

Так, в январе-феврале 1943 года группой слушателей- пограничников ВИИЯКА проведено обучение 175 призывников-ставропольцев в районном пункте Всеобуча в селе Нижнее Санчелеево. Обучение проводилось по 110-часовой программе военной подготовки одиночного бойца.

В этой работе я принимал участие в качестве помощника начальника штаба по строевой части, члена экзаменационной комиссии.

В период обучения Ставропольским РК ВЛКСМ с призывниками проводилась разносторонняя воспитательная работа. На пункте Всеобуча была создана комсомольская организация. На месте проводился прием в члены ВЛКСМ и вручение комсомольских билетов.

Обучавшиеся военному делу юноши-призывники и девушки-автоматчицы проявляли сознательность, дисциплину и успешно овладевали знаниями.

Эту работу вели первый секретарь Ставропольского РК ВЛКСМ Храмова Евфалия Васильевна и инструктор РК ВЛКСМ Черенкова Надя, безвыездно находившиеся в суровую зиму на учебном пункте.

Там я познакомился с Надей, миловидной серьезной комсомолкой, и полюбил ее. В августе 1943 года ее послали на учебу в областную партийную школу в Куйбышев. Я проводил ее на теплоход «Кольцов», и мы расстались на целых три года, пообещав друг другу встретиться после войны.

После учебы в партшколе Надя работала секретарем бюро ВЛКСМ на нефтепромысле в Жигулях, имевшем в годы войны название — «Второе Баку». За сверхплановую добычу нефти в фонд Красной Армии в 1944 году она была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, а после войны — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне в 1941-1945 гг.»

После войны мы поженились. Живем вместе 58-й год, вырастили двух сыновей.

Осенью 1943 года ВИИЯКА был переведен из Ставрополя в Москву. Штаб института и наш 1-й факультет западных языков расположился в здании средней школы в Гончарном переулке на Таганке; 2-й факультет восточных языков — в ряде других школ Москвы. Учебный 1943/1944 год был весьма напряженным, следовало выполнить учебную программу времени, потраченного на переезд из Ставрополя и обустройство в Москве.

На втором курсе для нашей учебной группы было введено изучение немецкого в качестве второго иностранного языка. Занимались им, в основном, в вечернее время. Из-за последующих частых командировок изучение немецкого не завершилось. Доучивать его довелось много лет спустя.

По мере продвижения войск действующей армии на запад, к границам Польши, Венгрии, Румынии из языковых учебных групп ВИИЯКА стали направлять в войска в качестве переводчиков наиболее успевающих слушателей института, аттестуя их в офицерский состав. В числе таких военных переводчиков оказался и я. В июне 1944 года после завершения второго года обучения мне было присвоено первичное офицерское звание «младший лейтенант».

Учеба продолжалась и в летнее, каникулярное время. За счет филологического факультета МГУ расширился состав преподавателей, специалистов по лингвистике, политической и военной лексике, польской литературе и страноведению.

Нашими преподавателями стали профессор Лещинский, доценты Кротовская, Вигдорович, адъюнкты Тржесковская, Лосева. Предмет политической лексики интенсивно вела в нашей группе деятельница из польской эмиграции госпожа Казимира Кашер, в основном

по газетам и журналам, издававшимся в годы войны Союзом Польских Патриотов в СССР, таких, как «Wolna Polska», «Nowe Widnokregi « и другие.

Помню, как в начале нового учебного года (в сентябре 1944 года) госпожа Кашер решила давать нам уроки не в учебном корпусе в Лефортово, куда переехал ВИИЯКА, а в своем номере в гостинице «Центральная» на улице Горького в Москве, где она постоянно, как и многие эмигранты, проживала. Всей учебной группой из пограничников мы дважды занимались у нее в гостинице углублением практических знаний по политической лексике.

В перерывах между уроками пани Казимира угощала нас чаем или кофе. Тогда мы увидели, в каких «трудных гостиничных» условиях у нас, в суровое военное время, проживали братья по классу, политические эмигранты.

Скоро госпожа Кашер с преподавательской работы в ВИИЯКА была уволена, и с тех пор мы ее больше не видели. Занятия проводили другие преподаватели.

В действующей армии в Гуцульском крае

Летом 1944 года советские войска 1-го Украинского фронта освободили от немецких оккупантов город Львов, всю Западную Украину и вступили на территорию Польши, захватив Сандомирский плацдарм на реке Висла.

Пришел и мой черед. В октябре 1944 года я был командирован в Львов, в Управление Пограничных войск Украинского округа, входившее тогда в состав действующей армии, для работы в качестве стажера-переводчика. Мои товарищи по учебе в ВИИЯКА — Борис Резванов, Федор Прохоренко и другие — были распределены в пограничные города Владимир-Волынский, Добромиль, Турка в этом же качестве.

В пути на запад из Киева в сторону Львова шло много различных товарных эшелонов и пассажирских поездов, груженных военной техникой, до отказа набитых пассажирами — военными и гражданскими лицами.

С трудом втиснулся я, уже на ходу, в один из вагонов отходящего поезда и через 10-12 часов был уже на месте назначения.

Вот он, Львов. Разбитый центральный железнодорожный вокзал. В городе много военных. Часто останавливал военный патруль, проверяя документы. Чувствовалась какая-то напряженность, напоминав-

шая прифронтовую. Русской речи мало, все больше польская и украинская на местном диалекте.

Здесь был подпольный духовный центр националистического движения. Ежедневно случалось что-то страшное, кровавое. Львов укрывал множество бандитов из националистического подполья ОУН — Организации украинских националистов.

Здесь мне предстояло работать. В предобеденное время прибыл я в Управление погранвойск, находившееся на площади Смолки, вблизи Управления внутренних дел по Львовской области.

Кадровиком я был представлен заместителю начальника войск по разведке полковнику Тер-Григоряну Арташесу Абрамовичу.

Начальник разведки принял мой рапорт о прибытии, пригласил сесть и в непродолжительной беседе поинтересовался жизнью в Москве, уровнем моих знаний польского языка и украинского диалекта и осведомленностью о чекистской работе.

Я ответил, что мое представление об этой работе только по кинофильмам, литературным повестям и рассказам. «Ну, это не беда, научим», — ответил полковник. Вкратце ввел меня в курс оперативной обстановки и моих обязанностей и отправил в распоряжение подполковника Киянова, начальника отделения по контрразведывательной работе.

Проходя по коридору к кабинету Киянова в сопровождении секретаря отдела Елизаветы Илларионовны Бурмак, я увидел лежащего на полу забинтованного мужчину. Около него стоял часовой.

Подполковник Киянов сказал тогда, что это участник банды ОУН, задержанный при проведении войсковой операции. Сейчас его отвезут к тюремному врачу. Привыкайте к этим зрелищам...

«А вот и документы этой банды, — указал Киянов на засаленный мешок. — Вам надлежит к утру изучить их и доложить мне в аннотации, чтобы использовать в оперативных целях в дальнейшем».

Приступил к документам. Первое, что мне попалось в руки, — это антисоветская националистическая листовка с карикатурой на И.В. Сталина. Он был изображен в виде орла, летящего из-за стен Кремля. И подпись: «Із-за гір, із-за высоких, сизокрыл орел летить!» Я оглянулся вокруг, не видит ли кто. Как-то мне стало не по себе, было же время! Всего боялись...

Так началась моя работа в отделе разведки Погрануправления, где я был самым молодым сотрудником.

В последующее время моей работы с трофейными документами, с газетами: «Вільна Україна», «Львовская правда», «Пограничник Ук-

раины» и в результате личного участия в оперативных мероприятиях у меня складывалось самое конкретное представление о сложности обстановки во Львове и в районах Западной Украины, вызванной террором националистического подполья и банд Украинской повстанческой армии.

Из истории известно, что Организация украинских националистов (ОУН) была создана в 1920 году в Праге, на конференции украинских эмигрантов под началом вдохновителя националистического движения Евгена Коновальца для борьбы против Советского Союза и отделения от него Советской Украины.

В 1938 году ярый антисоветчик Коновалец был ликвидирован советскими чекистами в городе Роттердаме (Голландия). Во главе ОУН становится полковник Андрей Мельник, не веривший в успех вооруженной борьбы за создание «самостийной Украины». Он выступал за решение этой проблемы политическим путем — путем союза с фашистской Германией.

Однако националистическая молодежь Западной Украины, находившаяся под влиянием греко-католической униатской церкви, стала на сторону Степана Бандеры, выступавшего за вооруженный путь борьбы под лозунгом: «Либо завоюем самостийну Украину, либо погибнем за нее!»

При этом раскладе сил в националистическом руководстве в 1942 году на конференции ОУНовцев в Кракове Бандера, вышедший из польской тюрьмы и имевший тесные контакты с немецкими политическими кругами, провозгласил себя «вождем украинской нации».

В 1941 году при поддержке немецких спецслужб Бандера создает карательный батальон «Нахтигаль» («Соловей»), его командиром назначается известный военный преступник Теодор Оберлендер, заместителем — Роман Шухевич.

30 июня 1941 года «нахтигалевцы» вместе с гитлеровцами ворвались во Львов и учинили расправу над жителями, уничтожив свыше 3 тысяч львовян, в основном лиц польской и еврейской национальности. В их числе бывший премьер-министр Польши — Казимир Бартель, известные врачи Островский, Гилярович и др.

Во время немецкой оккупации, в 1942-1943 годах, на территории Западной Украины лидеры ОУН создали Украинскую повстанческую армию с целью добиться вооруженным путем отчуждения Украины от Советского Союза и от влияния поляков. Командовал УПА «нахтигалевец» Роман Шухевич.

В это же время отряды польской националистической Армии Крайовой совершали рейды по областям Западной Украины, терроризировали украинское население. Бандеровские банды уничтожали поляков. ОУНовская служба безопасности расправлялась с советским и партийным активом, чинила произвол в отношении мирных граждан.

По официальным данным, только с октября 1944 года по март 1945 года во Львовской области бандеровцы убили и замучили до смерти 5088 человек, в том числе 218 председателей сельсоветов и их заместителей, 406 бойцов истребительных отрядов самообороны, 3105 крестьян. Среди них 497 детей.

Внутренние войска МГБ СССР совместно с органами госбезопасности и милицией вели жесточайшие бои с бандами, защищая мирных граждан и местные органы власти.

Местное население, запуганное угрозами террора со стороны ОУНовской службы безопасности, относилось к советским военнослужащим и местной власти весьма сдержанно. Селяне, дети которых были в Советской Армии, — симпатизировали ей, а крестьяне, сыновья которых находились в лесах, в бандах, — поддерживали бандеровцев.

Приведу пример. Поехали мы вместе с полковником Тер-Григоряном на участок погранотряда. Подъезжаем к райцентру Судовия Вишня. Мотор заглох. Остановились у небольшого карьера, где местные селяне брали песок и глину для хозяйственных нужд.

Шофер наклонился под капот машины, полковник выжидательно прохаживался вдоль дороги, а мне приказал обеспечить круговое наблюдение.

Я обошел местность, увидел в глубине карьера крестьянина, копавшего глину.

Полковнику захотелось поговорить с этим местным жителем, и состоялся такой диалог:

— Добрый день, вуйко!

— Добрый, пан старшина.

— Ну, как жизнь?

— Живу сам собі.

— Бандитов не видел?

— Не дивиюсь и не бачу.

— А что делаешь?

— Хіба не бачиш? Глыну копаю.

— Ну как глина?

— Хіба це глына. Ото ж за Польші була глына, так глына, а тепер при Советах... — и вуйко безнадежно махнул рукой.

В это сложное военное время Пограничные войска Украинского округа (начальник войск генерал-лейтенант Бурмак) вели боевые действия против бандеровских банд и ОУНовского подполья в пограничных районах Львовской и Дрогобычской областей и несли службу по охране границы СССР с Польшей.

Тогда я находился в непосредственном подчинении начальника разведки войск округа полковника Тер-Григоряна в качестве офицера-переводчика. Выполнял оперативные задания, которые диктовались условиями обстановки того времени, часто с выездами на территорию сопредельной Польши:

— в нужные сроки появлялся в городе Ярославе, а чаще — у старой крепости в Перемышле. Там получал различной степени важности информацию, которую всякий раз ждал Тер-Григорян в Погрануправлении;

— участвовал в проверочных мероприятиях в отношении лиц польской национальности, задержанных пограничниками по принадлежности к контрабанде, занимавшихся переправой драгоценностей в Польшу;

— вел устные и письменные переводы и анализ трофейных документов, захваченных в боевых операциях;

— выполнял должностные поручения в разноголосом, многонаселенном городе Львове, в том числе нес службу в день похорон митрополита Андрея Шептицкого, главы униатской церкви. Тогда море прихожан и верующей молодежи в безмолвии, в глубоком трауре хлынуло на улицы, ведущие к собору Святого Юра.

Во время моих служебных поездок в прифронтовые города сопредельной Польши не обходилось без курьезов.

В декабре 1944 года ночным львовским поездом я возвращался с задания из города Ярослав. После пересечения границы на контрольно-пропускном пункте Шегини я оказался в числе пассажиров, задержанных для проверки документов и фильтрации на предмет выявления нарушителей погранрежима и, возможно, бандеровцев.

Стало темно, поэтому всех задержанных пограничники под конвоем завели за изгородь, закрыли ворота на замок и отложили фильтрацию до утра. Я попытался, как мог, пояснить жестами, что я свой. Пограничник пригрозил мне прикладом автомата. Я был одет под местного жителя — в «бандеровский» пиджак и гуцульскую шляпу. Шарф серого цвета на шее прикрывал кант моего кителя без погон.

Между краем не такого уж длинного пиджака и голенищами военных сапог мало- помалу просматривались канты брюк. Часто я пригибался, чтобы их как-то прикрыть. Во внутреннем кармане были пистолет и документы.

Среди задержанных оказались местные хлопцы, ругавшие власть Советов и ее порядки. Подпевали «Ще не вмерла Украина», «Ой ты, Галю!» на бандеровский лад, приставали к незнакомым. Среди них я провел всю темную, холодную ночь. Только утром я попал к офицеру. Тот извинился, предоставил телефон для доклада и машину до Львова.

Моими наставниками по работе в Погрануправлении были майор Пантелеймон Плахута, опытный в разведке и маститый пограничник, капитаны Даня Милославский и Виктор Старорусский — все они в послевоенные годы стали руководителями служб в южных и восточных пограничных округах страны. Я им благодарен за бескорыстную дружбу и поддержку в работе во Львове.

Мы искренне верили нашей Коммунистической партии и Советскому Правительству, мы верили в Победу, мы верили в себя.

Возвращение в Москву

В марте 1945 года я вернулся в Москву для продолжения учебы в ВИИЯКА. Близилось завершение войны. Советские войска окружили Берлин, штурмовали Рейхстаг.

1 мая 1945 года я принимал участие в параде войск Московского гарнизона на Красной площади. Из своей колонны участников парада, напротив мавзолея В.И. Ленина, вблизи видел И.В. Сталина.

15 мая 1945 года мне досрочно было присвоено офицерское звание лейтенант. И вскоре, через одну-две недели, как и другим слушателям нашей учебной группы, мне предстояло выехать в новую командировку. Я был направлен в Управление НКВД по Калининской области для работы в комиссии по реабилитации и отправке на родину интернированных поляков в качестве переводчика.

Вернулся к началу нового учебного года. Пришлось усиленно заниматься языкознанием и страноведением по предмету: «Оперативная тактика и военное искусство».

Наиболее интересными для нас, слушателей, были лекции по истории западноевропейской литературы. Они открывали нам мир эпохи Возрождения, о котором у нас было весьма скудное представление.

Летом 1946 года в течение двух месяцев мне довелось работать во Всесоюзном комитете по делам физкультуры и спорта в качестве переводчика с польской правительственной спортивной делегацией, прибывшей в Москву на празднование Дня физкультурника.

В делегации гостей были депутат Сейма Польши, руководитель секции бокса в спорткомитете ПНР и главный редактор центральной спортивной газеты в Варшаве.

Делегация изучала опыт управления спортивным движением в СССР, помощь в этой работе со стороны профсоюзов. Для этой цели делегация целых два дня провела в отраслевых профсоюзах в новом здании ВЦСПС на Воробьевых горах — в то время за чертой г. Москвы

3 июля 1946 года совместно с делегацией я побывал на приеме в посольстве Польши в Москве. Там я был представлен известной польской писательнице Ванде Василевской, работавшей в годы войны председателем Союза польских патриотов в СССР, а в 1946 году ставшей министром иностранных дел Польской Народной Республики.

Ее отец Лев Василевский в это время был также министром иностранных дел, но не в Варшаве, а в эмиграционном Польском правительстве генерала Сикорского в Лондоне.

Ванда Василевская поинтересовалась, какие ее произведения мне известны. Я ответил, что читал роман «Огни на болотах», повести «Радуга» и «Просто любовь» и отдельные рассказы из журнала «Nowe widnokregi», редактором которого она была.

Моим ответом Ванда была довольна и пошутила: и Адама Мицкевича, друга А.С. Пушкина, надеюсь, тоже читали? Я ответил утвердительно. «Это уже немало», — ответила она и, как мне показалось, добродушно пожелала делегации ПНР и мне лично успехов в работе и учебе.

В 1950-х годах Ванда Василевская ушла из Правительства ПНР, вышла замуж за известного украинского драматурга Александра Корнейчука, переехала на постоянное жительство в Киев. Умерла в 1964 году.

В октябре 1946 года я окончил учебу в ВИИЯКА и по запросу полковника Тер-Григоряна А.А. должен был вернуться во Львов для прежней работы в отделе разведки Погрануправления. Этим назначением я был вполне доволен. Мне нравилась и работа, и коллектив сотрудников и сам город — красавец Львов.

В институте я оформил отпуск и после трехлетней переписки поехал к Наде Черенковой. Все эти годы Надя писала мне теплые письма и дала согласие выйти за меня замуж. В Ставрополе на Волге, где жили родители Нади, мы поженились.

С родителями Нади я был знаком. Для меня они явились примером добропорядочности во взаимоотношениях в семье, с окружающими. Я всегда был благодарен им за их искреннюю родительскую заботу о нас с Надей и наших детях.

После Октябрьских праздников 1946 года мы выехали к моим родителям на хутор Образцовый Целинского района Ростовской области, чтобы представить им мою жену. Родители одобрили мой выбор и благословили нас. Мама моя, сказала: «Красива і робити уміэ». Это было высшей похвалой.

Снова Львов, погранвойска

12 ноября 1946 года мы прибыли к месту службы во Львов. Там прошли наши молодые годы, там родились наши дети — Саша и Сережа. Преодолевая материальные трудности, свойственные молодой семье, мы находили время и возможность побывать в театрах: в известном украинском драматическом театре имени Н.А. Зинковецкой, в Оперном театре и в Театре музыкальной комедии.

До сих пор помню, как поздно вечером, после спектакля в Оперном театре, где на гастролях была группа московского театра им. Маяковского с участием народной артистки Бабановой, пошел сильный дождь и мы с Надей, боясь за ее новые туфли, купленные по профсоюзным талонам, босиком бежали от театра до самого дома.

Частым гостем пограничников был писатель Владимир Беляев — автор повестей «Старая крепость» и «Граница в огне», написанных по материалам о боевых действиях пограничников Украины.

В нашем клубе выступали ансамбли песни и пляски погранвойск Украинского и Прикарпатского военного округов, проводились концерты самодеятельности, пионеров и школьников, устраивались вечера отдыха, где исполнялись литературные композиции и популярные в те годы песни, такие, как: «Катюша», «Над Амуром ходят тучи хмуро», «Бьется в тесной печурке огонь», «Жди меня», «Огонек», «Соловьи», «Летят перелетные птицы».

Эти песни давали нам прилив сил, заряд бодрости, помогали в нелегкой службе.

Большую воспитательную работу вела начальник клуба погранотряда в городе Рава-Русская Львовской области легендарная женщина-пограничник, капитан Мария Александровна Гарькавая, известная своими подвигами на границе на острове Сахалин, в барханах Туркестана, в лесах Карелии.

В предвыборную кампанию по выборам депутатов Верховного Совета СССР в декабре 1946 года заместитель начальника войск по разведке полковник Тер-Григорян с группой офицеров выехал в пограничный отряд в качестве руководителя оперативного сектора по обеспечению безопасности избирательных участков в погранполосе. Мне поручалась роль офицера связи с опергруппами, обеспечивавшими охрану участков от возможных нападений и диверсий со стороны подполья ОУН.

Арташес Абрамович поинтересовался, чем занимается моя жена. Я ответил, что она комсомольский работник и по предложению Политотдела избрана председателем женсовета Управления. Хочет устроиться на работу в один из райкомов ЛКСМУ города Львова. На что Тер-Григорян решительно сказал: «Запрети сейчас же, убьют как восточницу-активистку. Скажи, пусть придет к нам в управление, найдем ей занятие».

После выборов и возвращения во Львов Тер-Григорян принял Надю для беседы и определил ей работу в машбюро отдела разведки. Посадил за пишущую машинку «Ундервуд» и сказал: «Здесь вы будете знать столько, сколько я, а ваш муж, лейтенант, — сколько положено ему по рангу».

Итак, мы с Надей проработали вместе в одном отделе свыше пяти лет под руководством неугомонного, требовательного Тер-Григоряна.

Для меня, как и для всех пограничников Украины, служба в послевоенные годы была продолжением войны, служба в окружении банд подполья — службой на самом острие.

И не зря генерал армии А.И. Николаев, в бытность свою командующим пограничными войсками России, к 50-летию Великой Победы издал приказ от 14.05.1994г. №204 о приравнивании военнослужащих погранвойск Украинского округа, служивших с 1945 по 1951 гг., к участникам Великой Отечественной Войны 1941-1945гг. с предоставлением всех положенных льгот.

До 1957 года в районах Львовской области и самом Львове зверствовали банды УПА, продолжался террор местного населения и представителей власти. Бандеровцы устраивали диверсии. Так, в один из

дней пустили под откос трамвай, следовавший от центрального вокзала с пассажирами с московского поезда. На повороте, в районе городского почтамта, на полном ходу трамвай сошел с рельсов и ударился в каменный дом. Погибло и было искалечено тогда свыше сотни человек.

Бандеровцы взорвали памятник советскому разведчику Н.И.Кузнецову. Зарубили топором писателя, обличителя униатской церкви Ярослава Галана. Уничтожали крестьян — поставщиков молочных и мясных продуктов городскому населению. Держали население в страхе. Распространяли клеветнические слухи.

Шла самая настоящая война. Советское Правительство вынуждено было принимать самые решительные меры. С 1943 до середины 1950-х годов ОУНовцы потеряли, по официальным данным, более 60 тысяч убитыми, не считая захваченных и отправленных в северные районы страны.

Главарь УПА Роман Шухевич (он же генерал-хорунжий Тарас Чупринка) в 1950 году был убит опергруппой МГБ СССР в селе Богорша, в районе Львова.

Сам Степан Бандера ликвидирован советскими чекистами в октябре 1958 года в Мюнхене.

Жертвами бандеровцев стали около 30 тысяч мирных граждан.

В боях против вооруженного бандеровского подполья погибло советских военнослужащих почти в два раза больше, чем за все время 10-летней военной кампании ограниченного контингента Советских войск в Афганистане.

Среди тысяч жертв ОУН-УПА были командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин, известный советский разведчик Н.И. Кузнецов.

Несмотря на сложную обстановку, во Львове работали промышленные и торговые предприятия, в государственном университете имени Ивана Франко и в других вузах и школах училась молодежь, работали театры, консерватория, лечебные учреждения, парки и сады и знаменитый львовский Стрыйский парк. Успешно шла спортивная жизнь, строился новый стадион. Львовяне гордились своей футбольной командой «Карпаты», выступавшей в 1-й лиге СССР. Были построены и давали продукцию заводы, производящие автобусы и новейшие телевизоры.

В дни государственных праздников 1 мая и 7 ноября проводились военные парады войск Прикарпатского военного округа. На одном

из парадов мне довелось в составе подразделения пограничников охранять праздничную трибуну. На ней были первый секретарь обкома КП(б)У, кандидат в члены Политбюро КП(б)У И.С.Грушецкий; командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал армии Галицкий; маршал авиации Вершинин; зав. отделом обкома КП(б)У, в прошлом известная радистка в партизанском отряде под Ровно Марина Ких и другие видные государственные и общественные деятели города и республики.

Политотдел округа однажды предложил мне перейти из службы в разведке на политработу. Я отказался, и в конце 1950 года мы с Надей были переведены (для меня с повышением по службе) в пограничный отряд в город Рава-Русская, Львовской области.

Я постоянно находился на границе, Надя — в штабе отряда.

В редкие дни я возвращался, чтобы отчитаться об обстановке на участке, побыть с семьей, выполнить возложенные на меня офицерским собранием обязанности председателя суда чести младшего офицерского состава погранотряда.

За нашими маленькими детьми присматривала местная девушка из хутора Шендюхи Магеровского района Билута Настуня. Спасибо ей за щедрость души и заботу о наших детях.

В 1951 году я был назначен старшим офицером-переводчиком советско-польской правительственной делегации по демаркации государственной границы по реке Западный Буг с двусторонним обменом пограничными участками на линии Владимир-Волынский, БЭЛЗ, Угнов — Рава-Русская.

При определении линии границы поляки, например, хотели бы оставить за собой фольварки (хутора) с добротными постройками, плодородной землей и ухоженными садами. Наша делегация, в основном военные из Генштаба, предпочитали оставить за советской стороной возвышенности и высотки с хорошим обзором сопредельной территории.

Эти вопросы результативно решались на двусторонних переговорах, чаще всего на местном уровне.

Местные жители и члены польской части совместной делегации относились к нам с уважением, и были весьма гостеприимны.

Запомнился день национального праздника ПНР в июле 1951 года в городе Белзе Грубешувского уезда. На торжественный митинг в воинской части Польской Национальной армии с участием жителей

города была приглашена советская делегация. Председатель делегации выступил с приветственной речью, я переводил. Речь была встречена бурными продолжительными аплодисментами, переходящими в овации: «Сталин, Берут, Рокоссовский!»

Мне кажется, наиболее дружественными были отношения между СССР и Польшей в первой половине 1950-х годов, когда президентом ПНР был Болеслав Берут, а министром обороны маршал Рокоссовский.

В 1952 году я был направлен на учебу в военную академию в Москву.

В связи с годовщиной воинской части и предстоящим отъездом Рава-Русский исполком райсовета депутатов трудящихся и райком КП(б)У наградили меня Почетной грамотой, в тексте которой говорится:

«За бдительную и безупречную службу по охране и обороне рубежей нашей Советской Родины, за активное участие в борьбе с остатками буржуазных националистов , в политическом и организационном укреплении колхозов награждается капитан Тарасенко С.И. настоящей грамотой».

Председатель исполкома Рава-Русского районного Совета депутатов трудящихся Пакуля.

Секретарь Рава-Русского РК КП(б)У Дымив.

В годы учебы в академии мы жили в дачном поселке Красный Строитель и снимали квартиру в частном доме, у доброжелательной хозяйки Кузьминой Агриппины Терентьевны. С первых дней проживания оказалось, что у хозяйки есть семья в Москве, в том числе две внучки-школьницы Таня и Наташа.

Девочкам очень понравились наши дети — 4-летний Саша и 3-летний Сережа. Они часто играли с ними у пруда и в саду. С этой семьей мы остались друзьями по сей день.

После пребывания на границе жизнь нашей семьи в Красном Строителе казалась блаженством. Материальные нехватки уходили на задний план.

После окончания учебы в Академии я был направлен в Службу внешней разведки, где прослужил больше четверти века. Многие годы работал за границей, но это уже другая тема, требующая осмысления.

Тем не менее приведу один-два примера из моей работы за рубежом.

По поручению посла СССР в Берлине Абросимова П.А. в 1967 году я участвовал в городе Мюгельхайм (ГДР) в проведении торжеств, посвященных 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Бургомистр об этих торжествах докладывает в окружной комитет Социалистической Единой Партии Германии района Кепеник Большого Берлина следующее (перевод с немецкого):

«В связи с 50-летием Великой Октябрьской Социалистической Революции советские друзья и активисты СЕПГ при участии около 300 граждан города Мюгельхайм, округа Кепеник Большого Берлина на набережной городской площади 14 октября 1967 года посадили «Дерево германо-советской дружбы».

Участники этого торжественного мероприятия единодушно проявили чувства дружбы советского и немецкого народов.

Талантливая молодежь из местной гимназии, певцы и музыканты выступили с концертом. Они исполнили музыкальные произведения, хоровые песни и русские народные танцы.

«Дерево дружбы» посадили ветеран партии СЕПГ фрау Райнхольд, представитель посольства СССР в Берлине С.И.Тарасенко с участием пионеров и школьников города Мюгельхайм.

Оркестр исполнил Государственный гимн Советского Союза и немецкий национальный гимн ГДР.

Торжества завершились совместным пением «Brhder, zur Sonne, zur Freiheit» (Братья, к Солнцу, к Свободе) с возгласами: «Дружба с Советским Сюзом на вечные времена!»

Эта атмосфера дружбы явилась незабываемым событием в жизни города Мюгельхайм».

Хайнц Хенчке
Председатель оргкомитета
Октябрьского торжества.
Мюнгельхайм. 8 января 1968 года.

В 1970 году я принимал участие в работе комиссии Антифашистского комитета Германской Демократической Республики по вопросу о создании мемориального комплекса советским военнопленным, содержавшимся в концлагере Заксенхаузен (40 км севернее Берлина), и памятника погибшим советским воинам. Памятник был сооружен из огромной гранитной скалы, доставленной из Саксонии. На лицевой стороне надпись, текст на немецком языке которой был предло-

жен советским посольством в Берлине: «Здесь в годы Великой Отечественной войны Советского Союза с Германией в 1941-1945 годах гитлеровскими головорезами замучено 25 тысяч воинов героической Советской Армии».

Открытие мемориала и памятника советским воинам состоялось в 1971 году на многотысячном митинге граждан из округов Потсдам, Франкфурт-на-Одере, Нойстрелиц земли Бранденбург при участии Президента ГДР Эриха Хонеккера и представителей посольства СССР в Берлине.

В 1979 году по состоянию здоровья я вышел в отставку в звании полковника. На пенсии не был ни одного дня, уже третий десяток лет работаю в Московском авиационном институте в качестве начальника мобилизационного отдела института. Вношу свой посильный вклад в обеспечение учебного процесса и военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи.

Считаю заслугой моей супруги Тарасенко Надежды Константиновны — ветерана Великой Отечественной войны, что я, в мои 83 года, еще работаю и решаю порой далеко не простые вопросы в моей служебной деятельности.

В самые трудные дни моей 40-летней военной и государственной службы жена моя была всегда рядом.

С горечью встретил я весть о развале Советского Союза, о деле же моего Отечества.

После войны нам казалось, что мы победили возникший в Западной Украине еще задолго до начала Великой Отечественной войны национализм, что единая Советская Украина будет процветать в составе Союза дружественных республик — СССР, что национальная политика КПСС восторжествует и дружба братских народов будет вечной.

Между тем события сегодняшнего дня на Украине (антирусские митинги во Львове, провокации вокруг косы Тузла и другие) говорят об обратном. Войну с националистическим подпольем в те годы мы выиграли, но не победили.

Я глубоко верю, однако, что народы России и Украины будут жить вместе. Мы нужны друг другу. Об этом свидетельствуют многие исторические и современные факты.

В начале своего повествования я касался биографических данных моих родителей. Хочу лишь отметить, что и отец и мать были глубокими патриотами нашего Отечества, трудились не покладая рук в родном колхозе.

Несколько слов хочу уделить нашей маме. В голодный 1932 год в нашей Харьковской области она, спасая семью и нас 5 детей от голодной смерти, пешком, по бездорожью ходила в ближайшие города Изюм, Савицы, Купянск, меняла домотканое полотно и рушники на хлеб и муку, ночами выстаивала очереди за хлебом, несла на себе крест спасения... В колхозе была ударницей труда, премировалась ульем пчел (такая была форма поощрения). Все мы, ее четыре сына — Михаил, Сергей, Василий и Николай — участники Великой Отечественной войны, дочь Галина — ветеран труда.

В послевоенное время мама была награждена правительственной «Медалью материнства» за воспитание пятерых детей. Она очень гордилась этой наградой и своими детьми.

Преклоняюсь перед ее памятью, с любовью вспоминаю ее заботливое лицо, натруженные руки и благословляю ее в художественном образе:

Опять стоит перед глазами,
Как в давнем детстве, мать моя...
Глаза смеются васильками,
И в жите глохнет колея.

Сорочка белая сверкает
Белее яблони. Чело
Платок зеленый оттеняет,
Как птицы сказочной крыло.

Горит на матери монисто,
И видят очи далеко...
А солнце пахнет так душисто!
Так пахнет только молоко.

Родимая, побудь со мною,
Покуда солнца не напьюсь,
Покуда свет живой волною
С моей души не смоет грусть.

Хочу твое услышать слово,
Стать чистым-чистым, как родник.
Хочу к тебе, моя родная,
Припасть всем сердцем хоть на миг,

Чтоб материнские печали
Поили мужеством меня,
Чтобы на времени скрижалях
Хоть слово мог оставить я.

Чтоб с миром, полным непокоя,
Не прерывало сердце связь,
Под материнскую рукою
Нежней и чище становясь.

Мои братья

Старший — Тарасенко Михаил Иванович, 1918 года рождения, служил до войны в кавалерийской дивизии в Парголове под Ленинградом. В начале войны в 1941 году участвовал в боях под Новоград-Волынским, при отступлении был ранен. Лечился в госпитале в городе Татарске Новосибирской области. Участвовал в Сталинградской битве, на Центральном и 2-м Белорусском фронтах. Войну закончил в Маньчжурии. Награжден орденом и медалями. Работал в колхозе в Ростовской области.

Младший — Тарасенко Василий Иванович, 1924 года рождения, добровольно, со своей лошадью, вступил в казачью дивизию, формировавшуюся в станице Пролетарская Ростовской области и в составе этой дивизии отходил с боями против наступавших немцев до самого Моздока. В 1943 году освобождал город Сальск, свои родные хутора, города Батайск и Ростов-на-Дону. В бою на реке Миус за Таганрогом был ранен. Награжден орденом и тремя медалями «За отвагу». Работал в колхозе Ростовской области.

Самый младший — Тарасенко Николай Иванович, 1927 года рождения. Был призван в 1944 году на формирование воинской части в город Львов, оттуда направлен на 3-й Прибалтийский фронт в город Мемель (Клайпеду), в полк морской пехоты. Там он закончил войну. Имел медали «За победу над Германией» и другие. Проживал в городе Клайпеда. Работал в Клайпедском рыбном порту. Много лет выходил на промысел...

Сестра — Савченко (Тарасенко) Галина Ивановна, 1930 года рождения, торговый работник. Проживала со своей семьей в городе Азове Ростовской области. Во время войны по просьбе родителей писала нам, братьям, письма.

К сожалению, все мои родные — отец, мать, братья и сестра — умерли.

Мои сыновья

Тарасенко Александр Сергеевич, 1949 года рождения, сотрудник Службы внешней разведки России, в воинском звании полковник, награжден орденом «Знак Почета» и медалями. Умер после тяжелой хирургической операции в 1996 году в военном госпитале на улице Пехотной в Москве; младший сын Тарасенко Сергей Сергеевич, 1950 года рождения, сотрудник УКГБ по городу Москве и Московской области, старший лейтенант, болел полиартритом, в 1995 году умер от сердечной недостаточности. Оба похоронены на Хованском кладбище в Москве.

Я награжден:

— медалью «За боевые заслуги»

— медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»

— медалью «За безупречную службу» 1 степени

— медалью «За безупречную службу» 2 степени

— медалью «За воинскую доблесть» в связи со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина

— медалью «Ветерану Вооруженных сил СССР»

— значком «Фронтовику в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»

— значком «60 лет ВЧК-КГБ СССР»

— одиннадцатью юбилейными медалями

— значком «Ударнику высшего образования СССР».

Ветеран МАИ, ударник коммунистического труда. Имею Почетные грамоты:

— от исполкома Совета депутатов трудящихся Рава-Русского района и РКП(б)У за безупречную службу по охране государственной границы, активное участие в борьбе с буржуазными националистами и организационное укрепление колхозов;

— от Министерства иностранных дел СССР за долголетнюю плодотворную работу в системе министерства в связи с 50-летием дипломатической службы СССР;

— от Горкома ВЛКСМ города Москвы за большой личный вклад в коммунистическое воспитание комсомольцев и молодежи.

Имею также иностранные знаки отличия:

— значок общества германо-советской дружбы в золоте;

— значок общества германо-советской дружбы в серебре;

— медаль «25 лет народной полиции ГДР» — за укрепление дружбы с полицейскими кадрами.

Декабрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шоль Роман Евгеньевич***, учащийся 9-го класса лицея № 1560 г.Москвы

Терешкин Андрей Никитович

С ОСКОЛКОМ У СЕРДЦА

Я, русский, православный, родился 12 июля 1916г. в дер. Самодуровка Путятинского р-на Рязанской области в большой зажиточной крестьянской семье. Семья была большая, включала три поколения. Наемным трудом при ведении хозяйства не пользовались, управлялись сами. Родился я слабым ребенком, долго не ходил. Но к пяти годам догнал своих сверстников и уже начал помогать в работе, ходил с дедом «в ночное» пасти лошадей. С этого времени, можно сказать, и началась моя трудовая деятельность. В семье с раннего детства прививали такие качества, как трудолюбие, скромность, уважение к старшим. Приведу такой пример. Все члены семьи садились за стол обедать вместе, на стол ставили глубокую миску щей, из которой ели все вместе. Однако кусочки мяса вначале ели только родители, а дети и внуки без команды деда не имели права это делать, и если кто нарушал установленный порядок, получал по лбу ложкой от деда. Только по команде деда все ели наравне. Лишь став взрослым, я понял, что это была хитрость, которая приучала уважать старших в семье.

Многое, что было воспитано в детстве, помогло в дальнейшей жизни. Мой дед всегда говорил, что если перед тобой поставлена задача, то ты должен исполнить ее, как бы трудно не было. В 1924 году отец уехал на заработки в Москву, устроился на чугунолитейный завод им. Войкова. А дед надорвался на работе, удерживая воз с

сеном, чтобы он не перевернулся, и вскоре умер. Я остался единственным мужиком в семье, которая состояла из матери и четырех сестер. В 1932г. мы все переехали в г. Москву, так как отцу за отличные производственные показатели дали комнату. В 1932 г. я поступил в ФЗУ по специальности слесарь-инструментальщик и по окончании ФЗУ пришел на работу на чугунолитейный завод им. Войкова. В 1937г. меня призвали в армию. С образованием мне не повезло — закончил начальные классы церковно-приходской школы, а так как работать в семье было некому, отец сказал, что этого достаточно писать: читать умеешь. В дальнейшем я очень жалел об этом. В армии я служил в Минске в танковой бригаде №184. В декабре 1940 г. нашу танковую бригаду перебросили к финской границе (Ухтинское направление).

Солдаты была плохо одеты и вооружены. Зимы в этих местах были суровые, и многие обморозились. Войска несли большие потери. Приезд командующего фронта Мехлиса многое изменил. Армию одели в шубы и валенки.

Наша танковая бригада принимала активное участие в боях на Ухтинском направлении.

В начале 1941г. танковую бригаду, в которой я служил, перебросили в Восточную Пруссию (Польшу) на границу с Германией. Я был механиком-водителем танка.

Мне всегда плохо давались упражнения на турнике, и я получал за них низкие оценки. Но когда был смотр боевой подготовки, я, вспомнив слова деда, подошел к турнику и выполнил все упражнения на отлично, за что получил благодарность. Я понял, что могу преодолевать себя. Это была моя первая победа над собой. Мне было присвоено звание старшины.

После окончания срока службы в армии меня демобилизовали, и я вернулся домой. Часть моих товарищей была оставлена в дивизии для подготовки к параду. Их уже не успели демобилизовать, и они одними из первых встретили фашистов. Позже, во время войны, я встретил одного из моих товарищей по танковой бригаде № 184. Он рассказал мне, что накануне войны пришел приказ демонтировать моторы с танков. С части танков сняли моторы, а из танков оставшихся слили горючее. Так что, когда началась война, единственным оружием танкистов был пистолет, а то и его не было. В первые дни войны погибли почти все, но знамя бригады спасли.

О начале войны я узнал по радио и сразу пошел в военкомат, но меня не взяли, до особого распоряжения. В июле 1941г. я женился на

Шляпиной Анисии Александровне. В сентябре 1941г. меня вызвали в военкомат и направили служить в танковую бригаду №184, где я служил до войны. По прибытии в часть я был командирован в г. Горький для изучения новых танков (английский танк МКЗ «Валентина») и обучения личного состава вождению.

В мае 1942 г. наша бригада была переброшена под г. Великие Луки, где шли ожесточенные бои. Танковая часть прямо с колес вступила в бой. Много танков было подбито, и они сгорели вместе с экипажами. Тогда мы только учились воевать, и численное превосходство было на стороне противника.

Однажды во время боя на нейтральной полосе заглох танк; экипаж, понимая, что для фашистов он стал хорошей мишенью, покинул его. Нашему экипажу была поставлена задача подобраться к танку, выяснить, что произошло, попробовать завести его и вывести из-под обстрела. Завести танк не удалось, но мы приняли решение ночью подъехать на своем танке, подцепить сломанный танк и доставить в расположение части.

За выполнение поставленной задачи я был представлен к ордену Славы 3-й степени. Но вручить награду мне не успели. В мае 1943 г. я был тяжело ранен (осколочное ранение грудной клетки) и отправлен в госпиталь. Когда нас везли в госпиталь, то проезжали мимо дома, где меня ждала жена, но весточку не мог отправить.

В госпитале мне сделали операцию, но все осколки удалить не удалось, вот и живу я по сей день с осколком у сердца, да и легкие полны осколков. Ранение было тяжелым, и не раз я был на грани смерти. Так как я не курил, а всем солдатам на фронте выдавали махорку, то у меня скопился небольшой запас махорки и немного денег, которые я собирался отправить жене, так как в Москве было голодно. Хирург сказал, что я не выздоровлю, если мне не колоть антибиотик. Тогда медсестра, к сожалению не помню ее имени, собрала все мои «накопления», пошла на рынок, продала курево и купила требуемое лекарство. После этого я пошел на поправку.

После выписки из госпиталя я вернулся на лечение домой, где ждала меня моя незабвенная Аня. Посмотрев на меня, она собрала все вещи, которые можно было продать, пошла на рынок и обменяла их на 2 кг сливочного масла, которое и помогло мне скоро выздороветь.

Так как меня демобилизовали по тяжелому ранению, то на фронт не посылали, и в октябре 1943 г. я устроился на авиационный завод №30, ныне авиационный завод «Знамя труда». Но взял и написал пись-

мо Главнокомандующему тов. Сталину с просьбой отправить меня на фронт.

Вскоре пришел ответ, в котором говорилось, что он благодарит меня за мужество и уверен, что принесу большую пользу, трудясь в тылу.

С октября 1943г. и по 1999г. (56 лет) я трудился на этом заводе слесарем-сборщиком кабины самолета (монтировал гидравлику). Я монтировал кабины как военных, так и гражданских самолетов и за всю свою трудовую деятельность не имел взысканий, так как всегда помнил о той ответственности, которая возложена на меня. Не раз конструкторы обращались ко мне за советом. Одно дело на бумаге, другое дело реальная кабина самолета, где сборщик монтаж ведет, сидя на коленках с лампой в руках. Иной раз подлезть к требуемому разъему было так трудно, что лампой сильно обжигал руку, так что оставались ожоги на всю жизнь. С неменьшей гордостью могу сказать, что и эту поставленную трудовую задачу я выполнил.

Все, что причитается за честный и добросовестный труд, высокую квалификацию, я получил, награжден почетными грамотами, благодарностями, памятными медалями, являюсь ветераном труда. Но всегда самым главным для меня было уважение людей, с кем я трудился и воевал.

Мои воинские награды: орден Славы III степени №779308 от 17.02.1972; орден Отечественной войны II степени №1056728; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.» и другие медали.

Мои трудовые награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Медаль вручена 6 ноября 1945 г., знаки «Победителю социалистического соревнования» (за 1973), «Ударник коммунистического труда», медаль «Ветеран труда» (27.11.81).

Декабрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Епихин Виталий Иванович***, начальник отдела экспериментально-опытного завода Московского авиационного института

Тотенков Алексей Иванович

МНЕ УДАЛОСЬ ВЫВЕСТИ КОЛОННУ ИЗ-ПОД ОБСТРЕЛА

Родился 24 марта 1925 года в Белоруссии, в деревне Тимоховка Могилевской области Шаусского района. Православный. Член КПРФ.

Закончил 9 классов. До войны нигде не работал. О начале войны узнал по месту жительства, по радио.

Призывался в Красную Армию Уваровским РВК Московской обл. 24 мая 1942 года.

После призыва попал в Уваровский истребительный батальон. На фронт отправили в сентябре 1942 года. А 14 октября 1942 года получил ранение в левую ногу. Было это под деревней Воробьевка под Гжатском.

После ранения меня отправляют в госпиталь легко раненых № 33 (Голицыно, Московская обл.).

Выйдя из госпиталя, я попал в 208-й запасной полк (ст. Кратово, город Жуковский). Здесь прошел переподготовку на артиллериста в противотанковой артиллерии.

В апреле 1943 года меня и еще примерно 100 человек отправили в Саратов (Приволжский военный округ) на подсобное хозяйство 1-го танкового училища.

В июле 1943 года отправляют в Могилевское пехотное училище (город Вольск, Саратовская обл.).

После расформирования училища меня переводят в Энгельсское пулеметное училище (город Красноармейск, Приволжский военный округ). В декабре я заканчиваю его, и мне присваивают звание младшего лейтенанта.

В декабре 1944 года — снова на фронт, под Варшаву. Там меня зачисляют в 27-й офицерский полк 1-го Белорусского фронта. В составе этого фронта участвовал в освобождении Варшавы.

В марте 1945 года приехал командир 662-го батальона и забрал меня на должность диспетчера 662-го автобатальона 5-й ударной армии. Здесь пробыл до ноября 1947 года. Получил орден Красной Звезды за боевые заслуги. А дело было так. Колонна автомобилей с провизией и боеприпасами сбилась с курса и попала под перекрестный огонь. Командира убили. Я получил приказ вывести эту колонну из-под обстрела во что бы то ни стало — мне это удалось.

После окончания войны в 1948 году служил в Московском военном округе командиром взвода школы автомехаников № 34.

С ноября 1952 по сентябрь 1953 года окончил курсы усовершенствования офицеров автотракторной службы.

В 1966 году окончил в Саратове курсы усовершенствования офицеров органов местного самоуправления. Стал военным комиссаром Губкинского военного комиссариата.

Награды

Ордена:

Красной Звезды №1749503. Приказ от 2.07.1945г. На руки выдали 28.03.1947 г.;

Отечественной войны 2-й степени. Указом 11.03.1985г. №104992.

Медали:

«За взятие Берлина» (№157854, 2.05.1945 г.),

«За освобождение Варшавы» (№315510, 13.05.1946 г.),

«За победу над Германией» (9.05.1946 г.),

«40 лет ВС СССР» (18.12.1957 г.),

«30 лет Советской Армии и флота» (20.02.1949 г.),

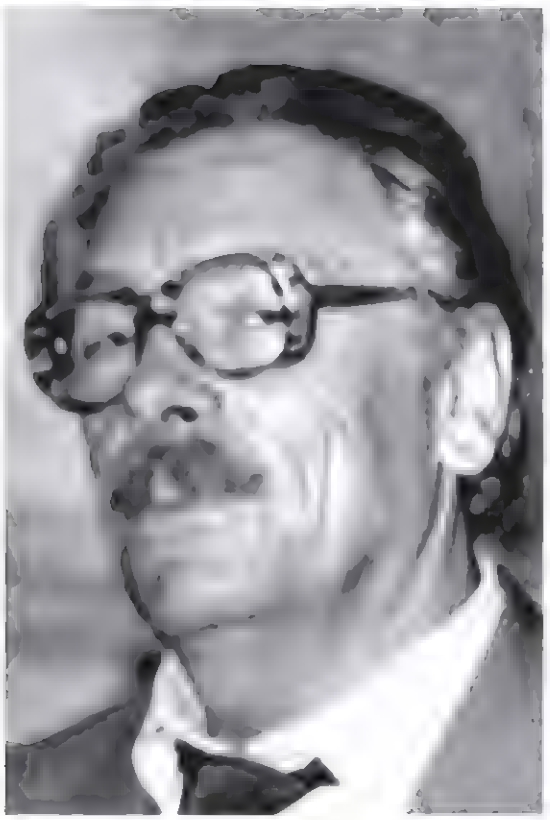
«За безупречную службу в ВС» 1-й степени (приказ № 40 Министра обороны, 23.01.1963 г.),

«20 лет победы» (7.05.1965 г.),

«50 лет ВС СССР» (22.02.1968 г.),
«За воинскую доблесть»,
«100 лет со дня рождения В.И. Ленина» (16.04.1970 г.),
«30 лет победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945» (05.1975 г.),
«Ветеран ВС СССР» (№01063 26.11.1977 г.),
«60 лет ВС СССР» (3.11.1978 г.).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Бахолдин Дмитрий Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Тумашевский Михаил Дмитриевич

ДОБРОВОЛЕЦ ОДЕССКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И ОРЛОВСКОГО ТАНКОВОГО

Я родился в Одессе в 1924 году, в июне. По национальности — еврей. Состоял в КПСС, сейчас беспартийный. До войны я закончил в 1940 году школу, в 1942 году — военное танковое училище, в 1944 году — высшую офицерскую автомобильную школу.

О начале войны узнал 22 июня. В этот день стали бомбить мой город — Одессу. Начал участвовать в боевых действиях при обороне Одессы, добровольно вступив в Одесский коммунистический полк, который был очень слабо вооружен. В частности, я получил на вооружение мелкокалиберную винтовку. Мы занимали оборону в районе села Лузановка, против нас выступали румынские части. Там я и был первый раз ранен, в ногу.

Лежал в госпитале, который находился в помещении зубоврачебной поликлиники, и вскоре был эвакуирован морем в город Новороссийск. Из Новороссийска попал на санитарном поезде в город Майкоп, где вылечился. Пользуясь тем, что в это время в Майкоп было эвакуировано Орловское танковое училище, поступил добровольно (меня еще по молодости не призывали) в это училище.

Закончил в 1943 году, но уже не в Майкопе. Майкоп был занят немцами вскоре после моего поступления в училище. Отступая из Майкопа, училище принимало участие в обороне Туапсе. Затем че-

рез Баку, Каспийское море, Турксиб мы попали на Урал, в посёлок Дегтярка, здесь я и закончил учебу.

После окончания училища мне было присвоено звание лейтенант, получил танк Т-34 и экипаж из четырех человек. Формировался в составе 197-й танковой бригады 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса для отправки на фронт.

В 1943 году в июне мы прибыли на Орловско-Курское направление, выгрузились в районе Болхова и вступили в активные боевые действия. Участвовал в знаменитых танковых боях при деревне Прохоровка, там был второй раз тяжело ранен, с последующей ампутацией ноги. По выздоровлении отказался от демобилизации и был направлен в высшую офицерскую автомобильную школу. В автомобильные войска меня перевели в связи с полученной на фронте инвалидностью. Окончил высшую офицерскую автомобильную школу, что была тогда в Рязани, и упросил командирование автомобильными войсками отправить меня на фронт.

Получил назначение начальником штаба автомобильного батальона второй автомобильной бригады Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) и вместе с ней прибыл на второй Белорусский фронт. Мы обеспечивали операции фронта, подвозя боеприпасы и эвакуируя раненых. В этой должности меня и застало окончание войны.

Командованием второго Белорусского фронта я был назначен начальником перевалочной базы, на которую по узкой колее поступало трофейное имущество из Германии и, после перегрузки его на широкую колею, отправлялось в СССР.

В декабре 1945 года я получил предписание прибыть в Управление автомобильных войск в Москву, где мне предложили демобилизоваться. Я понимал, что никакого военного будущего у меня как у инвалида не могло быть. Я хотел продолжить военую карьеру, поступить в Военую юридическую академию, но меня не приняли. Наверное, это было правильно.

В начале 1946 года я был демобилизован. День Победы меня застал в немецком городе Штеттине, теперь это польский город Шецин. Этот большой припортовый город тогда лежал весь в руинах.

Был в Берлине, поехал после Победы посмотреть, что он собой представляет, как его брали, как его разбили, но в боевых действиях по взятию Берлина наша бригада не участвовала.

Имею награды: орден Отечественной войны 1 ст., два ордена Красной Звезды, орден «Дружбы» и еще 16 медалей, в том числе «За победу над Германией», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа».

Первый орден Красной Звезды я получил после Прохоровки, уже находясь в госпитале — в 1943 году, второй — в 1945 году за работу в автомобильных войсках. Орден Отечественной войны 1 степени получил, когда всех фронтовиков войны награждали к 40-летию Победы. Орден «Дружбы» за ветеранскую работу я получил по Указу Ельцина Б.Н.

В последующие годы я закончил институт, работал инженером, зам. управляющего трестом, директором небольшого завода. В 1965 году перешёл на научную работу. Был старшим научным сотрудником, зав. сектором, начальником отдела конструкного бюро и научно-исследовательского института системы Министерства Геологии СССР. Опубликовал 51 научный труд. Награждён медалью «За заслуги в разведке недр». Вышел на пенсию в 1987 году. В пенсионый период избирался заместителем председателя Московского Союза дачных кооперативов, председателем дачного кооператива, председателем первичного совета ветеранов района Южное Измайлово.

Ближайших родственников бог миловал, не погибли. Брат воевал, был ранен, но остался жив, был награжден орденом Красной Звезды, а в мирное время получил орден «Знак почета», орден Трудового Красного Знамени. Умер в 1998 году.

Отец тоже воевал, был ранен, но остался жив и после демобилизации стал жить в городе Душанбе. Он был награждён орденом Отечественой войны 2 степени и многими медалями. Умер в 1968 году.

Сейчас мне почти 79 лет, я дед трёх отслуживших в армии внуков и прадед трёх правнуков и правнучек. Моему старшему правнуку 12 лет, и у меня хоть и слабая, но есть надежда стать прапрадедом.

Я потерял на войне ногу, но не пал духом, много учился, работал. У меня нет долгов перед Отечеством, а у него — передо мной. Не быть в долгу — вот главное моё пожелание молодым поколениям.

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Новиков Алексей Святославович***, студент 1-го курса Профессионального училища № 5

Устинов Владимир Федорович

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ПРОПОЙСКА

Родился 10 апреля 1924 г. — Московская область Солнечногорский район д. Радумля. Русский. Христианин. Член КПСС.

В 1940 г. окончил восьмилетку. Затем работал в колхозе. О начале войны я узнал 22 июня 1941г. в Солнечногорске, так как эту страшную весть объявили по радио.

2 июля 1941г. в соответствии с постановлением Военного совета Московского военного округа в каждом районе города вопросами народного ополчения занималась тройка в составе первого секретаря районного комитета партии, военкома и начальника райотдела НКВД.

Проходил призыв и в нашем Солнечногорском районе. 8 июля 1941 г. я поехал и записался добровольцем в народное ополчение. Призыв проходил на Набережной улице, где в настоящее время на доме висит мемориальная доска.

8 июля 1941 г. в Солнечногорске был сформирован батальон народного ополчения и после обеда направлен на Красную Пресню в Москве, где он влился в Краснопресненскую дивизию народного ополчения.

Утром 9 июля стали формировать полки. В этот же день дивизия была выведена из Москвы в лагерь. Колонна полков прошла через площадь Красной Пресни и направилась в район Николо-Урюпина, Базуланова и разместилась в лесу. 20 июля командующий войсками

Московского военного округа (МВО) приказал направить дивизию народного ополчения на сооружение Можайской линии обороны.

С 23 июля 1941г. Краснопресненская дивизия приступила к строительству оборонительных рубежей западнее Рузы по линии Деменцево-Кривоногово-Милетино-Хотилово. Приказом МВО добровольное формирование на Красной Пресне получило наименование 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения, в состав дивизии входили полки № 22, 23 и 24.

В крайне тяжелых условиях ополченцы работали весь световой день, учились бить врага, спали в палатках. На Можайском направлении западнее Рузы было построено 3 км противотанковых рвов, более 7 км проволочных заграждений, много было вырыто стрелковых и пулеметных окопов, много окопов для пулеметов и минометов, землянок, блиндажей, ходов сообщений и многого другого.

К началу августа ситуация на фронте усложнилась, противник захватил Ярцево и Ельню.

8-й Краснопресненской дивизии был указан срок перехода с Можайского рубежа на Ржевско- Вяземскую линию обороны. 4 августа определили полкам участки обороны: 2-му батальону 23-го полка на берегу реки Осьма от Борисова до д. Гвозди, во втором эшелоне дивизии, к западу от линии Мармоново- Семлево 1-й и 3-й батальоны 23-го полка. В конце августа представитель МГК вручил дивизии знамя городского комитета ВКП(б) и грамоту. В конце августа пришел приказ о переводе дивизии народного ополчения в действующую Красную Армию. Краснопресненская дивизия народного ополчения стала именоваться « 8-я стрелковая дивизия» с наименованием полков № 1299, 1301, 1303.

В сентябре командир приказал полкам занять оборону по восточному берегу Днепра: 1299-му — на участке Перетинки-Карачарово; 1303-му — южнее на линии Карачарово-Молодилово; 1301-му — на рубеже Благовещенское-Мелоселье-Болдино.

2 октября 8-ю стрелковую дивизию направили в район к Уварову. На рассвете 4 октября полки начали занимать боевые рубежи, развернули окопные работы. Ночью 5 октября командир дивизии получил приказ выбить противника с захваченных позиций, не пустить его на север к железной дороге. На рассвете 5 октября еще в тумане несколько батальонов 1301-го 1303-го полков атаковали врага, за день боя 5 октября полки дивизии потеряли более половины личного состава, потери убитыми и ранеными были около 6 тысяч чело-

век. Боеприпасы были на исходе. 6 октября фашисты открыли ураганный артиллерийский огонь по всей полосе обороны, а потом из леса вышли танки и пехота.

Примерно к вечеру оставшиеся в живых ополченцы организовали круговую оборону в лесу у деревни Кувшины. 7 октября в этом лесу собрались командиры и бойцы других дивизий, отошедших из-под Ельни, голодные, измученные, почти без боеприпасов, нападали на небольшие группы противника. Бойцам и командирам 8-й Краснопресненской дивизии удалось прорваться из окружения небольшими группами.

Группу бойцов и командиров вместе с боевой святыней — знаменем 1301-го стрелкового полка вывел из окружения полковник Потапов, в этой группе был и я.

Выйдя из окружения, я влился в 53-ю стрелковую дивизию, которая с боями отходила из-под Шклова. В составе 53-й Новоукраинской ордена Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии вместе с подольскими курсантами сражался на Варшавском шоссе, где наши подразделения сдерживали натиск превосходящего противника, рвавшегося к Москве.

В январе 1942 г. 53-я стрелковая дивизия освобождала город Малоярославец Московской области (в настоящее время Калужская область). Затем участвовал в освобождении городов Медынь, Мятлево и Износки. За освобождение города Износки мне было присвоено звание почетного гражданина города Износки Калужской области.

Вскоре после этого дивизия прибыла на берега рек Угра, Малые Устья, Большие Устья, где мы простояли в обороне короткий отрезок времени, впоследствии нас перевели на берег реки Воря. Наш полк стоял под Воскресенском, а дивизия в целом заняла рубеж обороны Малоивановская- Воскресенск- Каркодимово- Валухово- Савиново.

16 августа 1942 г. во время разведки боем я получил легкое ранение и был отправлен сначала в 45-й медсанбат, потом в госпиталь. После выписки из госпиталя был направлен в 26-й танковый корпус на Дон, под город Калач. 23 ноября 1942 г. части корпуса освобождали Калач. Когда наш корпус из-под Сталинграда прибыл на Орловско — Курскую дугу, я заболел брюшным тифом и попал в 804-й госпиталь, где пролежал более полутора месяцев.

Вернулся в строй уже в 186-ю Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова Брестскую стрелковую дивизию. В середине сентября 1943 г. дивизия начала активные боевые действия за овладение го-

родом Дятьков Брянской области. Командир 186-й стрелковой дивизии Г.В. Ревуненков был повышен в звании до генерал-майора.

В первом эшелоне наступал 298-й полк майора Филиппа Федоровича Гопко. Его поддерживал 290-й стрелковый полк.

Особенно кровопролитным было сражение на правом фланге, где первый стрелковый батальон под командованием майора Иванова вел неравный бой с превосходящими силами противника.

Немцы засели в уцелевших домах и подвалах, превратили их в крепости. У них был большой запас снарядов к минометам, велась прицельная стрельба пулеметов и автоматов. Нашим бойцам практически невозможно было поднять головы. Мы были вынуждены менять месторасположение, передвигаться короткими перебежками.

Но вот в дыму и пыли во весь рост поднимается командир роты старший лейтенант Иван Рубан. С криком «Ура!» вслед за ним устремились на врага бойцы. Впереди шел я, за мной — Сергей Перко и Николай Аксенов из моего отделения. Мы приблизились к позиции противника и забросали ее гранатами.

Перко и Аксенов пробивались дальше, ведя за собой товарищей. Они прошли целый квартал, занятый противником. Но тут сзади застрочил автомат. Развернувшись навстречу бойцам, упал Сергей Перко, минутой позже — бросившийся на помощь другу Аксенов. Кругом рвались мины, гранаты, свистели пули, но красноармейцы на руках унесли тела в безопасное место.

Тем временем бой продолжался. Вражеский огонь обрушился на второй батальон. В сложной ситуации майору Гопко пришлось лично возглавить атаку. Через три дня мы освободили город Дятьков от фашистских захватчиков. Дивизия вышла на оперативный простор. В районе города Хотимска Могилевской области мы вступили на территорию Белоруссии. Дивизия освободила города Костюковичи, Краснополье Могилевской области.

Во второй половине ноября 1943 года разгорелся ожесточенный бой за освобождение города Пропойска (ныне Славгород) Могилевской области. Немцы хорошо оснастили его в инженерном отношении, использовали природный рельеф. Крутые склоны рек Проня и Сож были укреплены дзотами, рядами колючей проволоки, служили мощной преградой наступающим частям. Город штурмовали 298-й , 290-й и 238-й стрелковые полки.

Подразделения Филиппа Федоровича Гопко заняли позицию на стыке рек Сож и Проня севернее Пропойска. Вражеский огонь при-

жал первый и второй батальоны к земле. Но долго бездействовать было нельзя. Капитан Ефим Неижко и старший лейтенант Петр Приходько подняли бойцов в атаку. Они пробились к немецким дзотам, забросали их гранатами. Рывок завершился взятием передовых траншей противника.

На следующий день немцы предприняли ряд контратак, пытаясь вернуть утраченные позиции. Но батальон сдержал натиск. Командование дивизии собрало силы в кулак, готовясь к решительному наступлению.

В полдень следующего дня оно началось. Для первого батальона — с вылазки небольшой группы бойцов, в состав которой я входил. Задача, которая нам была поставлена, заключалась в скрытном продвижении к огневым точкам противника и уничтожении оных. Мое отделение незаметно подобралось к вражескому дзоту и гранатами вывело его из строя, обеспечив тем самым частичную безопасность наступающих. В этом бою меня ранило осколком. Санинструктор Епанчинцев, пытаясь оказать мне первую помощь, тоже был ранен в лопатку навылет. Превозмогая боль, он наложил перевязку, но силы покинули его, и от страшной боли Епанчинцев потерял сознание.

К вечеру бой затих. 22 ноября части 186-й дивизии во взаимодействии с другими соединениями захватили Пропойск.

После госпиталя я попал в батальон выздоравливающих, а из батальона был направлен в школу младших авиаспециалистов в город Вольск Саратовской области. По окончании шестимесячных курсов воевал в 3-й Воздушной армии генерала Попивина. В ее составе сражался под Кенигсбергом, на Косе на Балтийском море, где и встретил День Победы.

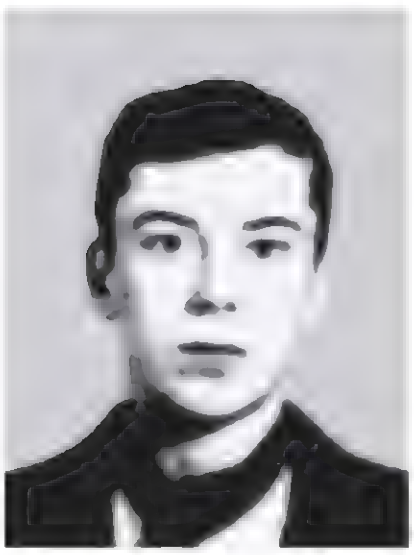
Демобилизован по ранению в ноябре 1945 года.

За участие в боевых действиях был награжден орденом Отечественной Войны I степени, а за проявленное мужество и смекалку при взятии Пропойска награжден медалью «За отвагу».

В России, да и во всем союзе не было ни одной семьи, которой бы не коснулась война. Помимо меня в Великой Отечественной войне принимали участие отец, Устинов Федор Семенович, и брат, Устинов Вениамин Федорович. Отец — участник партизанского отряда Солнечногорского района, награжден медалью «За оборону Москвы». Брат воевал с Японией в 1945 году, за что награжден медалью «За победу над Японией» и орденом Отечественной войны II степени.

О 186-й Брестской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии написал книгу Николай Чистяков. В этой книге, которая называется «За счастье людей», он, в частности, описал бой за Пропойск и мои действия, за которые я и получил медаль «За отвагу».

Май 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Преловский Андрей Владимирович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Фомин Николай Михайлович

В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОЙСКАХ

Родился 29 апреля 1917 года в селе Каменка Каменского сельсовета Малоархангельского района, русский. Был членом КПСС с 1943 по 1990 г. Вышел из состава по собственному желанию.

До войны в 1934 году окончил среднюю школу . В сентябре этого же года поступил в Орловский железнодорожный техникум. Окончил в июне 1938 года по специальности «техник движения и грузовой работы» и был направлен работать дежурным по станции Черемисиново Московской железной дороги. В августе 1944 года окончил военное училище и получил звание младшего лейтенанта. В 1955 году экстерном сдал полный курс училища военных сообщений — курс политработников.

Узнал о начале войны, живя в вагоне по ремонту Забайкальской железной дороги. 22 июня 1941 года выполнял задание министра обороны, начальника железнодорожных войск генерал-полковника Кабанова. Ремонтировал железную дорогу Хабаровск — Комсомольск.

В 1939 году наше подразделение срочно перекинули на станцию Харанор. А с 1942 года был назначен диспечером по ветке, перевозившей специальную руду.

В том же 1939 году на наше подразделение была возложена задача построить железнодорожную ветку от станции Соловьевск до Байн и в Монголию. Я был помошником машиниста нового путеук-

ладчика Платова. Ветка была построена за несколько дней. Я стал диспечером этой ветки. Один раз пришлось сопровождать поезд, к которому была прицеплена цистерна с водой для раздачи на станциях этого участка.

В 1942 году наше подразделение перебросили под Иркутск на ликвидацию опасного участка по Байкалу. Боялись, что японцы разбомбят железную дорогу вокруг Байкала, и тогда Россия будет отрезана от Дальнего Востока и Байкала. Нам пришлось делать отсыпки на большом железнодорожном участке вручную, возили грунт тачками. Солдаты были усталые, полуголодные, так как железнодорожные войска снабжались неважно. Командование разрешило давать выходной по очереди отделениям, чтобы сходить в лес за кедровыми орехами. И солдаты пошли на поправку.

В 1943 году нашу часть перебросили на Байкал, поселок Култуп. За зиму мы обустроились: построили полуземлянки, столовую, а весной приступили к бурению скважин для закладки взрывчатки в горе, примерно 10—15 метров над поверхностью Байкала. Каждый день в смену пробуривал 1—1.5 ведра грунта. Скважины были примерно 1—1,5 метра, а в глубину надо было бурить до уровня проходящей железной дороги по Байкалу.

В начале 1944 года меня направили в училище Военных сообщений железнодорожных войск в городе Ярославле. Днем мы учились, а вечерами и ночами, когда немцы сбрасывали зажигательные снаряды на фабрику «Ява», находящуюся рядом с училищем, на само училище, на моторно-строительный завод, мы дежурили на этих объектах.

В августе 1944 года мне присвоили звание младшего лейтенанта и отправили в 21-й батальон связи под командованием подполковника Потапова для восстановления связи под Ленинградом, в Эстонии, Латвии, Литве.

Так началась для меня фронтовая жизнь. В январе была освобождена Нарва, но немцы бомбили город, хотели вывезти ценности — сотни вагонов награбленного в Ленинграде. Нам была поставлена задача прорваться через реку Нарва и разобрать рельсы, чтобы ценности остались на месте. Два дня ждали удобного момента. А когда переходил железнодорожный мост, рядом разорвался снаряд — меня контузило. Меня положили в больницу, но через два дня я убежал из нее дальше выполнять задание. Но задание было уже выполнено, и вагоны с ценным грузом остались в сохранности.

Окончание войны меня застало под Ленинградом, в лесу. Мы дислоцировались километров в трех от Иваново. Мы устроили салют

из всех орудий, что у нас только были. В увольнение разрешили пойти всем, и мы пошли в клуб, где веселились и танцевали до утра.

В 1956 году, 16 августа в связи с проводимыми организационными мероприятиями в железнодорожных войсках я был уволен в запас из рядов Советской Армии. Затем поступил на службу в органы внутренних дел, где в итоге проработал почти 25 лет и ушел на пенсию в 1982 году в звании полковника.

Был награжден:

— медалью «За боевые заслуги»;

— орденом Красной Звезды — 1954 год;

— орденом Отечественной войны 2-й степени. Указом Президиума Совета СССР от 11 марта 1985 года;

— медалью «За безупречную службу в МВД» Приказ МВД РСФСР №555 25 октября 1961 года;

— более чем 20 юбилейными медалями.

Погибших в войне родственников нет.

В живых после войны остались три сестры, брат и отец. Наград у них нет. Одна сестра была угнана в Германию, вторая сестра работала на оккупированной территории. На данный момент в живых осталась одна сестра 1914 года рождения — Галя. Все остальные умерли.

Собственных публикаций и неопубликованных произведений не имею.

Публикация об авторе воспоминаний Назаренко В., Солозобов Ф. «Два фронта полковника Фомина», газета «Военный Железнодорожник», №17(380), май 1997 г., с. 14.

* * *

Очень хорошо помню, как в 1939 году тонул в Амуре. В то время было начато строительство туннеля под Амуром. Плот наскочил на подводный камень, тросы порвались, меня зацепило проволокой от крепления и потянуло на дно. Но все обошлось хорошо, и я выплыл из-под металлических конструкций.

В этом же году попал под поезд. Во время начала движения поезда я проскочил между сцеплением под поезд. Пролежал там минут 20—30. Из всех повреждений была только порвана шинель.

В 1939 году командующим Дальневосточным военным округом был назначен Г.К. Жуков. Мне поручили построить эстакаду для спуска эшелонов за полтора часа. Я выполнил задачу за полчаса. Из ва-

гона спустили 2 автомобиля, Жуков вышел, поблагодарил меня, пожал руку и похлопал по плечу.

...Помню смешной случай, когда командир роты, Кореньков Григорий Иванович, пошел однажды на охоту и подстрелил несколько уток. Но они оказались домашними, и за ними пришел хозяин. Скандала не было, но пришлось за них заплатить.

...И никогда не забудется такой случай. Один солдат застрял в штольне при ведении взрывных работ на глубине 2—3 метра в потоке болотного газа. Его пытался спасти старшина и тоже повис на веревке. Я сбегал за противогазом и пытался помочь, но сам отравился и меня направили в санчасть. Пролежал недолго, а когда вышел, узнал, что тех двоих так и не спасли. Я не могу простить себя за то, что не знаю ни их фамилий, ни их места рождения — обязан родителям. Хотел узнать, посылал письма начальнику железной дороги, чтобы через местных жителей послать письмо в газету, но все безрезультатно.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Захаров Сергей Вениаминович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Хватова Александра Александровна

ПЕРЕД ТЕМ КАК УЙТИ В РАЗВЕДКУ, БОЙЦЫ ЗАХОДИЛИ К НАМ

Я русская, родилась в 1921 году в Москве. В 1934 году окончила 7 классов общеобразовательной школы, затем в 1937 году окончила медицинский техникум. До войны я работала в детской инфекционной больнице города Павлова-Посада Московской области. Всю жизнь работала в должности фельдшера.

Для меня война началась 23-го июня. Я была на дежурстве в больнице, когда меня вызвали в военкомат, дали направление в воинскую часть. Но какая это была часть, мне не сказали. В направлении было только написано, как до нее добираться.

Это была станция Алексино, где-то на берегу Оки. Там и формировалась часть, в которую меня направили. Меня поставили на должность фельдшера роты. Часть находилась на лагерном положении, но казарм пока не было, и все жили в палатках.

Эта часть была еще не до конца сформирована: часть бойцов уже была на месте, но службы еще не все были укомплектованы, обмундирование было еще не у всех.

Часть формировалась для охраны одного очень важного объекта. Это был завод, который производил пороха для реактивных снарядов («катюш»). Он располагался под Тулой. В/ч 100 Наркомата боеприпасов. В части было примерно человек 500, вместе со всеми службами. Это была рота из отдельного батальона НКВД, который

приказом Жукова был прикреплен к 49-й армии, которая потом пошла на Волгоград, а затем на Кенигсберг, где и закончила существование. 49-й армией командовал генерал-лейтенант Захаркин. Он погиб под Серпуховом.

К осени были построена казарма для нашей части. И нас перевели в эту казарму. В казарме была столовая, и вначале нас кормили очень хорошо, но чем дольше шла война, тем хуже становилось с продуктами. А в какое-то время нам выдавали только сухой паек, правда, офицерам полагался еще и специальный офицерский паек: 100 грамм черного хлеба и 10 грамм масла. Пока мы там жили, все было тихо и спокойно. Примерно полтора месяца мы там «отдыхали».

У нас в части были из медицинских работников я — фельдшер, 2 врача и начальник аптеки. Я была единственной женщиной в части, и ко мне все очень хорошо относились.

Через некоторое время нам, медработникам, дали жилье в городе. Для этого нас вызвали в штаб. И вот, когда, мы шли в штаб, это было часов 11 вечера, мы услышали в ночном небе гул самолета. Потом смотрим — спускается на парашюте зажигательная бомба, и нас сфотографировали. И началось. Надо сказать, что мы стояли на самом берегу Оки, и в этом месте были довольно крутые берега.

На следующий день, часов в 6 вечера, когда караул выстроился, чтобы заступить на охрану объекта, вдруг снизу по реке поднимается самолет и начинает бомбить. На следующий день сменили час развода караулов — не 6, а 7 вечера. И опять ровно в момент развода караулов снова прилетел самолет и начал бомбить.

Дальше немцы сбрасывали по вечерам зажигательные бомбы, чтобы посеять панику, ведь рядом находилось и гражданское население, и, когда все, спасаясь от бомб, бежали к Оке, они начинали бросать фугасные бомбы. Так пострадало очень много гражданских. Их потом наши солдаты отправляли в больницу, оказывали помощь. Но наша часть пострадала не сильно.

Это все происходило, пока мы были задействованы на охране объекта, но затем нам пришел приказ выступить на фронт. Это было в октябре. Начались холода и грязь. И вот мы пешком идем на фронт. Часть охранная, поэтому транспорта по штату немного. Погода хмурая, настроение у всех плохое. Нам навстречу попадались солдаты. Кто с винтовками, кто без. Их никто не останавливал. От них мы узнали, что немцы не так далеко.

Нам было приказано занять оборону в деревне Зайцево. Для медслужбы нам выделили здание школы. И когда мы обустроились на

новом месте, командование начало назначать солдат в разведку. Перед тем как уйти в разведку, бойцы заходили к нам в медсанчасть, и мы их угощали чаем. В первую и во вторую ночь разведка прошла нормально, а на третью в разведку ушел наш санинструктор, и его убили. С этого момента началась настоящая война. Немцы были уже близко. С каждым днем снаряды рвались все ближе и ближе.

Через несколько дней ко мне прикрепили извозчика с повозкой. И накануне боя мне показали, где будут находиться наши позиции в деревне Зайцево и где буду находиться с повозкой я. Там приходилось соблюдать маскировку.

На следующий день ко мне пришел солдат и сказал, что у солдат животы заболели. Я собрала лекарства и поехала на позиции. Путь проходил через какую-то высотку. И когда мы через нее проезжали, вокруг загремели взрывы. Лошади остановились. Но потом все же мы добрались до наших позиций. Деревня имела Г-образную форму и загибалась в сторону немцев. Как только мы въехали в деревню, начался очень плотный огонь. С домов срывало крыши.

В деревне мы подобрали 7 раненых солдат. Но извозчик куда-то пропал, и я бегала его искала. Я не могла перейти через улицу: только выходишь на дорогу — сразу залп. Наконец, извозчик нашелся, но той дорогой, которой мы приехали, назад было ехать уже нельзя — она простреливалась. И я отдала приказ ехать полем к лесу. На поле грязь, в повозке 9 человек — лошадям тяжело, но дальше была сухая дорога вдоль леса. Наконец мы выбрались на эту дорогу и стали открыты со стороны немцев. Залп за залпом, но все обошлось, и мы добрались до санчасти. Мы оказали помощь раненым, которых привезли. Потом раненые пошли потоком.

Затем пришло подкрепление. Артиллерия. Они разместились около санчасти и приготовились к бою. Когда стало ясно, что немцев это не остановит (а они пошли в обход Зайцево, т.к. санчасть находилась на высоте и была им видна), нам помог командир хозвзвода старшина Лазуткин. Он выбил окна с противоположной стороны школы и подогнал машину. В нее через окно мы переносили раненых. Когда машина заполнялась, мы везли раненых на станцию Алексин. Так мы перевезли всех раненых. А сами мы, медсанчасть, переехали за пару километров в какую-то низину и там поставили топчаны. В этой низине мы перевязывали солдат, давали им успокоительное, готовили к отправке в тыл. Я их отвозила к станции, где стоял военно-медицинский поезд.

И вот нам сказали, что к нам идет подкрепление. Это были полноценные военные части. Так называемые «рокоссовские» части и кавалерийский корпус Белова.

Эти солдаты шли в полном обмундировании и прямо с марша попадали на передовую. И раненые из этих частей поступали к нам в санчасть. Мы не разбирали, кто к какой части приписан, а оказывали помощь всем раненым. Все солдаты очень мужественно переносили ранения. А встречались и очень серьезные раны.

Однажды нам в подкрепление отписали бронепоезд. Но он вел огонь «вслепую», поэтому от него было больше вреда, чем пользы. Мы послали посыльного в штаб армии, чтобы он отозвал бронепоезд, который к тому моменту побил человек 100 наших.

Это все происходило во время обороны Москвы.

В нашей части командиром был комиссар Уткин. После ранения его отправили в тыл, а на его место прислали наркомата обороны Гаммова.

Через день или два, вечером, Гаммов сказал, что ему надо сходить в соседнюю деревню. Минут через 30 после его ухода через нас вдруг пошла лавина огня. Мы тогда очень испугались. Никто не знал, что это было. Потом смотрим, Гаммов идет и улыбается. Он спросил, не испугались ли мы, на что мы ответили, что очень испугались. Оказалось, что это были «катюши». Потом мы их видели, видели, как они стреляют. Это было приятно видеть.

Дальше, через несколько дней, мы возвращались со станции, а наша часть уже перешла через Оку. Хочу отметить, что все солдаты переносили ухудшение питания и ужасные бытовые условия очень стойко. Никто не приходил жаловаться на боль в животе, головные боли и прочие недуги. Кроме раненых, у нас никого не было.

Дальше наша часть выдвинулась в сторону Тулы. На одном из переездов был такой затор, что нам пришлось заночевать прямо на дороге. Пока мы находились там, нас обнаружили немцы. Они проходили низко на бреющем полете и обстреливали нашу колонну, и мы могли разглядеть их лица. Было бесполезно ложиться или оставаться стоять. Выжили те, кому просто повезло.

Уже в Туле нас расформировали. Демонтировали наш секретный завод, поставили его на колеса для отправки в Сибирь, в Красноярск, в село Сопки, на берег Енисея. Часть нашей роты должна была отправиться с заводом в Сибирь, а часть остаться для защиты Тулы. Меня отправили вместе с заводом в Красноярск. По пути туда мне

даже пришлось принимать роды у одной женщины. Так с моей помощью, в разгар войны, на свет появился человек. Это было очень трогательно. Уже в Красноярске нам пришлось бороться с цингой: мы готовили отвар из хвои и давали его солдатам.

Там наша часть охраняла сначала завод, потом ТЭЦ, а позже алюминиевый комбинат. Это продолжалось примерно полтора года. В течение этого времени наших лучших солдат забирали на фронт, а пополнение давали из местных жителей.

Потом нас опять перевели в Тулу. Там я была уже фельдшером батальона 1-й, 5-й и 7-й зон — это оружейные заводы.

В один из дней по центру Тулы шла колонна машин. В этой колонне я случайно встретила свою сестру. Это было очень неожиданно. Она сказала, что едет на фронт и везет туда обмундирование, а оттуда забирает раненых. В последние годы войны я была фельдшером в районе Новой Тулы.

Демобилизовали меня в ноябре 45-го. После демобилизации я переехала в город Пушкино Московской области.

За боевые заслуги я была награждена:

— орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 974774),

— медалями «За победу над Германией» и «За оборону Москвы».

Войну я окончила в звании лейтенанта медицинской службы. Сейчас, приказом В.В. Путина, мне присвоено звание старшего лейтенанта.

После войны я работала в Министерстве высшего образования. Потом я занимала должность инспектора отдела кадров Главного управления зооветеринарных вузов. Там я проработала примерно полтора года, примерно до 48-го года. Дальше, до ухода на пенсию, я работала в разных больницах.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Семёнов Антон Юрьевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Хорошев Николай Гаврилович

ПЕРВЫЙ НЕМЕЦ

Я родился 13 ноября 1924 года в деревне Петрушево Касимовского района Рязанской области в многодетной семье. Учился в Гиблецкой средней школе. Учился довольно исправно, окончил девять классов и был переведен в десятый. И как раз во время каникул, это было 22 июня 1941 года, кто-то услышал по радио, что началась война. Все приготовились к тому, что все мужчины пойдут на фронт воевать. Мы, мальчишки, несколько раз ходили в районный военкомат, чтобы нас добровольцами взяли на фронт. Матери давали нам с собой котомки с едой, и мы шли до районного военкомата, это где-то двенадцать километров. Вся деревня выходила нас провожать.

Однажды мы пришли, жжем костры, ждем, пока нас вызовут, и тут на крыльцо выходит офицер, уже вернувшийся с фронта, где его ранило и он лишился руки. Он посмотрел на нас и сказал: «Дети, перестаньте сюда ходить, мы вас на фронт не возьмем, мы выполнили норму по набору. Когда время придет, я вас сам вызову». Что делать? Неловко возвращаться после таких горячих проводов, да и на фронт нам очень хотелось.

И большинство ребят в школу больше не пошло. А мне мать сказала: «Ты переведен в десятый класс, сходи в школу и получи у директора справку о том, что ты переведен». Я пошел в школу. Все молодые учителя были призваны в армию, а директор был пожилой

человек и один остался. Я пошел к нему, и он мне от руки написал справку. Директор у нас был очень хороший человек. Он добровольно на свои деньги создал на окраине деревни метеопункт и наблюдал за погодой. Он пожелал мне всего хорошего, пожелал возвращаться живым с фронта. Я с ним попрощался и пошел домой.

24 августа 1942 года позвонили в сельсовет и назвали фамилии тех, кто должен на следующий день 25 августа прибыть в районный военкомат с вещами и документами. Меня также призвали в армию, и на утро мы все пошли в районный военкомат. Там нас всех зарегистрировали и в этот же день повезли на подводах за сорок километров от деревни на железнодорожную станцию Тумская. Там стояли вагоны, и после того, как всех проверили по списку, нас посадили в эти вагоны и повезли.

Никто и не знал, куда нас везут, но это было и не важно, все мы горели желанием воевать за Родину, потому что, как же так, война закончится, а мы ничего не сделали для своей страны, значит, мы должны воевать. И никто нас не мог остановить, хотя похоронные извещения приходили с фронта самое большее через два месяца после того, как кто-нибудь из нашей деревни уходил воевать. В то время все готовы были сражаться за спасение Отчизны и отдать за нее даже свою жизнь. Патриотизм был на очень высоком уровне.

Со станции Тумская через Владимир нас привезли в Москву. А в Москве нас сразу направили на учебный пункт. Учебный пункт состоял из нескольких землянок и казарм. Нас там разместили, и мы начали учиться. Два месяца длилась наша учеба, сейчас это называется «курс молодого бойца», и мне почему-то удавалось очень метко стрелять из ружья. Раньше я никогда не пробовал стрелять, а тут, после того, как нас сержанты научили, повели на стрельбище, я мишени как орешки щелкал. Какая-то врожденная способность проявилась, что ли. И тех, кто хорошо стрелял, отобрали и направили в школу снайперов, в том числе и я попал в эту школу. Нас стали готовить на Западный фронт. Снайперская винтовка — это обычная винтовка, только без штыка и со снайперским прицелом с увеличением в четыре раза. И нас учили: «Упираете винтовку в плечо, наводите на цель, не дышать!» — выстрел. И я все мишени на стрельбище поражал только в десятку. Так вот проходило мое обучение.

14 мая 1943 года в части всех нас построили и посадили на грузовики, мы называли их «полуторки», потому что грузоподъемность их была полторы тонны и вмещали они пятнадцать человек. Мы сели

в эти грузовики со всем своим солдатским скарбом (противогаз, вещевой мешок, шинель в скатке и боеприпасы), и нас повезли на Западный фронт.

Фронт проходил тогда в Смоленской области, там рядом размещались артиллеристы со своими орудиями, и они построили на деревьях вышку. Она со стороны немцев незаметна, а с нашей стороны было видно Спас-Деминск Смоленской области, который стоял за двенадцать километров. Нам разрешали подниматься на эту вышку, и мы видели, как в Спас-Деминск приходили немецкие эшелоны, машины. И из-за хорошей видимости артиллеристы пристреляли пути подъезда к этому городку и стреляли по немецким колоннам техники. А мы лазили на вышку ради любопытства, потому что с винтовкой ничего на таком расстоянии не сделаешь.

Когда мы только приехали, нам сразу сказали, что с завтрашнего дня — на передовую. Мы разместились в палатках, и нам приказали к завтрашнему дню вырыть блиндажи. Блиндаж — это такое углубление в земле, которое сверху закрывается накатами. Чем больше накатов — тем больше безопасность. Блиндажи были на десять человек. И во время отдыха мы разворачивали скатку шинели вместо перины, а противогаз использовали вместо подушки. Спали мы очень крепко, потому что за день очень уставали, а если немцы вдруг начинали вести обстрел, то надо было соскакивать и прижиматься лицом ближе к стене, тогда можно было уцелеть.

Наутро я пошел на передовую. Иду, винтовка и противогаз всегда при себе. Устроился в траншее. И нужно было смотреть по фронту в оптический прицел. Если немца увидел, то его обязательно нужно было ликвидировать.

Когда снайпер идет на задание — это называется «снайперская охота».

А наш передний край проходил не на окраине леса, а немного глубже, чтобы лес наши позиции прикрывал, у немцев ведь тоже была артиллерия, снайперы. Оттуда неудобно было наблюдать — деревья, кусты мешали, и приходилось выползать вперед, за передний край, на открытую местность. И сразу же нужно было укрыться или за пенек, или за кустик, или отрыть себе траншею саперной лопатой. У немцев снайперская винтовка была с прицелом, увеличивающим в шесть раз, системы Цейсис, против нашей, увеличивающей в четыре. И нужно было наблюдать, если увидел немца, то нужно было стрелять на поражение. Промаха не допускалось, потому что если промахнешься, то тебя сразу обнаружат и начнут ответный огонь.

Смоленская область мне запомнилась своей болотистой местностью. Поэтому, когда солдаты рыли траншеи, приходилось их делать не такими, как обычно, — в человеческий рост, а менее глубокими, потому что их могло затопить. А немцы не знали об особенностях местности и рыли траншеи в полную глубину. Траншеи, конечно, затапливало. Однажды вижу — каска шевелится: это немец надел ее на шест и выкачивает воду из траншеи. Я думаю: «Ну, голубчик, попался». Прицелился. А он ничего и не подозревает. Только он высунулся, а я его и поразил. Я знал, что он упадет в воду, и за ним должны прийти его друзья. Я думаю, что еще немцев удастся подстрелить, а он упал, но схватился за бруствер траншеи, и его друзья за ноги утащили, потому что знали — выстрел был снайперский и высовываться было опасно. Это был мой первый немец. Вот так я и «охотился». И за все время, проведенное мной на Западном фронте, я настрелял 14 немцев. На каждого убитого немца составлялся акт, и все докладывалось командиру.

Однажды произошел такой случай. Иду я с двумя товарищами от передовой к своему блиндажу после «охоты». А я настолько устал, что отстал от ребят метров на пятьдесят, как вдруг враг начал минометный обстрел, видимо, стрелял наугад. Товарищи успели убежать из зоны обстрела, а я был позади них и убежать не сумел. Я быстро кинулся к дереву и лег, чтобы не задело осколками. Долго противник стрелял, но меня не задело. После того как противник перестал вести огонь, я встал и пошел в район расположения нашей части. А мои товарищи прибежали раньше и доложили командиру, что мы попали под обстрел и меня убило. И через некоторое время прихожу я. У нашего командира глаза на лоб вылезли от удивления. Ну потом я все рассказал. Все были рады, что я остался жив.

В ноябре 1943 года я заболел тифом, и меня увезли в госпиталь. Сначала меня направили в Грузию, но все школы и больницы там были переполнены ранеными, поэтому меня на санитарном поезде повезли в Подмосковье, в Карачарово. Состояние мое было очень тяжелым, я даже не мог разговаривать и сидеть, не то что ходить. Состояние было критическим, и я не думал, что смогу выздороветь. Но в нашем госпитале работали молодые заботливые медсестры, они ухаживали и за мной. Как-то раз я решил сесть и вдруг упал с койки. А в палате со мной было еще человек пятнадцать, и все они, увидев меня лежащим на полу, стали звать медсестру. Прибежала медсестра, отругала меня, сказала что еще рано храбриться, организм еще слабый. Со временем я пошел на поправку, стал ходить.

После выздоровления, это был уже май 1944 года, меня направили в запасной полк, и опять нас повезли на фронт. Война продолжалась. Меня назначили пулеметчиком, выдали пулемет Дегтярева. И целый год я служил пулеметчиком.

Когда война закончилась, я находился рядом с городом Минск. Нас везли на поезде, была ночь. В вагонах были приспособлены двухъярусные лежанки, матрасы. Мы отдыхали, как вдруг услышали стрельбу. Мы думали, что нас атакуют белорусские партизаны. Все соскочили с кроватей, схватили автоматы, пулеметы, побежали в сторону двери и прижались к стене на случай обстрела. А в каждом вагоне была медсестра, и в нашем вагоне тоже. Так вот эта девушка оказалась очень смелой. Она уперлась ногой в дверной косяк и открыла дверь. Смотрим, рядом с нашим эшелоном стоит состав, идущий из Минска на восток. И вдруг мы услышали радостные возгласы: «Ура! Победа!». И нам сказали, что война закончилась. Мы были очень рады, что кончилась война и мы остались в живых. Начальники эшелонов сцепили два поезда вместе и всех повезли в Минск. Там на вокзале нас проинформировали более подробно, что война закончилась.

После Минска мы думали, что нас отправят в тыл, но нас повезли в Германию. Нам сказали, что там осталось несколько вражеских частей, которые не согласились капитулировать. Все они разбрелись по лесам, и мы получили приказ их ликвидировать. В Восточной Пруссии есть цепь озер, так называемые Мазурские озера. Там наши части прочесывали леса, гнали врагов к этим озерам, где стояли наши укрепления, а мы их уничтожали.

Закончилась война. Живы остались — и это самое главное. Войска переформировывали, и я попал в 236-й полк. Сейчас он находится на улице Подбельского. Там я продолжал свою боевую подготовку. Началась демобилизация. Демобилизовывали в зависимости от возраста, а мы считались молодыми, и нас оставили служить дальше. В августе 1948 года к нам в казарму пришел посыльный. Я был ефрейтором, и меня вызвали к начальнику штаба полка. Я пришел, доложил о прибытии. Там мне сказали, что санитарная часть признала меня строевым, то есть годным для дальнейшей службы. И мне сказали, что меня направляют в военное училище. Я говорю: «Товарищ подполковник, отец прибыл домой с войны, мать заждалась, не надо меня отправлять в училище». А отец у меня герой войны. Он был минометчиком, защищал Ленинград и попал под минометный обстрел. С войны вернулся инвалидом.

Приказы обсуждать не принято, и меня направили в военное училище на Кавказ в город Владикавказ. Там проводилась комиссия — бег пять километров. Я с легкостью пробежал пять километров. И после проверки моего здоровья меня зачислили в военное училище. Там я учился до сентября 1951 года. Нам раздали офицерские погоны, и я стал лейтенантом второго разряда, потому что учился на «хорошо» и «отлично».

После училища меня и еще двадцать пять человек отправили в Москву.

Мы пошли в Министерство внутренних дел. Было воскресенье, и все двери были закрыты. Мы постучали в одну из дверей, оттуда вышел подполковник. Мы ему доложили, что прибыли из Владикавказа.

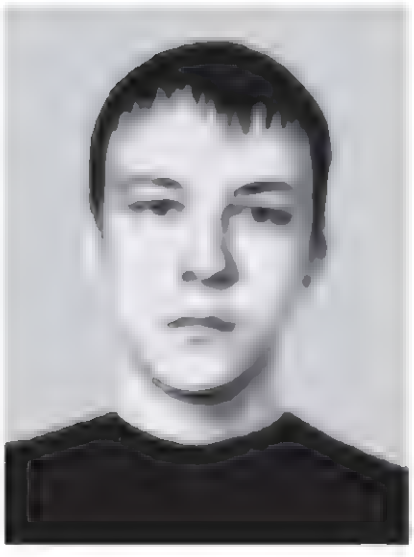
Нас направили в Кунцево, где создавалось совершенно секретное управление. История создания этого управления была связана с одним интересным случаем. Каждый год Сталин принимал в Москве парад авиационной техники, куда приглашались послы всех стран. На параде демонстрировалась вся мощь нашей авиации. По окончании парада американский посол с аэродрома отправился в свою резиденцию в Москве и дал команду поднять самолет американских военно-воздушных сил с территории Германии. Самолет нарушил границу СССР, пролетел над Москвой и в районе Черного моря скрылся. Самолета никто не видел, слышали только гул в облаках. Наша авиация ничего не смогла сделать. А американский посол сообщил, что это он поднял самолет, который беспрепятственно пролетел над Москвой. На параде послам иностранных государств демонстрировались достижения нашей авиации, а наши защитные средства оказались беспомощны и не смогли даже засечь самолет, не говоря уже о том, чтобы его сбить. Сталин отдал приказ создать цепь защитных сооружений вокруг Москвы. На строительство привлекались колоссальные силы и средства. Призывались воинские части, с заводов пригонялась техника. Потом после создания такой цепи противовоздушной обороны вокруг Москвы аналогичную оборонительную цепь создали и вокруг Ленинграда.

Нас направили в Одинцово, и там мы осуществляли строительство Московской системы заграждений. Сначала я был командиром взвода, а так как опыт службы у меня был большой, меня назначили начальником штаба дивизиона. Так я и служил. Потом меня вызвали в вышестоящий штаб, и в связи с большими успехами в Москве меня направили в Ленинград в школу усовершенствования.

После года обучения меня направили обратно в управление и назначили заместителем по политической подготовке. В этой должности я продолжал свою службу.

В общей сложности я отслужил в Вооруженных Силах 31 год. Имею много наград. А вообще фронтовые будни полны всяких курьезных и трагических случаев. Прошло очень много времени, и многое уже трудно вспомнить. Пулеметную амбразуру я собой не закрывал, Берлин не брал, но служил честно, как и многие другие русские солдаты.

Май 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Румянцев Сергей Сергеевич***, студент 3-го курса Московского государственного горного университета

Шаповалов Ромуальд Алексеевич

ОСОБЕННО ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ ПОЛКА

Родился 18 мая 1925 года в городе Новочеркасске Ростовской области. Русский, беспартийный.

До войны окончил 9 классов средней школы в городе Балашиха, Московской области — в 1942 году.

В 1943 окончил ускоренный выпуск 2-го Киевского училища самоходной артиллерии им. Фрунзе М.В.

О начале Великой Отечественной войны узнал по радио 22 июня 1941 г. из выступления Молотова В.М. Проживал в это время в городе Балашиха, Московской области.

В январе 1943 года был призван из 10-го класса в ряды Красной Армии и направлен в 30-й артиллерийский запасной полк в город Горький.

В марте 1943 года командованием полка был направлен во второе Киевское училище самоходной артиллерии. После окончания училища в январе 1944 года убыл в город Челябинск для получения боевой техники, в маршевый батальон. Получив технику в марте 1944 года, убыл в составе маршевой батареи в город Нарофоминск, где в этот период формировался 376-й тяжелый самоходный артиллерийский полк, куда и прибыл в марте того же года.

2 апреля 1944 года полк был направлен на 2-й Украинский фронт и влился в состав 5-й гв.танковой армии под командованием маршала БТВ П.А. Ротмистрова.

Был на должности командира ИСУ-152 в батарее ст. лейтенанта А.А. Борисова.

Полк разгрузился на станции Вапнярка и совершил 300-километровый марш к фронту в юго-восточном направлении от города Ботошани (Румыния), в расположение 5-й ГТА.

После боев в Румынии, 27 мая 1944 года полк вышел из состава 2-го Украинского фронта и с 1 июля поступил в резерв Ставки ВГК и убыл в район г. Смоленска на 3-й Белорусский фронт, где сосредоточился у перекрестка автомагистрали Москва—Минск и шоссе Смоленск—Духовщина.

23 июня 1944 года началась операция «Багратион».

Полк влился в состав 3-го Котельнического корпуса под командованием генерал майора И.А. Вовченко.

С боями прошли города и населенные пункты Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии — Богушевск (25.06.44), Толочин (27.06.44), Борисов(30.06.44), Минск (3.07.44), Воложин (4.07.44), Молодечно (5.07.44), Гольшаны (7.07.44), Ошмяны (8.07.44), Вильнюс (9.07.44), Дасмовис (10.07.44), Рудзишки (11.07.44), Каунас (1.08.44), район г.Мемель(10.10.44), Таненберг(21.01.44), Остероде(22.01.45), Дейч-Айлау (22.01.45), Эльбинг, Пройсишес-Холлянд, Мюльхаузен (24-26.01.45), Гросс-Штобой, Баумгрт (01.45), Толкемит (02.45), Раутенбберг, Древсдорф (11.02.45), Мариенвердер (1.03.45), Гросс-Буковиц (03.45), Олива (04.45), Кенигсберг (10.04.45), Гросс-Штобой, Трунц, Баумгарт (25.01.45), Толькемит (4.02.45), Фрауенбург (8.02.45), Раутенберг, Древсдорф (11.02.45), Мариенвердер (1.03.45), Гросс-Буковиц (21.03.45), Олива (3.04.45), Кенигсберг (10.04.45).

Военные действия закончил под городом Фрайвальде в составе 5-й ГТА, в 376-й гвардейской ТСАВП, лейтенантом, командиром ИСУ-152, под командованием командира полка гвардии подполковника Т.Е. Карташева.

После окончания войны полк направлен в г. Слоним Брестской области. Демобилизовался из г. Слоним 18 марта 1966 г. в г. Люберцы, Московской области, куда прибыл 21 марта 1966 года.

В эти дни приходилось маневрировать лишь ограниченным числом самоходных установок . Только три СУ в районе Трунц могли еще двигаться. Саперы, связисты, разведчики выполняли не только свои функциональные обязанности, но и пехоты, подносчиков боеприпасов.

27 января 1945 года на помощь полку прибыли 6 танков 31-й танковой бригады, возвратились несколько тяжелых танков 14-го

гвардейского ТТП. Командир бригады не увязал вопросов взаимодействия с полком и направил танки в район обороны самостоятельно.

Поскольку обстановка на батарее Шишкина была сложной (нехватка боеприпасов в окружении), одна САУ из батареи Борисова была направлена туда с группой саперов и других солдат во главе с начальником штаба полка гвардии капитаном А.М. Шипорым.

Капитан А.А. Борисов хорошо знал дорогу в Гросс-Штобой и возглавил эту команду, которая должна была доставить в окружение боеприпасы.

Группа перешла лощину, и ей навстречу вышел командир батареи капитан Н.К. Шишкин с группой автоматчиков. В это время к лощине на большой скорости выскочили два танка Т-34-85 из 31-й танковой бригады. Не обращая внимания на стоявшую неподалеку нашу САУ и не разобравшись в обстановке, один из танков выстрелил из пушки в группу капитанаА.М. Шипова. Погиб и стоявший рядом командир батареи капитан А.А. Борисов, четверо были ранены.

Оставшиеся в живых доставили боеприпасы в батарею, но слишком дорогой ценой.

Помощь подошла своевременно. И противнику не удалось прорваться через рубеж обороны батареи Н.К. Шишкина.

Это был день неравных боев, особенно тяжелый для полка. Он был днем тяжелых испытаний воли и мужества, твердости характера наших офицеров, сержантов, солдат, героизма гвардейцев, испытаний на прочность.

Награды :

— орден Красной Звезды ;

— орден Отечественной войны 2-й степени;

— 16 медалей.

Все боевые действия проходили под командованием командира полка гвардии подполковника Т.Е. Карташева и командира батареи капитана А.А. Борисова.

Операция «Багратион»: Богушевск (25.06.44), Толочин (27.06.44), Борисов (30.06.44), Минск (3.07.44)

Вильнюсская операция: (5-20.07.44). Воложин(5.07.44), Молодечно (5.07.44), Гольшаны (7.07.44), Ошмяны(8.07.44), Вильнюс (9.07.44), Дасмовис, Рудзишки (11.07.44), Каунас (1.08.44).

2-й Белорусский фронт: Млава, Дзялдово (15.01.45), Найденбург (20.01.45), Таненберг (21.01.45), Остероде(22.01.45), Дейч-Айлау (22.01.45), Эльбинг, Пройсишес-Холлянд, Мюльхаузен (24-26.01.45),

Гросс-Штобой, Трунц (25.01.45), Толькемит (4.02.45), Фрауенберг (8.02.45), Мариенвердер (1.03.45), Гросс-Буковиц (21.03.45), Олива (3.04.45).

3-й Белорусский фронт (10.02.45), Древсдорф (11.02.45), Кенигсберг (10.4.45).

В настоящее время нахожусь на пенсии и работаю начальником штаба гражданской обороны на ЗАО «Ухтомский завод металлоизделий».

Ранений не имею.

В войне из родственников никто не погиб.

Живых родственников никого нет.

Собственных произведений не имею.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Науменко Антон Андреевич***, студент 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Шинд Владимир Ильич

НА МУНДШТУКЕ БЫЛИ ВЫГРАВИРОВАНЫ БУКВЫ: «В.Ш.»

Родился 26 декабря 1923 года в городе Харькове. В связи с переводом отца в 1928 году на новое место работы в Москву семья переехала на новое место жительства. С 1928 года проживаю в Москве. Русский, неверующий, б/п.

До войны окончил 10 классов 173-й средней московской школы.

Узнал о войне 22 июня 1941 года по радио из выступления В.М. Молотова, был на улице, увидел народ бежит к репродукторам, подошел к толпе на ул. Горького в Москве и услышал речь Молотова.

Я был председателем ученического комитета и зам. секретаря комсомольской организации (секретарем комитета была девушка). После речи Молотова бросился в школу. Там было уже много ребят. Мы сразу пошли в Свердловский райвоенкомат, чтобы нас направили на фронт (тогда в школах в качестве учебного предмета было «военное дело») и мы думали, что достаточно подготовлены, чтобы встать на защиту Родины.

Вокруг военкомата было много народа, люди готовы были добровольцами ехать на фронт. Мы долго стояли в очереди, и когда она подошла, нам сказали, что нас на фронт не могут послать, поскольку нам не исполнилось ещё 18 лет, но фамилии и адреса записали. И вот 12 июля 1941 года мы получили повестки, и нас направили служить,

кто хочет, в московский комсомольский молодежный полк Государственного Комитета обороны.

Сначала было обучение военному делу, гасили зажигательные бомбы, патрулировали улицы Москвы, ловили диверсантов-парашютистов. В конце октября нас послали на фронт в район Наро-Фоминска рядовыми красноармейцами, там держали оборону. Затем началось наступление на Наро-Фоминск. В конце декабря 1941 года меня сильно контузило разрывом авиабомбы. Сначала медсанчасть, потом госпиталь в Москве, затем направили в госпиталь на Урал (г. Нижний Тагил). Долго ничего не слышал (даже до сего дня плохо со слухом).

После излечения весной 1942 года направлен на учебу в Омское пехотное училище. Так что считаю себя военнослужащим с 12 июля 1941 года, добровольцем, пошедшим в армию. Курсанты училища уже подготовились к сдаче государственных экзаменов, но в конце августа 1942 года в связи с тяжелой обстановкой под Сталинградом всё училище было отправлено на фронт, всем присвоили звания старших сержантов (мне в том числе).

После формирования маршевых рот в конце сентября 1942 года был отправлен на фронт в район Сталинграда, назначен командиром миномётного расчета 82-мм миномётов 3-го батальона 212-го стрелкового полка 49-й дивизии. Если не ошибаюсь, фамилия командира полка была Баранов, он погиб под Сталинградом.

Мой боевой путь: Подмосковье и Москва (июль-декабрь 1941 года); Сталинград (2 октября- 25ноября 1942 года, когда был тяжело ранен); в районе Орла — взятие Орла (начало августа 1943 года); освобождение Брянской и Калужской областей, город Жиздра (1943 год), затем освобождение Белоруссии (1944 год), города Быхов, Могилев, Минск, форсирование Днепра (лето 1944 года). После белорусской операции дивизия участвовала в освобождении Литвы; помню форсирование реки Немана, освобождение города Мариамполя, тяжелые бои под Вилкавишками (лето 1944 года, по-моему, июль); затем наступление продолжалось, думаю в июле-августе (было ещё тепло), начались бои за освобождение Польши. Помню города Гродно, Белосток, затем освобождение Люблина, где готовились месяца четыре к взятию Варшавы; форсирование Вислы и освобождение Варшавы (январь 1945 года). В январе продолжали бои по освобождению Польши и вели бои на подступах к Германии. Где-то в конце января 1945 форсировали Одер, взяли ж.д. станцию Вейзенау в районе Франкфурта-на-Одере

(январь 1945); был в районе Берлина (март-апрель 1945), бои на подступах и окраинах Берлина (апрель 1945). Таким образом, мой боевой путь прошел от Москвы до Берлина до конца войны с Германией.

Военные действия закончил в Берлине в звании старшего сержанта на должности командира отделения топо-разведки 936-го арт.полка 362-й СД (после тяжелого ранения под Сталинградом и излечения в саратовском госпитале был направлен на курсы младших лейтенантов артиллерии в г. Пугачев Приволжского ВО, но эти курсы во время Орловско-Курской операции были отправлены также на фронт в июле 1943 года, поэтому оттуда попал сначала в управление 80-го стрелкового корпуса, а затем в 362-ю дивизию, в которой провоевал всю оставшуюся часть войны. Под конец войны, или сразу после, 362-я СД была объединена с 39-й гв. СД, а 936-й арт.полк вошел в состав 396-й арт.бригады этой дивизии. Этой арт.бригадой командовал полковник В. Ришняк, а 936-м арт.полком- подполковник Е. Понаскок.

В 936-м арт.полку в 1-м дивизионе во взводе управления, в составе которого я воевал с начала августа 1943 до конца войны, командирами были следующие офицеры: командир взвода лейтенант Чижов (инициалы не помню), командир дивизиона — майор Левин А.А., его заместитель по полит.части — майор Макарьев Г.И., начальник штаба дивизиона — капитан Назаров С.С. (фамилии и инициалы командиров дивизионов указаны точно, так как у меня есть подаренные ими фотографии).

Возвращался с войны из Берлина через города Хемниц и Рудольштадт в Заальфельд, где у 39-й дивизии было место дислокации (или может быть, только у 396-й арт. бригады) в бывшие немецкие казармы, в которых должна была располагаться наша воинская часть.

Демобилизовался из Заальфельда (Германия) 27 февраля 1947 года в Москву, куда прибыл в начале марта 1947 года. Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР (даты не помню) о демобилизации определенных возрастов граждан, участвовавших в Великой Отечественной войне (точное название указа, конечно, не помню).

После месячного отпуска устроился работать на полиграфическую фабрику рабочим, с которой уволился с 1 сентября 1947 года в связи с поступлением (после сдачи вступительных экзаменов) в Московский юридический институт. Институт окончил в июле 1951 года вместе с женой (также студенткой юридического института). Были направлены на работу адвокатами в город Вичуга Ивановской области. В

октябре 1954 года поступил в очную аспирантуру при Всесоюзном институте юридических наук. В июле 1957 года с большим трудом удалось добиться перевода жены в Москву. Она до сих пор работает адвокатом в Москве.

В мае 1958 года защитил кандидатскую диссертацию, и был направлен на работу в Московский областной суд, а в марте 1965 года был приглашен на должность старшего научного сотрудника в НИИ Генеральной прокуратуры СССР, прежние криминалистические отделы Всесоюзного института юридических наук влились в этот новый институт прокуратуры СССР. В этом НИИ прокуратуры (теперь он называется НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ) проработал до конца 1998 года (последние 24 года — ведущим научным сотрудником), когда вышел в отставку по возрасту и выслуге лет в звании старшего советника юстиции, что приравнивается к воинскому званию полковника. Что касается общевойскового звания, то сейчас я майор запаса, состав политический.

В 1981 году защитил докторскую диссертацию. В1984 году Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил мне почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». В начале 1994 года мне присвоили звание профессора. В настоящее время на пенсии, но продолжаю общественную работу — являюсь председателем совета ветеранов 49-й СД, в составе которой воевал под Сталинградом. Провожу соответствующую воспитательно-патриотическую работу, организовал музей боевой славы 49-й СД при Нахабинской школе №1 Московской области.

* * *

Нужно прямо сказать, что жизнь солдат в Отечественную войну просто не берегли. И это особенно ярко проявилось в боях под Сталинградом и Берлином, в которых мне пришлось участвовать. Последнее время об этом стали писать открыто. Даже в «Энциклопедии военного искусства» в статье, относящейся к маршалу Г.К. Жукову, говорится, что его тактика вела к огромным потерям наших войск, которые в пять-шесть раз превышали потери вражеских. И далее сказано: «впрочем, в РККА людей никогда не считали» (указ. соч. — Минск, Литература, 1997. С. 438).

Мне никогда не забыть боя 19-20 октября 1942 года под Сталинградом (в районе населенных пунктов Россошки, Кузьмичи, Грачи и др. Городищенского района Сталинградской области — это пригород-

ный район Сталинграда). В наступление было брошено три армии (24, 66 и 1-я гвардейская). Такого кошмара мне не приходилось видеть за все годы войны. Не добившись успеха в центре наступления, командование решило прорвать оборону противника правее, и все соединения были передислоцированы вправо во время боёв 20-го числа. И это в совершенно открытой степи, по гребню балок, в которые на расстоянии 25-30 метров были закопаны немецкие танки, а между ними оборудованы дзоты. Немцы имели очень сильные укрепления, и перед ними всё было открыто как на ладони.

Войска были брошены в атаку не со старых своих позиций, а с новых (перед этим броском с большими потерями переместились вправо), и всё перемешалось в открытом поле настолько, что бойцы одной дивизии или полка, встречаясь, обнимались, как родные братьяв, хотя раньше никогда друг друга не видели.

Правда, в некоторых местах удалось прорвать оборону противника, несмотря на сильнейший огонь немцев (артиллерия, в том числе из пушек закопанных танков, миномёты, авиация, пулеметы и т.д.), но наши потери были такими колоссальными, что оставшимся в живых солдатам пришлось в течение нескольких ночей вытаскивать трупы своих товарищей и передавать их похоронным командам на поребение.

Как я теперь узнал, 15 октября немцы прорвались к Волге в районе тракторного завода (Великая Отечественная война 1941-1945 годы. Энциклопедия. — М., 1985, с. 684). Но, как участник этих событий, смею утверждать, что наступление не было подготовлено, хотя с 15 по 19 октября прошло 4 дня, и войска на этом месте могли хотя бы окопаться, и огневая наша мощь могла бы быть значительно увеличена, да управление войсками, по крайней мере, в 24-й армии, оказалось на низком уровне, что привело к огромным, неоправданным жертвам.

Стратегическую задачу мы выполнили. Но какой ценой! Хотя характер местности, о которой идет речь, был хорошо известен координатору от Ставки Г.К. Жукову (см.: Маршал Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. — М., 1983, с. 274), но произошло то, что произошло. В своей книге маршал, оценивая это сражение, пишет, что необходимо отдать должное воинам 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армии Сталинградского фронта, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям в удержании Сталинграда. Без их помощи Сталинград, возможно, был бы взят противником.

Хотелось бы вспомнить и события 1944 года, связанные с освобождением Белоруссии. После сражений летом 1943 года по освобождению Орловской и Брянской областей дивизия вступила в Белоруссию, но, несмотря на упорный бой, форсировать Днепр с ходу не удалось, и зимой 1944 года поступило указание командования окапываться в том месте, которого достигли войска. Наша дивизия была в нескольких километрах от города Быхова, немного восточнее Днепра.

Командование дивизиона выбрало место расположения в лесу, на небольшой поляне. На ней разместился взвод управления, некоторые обслуживающие службы и командный пункт дивизиона. Впереди нас были окопы 1-го батальона 206-го стрелкового полка нашей 362-й дивизии, который поддерживал наш 1-й дивизион. Строили блиндажи, да и все землянки в расчете на долговременную оборону. Блиндажи делали с деревянной обшивкой в два-три наката, с печками. Построили баню, столовую, медпункт и даже уборные, мужскую и отдельно женскую (ведь у нас были три девушки — две телефонистки и радистка), были также оборудованы укрытия для полевой кухни и автомашин. На деревьях были оборудованы наблюдательные пункты. В общем, укрепились на славу. Проводились регулярно занятия по боевой и политической подготовке, было организовано трехразовое горячее питание, один раз в неделю была баня. Батареи также оборудовались хорошо в районе деревни Никоновичи, в 1,5-2 км от неё в лесу.

Мне приходилось довольно часто бывать в батареях по различным вопросам, в том числе для проведения занятий по баллистике и топографии. Ходил обычно пешком с кем-нибудь из сопровождающих солдат или на машине по шоссе Могилёв—Гомель. Через тридцать лет мне удалось посетить место расположения нашего дивизиона.

В июле 1974 г. я был в служебной командировке в Могилевской областной прокуратуре. Воспользовавшись выходным днем, я попросил прокурора области Мельникова организовать мне поездку на место боёв 1944 года. Он позвонил прокурору Быховского района (фамилию запамятовал) и попросил прислать за мной машину.

В субботу утром на «козлике» за мной приехали прокурор района с шофером. Он расспросил меня, где находилось расположение дивизиона, и сказал, что кругом сплошной лес и мы вряд ли сумеем найти это место. Я был уверен в обратном. Поехали. Примерно на полпути от Могилева я попросил остановить машину, там начиналось небольшое возвышение на шоссе, которое мне было памятно ещё по сорок четвертому году.

Я не ошибся. Вылезли из машины. Говорю, что где-то здесь направо, должна быть просека. Прокурор с удивлением посмотрел на меня: «Какая просека, когда весь лес посечен разрывами снарядов и уже молодая поросль идет сплошняком». Но я настаивал. Прокурор остался в машине, а я пошел вперед, и через метров 50-70 вижу — вправо, через молодую поросль, проглянула вроде бы просека. Раздвигая молодые деревья, я углубился, и, действительно, это оказалась просека, правда, очень суженная по сравнению с 1944 годом.

Я позвал своих спутников, и мы гуськом пошли. Я сказал, что метров через 500 должна быть снова просека. Когда узенькая просека показалась, пошли по ней вперед, и примерно через 300-400 метров открылась поляна, а на ней обвалившиеся блиндажи, и еще впереди колючая проволока (спирали Бруно) и осыпавшиеся окопы.

Я стал обходить блиндажи и сказал, что вот это мой блиндаж. Прокурор рассмеялся: «Как вы его определили?» Я ответил: «По входу. Вот видите, у всех вход имеет два колена углом, а мой три».

Когда в 1944 году строили блиндаж, товарищи надо мной подшучивали, что я соорудил три «зоны безопасности». Я спрыгнул в яму блиндажа, потому что население после войны сняло накаты и деревянную обшивку блиндажей. Начал ногой ковырять опавшие листья и вдруг увидел небольшой красный эбонитовый мундштук. Поднял его. На боковой части были выцарапаны буквы: В.Ш. (Владимир Шинд). Это был мой мундштук, который я потерял в 1944 году.

Осмотрев поляну, прокурор сказал: «Да, прочно вы здесь обустроились». Я подробно описал расположение управления артдивизиона в Белоруссии, чтобы показать, что условия быта у солдат во время войны были очень различные: в Сталинградской степи не было воды и еды, да и укрытия настоящего не было: щель глубиной сантиметров 50, прикрытая крышками ящиков от мин или просто плащ-палаткой, а здест, в Белоруссии, все «удобства» (баня, колодец и даже уборная).

Когда после нашего «путешествия» приехали в Быхов, на квартиру прокурора, он позвонил редактору районной газеты. Я ему все подробно рассказал по телефону. Не знаю, написал он об этом случае или нет, но газету он мне не присылал.

После упорного боя мы форсировали Днепр и 28 июня 1944г. взяли город Быхов. Я точно указываю дату, потому что у меня сохранилась благодарность Верховного Главнокомандующего об этой операции, а дивизии тогда было присвоено почетное звание Быховской.

Операция «Багратион» проходила успешно. Немецкие войска были разрезаны на отдельные куски, потеряли управление между со-

бой, и все представляло собой «слоеный пирог». И вот летом 1944г., уже после Быхова и Могилева, в какой-то небольшой лесной деревушке расположился штаб нашей дивизии, и для охраны была оставлена одна наша батарея (если правильно запомнил, а может, и весь дивизион, не это главное).

Вдруг по лесной дороге показались немецкие грузовики, и это в тылу. Орудия прямой наводкой открыли огонь. Немецкие солдаты выскочили из машин и начали наступление. И тут появился командир дивизии — генерал Еншин, вокруг которого собрались все офицеры штаба дивизии и солдаты. Генерал повел эту группу в контратаку, оставляя пространство для ведения беглого артиллерийского огня. В результате горячего боя противник развернулся и уехал на своих автомашинах, оставив много своих убитых и раненых, которые сдались в плен. За этот бой генерал Еншин был удостоен звания Героя Советского Союза, офицеров наградили орденами, а нас, солдат, медалями «За отвагу».

Запомнился и такой эпизод. Первого-второго июля 1944г. была солнечная погода, мы стояли под Минском, было тихо, противника не слышно. Командование устроило что-то вроде отдыха и праздничного дня: вручали ордена и медали, выдавали партбилеты, многие солдаты пошли купаться в реке Свислочь, помыться, постираться. Подшивали чистые подворотнички, все готовились к взятию Минска.

И вдруг из кустарника по берегу Свислочи раздалась очередь из немецкого автомата (опытные солдаты уже по звуку различали тип оружия). Первым бросился сержант, которому только что вручили орден Славы, за ним побежал я, крикнув солдатам: «Берите больше гранат». Как только тот сержант побежал по узкой дорожке, в кустах раздался пистолетный выстрел и он упал. Я увидел немецкого офицера и успел нажать спусковой крючок автомата, офицер упал, я дал еще очередь и побежал вперед, бросив ручную гранату. Раздались еще немецкие автоматные очереди.

Я и бежавшие за мной солдаты залегли на тропинке. За кустами ничего не было видно, это был молодой ивняк, разросшийся на благодатной почве. На звук автоматной очереди мы начали бросать гранаты и стрелять из автоматов. Подбегали еще солдаты и забрасывали гранаты в сторону, где мог быть противник. Через некоторое время мы услышали по-немецки, что противник сдался, и на тропинку выбежал солдат, размахивая белой рубашкой.

Мы перестали стрелять. Из кустов вышли человек 30-40 грязных и обросших немцев. Они бросали оружие прямо там, где стояли, и

поднимали руки. Из допроса выяснилось, что они двое суток ничего не ели, давно бродят сзади наших войск и уже собирались сдаваться. На вопрос, почему сразу не сдались, а начали отвечать автоматным огнем на наше «продвижение» вперед, они заявили, что побоялись расправы за убийство нашего сержанта. Фашисты со страхом и дрожью говорили о том ужасе, который они испытали от бесконечно рвавшихся гранат. А оказавшийся среди пленных фельдфебель добавил, что у них еще и патроны кончились.

И тут откуда ни возьмись появились партизаны (я их раньше не видел) и стали требовать расстрела всех пленных.Они (партизаны) заявили, что несколько дней преследуют противника, вели бои; что у немцев было численное превосходство, они по дороге грабили население и убивали скот. Но наше командование не разрешило расстреливать пленных, приказало их накормить и под усиленным конвоем отправить в тыл.

И под конец хочется рассказать почти веселый эпизод из фронтовых будней. После форсирования Одера дивизия (а может быть, только 206-й полк нашей дивизии) захватила железнодорожную станцию Вейзенау примерно в 5-7 километрах от реки. По открытому полю от Вейзенау до Одера проходил канал Одер—Шпрее с разветвленной системой каналов для орошения. И вот немцы спустили воду и отрезали наши части, которые взяли Вейзенау, от тылов и наступающих войск, а с противоположной стороны бросили на Вейзенау отборные СС-части и танки.

Мы стойко сопротивлялись, к нам по радио обратился даже командующий фронтом Жуков, обещая прислать помощь, но обещания не выполнил, и нам пришлось обороняться самостоятельно, придумывая различные способы снабжения воинов. От Вейзенау к Одеру шла узкая шоссейная дорога, во многих местах она оказалась не затопленной. По этой дороге приходилось ночами подтаскивать ящики со снарядами под кинжальным пулеметным огнем и осветительными ракетами. Наш дивизион был главной надеждой обороняющихся, и сами понимаете, с каким отчаянием мы сопротивлялись контратакам противника, ведь был уже 1945 год, и все чувствовали, что приходит конец войне.

Обрисовав обстановку, перехожу к самому эпизоду, ради которого затеял это изложение. Перетаскивали снаряды по очереди, бригадами. И вот во время одного похода после очередного обстрела раздался громкий голос старшины В.И.Бушунова, как в доброе довоенное

время: «Вечерняя перекличка! Шинд?» — «Я», — «Батраков», — «Морозов?» — «Я»; — «Сосновский?» — «Я» и т.д. «Смирно! На-лево, ползком вперед марш!» Такая шутка сразу всех взбодрила, и мы двинулись вперед.

Награды:

— орден Отечественной войны 1-й степени №1396914. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.03.1985г. (Орденская книжка А №422417, подпись секретаря Президиума В.С.СССР неразборчива). Вручили в Москве;

— орден Красной Звезды №2153979;

— медали: «За отвагу» №1187229, «За боевые заслуги». Медаль «За отвагу» вручена 01.07.1944 г. за отражение атаки немцев на штаб 362-й СД,

Считаю также боевыми наградами медали:

— «За оборону Москвы» (удостоверение Щ №013828);

— «За оборону Сталинграда» (удостоверение О №47632) — обе медали вручены ком-ром 39-й гв. СД;

— «За освобождение Варшавы» (удостоверение А №290023);

— «За взятие Берлина» (удостоверение Б №167121);

— «За победу над Германией» (удостоверение Щ № 157490);

Все эти медали вручены командиром 396-й артбригады гв. полковником В. Ришняком в мае 1946 г. Кроме того, десять юбилейных медалей. Все ордена и медали вручены за участие в Великой Отечественной войне.

Имею юбилейные медали: «В память 800-летия Москвы» (удостоверение Б №534318) и «В память 850-летия Москвы» (удостоверение А №0211713). Обе медали вручены как коренному москвичу, а также медаль «Ветеран труда», вручена 26.12.1983г.за долголетний и добросовестный труд.

Многократно награждался и премировался Генеральными прокурорами СССР и РСФСР. Присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР» — Указ Верховного Совета РСФСР от 15.021984; подписана грамота Председателем ВС РСФСР М.Ясновым и секретарем Президиума ВС РСФСР Х.Нишковым, вручал Генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков в Москве в 1984 г.

Кроме того, имею шесть благодарностей Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении (взятии) городов форсировании рек в составе части. Все благодарности подписаны командиром 936-го артполка Е. Панасюком.

И последнее. Награжден Почетным знаком Российского комитета ветеранов войны и военной службы председателем этого комитета генералом армии В.Л. Говоровым за активное участие в ветеранском движении.

Запомнил даты военных операций:

• 26 декабря 1941г. — участие в освобождении Наро-Фоминска в составе 33-й армии Западного фронта;

• 5 августа1943 г. — освобождение Орла в составе 80стр.корпуса (генерал Фогель). Прибыл в состав корпуса после курсов мл. лейтенантов, из которых в звании ст. сержанта, как и все курсанты, был направлен на фронт. Поэтому еще не успели распределить ни в дивизию, ни в полк (по-моему, 3-я армия Горбатова);

• июня 1944 г. — освобождение Быхова (Могилевская обл., Белорусская ССР). По-моему, 2-й Белорусский фронт. Командир дивизии генерал-майор Еншин, командир полка Е. Панасюк, командир дивизиона майор А. А. Левин, командир взвода Чижов;

• конец июля—начало августа — освобождение Мариамполя и Вилкавишки Литовской ССР; командование то же;

• 5.01.1945г. — освобождение Варшавы; командование то же.

• 30.04.1945г. — взятие Берлина (по-моему, мы уже были в составе 39-й гв.дивизии, 8-й армии).

Получил контузию в конце декабря 1941 г. в районе Наро-Фоминска. Лечился в госпитале на Урале в Нижнем Тагиле.

Тяжело ранен в живот под Сталинградом 25 ноября 1942г. Лечился в Саратовском госпитале.

Легко ранен (в лицо) 30 июня 1944 г. при форсировании р. Березина (перевязал военный фельдшер. В медсанбат не обращался). С поля боя не ушел.

Был расстрелян двоюродный брат Борис — как партизан. А тетя Лиза, сестра матери, вместе с мужем были расстреляны как родители партизана. Жили, по-моему, в Запорожской или Днепропетровской области; работали в колхозе.

Являюсь автором 12 книг и более 100 статей по специальной тематике.

Имею публикации о войне или по патриотической тематике:

• «Глазами солдата» — в сб. «Это было под Сталинградом. Очерки и фронтовые записки о 49-й стрелковой дивизии». — М.,1997. С. 132-140. (Эта книга подарена библиотекам музеев на Поклонной горе и «Сталинградской битвы» — г. Волгоград).

• «Нюрнбергский процесс — история и современность» — в сб. «Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма») — М., 2002, с. 142-149;

• «Своих не жалели» (Волжская правда — 20.03.97 г.);

• «222-му стрелковому полку исполнилось 50 лет» (статья опубликована в «Красной звезде», но вырезку не нашел);

• «Не забудут ивановцев на земле Сталинграда»(«Красная звезда», 23.07.97., с.2);

• «Мы помним вас, защитники Сталинграда» («Красная звезда», 09.12.97г., с.4) ;

• «Разве мы нахлебники?» («Советская Россия», 14.09.2000г., с.4);

• «Ешь внучек, а то в армию не возьмут... «(«Красная звезда», обзор читательской почты, 09.08.2001г., с.1);

• «Штрафовать за вранье» («Советская Россия», 29.11.2001г., с.5);

• «Воспитывать на примерах героев» («Волгоградская правда», 26.07.2001г.) ;

• «Пройдя дорогами войны» («Красногорские вести», 21.06.2001г.).

Не опубликовано выступление 04.06.2002 г. на Межрегиональной научно-практической конференции «Патриотизм российских народов традиции и современность» в музее на Поклонной горе. Тема выступления: «Моральное положение и морально-психологические качества защитников отечества (правовой аспект)». Статья одобрена редколлегией, но сборник конференции до сих пор не вышел.

Обо мне написано в публикациях:

• И.В. Суворов: «Кровь солдата дешевле воды?» («Советская Россия», 07.10.2000 г., с. 2). Были еще опубликованы несколько статей И.В. Суворова в «Волжской правде», в которых говорилось и обо мне. Упоминался я и в Ивановской областной газете «Рабочий край» в статьях П.Н. Солонина, но найти вырезки из газет не сумел.

• Г. Шаповалова «Незабываемая поездка» («Красногорские вести», 15.12.2001г., с.6)

• Г. Шаповалова «Редкая экскурсия для городищенских школьников» («Междуречье» — общественно-политическая газета Городищенского района Волгоградской области, 21.12.2001г., с.2)

Из наиболее значимых дел совета ветеранов 49-й СД хотелось бы отметить:

• Издание книги Владимира Травушкина «Дорогой мужества» — М., 1995г., изд. «Манускрипт».

• «Это было под Сталинградом. Очерки и фронтовые записки о 49-й стрелковой дивизии» — М.1 997г. (обе книги изданы с помощью спонсоров).

• Установление в 1997 г. в пос. Городище, Волгоградской обл. в центре поселка памятного знака в честь 6,5 тысяч погибших под Сталинградом воинов 49-й СД. (Памятный знак установлен за деньги ветеранов и с помощью администрации г.г. Волгограда и Иванова.)

• Организация музея боевой славы 49-й СД при школе № 1 пос. Нахабино, Моск. обл.

• Организация экскурсий активистов Нахабинского музея (15 чел.) по местам боев под Сталинградом в мае 2001г. и активистов (школьников 17 чел.) музеев боевой славы поселков Городище и Кузьмичи Волгоградской обл. в Москву в ноябре 2001г. по местам битвы под Москвой и по достопримечательностям столицы. (Обе поездки были оплачены спонсором. С трудом удалось найти такого человека.) Экскурсии фотографировались и были сняты на видеопленку. В результате экскурсий удалось также обменяться опытом и пополнить новыми экспонатами экспозиции школьных музеев. Ребята поездками остались очень довольны, об экскурсиях были публикации в районных газетах. Школьников принимали руководители администрации поселков.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Маркосян Армен Шагенович***, студент 3-го курса Московского государственного университета природоустройства

Шпер Светлана Исааковна

И СНОВА БЕЖАЛА ТУДА, ГДЕ БЫЛА СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Я родилась 20 ноября 1925 года в городе Ташкенте. По национальности я еврейка, в Бога, как такового, не верю, я бывший член Коммунистической партии. На войну пошла в 1943 г. после 9 классов. О начале войны узнала 22 июня 1941 г., проживая в городе Ногинске, по радио. В это время работала ремонтировщиком на ткацкой фабрике.

Участвовать в боевых действиях начинала добровольцем в 1943 г. в составе 4-й танковой армии, которая дислоцировалась под Загорском. Начинала военный путь рядовым на должности санинструктор 28-го танкового полка под командованием командира бригады 6-го механизированного корпуса Рывжа Всеволода Юсуповича.

Командующим 4-й танковой армии был Артемьев Борис Петрович.

Боевой путь: Курская дуга (1943), Брянщина (1943), Карачев (1943), Каменец-Подольский, Тернополь, Львов, Сандомирский плацдарм.

Военные боевые действия закончила на Сандомирском плацдарме в воинском звании старший сержант медицинской службы под командованием начальника медсанвзвода майора Чистякова.

Демобилизовалась по причине контузии и страшных головных болей. Была направлена в медицинскую академию, но туда не попала

и поехала в свой родной город, где поступила на подготовительные курсы в Среднеазиатский государственный университет в 1945 году. Вскоре после окончании первого курса перевелась в МГУ на биологический факультет.

Июнь 1943 г . — после окончания 9-го класса пошла добровольно на фронт. Санинструктор роты ПТР 28-го танкового полка. Июль 1943 г. — вместе с полком попала на передовую, участвовала в боях на Курской дуге. Я помню свою первую перевязку на передовой под обстрелом: у бойца открытый перелом, все залито кровью, мне стало дурно, но превозмогаю себя, понимая, что ему очень больно, и накладываю повязку, потом второму, третьему и т.д... Из подбитых и горящих танков вытаскивала тяжелораненых, тут же под защитой брони спешно делала им перевязку и с непосильной ношей, под свист пуль, выбиваясь из сил, выносила в тыл порой безжизненное тело бойца, а потом снова бежала туда, где гремела смертельная схватка, где меня с нетерпением ждали раненые... (из статьи «Фронтовичка» бывшего командира 28-го танкового полка т. Артемьева Б.П.).

«...О дочери не беспокойтесь, она молодец, уже имеет свой боевой счет: вынесла с боя четырех тяжелораненых и оказала помощь более чем двум десяткам раненых — это были первые шаги боевой жизни...» (из письма от 11.08.1943г. родителям от секретаря комсомольской организации полка капитана Можаева).

«...Я часто думаю, как вы были бы удивлены, видя меня такой, какой я часто здесь бываю — хуже трубочиста, сплю где придется, на голой земле, подложив руку под голову, иногда на танке или около него...» (из письма домой, сентябрь 1943 г.).

«...Ваша дочь Светлана перевязала мне тяжелую и горящую рану. За это Вам, Вашей семье большое спасибо...» (из письма родителям командира роты ПТР 28-го танкового полка старшего лейтенанта Александрова).

«...Мои дорогие. Не волнуйтесь за меня. Разве я могу умереть, совсем не пожив... Скоро снова пойдем бить проклятых фашистов. Могу сообщить, что мне присвоено звание младшего сержанта...»

«...Вот уже 5 дней, как мы стоим и каждый час ожидаем приказа идти в бой, а вчера ох как и досталось проклятым фрицам, здорово их долбанули...» (из писем домой, октябрь, ноябрь 1943 г.).

1944 г. Переведена в медсанвзвод 16-й механизированной бригады. Под Каменец-Подольским шли ожесточенные бои, было много раненых. Оперировали с утра до позднего вечера, несмотря на артил-

лерийские обстрелы. Не хватало крови, не раз приходилось давать раненым кровь, иногда прямым переливанием. Кровь у меня 1-й группы, подходила всем (из своих воспоминаний).

«...Здравствуй, первая спасительница моей жизни, дорогая Светланочка...» (из письма от 3.08.1944 работника медсанвзвода г. Сыромятникова).

«Этот случай с Сыромятниковым хорошо помню: неожиданно на медсанвзвод обрушился шквальный минометный огонь. Все бросились на землю. Услышав крик, вскочила и бросилась на помощь. Раны были рваные, тяжелые, нужна была срочно перевязка...» (из своих воспоминаний).

На всю жизнь особо запомнились бои за освобождение Львова. Хирурга Китбаяна, меня как медсестру и одного санитара направили как выбросную сангруппу ближе к передовой. Расположились недалеко от линии фронта в укрепленной деревне. Раненых было много. Польские партизаны предупредили нас, что в деревне этой опасно оставаться, много бандеровцев. С помощью партизан пришлось перебазироваться в другую деревню. Но и там были недолго. Какая-то группа фашистских танков прорвалась. Времени на раздумья не было. Выбросили из машин все оборудование и еле успели разместить в них раненых, когда на окраине деревни показались немецкие танки. Наш отъезд прикрыли огнем польские партизаны.

Во Львов наши машины въехали последними, кольцо замкнулось, город окружили немцы. Полно раненых, а мы без перевязочного материала, инструмента. Немцы все время бомбят. Помогли нам солдаты, разместили на 1-м этаже какого-то большого дома, нашли где-то бинты, приготовленные для гипсовых повязок (мы их долго вытряхивали перед использованием), немного спирта, а потом бутылку йода. Оперировали с утра до позднего вечера. У Китбаляна была всего одна перчатка. У многих раненых начиналась гангрена. Их старались оперировать в первую очередь. У некоторых бойцов в ранах под повязкой оказались черви. Черви очищали раны от гноя, поэтому у них не могло быть гангрены. Но у этих раненых был дикий зуд, они все время кричали.

Счет дням был потерян. Когда наши основные части вошли во Львов, у нас были обожжены руки. Начальник медсанвзвода, майор Чистяков, приказал нам отдыхать. Посадил меня на извозчика и велел кататься по городу, отдыхать.

За освобождение Львова 16-й мехбригаде было присвоено наименование «Львовская». Меня наградили медалью «За боевые заслуги».

«...За время пребывания в 16-й гвардейской механизированной Львовской краснознаменной бригаде т. Шпер проявила себя дисциплинированной, политически грамотной комсомолкой, а в боях, работая санинструктором роты, затем медсестрой, проявила себя мужественной и заботливой о раненых. Тов. Шпер одной из первых медработников пришла в г. Львов и оказала помощь нескольким десяткам раненых бойцов и офицеров. Активная, политически развитая комсомолка т. Шпер с августа 1943 г. находится на руководящей комсомольской работе (избирается второй раз комсоргом ротной (ей равной) организации)...» (из комсомольской характеристики Шпер С.И., подписанной помощником начальника политотдела 16-ой гвардейской механизированной бригады по работе среди комсомольцев гвардии младшим лейтенантом Касьяновым).

Основное мое ранение — контузия. Демобилизовалась по этой же причине. В войне родственники не погибли. Сестра так же, как и я, ушла добровольцем на фронт, где и была ранена.

Брат во время войны попал в окружение. Работал у одного хозяина. Изменил фамилию, имя, отчество, что и спасло ему жизнь. После освобождения попал в Красную Армию.

Обо мне было написано в следующих публикациях: газета «Спортивная жизнь» в статье «Фронтовичка» автора Б.Артемьева, бывшего командующего танкового полка (г. Омск); комсомольская характеристика помощника начальника политотдела 16-й гвардейской механизированной Львовской краснознаменной бригады в книге «Победители» (редакционно-издательский совет в составе председателя Минько Нины Григорьевны, заместителя председателя Бессмертных Эрнста Александровича); в книге «Боевые подруги» под названием «На огненной дуге» (составитель Михаил Афанасьевич Сабельников).

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Валуев Николай Николаевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Юдин Дмитрий Андреевич

ПОД БЕРЛИНОМ НАХОДИЛСЯ ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Родился 10 ноября 1924г. в селе Аленовка Рязанской области. Русский. Православный. Беспартийный.

Окончил в 1941 году школу №2 Ярославской железной дороги.

Узнал о начале войны 22 июня 1941г. в Москве из выступления Молотова по радио. В те дни я поступал в спец. артиллерийскую школу.

Проходил обучение в городе Шуя (до августа 1943), в подольском военно-пехотном училище (август 1943 — январь 1944).

Начинал военную службу по направлению училища. Прибыл на место формирования соединения в г. Шуя Ивановской области 30.09.1941г. в воинском звании младший сержант в роту хим. разведчиков на должность командира отделения под командованием майора Куранда, находившегося на воинской должности комиссара.

Начинал участвовать в боевых действиях в звании младший лейтенант в составе 3-й танковой армии 6-го танкового корпуса 52-й гвардейской танковой бригады, на воинской должности командира взвода пулемётчиков. Командовал нами командир бригады подполковник Курист и начальник политотдела подполковник Лесной. Отправлены были на фронт в январе 1945 г. (до этого находились в прифронтовой линии).

Боевой путь: город Гёрлиц (январь1945). Река Нейсе (16.04.1945). Река Шпрее (18-19.04.1945). Город Тельтов (20-е числа апреля 1945). Город Берлин (23.04.-03.05.1945). Город Прага (8-9.05.1945). Город Мельник (10.05.1945).

Военные боевые действия закончил в городе Мельник 11.05.1945 в воинском звании младший лейтенант на должности командира взвода автоматчиков танково-десантной армии.

До 1972 года работал военкомате, уволен в отставку по болезни.

А теперь об особенно запомнившихся эпизодах войны.

Лагерь военнопленных

В 20-х числах апреля 1945 года стало известно, что под Берлином находится лагерь с военнопленными. Подполковник Курист отдал приказ узнать обстановку в лагере, с этой целью туда был отправлен танк и мой взвод. Когда мы прибыли в лагерь, оказалось, что ворота открыты и немцев там уже нет, а в лагере находится около 250 пленных, о чём было доложено командиру. Подполковник Курист отдал приказ: остаться в лагере мне и сержанту Болдариеву, организовать отряд из бывших военнопленных и ждать прихода основных частей, а всему остальному личному составу вернуться. В этом лагере мы провели двое суток.

Бой в Берлине

24 апреля 1945г при штурме Берлина в составе штурмового отряда 6-го корпуса со своим взводом автоматчиков я обеспечивал прикрытие танков от вражеского нападения. Основную опасность представляли собой укрытия, из которых вёлся огонь с применением фаустпатронов. Бой проходил в переулках города. Противник вёл стрельбу из зданий и с баррикад. В ходе боя фашисты были выбиты из укрытий. В бою я получил ранение, но от госпитализации отказался.

В пригороде Праги

При охране въезда и выезда из Праги, в песчаном карьере (около поселка Яблонцы), я стрелял по мишени. За спиной услышал чешскую речь и от неожиданности направил в ту сторону оружие. Когда подошел поближе, то увидел двух испуганных женщин, лежащих на земле. Оказалось, что они принесли нам квас.

Когда шли через Прагу, местные жители встречали нас цветами. Цветов было настолько много, что их приходилось убирать с танка, иначе не было видно, куда ехать.

Награжден:

— орденом Отечественной войны 2-й степени (№584558, приказ: 15.02.1947. Вручил командир корпуса генерал-лейтенанат Митрофанов за операции в Берлине в составе штурмовых групп);

— орденом Отечественной войны 2-й степени (№3067442, приказ от 11.03.1985 подписал секретарь Президиума Верховного Совета);

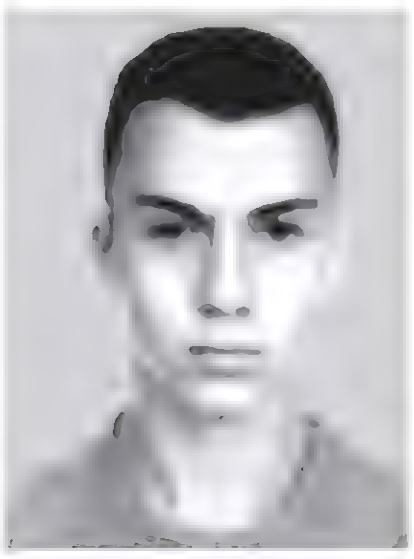
— медалью «За боевые заслуги»;

— медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За безупречную службу», Жукова и еще 13-ю юбилейными медалями.

Освобождал город Прагу 8-9.05.1945 в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева, 3-й танковой армии под командованием генерал-полковника Рыбалка П.С., 6-го танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Митрофанова, 52-й гвардейской танковой бригады под командованием подполковника Куриста.

24.04.1945 — ранение в руку (от госпитализации отказался); 10.05.1945 — ранение в ногу (проходил лечение в лазарете при женском монастыре в городе Прага, после двух недель перевели в военный госпиталь, вернулся в свой полк через месяц).

Ноябрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Комраков Павел Вячеславович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Яценко Василий Никифорович

ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА
(1013 дней и ночей с боями и пешком)

Родился 10 февраля 1927 года в станице Поповической Краснодарского края. В семье нас было пятеро детей: три мальчика и две девочки — Лена и Валя. Девочки умерли еще до моего рождения, а мальчик Федя в 1933 году, в голод. Осталось нас двое: самый старший — Миша (1921 г.р.) и самый младший — я.

Жили мы вначале на хуторе Джумайловка (Джумаляны), который слился с хуторами Бельчанским и Трапезондом и превратился в многокилометровый хутор. Здесь я пошел в школу и учился до 3-го класса. В школу пошел с 6 лет. У нас квартировал учитель (Александр Сергеевич Сербов). Он, когда мне исполнилось 6,5 лет, взял меня в 1-й класс, так как в ясли брали только 2-5-летних, а мама и папа работали в колхозе от зари до зари. Смотреть за мной некому было. Учился я очень хорошо, но был шаловливым. По учебе получал «оч.хор.», а по дисциплине «посредственно», такие тогда были оценки («очень хорошо», «хорошо», «посредственно», «плохо»), но грамоты и премии получал.

Когда брат Миша стал ходить в 8-й класс, мы вынуждены были переехать в 1936 году в станицу Поповическую (ныне Калининскую), жили на ул. Буденного, в центре, купив хороший, просторный дом с садом и огромным огородом. Папа был большим любителем-садово-

дом и много экспериментов проделывал с садом: на яблонях росли груши и айва, на грушах — слива. Он, кстати, первым в станице начал культивировать виноград. У нас посреди двора стояла шелковица, очень большая и разлапистая, а весь двор был покрыт виноградом вроде огромной беседки. В углу двора рос огромный грецкий орех, дававший большой урожай. Вдоль межи огорода росли с одной стороны вишни, с другой — сливы, а тыльную сторону обрамляли абрикосы. В общем, сад был на славу.

Учиться в станице я начал в 4-м классе школы № 4. находившейся возле деревянной церкви, рядом с райвоенкоматом. При военкомате был Клуб ворошиловских всадников, здесь было много хороших скакунов и мы — мальчишки занимались под руководством опытных инструкторов—кавалеристов вольтижировкой, рубкой лозы, преодолением препятствий и пр. Одновременно обучали лошадей, готовили их для передачи в красную кавалерию. Сдавали нормы спортивного комплекса упражнений и получали значки «Юный ворошиловский всадник» и «Ворошиловский всадник» I и II ступени. Мы очень гордились принадлежностью к клубу и с превеликим удовольствием водили своих лошадей купать в реке Понура, протекавшей рядом с райвоенкоматом.

В 1937 году (5-й класс) меня перевели в школу № 1, что в центре станицы, так как школа № 4 была начальной и имела только четыре класса. В школе № 1 я учился до 9-го класса, который окончил в 1942 году перед, самым приходом фашистов на нашу кубанскую землю. Здесь встретил своих друзей-одноклассников, с которыми дружим и по сей день. Тут же к нам в класс (5-й) пришла весной и Катюша Михайлова, с которой мы, мальчишки, очень подружились и с упоением пели ей популярную в то время песню «Катюша» Михаила Исаковского (музыка М. Блантера).

Все были влюблены в хорошенькую девчонку с толстой косой по имени Катюша. Мальчишеское увлечение переросло у меня и Кати в большую любовь, и в 1947 году мы с ней поженились и прожили в любви, мире и согласии 39 лет, воспитав дочку Алю, сына Мишу и трех внучек: Машу, Лену, и Катю.

В школе мы давали волю своей неуемной энергии, шалили напропалую. Завучем у нас была Ренкус Елизавета Алексеевна, преподавала математику. Высокая, полная и малоподвижная. Войдя в класс, сразу плюхалась на стул. Сказать, что она была строгим преподавателем, значит ничего не сказать. У неё, что ни слово, то брань, стро-

гое нравоучение. Добрых слов она не знала, нас — учеников — люто ненавидела. Мы ей отвечали тем же. Однажды отец привез мне из Краснодара в подарок игрушечный револьвер-пугач. Он заряжался глиняными пробками-патронами, которые были чем-то наполнены и оглушительно взрывались при выстреле. И вот мы вчетвером: Ваня Котко, Леня Науменко, Петя Назаренко и я — решили «проучить» нашу вредную «завучиху». В ножки стула забили патефонные иголки, подложили под каждую ножку по пробке-патрону из моего «пугача» и поставили стул на удобном расстоянии для посадки. Сели все за парты, ждем. Входит Лиза (так мы ее иногда звали) и сразу садится на стул. Раздается оглушительный взрыв, и наша учительница падает в обморок. Что тут было, описать невозможно! Итог: нас всех четверых исключили из школы на неделю (было тогда такое наказание). Целую неделю мы собирались вчетвером за станицей, играли в футбол, в прятки и пр., а когда кончались уроки шли к школе и, как ни в чем не бывало, возвращались со всеми домой. Не знаю, как у других ребят, но мои родители узнали об этом значительно позже, и то случайно.

Жили мы, можно сказать, в достатке. Голод помнится только в 1933 году. А так всегда мы с Мишей были сыты и прилично одеты. К праздникам (Октября и 1-го мая), а также к дням своего рождения оба получали подарки и «на мороженое»: Миша — «пятерку», как старший, а я — «трешку». Однако Миша почти всегда покупал мне самое большое мороженое из своей «пятерки».

1937 год запомнился всеобщей бедой. Тогда как раз были в разгаре репрессии против «врагов народа». Находили они отзвук и у нас. На задворках милиции (или НКВД, как тогда ее называли), в самом центре станицы был воздвигнут из колючей проволоки лагерь. Туда пригнали много сотен заключенных. Лагерь охраняли солдаты с длинными винтовками со штыками, заключенным не давали ни пищи, ни воды. Народ отнесся к этому однозначно. Никто не верил в версию «врагов народа», и повсеместно начался сбор продуктов, теплых вещей и лекарств. В аптеке моментально были закуплены таблетки, микстуры, вата, бинты и пр.

Для доставки в лагерь использовали нас, мальчишек и девчонок. Мы ловко пробирались по кустарникам к колючей проволоке и передавали или перебрасывали все, что нам поручали взрослые. Часовые на это смотрели сквозь пальцы. Иногда, правда, покрикивали, но не громко, чтобы их не услышало начальство. Многих арестованных

пригнали разутых и раздетых. И буквально за 3-4 дня всех их одели и обули. Причем, мне кажется, что всем этим руководил какой-то тайный общественный комитет. Очень уж все было хорошо организовано. Особенно активизировалась эта работа, когда народ узнал, что на район пришла разнарядка: «Найти и арестовать 300 «врагов народа». Начались открытые возмущения, и лагерь вскоре из станицы убрали.

Осенью 1939 года проводили Мишу в армию. Сначала он поехал в г.Орел в военное училище, но не прошел по здоровью (плоскостопие) и его отправили в 503-й гаубичный артполк (ГАП) в г.Бобруйск. В 1952 году я служил под Минском, в Пуховичах, в 8-й гвардейской танковой дивизии. Штаб нашей армии стоял в г.Бобруйске. Несколько раз по делам службы ездил я в Бобруйск. Был в казармах этого полка, где Миша наш прослужил почти 2 года... В 1940 году, летом он приезжал в отпуск сержантом, имея на петлицах два красных треугольничка. Мне подарил пилотку со звездочкой. С тех пор я решил, что стану военным, сержантом, как Миша. И стал, и дослужился аж до полковника. А сержантом тоже был, носил, правда, уже не треугольнички на петлицах, а три лычки на погонах.

22 июня 1941 года утром мы собрались у нас во дворе (уже начались каникулы) и играли в бильярд (папа купил мне на день рождения). Я как раз целился по шару, висящему над лузой. Подошел Витя Соснов и сказал: «Объявили, что немцы напали на нас, началась война». Я ответил: «Через пару месяцев фашистов разобьют. Жаль, что так быстро и нам не придется повоевать», — и с шумом вогнал шар в лузу. К сожалению, повоевать нам пришлось всем и немало.

На второй день после начала войны по радио услышали песню «Священная война».

Целыми днями всей ватагой мы ходили по улицам станицы и громко пели эту песню. Первые дни войны мы не знали, куда приложить свою силу и неуемную энергию. Сначала нас использовал военкомат, чтобы разносить повестки призываемым в армию. Но энтузиазм у всех был такой, что люди сами шли в военкомат без повесток. Наших лошадей из Клуба ворошиловских всадников на второй день войны угнали в Краснодар, где формировалась казачья кавдивизия.

И вот, наконец, нашли нам — мальчишкам — дело: все 8-10 классы послали на двухнедельные курсы трактористов в МТС, и через 2 недели мы уже заменили ушедших на фронт мужчин на уборке урожая. Кто трудился на тракторе, кто на комбайне, но работали беспре-

рывно день и ночь. Урожай убрали в рекордный срок. А поздней осенью всех старшеклассников послали убирать кукурузу в отдаленные бригады всех трех колхозов станицы («Пятилетка», «Коминтерн» и «Индустрия») Вот где мы потрудились! Работали с раннего утра до полной темноты вечером. Работали вручную, кочаны ломали и очищали. Было очень холодно, да и кормили неважно, но никто не хныкал, не жаловался. Все понимали, что НАДО, и работали хорошо. Тогда впервые в жизни мне оплатили мой труд: выдали целый мешок кукурузы. Дома очень обрадовались этому событию, так как с продуктами уже было плохо.

В мае или апреле 1942 года (еще мы учились в школе) мы с Женей Садовниковым решили бежать на фронт. Наметили маршрут: Поповическая — Тамань — Крым. Там как раз шли упорные бои. Насушили тайно сухарей, взяли сало, яиц наварили, наточили по кухонному ножу, достали компас. Жене удалось стащить у отца два патрона от нагана. Отец у него был 3-м секретарем райкома партии и имел оружие, вот у него-то и позаимствовали мы по патрону на брата («оружие на фронте достанем»). И вот однажды глубокой ночью Женя постучал мне в окно («Пора!»). Я вылез через окно, и мы двинулись в путь. Целую неделю мы шли по непролазной грязи в сторону Тамани. В пути нам встретился кавалерийский полк. Мы к командиру полка: «Возьмите с собой». Он расспросил нас, кто мы и откуда, вызвал старшину, дал ему лошадей с подводой и приказал доставить нас к родителям. Так бесславно закончился наш побег. От родителей, конечно, попало, особенно Жене, но в школе мы ходили героями. И называли нас не как-нибудь, а «фронтовиками».

Учились мы по ускоренной программе, уже в мае 1942 года сдали экзамены. Все перешли в 10-й класс, но учиться дальше нам не пришлось. Наступило тревожное лето 1942 года. Фашисты прорвали наш фронт под Харьковом, где во главе наших войск стояли маршал Тимошенко и Никита Хрущев. В нашей станице забрали всех ребят 1924-1925 года рождения и этапом двинули на Краснодар, Майкоп и далее в горы. Затем всех их призвали в армию и направили на фронт. Многие погибли или вернулись искалеченными домой .

Еще весной 1942 года в районе был создан Истребительный батальон из актива советских и партийных работников. Сюда же включили милицию и нас, мальчишек 1926-1927 года рождения. Командиром батальона был назначен начальник районного отдела госбезопасности Шевцов, а комиссаром — Садовников Николай Гурьевич (3-й сек-

ретарь райкома партии, отец Жени Садовникова). Мы с Женей были зачислены связными в штаб батальона и очень этим гордились. Меня вооружили кавалерийским карабином и дали под расписку 20 патронов к нему. Карабин был очень древний (наверное, времен I мировой войны). Все нарезы в стволе уже поистерлись от стрельбы, и пуля при выстреле не вращалась, как ей положено, а летела, кувыркаясь и издавая громкий звук ф-р-р-р-р-ы. Однако это было оружие, и я его постоянно чистил, смазывал и гордо носил на ремне.

Весной же этого года нас с Женей приняли в комсомол, но никак не выдавали членских билетов (их не было в райкоме ВЛКСМ). Мы постоянно напоминали об этом Саше Козыреву — комсомольскому секретарю района.

Истребительный батальон часто целиком или поротно поднимали по тревоге и направляли на борьбу с диверсантами врага в тот или иной конец района. Как правило, тревоги были ложные. Но однажды в районе хутора Гречаная балка мы наткнулись на двух диверсантов, которые яростно отстреливались и в конце концов вынуждены были сдаться. Ими оказались западные украинцы, бендеровцы.

В начале августа 1942 года фашисты захватили Тихорецк, Каневскую, Брюховецкую, а 8 августа — Тимашевскую. У нас начались лихорадочные сборы истребительного батальона. Хорошо, что уже за неделю до этого мы перешли на казарменное положение и размещались в здании нашей школы. Однако работы нам связным штаба батальона хватало. Я сутки не слезал со своего коня по кличке Такбыт.

Днем 9 августа нам объявили, что истребительный батальон преобразуется в партизанский отряд «Кубань» и перебазируется в предгорья Кавказа для организации партизанской базы и боевых действий в тылу немцев. Я отпросился, чтобы заскочить домой, проститься с родителями. Мама и папа дома ждали, и мы побыли вместе минут 10-15. Мама на прощание перекрестила меня и дала в руки пакет с десятью 30-рублевых бумажек («красненькие»). Я не знал, что с ними делать, но все же запрятал во внутренний карман пиджака. Потом я их бережно хранил, пронес через всю войну и в первый же отпуск в 1947 году вернул их маме, чем привел ее в неописуемое изумление. Но происшествий с этими деньгами у меня было много. Об одном из них, спасшем мне жизнь, я расскажу дальше.

Перед самым уходом мы с Женей Садовниковым прискакали на лошадях к райкому ВЛКСМ, к Саше Козыреву и потребовали, чтобы он выдал нам комсомольские билеты. Саша сказал, что уже все бума-

ги опечатал в ящике, но мы настойчиво требовали свое. Он долго отнекивался, затем махнул рукой, распечатал ящик, извлек две серенькие книжицы, заполнил и выдал нам их. Так мы оба стали полноправными членами ВЛКСМ. Я до сих пор бережно храню эту книжицу, пронеся ее через «все бои и войны». Когда я по возрасту выходил из комсомола, билет этот решением бюро ВЛКСМ дивизии был оставлен мне навечно. Его номер 14928822. Когда рассказываешь об этом, некоторые считают это безумием, безрассудством: фашисты наседают, вот-вот всех вас перестреляют, найдя комсомольские билеты, а вы о них беспокоитесь, требуете вручения. Но тогда все мы были так патриотически воспитаны. Думали о Родине, о долге и чести, а не о своей шкуре.

Отступали мы через Джумайловку на Старостеблиевскую, Славянскую и далее в горы.

Поздно вечером наша колонна подошла к совхозу «Сад-гигант» и расположилась там на ночлег, а в первой половине дня мы были уже в Славянской, где нас фашистские самолеты изрядно побомбили, два человека у нас были убиты, несколько — ранены. На следующий день мы переправились через р. Кубань в районе станицы Ивановской, вышли к Абинской, затем к Шапшугской и далее в горы. В горах начали строить лагерь и создавать партизанскую базу. Продукты и оружие подвозили из Новороссийска, куда наш обоз сделал два рейса, пока фашисты не подошли к городу.

Кормили нас в это время отменно. Было заготовлено много мяса, круп, макаронов, картошки, сахару, жиров и т.п. Было у нас и небольшое стадо (молоко, свежее мясо). Всего в отряде насчитывалось 76 человек, в том числе 10-12 женщин (девушки — комсомольские работники и жены некоторых наших начальников и милиционеров).

Несколько раз нас с Женей брали на боевое задание. Беспокоили мы фашистов часто. Однажды даже провели довольно крупную операцию совместно с отрядом станицы Славянской (их отряд насчитывал около 300 человек и вооружены они были хорошо, имели несколько пулеметов и десятка два автоматов).

В сентябре фашисты крупными силами оттеснили нас дальше в горы, и отряд наш получил приказ перейти линию фронта и влиться в регулярную часть Красной армии. Где-то в 20-х числах сентября мы через Михайловский перевал вышли к Архипо-Осиповке (был такой солдат во время русско-турецкой войны в XIX веке Архип Осипов, охранял пороховой склад. Когда турки подошли к складу, он взорвал

себя и склад. Погибло много врагов. В честь этого солдата было названо большое село — Архипо-Осиповкой).

Когда мы прибыли в расположение части Красной армии (417-й запасной полк), нас с Женей Садовниковым никуда не зачислили, так как оба 1927 года рождения (он 30 июня, я — 10 февраля). Женю потом разыскал отец и забрал с собой, а мне дали пару лошадей с повозкой, продукты, оставили шашку и карабин и сказали, чтобы я поехал вдоль побережья в Грузию, мол, там меня примут.

Родители мои остались в оккупации, никого из родственников у меня нет здесь, податься мне некуда, лошадей у меня отберут на первых же километрах (уже вышел приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!»). Сижу я как-то на пне и плачу горькими слезами. Мимо проходит лейтенант из морской пехоты. Узнав, в чем дело, он предложил: «Пойдешь ко мне в разведвзвод?» Я согласился и попал в отдельный батальон морской пехоты, во взвод разведки. Дислоцировался он на побережье в Фальшивом Геленджике (ныне Дивноморское). Мы держали береговую оборону в этом районе до конца января 1943 г.

В Фальшивом Геленджике с гор течет небольшая река Мезыбь, она впадает в Черное море. Но впадает своеобразно: за 15-20 м до морской воды река уходит под землю, и где-то подальше от берега ее воды втекают в море. Командование Черноморского флота решило в этой реке базировать бригаду торпедных катеров. Пригнали драгу, углубили русло реки до моста, прорыли перешеек, отделявший реку от моря. Но море своим волнением постоянно перекрывало устье реки, засыпая его галькой, и река снова выбрасывала свои воды где-то под землей, вдали от берега.

Тогда решили затопить в море перед устьем огромную старую баржу, набив ее галькой и песком. Это до некоторой степени сдерживало море, но в шторм баржу разбивало вдребезги и приходилось устанавливать новую.

По берегу реки росли большие деревья, и торпедные катера, войдя в устье, прятались от фашистской авиации. Широко применялись маскировочные сети. Они почти полностью скрывали катера от постороннего глаза не только с воздуха, но и с земли. Немцы так и не смогли обнаружить базу торпедных катеров. При нас, во всяком случае, ни разу не бомбили. Но хлопот с катерами нашему командованию строптивая река Мезыбь приносила много. Она никак не хотела течь поверху, все время норовила нырнуть под землю в 20 м от берега моря. Катера приходилось протаскивать тракторами к берегу моря, а

потом вручную проталкивать между баржой и берегом. Чтобы не погнуть винты, придумали тележки, на которые ставили корму катера. Всей бригадой вытаскивали катера по одному в море, а после операции затаскивали в реку.

Со временем в районе моста сделали запруду. Вода набиралась с той стороны моста. А когда надо было «впустить» или «выпустить» катера в море, спускали воду у запруды и успевали 3-4 катера «впустить» или «выпустить».

Наш батальон выделил роту для обороны устья реки. Я с пулеметчиком Логиновым и поваром Бабарыкиным (разжалованным поваром) располагались на самом левом фланге роты за левым берегом реки, потом к нам прибавили еще грузина Гиви Кавтарадзе и азербайджанца Адигезала Гезалова. Все мы пятеро были «провинившимися», поэтому и попали на самый опасный левый фланг роты. А «провинился» каждый по-разному. Логинов — бывший летчик, списанный из авиации, как он говорил, «за воздушное хулиганство». Ему было лет 25, и мне он казался дремучим стариком. Был строптив, поэтому начальство его не жаловало. Повар Бабарыкин тоже чем-то не угодил ротному и был снят с должности. Кавкарадзе и Гезалов были «несговорчивыми» и всегда пререкались с комвзвода мл.лейтенантом Оськиным. Ну, а у меня произошел конфликт с комсоргом роты сержантом Гнюбкиным — любимцем ротного и политрука. Конфликт произошел из-за тех десяти «красненьких» («тридцаток»), которые дала мне мама, когда я уходил в августе 1942 года с партизанами. Повели нас как-то в баню. Я был дневальным и запоздал. Разделся и запрятал свои «тридцатки» в ботинок. Это заметил Гнюбкин, тоже пришедший вместе со мной. Выйдя из бани я не обнаружил денег в ботинке и очень расстроился. Рядом был Логинов, он обратил на это внимание и спросил, в чем дело. Я рассказал. Он сразу же подошел к Гнюбкину, что-то зло ему сказал, и сам тут же вынул из внутреннего кармана бушлата сержанта злополучные мои деньги. Гнюбкин заявил, что он пошутил. Логинов строго ему ответил на это: «Следующий раз за такую шутку схлопочешь минутку» — и показал ему свой увесистый кулак. Бабарыкин его поддержал. Гнюбкин за этот случай невзлюбил меня и всячески старался делать мне пакости. Да и ребятам, видимо, мстил за это же. Но надо сказать, что его «месть» потом на Малой Земле спасла нам всем троим жизнь, но об этом ниже. В январе 1943 г. в Фальшивом Геленджике формировался батальон морской пехоты майора Куникова. Часть моряков ушла от нас к нему в бата-

льон. Ходил проситься и я, но капитан-лейтенант, набиравший добровольцев, сказал: «Ты, пацан, отойди в сторону, для тебя еще дело впереди». В принципе он был прав, «впереди» у меня «дел» хватило на целых 2,5 года, аж до самого «логова» фашистского зверя. 4 февраля куниковцы высадились десантом на Мысхако (будущую Малую Землю). 1 февраля мы их проводили в Геленджик, а оттуда они совершили бросок на Мысхако. Но мы сидели здесь недолго в Фальшивом. Буквально через 4 дня и нас бросили туда же. Грузили нас на корабль здесь в Фальшивом Геленджике (на шлюпках перевозили), торопились, нужно было срочно помочь Куникову. В ночь на 8 февраля мы подошли к рыбзаводу. На Мысхако кипел ожесточенный бой. Нас начали перебрасывать к берегу на мотоботах. Фашисты открыли ураганный огонь. Наш мотобот сел на скалу, не дойдя до берега метров 20. Кругом все кипит от пуль и осколков мин и снарядов. Грохот стоит невероятный. Немцы заметили наш мотобот, застрявший на самом виду, и бьют по нему трассирующими. Моторист кричит: «Всем в воду!». Все начали прыгать, а я лежу у бортика, благо мотобот сделан из крепкого металла, протянул руку за борт — вода ледяная, и как-то спокойно ему отвечаю: «Так ведь вода холодная». Он, ничего не говоря, схватил меня за ворот бушлата и за ватные брюки сзади и, как котенка, швырнул в воду. На спине у меня вещмешок с патронами, гранатами, сухарями и прочей солдатской дребеденью, а впереди автомат, два полных диска и несколько гранат — «лимонок» на ремне (вооружился я при посадке основательно). И вот как шлепнулся в воду, а мне воды по горло. Росту-то у меня было всего 153 см. Потянуло меня как-то назад, видимо, вещмешок перевесил. Кто-то из моряков подтолкнул меня к берегу (куда, мол, пятишься, иди вперед), и я медленно пошел, стреляя куда-то в крутой берег... Добрались наконец-то до берега, кричим до хрипоты «Ура!», стреляем, бросаем «лимонки». Перед нами оказались румыны. Они, бросив свои окопы и оружие, бежали. До рассвета мы их преследовали, потом поступила команда: «Стой! Закрепиться!» Забрались мы в какие-то ямы, канавы, а «закрепляться»-то нечем. Все лопаты саперные мы побросали там, на той стороне, старались брать побольше патронов и гранат. Утром нас уже не румыны, а немцы с танкетками отогнали к берегу. Хорошо там румыны понастроили окопов и добротных блиндажей. Вот в них мы и закрепились. Так продолжалось несколько суток: ночью мы гоним немцев, днем они нас прижимают к берегу, пока не прибыло подкрепление. Сначала подошла 255-я бригада морской пехоты, затем — 8-я

гвардейская бригада морской пехоты, 176-я стрелковая дивизия, 165-я и 107-я стрелковые бригады. Появилась артиллерия и даже несколько танков. Все это разношерстное воинство было объединено в 20-й стрелковый корпус генерал-майора Гречкина и подчинялось 18-й армии генерал-полковника Леселидзе. Начальником политотдела этой армии был полковник Брежнев Л.И.

Где-то в середине марта мы взяли первого «языка», а в начале апреля — второго. «Язык» N 1 располагался на безымянной высотке в долине ручья, пулеметчик и очень уж он нам мешал пробираться к колодцу за водой. Колодец этот был единственным на этом участке. Мы решили взять его хитростью. Вечером двое наших ребят пробрались к колодцу, привязали там несколько консервных банок пустых на колышек, а к колышку — веревку и протянули ее в наш окоп. Затем две группы по 4 человека начали осторожно обходить высотку справа и слева. Когда приблизились к немцу-пулеметчику, один из наших ребят начал создавать шум у колодца консервными банками, дергая за веревку. Фашист все внимание туда и открыл стрельбу из пулемета. В это время мы его и накрыли.

«Языка» № 2 взяли уже на другой высотке, вернее на ее скатах, где было минное поле у немцев. Это был сапер, его послали что-то там проверить или еще пару мин поставить. Вот тут мы его и накрыли. Визжал страшно, но Бабарыкин быстро закрыл ему рот кляпом.

Нам комкор объявил всем благодарность, взводный Оськин получил орден Красной Звезды, а Гнюбкин медаль «За боевые заслуги». Наградили и Сашу Логинова медалью «За отвагу». Кстати, Гнюбкин играл в этом поиске весьма и весьма посредственную роль. Он был во втором эшелоне группы прикрытия. Первый эшелон (или первая подгруппа, как часто он назывался) располагается непосредственно в районе захвата языка, а иногда и выдвигается вперед или на фланг группы захвата: второй же (или вторая подгруппа) — на нейтральной полосе, ближе к нашей передовой и главным образом прикрывает отход первой подгруппы, когда группа захвата уже отойдет назад. Так вот, Гнюбкин возглавлял вторую подгруппу прикрытия, а Саша Логинов — группу захвата и сам лично брал «языка». Вот так иногда получали награды на фронте.

Через некоторое время 293-й отдельный батальон морской пехоты был отведен в тыл и занял по побережью оборону. Большинство же рядовых и сержантов (старшин) передали в 591-й стрелковый полк 176-й стрелковой дивизии и остались на передовой позиции. Наш

взвод разведки стал костяком роты автоматчиков полка, а Оськин ее командиром. Старшиной роты он назначил Гнюбкина.

В конце апреля фашисты начали штурм Малой Земли, их командование по нашему примеру решило преподнести подарок Гитлеру к его дню рождения. Главный удар противник наносил вдоль реки Мысхако. (Долину этой реки потом мы прозвали «Долиной смерти». Очень много полегло тогда нашего брата в этой долине.) Нашу роту автоматчиков 19 апреля бросили из резерва в эту долину, чтобы прикрыть брешь в обороне. Ночью мы выдвинулись к лощине и на ее скатах заняли оборону. Гнюбкин по приказанию комроты размещал бойцов по позиции. Нас пятерых: меня, Логинова, Бабарыкина, Кавтарадзе и Гезалова — поставил на самом верху лощины, ближе к немцам (это он нам в отместку за тот случай в бане с моими «красненькими»). Сам же с ротным разместился внизу, в лощине.

Здесь, вероятно, надо бы вернуться немного назад и рассказать более подробно о боях и нашей трудной жизни на Малой Земле до апрельских событий, т.е. до генерального наступления немцев и их попытки сбросить нас с плацдарма.

Март и первая половина апреля были периодом относительного затишья, и старшина ежедневно выделял по 2-3 человека в помощь повару на батальонную кухню. Попасть в наряд по кухне считалось большой удачей: там уж тебя покормят так, что хватит на двое суток вперед. Однажды такой чести был удостоен и я. Кок наш поручил мне к полуночи вскипятить воду в походной кухне, приготовить дрова и затем разбудить его, чтобы он успел приготовить к рассвету перловую кашу («шрапнель» мы её называли на фронте). Я все сделал к указанному сроку и пошел будить кока, а он так сладко спал в землянке, что мне даже жалко стало его будить. Решил сам приготовить перловку (не зря же меня мама учила поварскому искусству). Все сделал как надо, и за час до рассвета разбудил кока. Хорошо отдохнувший повар был очень доволен моей инициативой, тем более что каша получилась на славу. После этого кок оставил меня дней на десять своим помощником на камбузе (кухне).

Оба мы были весьма довольны этим: он — тем, что мог теперь хорошо отдыхать по ночам, я — тем, что за эти 10 дней порядочно подкормился.

Вечером 19 апреля ротный Оськин вызвал Логинова и приказал создать группу из 5-6 человек, возглавить ее и выдвинуться на «нейтралку», понаблюдать за немцами. А те расположились от нас в мет-

рах 100-120. Взял он меня с собой. Осторожно мы проползли по кустам метров 40-50 и залегли в борозде. Рядом был виноградник и стояли деревянные колья под лозу винограда. И вот видим, крадется кто-то к винограднику (видимо, за кольями). Когда он поравнялся с нами, Саша сбил его с ног, а мы дружно навалились на него, не дав ему даже пикнуть. Зажали ему рот, окружили и быстро доставили к ротному. Это был румын. Очень нужным и ценным оказался этот «язык» (№ 3). Всю нашу группу представили к награде, но получил я ее уже в Сочи, в госпитале (22 апреля меня ранило).

Вырыли мы каждый себе окопчик и удобно расположились. Старшим на нашем участке стал Саша Логинов. Наутро начался ад: десятки самолетов постоянно висели над нами, сбрасывая свой смертоносный груз, сотни орудий и минометов били по нашей позиции. Самолеты разворачивались над нашим флангом и сбрасывали бомбы вдоль лощины. Они в основном попадали по КП роты и там к вечеру практически все погибли. Мы же впятером трое суток отбивали атаки фашистов. Никто из нас не погиб, но все были ранены по несколько раз. К концу третьих суток нас сменили морские пехотинцы 8-й гвардейскойбригады МП. Лейтенант-моряк, сам, видимо, прошедший огни и воды и медные трубы, сменявший нас со своим взводом, увидев нас израненных, изможденных, воскликнул: «Как же вы выдержали, братишки?» Нас ночью эвакуировали в госпиталь на причал. Когда меня несли на носилках, какая-то шальная пуля ударила мне в правую руку под локоть и застряла там. В госпитале ее вынули, и врач отдал мне на память. Я ее хранил до 1976 г. А потом отдал на подарок Л.И.Брежневу к 70-летию. Через несколько дней погрузили на корабль и с большим напряжением и риском доставили нас в эвакогоспиталь в Сочи (Мацеста). Здесь мы потеряли друг друга.

В начале июня я выписался из госпиталя и кружным путем через Туапсе, Белореченская, Краснодар, на реку Курка (приток Кубани) и в плавни под Варениковкой, в 34-ю морскую стрелковую бригаду полковника Антонова. Попал я во взвод разведки. Командиром взвода был лейтенант Колоярский Петр Кондратьевич, а начальником разведки бригады — капитан Кончев Петр Иванович. Здесь повстречался с замечательными боевыми друзьями (Мазуренко Александр Никитович, Незабудько Павел Николаевич, Мясников Николай Гаврилович), с которыми потом прошел долгий боевой путь от Кубани через Донбасс, Украину, Молдавию и Польшу до самого Берлина. С ними я делил все: и радости, которых было очень мало, и невзгоды, кото-

рых было предостаточно. С ними мы добыли за 2 года боев и походов 14 вражеских «языков» (+ 3 на Малой Земле, всего 17). Вот два из них первых (№ 4 и № 5).

Четвертого «языка» взяли за дамбой, в плавнях под станицей Варениковской в начале июня 1943 г. Петя Колоярский возглавлял нашу группу из 8 человек. Мы пробрались по плавням за дамбу, где проходила передовая позиция немцев. Там на насыпном курганчике стоял пулемет. Пулеметчик оказался один, его напарник, видимо, ушел за завтраком. Мы зашли с тылу и почти бесшумно взяли его вместе с пулеметом. Очень трудно было уходить к своим. Вот-вот наступит рассвет, и мы должны были уйти далеко в сторону и потом уже направиться в направлении нашей передовой. Боялись, что нас наши примут за фашистов и откроют огонь. Но начальник нашей разведки Петр Иванович Кончев все предугадал. Вот толковый мужик был! Он прошел во все батальоны бригады, расставил на передовой своих людей и мы беспрепятственно и без происшествий вернулись к своим.

Пятый «язык» был очень трудным и очень даже интересным. Взяли мы его, что называется, тепленьким, без оружия. Немец был дежурным наблюдателем на дамбе, стоял у пулемета. Мы долго к нему подбирались по плавням. Шли след в след, осторожно раздвигая камыш. Хорошо был сильный ветер. Он не только колыханием камыша скрывал нас, но и заглушал все шумы. Подобрались мы близко к пулемету. Вдруг видим, немец быстро направляется к нам без оружия и буквально в трех метрах от нас садится по нужде. Сделал свое дело и только двинулся в обратный путь — мы его и схватили. От страха он потерял дар речи. Ночи в конце июня короткие. Пока мы выдвигались, пока выжидали удобного момента, начало светать. Колоярский принимает решение отсидеться день в плавнях, иначе фашисты всех бы нас перестреляли в камышах. При дневном свете да еще с дамбы все видно, как на ладони, где идет передвижение в камышах.

Мы быстро отошли в сторону метров на 300 и немного вглубь к немцам, нашли в камышах более или менее сухое место и залегли с «языком». Дни в июне длиннющие, но этот показался нам неделей. Кстати, минут через 15-20 фашисты учуяли неладное — пропажу своего наблюдателя. Что тут было! Стреляли из всех видов оружия перед переднем краем. Если бы мы пошли тогда к своим сразу, вряд ли остались бы живыми. На следующую ночь мы благополучно вернулись.

В июне-июле 1943 г. в районе станиц Славянская, Варениковская, Анастасневская из двух морских стрелковых бригад (34 и 157) началось формирование 301-й стрелковой дивизии.

Командиром дивизии был назначен наш комбриг-34 полковник Антонов Владимир Семенович. Ему было в тот 1943-й год 30 лет. Он довел нашу дивизию до Берлина, став самым молодым генералом Красной Армии, в 1945 победном году. Начальником штаба назначили подполковника Сафонова Михаила Ивановича. После войны он тоже стал генералом. Службу закончил саратовским облвоенкомом и сейчас живет в Саратове. Начальником политотдела дивизии стал подполковник Кошкин А.С., погибший в бою в 1944 году.

Дивизия вошла в состав 9-го стрелкового корпуса. Командир — генерал-майор Рослый Иван Павлович, получивший героя за финскую войну. Корпусом он командовал до самого Берлина. После войны был помощником командующего Прикарпатского военного округа по вузам, генерал-лейтенант. Написал книгу «Последний привал в Берлине», где описал дневной разведпоиск нашего взвода и поимку «языка» № 15. (Москва, Военное издательство, 1983 год. Стр. 218-221). О нём я ещё расскажу.

20 августа 1943 г. дивизия погрузилась в эшелоны на станциях Славянская и Анастасиевская и двинулась на север к Ростову и далее к Донбассу. 21 августа наш эшелон прошел без остановки через мою станцию Величковка (целый год я не был дома, хотя воевал рядом). На ходу я бросил письмо, надеясь, что кто-либо подберет его и передаст маме, но она так и не получила. Через 10 суток мы выгрузились в Донбассе на станции Волжанская и походным порядком двинулись к фронту, к Саур Могиле и реке Миус. За двое суток прошли более 100 км. В районе станции Сердитая с ходу вступили в бой (01.09.43 г.). Перед этим наши войска прорвали Миус-фронт немцев, и нужно было не давать им передышки, гнать и гнать. К вечеру 6 сентября дивизия заняла Макеевку, а днем 7 сентября мы вышли уже на восточную окраину города Сталино (Донецк). Целый день вели кровопролитные бои в городе. К исходу 7 сентября 1943 г. город был освобожден.

Наша 301-я и 230-я дивизия 9-го корпуса и 50-я гв.сд 3-го гв. ск получили наименование «Сталинская» («Донецкая») за освобождение столицы Донбасса города Сталино.

Надо сказать, что в эти первые дни боев за освобождение Донбасса наш взвод захватил двух очень нужных «языков». Шестой «язык» (по моей классификации) был захвачен в районе станции Сердитая за железнодорожным полотном, в кукурузе. Комполка подполковник Мурзин поставил нам задачу и строго предупредил, чтобы без «языка» не возвращались. Бой за станицу Сердитая был наш первый бой

в Донбассе. Обстановка была неясная, кто перед нами воевал, неизвестно. Конечно же, нужен был «язык». Ночью мы двинулись за железнодорожное полотно в тыл к немцам. Обширное кукурузное поле скрывало нас. И вот здесь прямо нос к носу мы столкнулись с фашистским ефрейтором (потом оказалось, что он заблудился). Сначала и мы, и он от неожиданности опешили. В следующее мгновение немец, как заяц, сиганул в сторону и как в воду канул. До самого рассвета мы прочесывали поле вдоль и поперек, но фашист сгинул, и все! Потом вернулись на то же самое место, потеряв всякую надежду найти его. А он, голубчик, прыгнул в сторону, упал в борозду и затаился. Мы думали, он побежал, и бросились за ним, а он тихонечко лежит себе. Если бы мы не вернулись к этому месту, так бы и потеряли его. Схватили мы его, обрадовались, как родному, и поволокли в полк. Потом оказалось, что ефрейтор был рад, что попал в плен (кончилась для него война).

Седьмого «языка» мы захватили перед штурмом города Сталино, на окраине Макеевки. Фашист затаился в сарае с пулеметом и ждал удобного момента, чтобы ударить внезапно по нашим наступающим цепям. Это был матерый фашист. Мы окружили его в сарае, он яростно отстреливался, никак нельзя было подобраться к нему. Уже двух наших ребят ранил, видимо, боезапас у него большой. Тогда Саша Мазуренко сделал что-то наподобие факела из пучка соломы, зажег его и из укрытия показал фашисту, что сейчас бросит на сарай и зажжет его. Он тут же выскочил с поднятыми руками и белым платком в зубах. (Боялся за свою шкуру. Наш бы солдат никогда бы этого не сделал, дрался бы до конца.)

Наш разведвзвод одним из первых вышел на юго-западную окраину Сталино. Фашисты спешно покидали город. В одном из дворов мы встретили группу мальчишек 8-12 лет. Особенно выделялся шустрый черноголовый Вовка. Мальчики провели нас проходными дворами на площадь, где стояла немецкая артиллерийская батарея. Время от времени фашисты посылали снаряды в сторону наступавших советских войск. Наш взводный Петя Колоярский быстро разобрался в обстановке, вывел взвод в тыл батарее, и мы внезапно открыли огонь по фашистам. Буквально через минуту-две немецкую прислугу как ветром сдуло, лишь несколько немцев осталось навечно лежать у орудий. Среди нас, к сожалению, не было артиллеристов, но мы развернули одно орудие стволом на запад и сделали несколько выстрелов в сторону отходящих фашистов. Потом одумались: ведь можно так и

угодить в какой-нибудь дом, где живут наши советские люди, и стрельбу прекратили. Оставив на батарее охрану, мы двинулись на запад.

Когда наши передовые подразделения вышли на западную окраину города Сталино, фашисты предприняли контратаку пехоты с танками (мы насчитали 25!). Впереди шли танки, а за ними густые цепи пехоты. Наши же стрелковые роты поредели за неделю непрерывных боев. Командир полка бросил всех, кого было можно, в передовые цепи, в том числе и наш взвод разведки. Тут каждый из нас почувствовал, что значит воевать с танками, да еще когда их много. Для пехоты танк — оружие грозное, особенно если нет настоящих окопов, траншей. Хорошо, что на нашем участке появился противотанковый дивизион. Тут я увидел, как горят танки. Даже интересно стало: выстрел пушки сзади и тут же вспышка взрыва на танке, он горит, как коробка спичек... Контратаку фашистов мы отбили. Потери с обеих сторон были большие. Наш взвод потерял двоих убитыми и несколько человек ранеными. Вот после этого боя к нам пришли на пополнение: Ветютнев Афанасий Карпович (станица Березовская, Волгоградской обл.), Сагарь Петр Михайлович (с. Березовское, Сальск), Павленко Анатолий Иванович (г. Азов). Отбив контратаку фашистов со стороны Рутченково, наша пехота продвинулась еще на 5-6 км и начала закрепляться на высотах западнее г.Сталино. В самом городе был организован митинг. Из нашего взвода выделили на митинг несколько человек, в том числе меня и Павлика Незабудько. Митинг был грандиозным, на него собралось практически все население города. От нашей дивизии выступил замполит дивизии подполковник Кошкин. Люди плакали от счастья освобождения, обнимали нас — воинов, дарили цветы. Здесь же мы опять встретились с Вовкой и его друзьями. Они сновали в толпе, громко крича «Ура!», когда кто-то из выступавших бросал лозунг. Потом эта ватага куда-то исчезла, затерялась в толпе... Пройдет много лет, и в 1983 году я встречу в Военно-дипломатической академии полковника Грешникова Владимира Григорьевича. Он по специальности летчик, служил в войсках, закончил Военно-воздушную академию, затем Военно-дипломатическую академию и, наконец, Военную академию Генштаба. Был военно-воздушным атташе в США. Очень образованный в военном отношении офицер. Как-то мы разговорились. Он, оказывается, родом из Донецка и хорошо помнит день освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Вспомнил он и встречу с разведчиками, которых он с ребятами выводил в тыл немецкой артбатареи. Вот какие встречи

преподносит нам жизнь...После освобождения г.Сталино (Донецк) весь сентябрь 1943 года мы вели наступательные бои (довольно успешные), освободив множество крупных и мелких населенных пунктов, таких, как Марьинка, Александровка, Ворошиловка, Гуляй-Поле (бывшая «столица» батьки Махно), Степановка, Малая Токмачка; форсировали реки Мокрые Ялы, Гайчур, Конка. В районе Ворошиловка захватили «языка» (№ 8). Немец, хорошо говоривший по-русски, фольксдойче, уроженец Западной Украины. На допросе он показал, что получен приказ Гитлера: «Обороняться до последнего солдата и создать по р. Днепр и р. Молочная «Восточный вал». Бои идут очень упорные. У немцев вырыты траншеи полного профиля, много закопанных танков и очень много пулеметов, которые заставляют прижиматься к земле не только пехоту, но и нас, находящихся на НП полка несколько в тылу своих позиций. Фашисты группами в 15-20 самолетов целыми днями бомбят наши боевые порядки. При форсировании р. Конка (где-то в середине сентября) налетело и отбомбилось по нам сразу 200 фашистских самолетов. Был кромешный ад. В нашем взводе сразу выбыло из строя пять разведчиков. В конце сентября 1943 г. подошли к р. Молочная, на которой немцы создали глубокоэшелонированную оборону (так называемую линию Вотана). Здесь часто встречаются немецкие колонии (Гиндельберг, Андребург). Ведем бои за село Зеленый Гай, но взять его так и не смогли. Весь наш 9-й стр. корпус перебросили севернее в район Владимировки. Здесь мы несколько суток готовили разведпоиск для захвата «языка», долго наблюдали за боевым охранением немцев в балке, разделяющей наш и немецкий передний край. В темную ночь поползли двумя группами с двух концов к окопу боевого охранения. Мы с Павликом Незабудько имели задачу блокировать, а затем уничтожить блиндаж, расположенный в метрах 20 сзади окопа, а объектом нападения наметили наблюдателя. Перед рассветом на балку спустился густой туман. Хорошо, что мы к этому времени уже изготовились для броска. По сигналу взводного (Петя Колоярский) бросились вперед. Мы с Павликом — к блиндажу и сразу три «лимонки» бросили в трубу печки. Прозвучал глухой взрыв, двери блиндажа вышибло, и оттуда повалил дым. В проем двери дали несколько автоматных очередей и двинули назад. Группа захвата уже скрутила наблюдателя и поволокла его. Метров в 30 от позиции БО обнаружили протянутый провод с консервными банками, навешенными на него. Хорошо, что мы приблизились к немцам с обоих флангов, а то бы наткнулись на это сигнальное устройство, и сорвался бы наш так тщательно подготовленный поиск. «Язык» № 9

был солдатом 3-й горнопехотной дивизии. За его поимку всю разведгруппу наградили только что появившимся знаком «Отличный разведчик», а Петя Колоярский получил орден Отечественной войны II ст. Вручали нам награды начальник разведки 301 сд майор Четвертной и его помощник капитан Гришко В.

В середине октября мы — разведчики вышли к р.Днепр в районе Днепровки (восточнее Каховки), но нам пришлось вернуться, так как дивизии нашего 9-го стр.корпуса (весь корпус) были переданы из 5-й Ударной армии в состав 28А генерал-лейтенанта Герасименко и передвинулись севернее в район Ново-Рубановки, Екатериновки, Горностаевки, высоты 81,9 («Могила Высока»). С конца октября 1943 г. (и до конца января) шли кровопролитные бои за ликвидацию Никопольского плацдарма немцев.

Город Никополь расположен на левом (восточном) берегу Днепра. В этом районе добывается марганец и криворожская руда — очень ценное сырье для производства танковой брони. Гитлер приказал во что бы то ни стало удерживать плацдарм (120 км по фронту и 30 км в глубину). На долю нашей дивизии досталась злополучная высота 81,9 и рядом с ней безымянная высотка. Бои за эти высотки, которые господствовали над всей прилегающей местностью, отчетливо врезались в память, пожалуй, так же, как бои на Малой Земле или штурм Берлина. О них я расскажу подробно. С этими боями за высоту 81,9 связаны два разведпоиска (успешных), когда мы захватили двух «языков» (№ 10 и № 11). А неуспешные поиски были почти каждую ночь.

Итак, высота 81,9 (или по-украински Могыла Высока) и рядом с ней небольшой курганчик штурмовались нашими войсками (вернее, частями нашей 301-й дивизии и попеременно сменявшей нас 230-й дивизии) на протяжении трех месяцев борьбы за ликвидацию Никопольского плацдарма немцев. В истории военного искусства эти бои называются Никопольско-Криворожской операцией.

В начале ноября 1943 г. пехота нашего 1054-го стр. полка с ходу захватила курган у подножия высоты 81,9. Командир полка майор Радаев Николай Николаевич (он заменил раненого подполковника Мурзина и довел нас до Берлина) приказал нашей разведгруппе быть в передовой цепи и любой ценой захватить «языка». Мы сумели вырваться вперед и за выс.81,9 все-таки схватить одного «дохлого» немца. («Дохлый» потому, что Саша Мазуренко при поимке уж больно сильно ударил его своим кулачищем по голове. Потом уже на КП полка еле откачали этого бедного немчика.) Это был наш «язык» №10.

«Язык» №11 был захвачен нами уже в середине января 1944 г. тоже здесь у выс.81,9. На нейтральной полосе, когда мы ползли к позициям немцев за «языком», столкнулись лоб в лоб с небольшой разведгруппой фашистов. Мы первыми успели открыть огонь, двоих убили, одного ранили, остальным удалось бежать. Раненого перевязали и быстро доставили на КП полка. Он дал ценные сведения. В частности, сообщил, что на Никопольском плацдарме сосредоточено 10 полнокровных немецких дивизий (наша же 28-я армия имела в своем составе всего 9 ослабленных дивизий). Немецкими войсками командует опытный генерал Шернер. В мае 1945 г. он командовал группой армий в Чехословакии и пытался увести свои войска, чтобы сдаться американцам. Пришлось нашим приводить «в чувство» это фашистское воинство и воевать с ним до 12 мая, т.е. еще три дня после окончания войны. Пленный также показал, что высота 81,9 сильно укреплена. С нашей стороны вырыты траншеи полного профиля с множеством пулеметных точек. От траншей вырыты лазы в двухъярусный блиндаж, имеющий несколько накатов бревен и насыпь земли. Так что его не брали и снаряды 152-мм пушек-гаубиц. Это мы потом и сами увидели, когда 31 января 1944 г. взяли наконец-то эту зловредную высоту. А пока была отдана командованием категоричная команда: «Взять высоту!»

И мы ее штурмовали — и днем, и ночью, и утром, и вечером, но взять никак не могли. Однажды создали специально штурмовой отряд из коммунистов и комсомольцев-добровольцев. Пошли и мы с моим хорошим другом Мишей Москаленко добровольно в этот отряд. Набралось нас 70 человек. Залегли в окопах перед высотой. Артиллерия и минометы целый день долбили высоту. 152-мм пушки-гаубицы прямой наводкой посылали туда свои 45-кг снаряды. К вечеру по сигналу мы рванули к высоте. Паузы между концом артподготовки и нашим броском практически не было. Мы сумели добежать 300 м до подножия высоты и захватить курган, а дальше был шквальный огонь шести немецких пулеметов. И мы вынуждены были закрепиться на этом курганчике, а высота 81,9 так и не взяли в этот раз. Миша Москаленко погиб в этом бою.

Высоту 81,9 мы взяли тогда, когда фашисты сами ее вынуждены были оставить. Наши войска прорвались значительно севернее, освободили Кривой Рог и начали выходить в тыл Никопольского плацдарма. 31 января 1944 г. мы наконец-то забрались на самую вершину этой проклятой высоты и двинулись дальше к р. Днепр. (До него

оставалось пройти 30 км, которые мы преодолевали 3 месяца, потеряв тысячи своих боевых товарищей.) Мы часто хвалили полководческий талант маршала Малиновского, командующего 3-м Украинским фронтом. А ведь это он должен был сообразить, что не в лоб надо брать Никопольский плацдарм немцев, а обойти его с севера или с юга и двигаться дальше на запад. Тогда фашист сам побежит с этого плацдарма. Ведь «языки», добытые с большим трудом нами и многими другими разведгруппами, показывали, какое значение фашистское командование придает этому плацдарму. И так просто немцы не собирались его отдавать...

В начале февраля 1944 г. мы вышли к реке Днепр в районе огромного села Большая Лепатиха. Бои за нее шли целую неделю. Здесь мы потеряли своего боевого товарища сержанта Полторакина Николая Афанасьевича из Минвод. 5 февраля Коля Полторакин возглавил нашу разведгруппу. Мы получили задачу разведать оборону немцев на окраине Большой Лепатихи. Обходя опорные пункты фашистов на подступах к селу, мы вышли к рассвету на его окраину. Фашисты обнаружили нашу группу (было нас 12 человек) и начали окружать, обходя по оврагу. Бьют минометы, непрерывно строчит немецкий пулемет, не давая нам поднять головы. Полторакин приказал нам отходить. «Я прикрою», — крикнул он и залег в воронке от снаряда. Когда мы отошли метров на 300, увидели, как Коля поднимается и, отходя назад, строчит из автомата. Мы тоже поддержали его огнем. Но фашисты наседали и справа и слева, и мы начали отходить, чтобы они не захлопнули нас в кольцо. Николая не было видно. Оказалось, что он ранен и попал в лапы к фашистам. Когда 8 февраля мы взяли село, один из жителей рассказал нам, как мучили его фашисты, добиваясь от него сведений о наших войсках. Но он ничего не сказал. Женщине, принесшей ему воды по приказанию немцев, он шепнул: «Я разведчик из 301-й дивизии, скоро придут наши, расскажи им обо мне. Зовут меня Николай Полторакин из Минвод». Наутро фашисты, не добившись от него ничего, облили его бензином и сожгли. Мы похоронили нашего Колю на берегу Днепра и потом открыли «счет мести». Взвод поклялся уничтожить за его муки и смерть 30 фашистов. Клятву мы выполнили...

Практически всю зиму 1943-44 гг. мы провели в приднепровских степях под Ново-Рубановкой и высота 81,9. Мерзли в землянках, ползали за «языком» по мерзлой земле Украины. В это время появилась замечательная песня Алексея Суркова «Землянка». Она очень точно

отображала нашу фронтовую жизнь. Все мы писали ее в письмах своим любимым.

Примерно в середине февраля наш 9 ск (301, 230, 320 сд) снова был передан из 28-й армии в 5-ю ударную армию и уже с нею мы дошли до Молдавии, затем воевали в Польше под Варшавой, форсировали р. Одер, штурмовали Берлин и там же закончили войну. В эти же дни мы форсировали р. Днепр в районе Б. Лепатихи. Форсировали без потерь, так как на той стороне немцев не оказалось. Наш разведвзвод переправился через реку первым, за нами весь полк. Заняли небольшой плацдарм, а на следующую ночь форсировала реку вся 301-я дивизия. Плацдарм расширили. Через 3-4 дня поступил приказ вернуться назад, а плацдарм передать то ли 118-й, то ли 108-й дивизии, но мы никаких войск не видели. По-моему, плацдарм мы просто бросили, так как на картах у штабников мы были обозначены значительно севернее.

Второй раз мы форсировали р. Днепр в районе с. Золотая Балка уже с боем и, конечно же, с большими потерями (но зато «вписались « в карты высокого начальства). В этом районе мы осуществили вылазку и захватили «языка» №12. Очень запомнился он мне. Это был здоровенный верзила, зверски сопротивлялся, ребята из группы захвата никак не могли его свалить, чтобы забить ему кляп в рот. Он орал, как резаный поросенок, кусался, вырывался и все норовил ударить кого-нибудь ногой, пока кто-то из ребят не изловчился и не ударил его прикладом по голове. Затем его быстро скрутили и поволокли к своим. А мы вынуждены были отбиваться и с боем отходили, так как фашисты наконец поняли, что случилось неладное, и открыли по нам огонь. Слава богу, никто не пострадал, все вернулись целехонькими.

Бои на плацдарме были упорные. Фашисты яростно контратаковали с танками. Три из них прорвались на КП нашего полка и начали нас утюжить. Рядом была полковая батарея. Она била по танкам в упор и вскоре два из них были подбиты, а третий метался по всему полю, пока его не подбили наши артиллеристы. Бой длился всего 20 или 30 минут, но это были страшные минуты.

Начиная с Донбасса, вместе с нашей дивизией воевала 140-я отдельная танковая бригада. Почти в каждом бою она нас поддерживала. Однажды бригада потеряла много личного состава, а получила несколько танков Т-34, и комбриг обратился к нашему комдиву: требовались трактористы и пулеметчики для экипажей в танки. Бросили

клич: кто может водить трактор и хочет стать танкистом? Мы с Сашей Мазуренко могли водить трактор (он тоже, как и я, в 1941 г. кончал курсы трактористов и работал на тракторе). Взяли нас в танковую бригаду, попали мы в один экипаж: он механиком-водителем, я — пулеметчиком. Дней 10 нас учили, тренировали, а затем в бой. Раза три мы ходили в атаку, а на четвертый нас подожгли фашисты. Ситуация не из приятных: я могу выскакивать из танка только через люк механика и только после него. Одеты мы были по-зимнему, в ватных брюках. Саша, выскакивая через свой люк, зацепился брюками за рычаг люка и застрял. Тут надо выскакивать, уже на мне рукава куртки задымились, а он застрял. Тогда я сел на сиденье механика, обеими ногами уперся в Сашу и буквально выпер его из люка, разорвав ему брюки по шву. Мы выскочили, успели отбежать 50 м от танка, и рванул боезапас.

Больше нам уже не достался танк, и мы попросились назад в свой взвод. Долго ребята хохотали над нашими танковыми эпизодами, называя нас «танкистами».

В конце февраля форсировали р. Ингулец. Река неширокая, но все дни лили дожди, и пойма реки превратилась в сплошное болото. Дороги тоже развезло. Плохо стало с доставкой пищи, боеприпасов. Идем по грязи, еле вытаскивая ноги. Где-то в конце марта подошли к г. Новый Буг, форсировали р. Южный Буг. В этом районе мы встретили упорное сопротивление фашистов. Потом оказалось, что сопротивлялся батальон крымских татар, воевавший на стороне немцев.

В начале апреля 1944 г. заняли большую ж-д. станцию Веселый Кут, а на ней много эшелонов с продовольствием и боеприпасами. Тылы у нас отстали, а здесь такое разнообразие продуктов. Хоть поели вдосталь. На берегу р. Кучурган (небольшая, но сильно заболоченная) поймали «языка» №13. Долго мы его поджидали, затаившись в кустах. А он, голубчик, за водой пришел и без оружия. Тут мы его и накрыли.

В нашем полку, кроме взвода пешей разведки, сформировали взвод конной разведки. Всех нас — кубанцев — зачислили в этот взвод. Мне дали кобылу Шутницу, норовистая до ужаса!. А перед этим наш начальник разведки полка майор Кончев П.И. оформил меня на учебу на курсы младших лейтенантов 5-й ударной армии. Поехал я на ст. Веселый Кут, где располагались курсы, но меня вернули назад, сказали ,1927 год не берут. Я не особенно и огорчился, не хотелось оставлять боевых друзей-разведчиков. «Ну, ничего, — сказал Петр Иванович, — на следующий набор пойдешь в сентябре». Доживу ли?

Командиром взвода конной разведки назначили ст. лейтенанта Волкова, кавалериста до мозга костей. В ходе боев и перерывах между ними он организовывал постоянно нашу учебу конному делу (и не безуспешно!). У нас появились сабли, шпоры. Петя Сагарь где-то достал мне кубанку. Вид у нас у всех был бравый, только не совсем понятно было, зачем разведчику сабля, она только мешала ему в разведпоиске, путалась под ногами, создавала шум.

Слышим от политрука, что войска 5-й ударной армии освободили г. Одессу (наш 9-й стр. корпус временно передали в 57-ю армию генерал-лейтенанта Гагена). 10-12 апреля 1944 г. наш конный разъезд вошел в г. Тирасполь. Фашисты оставили город и перебрались за р. Днестр. В это время наш 1054 полк форсировал реку севернее города у д. Гура-Быкулай и захватил довольно обширный плацдарм шириной до 8 км и глубиной до 3 км. Здесь нам пришлось повоевать вместе с другими полками дивизии до начала Яссо-Кишиневской операции, то есть, до 20 августа 1944 г. На нашем участке фронта наступило затишье. Время от времени нас выводили во II эшелон дивизии за р. Днестр. Там мы отдыхали, мылись в бане, занимались тактикой и часто были концерты армейских артистов.

Однажды на таком концерте услышали песни «Жди меня» и «Смуглянку». «Смуглянку» запели буквально все: и солдаты, и офицеры, и даже жители ближайших сел. Она трогала тем, что мы находились на молдавской земле, и песня была про Молдавию. Слова песни «Жди меня» тоже очень бередили солдатскую душу. Они сразу же перекочевали в наши письма и полетели в тыл к нашим девушкам.

На плацдарме в Гура-Быкулай очень досаждали нам немецкие снайперы. Чуть голову поднимешь над траншеей или ходом сообщения, тут же щелкает рядом пуля, а то и в голову попадет. Первое время мы несли от их огня очень большие потери. Это заставило нас глубже зарываться в землю. От выстрела снайпера погиб на передовой начальник политотдела 301-й сд полковник Кошкин Александр Семенович. Похоронили его в Одессе. От нашего взвода два разведчика ездили на похороны. Сейчас бендеровцы, наверное, разрушили его могилу. Вместо погибшего Кошкина начальником ПО дивизии был назначен подполковник Коломейцев П.С. Очень жалели и любили мы своего комиссара Кошкина. Он был настоящим комиссаром, открытым для солдат, заботливым, и часто мы видели его на передовой среди солдат и офицеров. Он шел с нами от самой Кубани...

Лошадей взвода конной разведки мы держали на восточном берегу р.Днестр в балке. Дежурили возле них по очереди, по 2 человека.

Сменялись еженедельно. Я обычно шел на дежурство с Петей Сагарем. Мы оба крестьянские дети, знаем как пасти лошадей, а я к тому же занимался в Клубе ворошиловских всадников, поэтому лошади у нас всегда были сыты и в полном порядке. Это было по душе нашему комвзвода Волкову, и он оставлял зачастую нас на вторую смену. А побыть вдали от передовой две недели все равно что побывать в санатории.

Важнейшей задачей для нас — разведчиков — была организация наблюдения за противником на наблюдательном пункте (НП) полка, в том числе и выявление его снайперов. Для этих целей мы оборудовали дополнительный НП, где-то поближе к передовой, и имели прямую телефонную связь с батареей «сорокапяток» (45-мм ПТ пушки). Как только обнаруживали снайпера, тут же звонили «сорокапяткам», и они прямой наводкой уничтожали его. Так на своем участке мы поубавили активность (а значит, и наши потери) немецких снайперов. Павлик Незабудько даже придумал способ «выманивания» снайперов. На круглый котелок надевается пилотка, котелок привязывается к палке. Эта «кукла» высовывается над бруствером траншеи и потихоньку передвигается. Снайпер открывает огонь, его засекают и уничтожают прямой наводкой «сорокапятки». Вроде дороговато снарядом бить по стрелку-снайперу, но зато уж надежно, и, главное, своих солдат сберегаем.

Но главной задачей разведчиков оставалось добывание «языка». Почти каждую ночь мы ползали по нейтральной полосе, разыскивая слабое место в обороне немцев, но оборона установилась прочно и надолго. Мы каждый раз возвращались ни с чем, а иногда даже с потерями. Начали думать, как быть, что предпринять, чтобы достать «языка». Ничего не могли придумать. Оборона у немцев сплошная, ночью фашисты сидят настороже, ждут нас и всегда встречают огнем. Но больным местом в обороне всегда было боевое охранение (БО). Оно обычно состоит из 3-5 человек (иногда с пулеметом), выдвигается на расстояние 50-100 м от первой траншеи (передовой) и имеет задачу не допустить разведку противника к передовой и исключить внезапную атаку противника.

Вот мы и решили попытаться взять «языка» именно в БО немцев. Выбрали участок в районе обороны нашего 1-го стр. батальона и несколько раз безуспешно пытались подобраться к БО фашистов на этом участке (расстояние между нашими и немецкими БО было порядка 100 м). Тогда решили сделать подкоп в сторону немцев и через него подобраться к позиции их БО. Нашему разведвзводу придали сапер-

ный взвод (30 человек), и мы поочередно в течение двух недель делали подкоп длиною порядка 45-50 м в сторону воронок от крупных авиабомб, которые располагались примерно в 20-30 м от позиции БО фашистов. Укрепляли лаз ящиками из-под крупнокалиберных снарядов. Ящики без дна и крышки ставили вертикально, и получалось крепление высотой 80 см и шириной 60 см. Землю вытаскивали вещмешками на веревках и высыпали в овраг.

На флангах поставили 2 станковых пулемета, а сзади передовой — взвод 12-мм минометов, которые должны были при необходимости прикрыть нас.

Кроме того, в готовности были и два орудия 45-мм калибра.

Для поиска выделялась разведгруппа (РГ) в 7 человек (3 — группа захвата, 2 — группа обеспечения и 2 — группа прикрытия; один разведчик располагался у входа, другой — у выхода из лаза).

Разведпоиск был осуществлен в мае 1944 г. Разведгруппа в семь человек спустилась в лаз (первым полез Толя Павленко) в 2 часа ночи. Через час собрались все в двух воронках примерно в 30 м от немецкого БО. Когда увидели, что пулеметчик перестал ходить по траншее, склонился на пулемет, видимо, задремал, бросились вперед. Афанасий Ветютнев и Саша Мазуренко навалились на немца, а Петя Колоярский сразу ему кляп в рот (фашист чуть не откусил ему палец). Мы с Павликом Незабудько бросились к землянке, в трубу метнули сразу три лимонки (это у нас с ним четко отработано) и залегли на бруствер хода сообщения. Раздался глухой взрыв, дверь землянки вышибло, но никто не появился (значит, всех немцев там накрыло). Быстро уходим в воронки. Фашисты на передовой пока никак не реагируют. Связанного «языка» положили на специальные салазки, подергали телефонный шнур. Это сигнал для наших. Они потащили, впереди полез Петя Сагарь. Он должен был приподнимать салазки перед каждым ящиком-подпоркой. Выползал он по лазу задом наперед, так что Петру досталось охо-хо как! Вся операция заняла примерно 2,5 часа, то есть, к рассвету мы были уже на своей стороне, в овраге. Вход в лаз со стороны немцев подорвали связкой противотанковых гранат. Вот когда прозвучал взрыв, тогда только всполошились фашисты на передовой. Но мы уже уходили по ходу сообщения к себе в тыл, ведя своего «языка» №14. Трудно он нам достался.

К вечеру собрал нас командир полка Радаев и спросил, что мы хотели бы получить: награды (на группу в 7 человек предполагалось дать 2 ордена и 5 медалей «За отвагу») или всем семерым поехать на

неделю в армейский дом отдыха (АДО). Были такие организованы в тот период, чтобы хоть часть солдат с передовой пропускать через них для восстановления сил. Мы в один голос завопили: «В АДО!». Так и порешили.

Вот собрались мы и поехали в Веселый Кут, а там неподалеку немецкая колония Воробьево-Берлин, где располагался АДО. Приехали к вечеру. Нас помыли в бане, хорошо накормили и уложили на чистые постели в двух комнатах. Спим. Вдруг в 5 часов утра влетает к нам начальник АДО, майор с кавказским говором. «А ну, быстро собирайтесь и катите в часть. Через 2 часа сюда прибывает делегация союзников. Приказано встретить и разместить их здесь». «А мы?» — был наш вопрос. «Вас после вызовем и разместим», — последовал ответ. Но «после» уже, конечно, для нас не наступило до конца войны.

Прибыли мы в часть. Петр Иванович Кончев сказал: «Ладно, не расстраивайтесь. Будем оформлять вам наградные листы». Петя Колоярский и Афанасий Ветютнев получили по ордену, а нас пятерых наградили медалями «За отвагу». Мы же потом отшучивались: «Зато в Берлине уже побывали!» (место ведь называлось Воробьево-Берлин).

В начале августа у нас снова удача была. Мы организовали необычный разведпоиск и захватили «языка» №15. Очень нужного, так как 20 августа началась знаменитая Яссо-Кишиневская операция. Приказано было любой ценой добыть «языка». Каждую ночь мы лазили за ним. Фашисты уже приноровились и во второй половине ночи ждали нас и встречали бешеным огнем из всех видов оружия.

Тогда мы решили осуществить поиск днем, когда немцы нас не ждали. Объектом поиска выбрали недавно оборудованную фашистами позицию боевого охранения (раз недавно оборудовали, значит, не успели еще мины поставить).

Теперь мы избрали район, где оборонялся 2-й батальон нашего полка. Недавно в его командование вступил бывший командир дивизионной разведки Глушков Николай Иванович. Мы — разведчики всегда контактировали, взаимодействовали и помогали друг другу. Помог нам в этом поиске и Глушков Н.И.

В разведгруппу выделили 12 человек. Сосредоточились мы на позиции нашего БО. Чтобы не стучали сапогами, обмотали их старыми портянками. Ровно в 10-00 немцы позавтракали, затем для острастки постреляли минут 15-20 и ушли в блиндаж отдыхать. Мы выдержали еще 25-30 минут, быстро и бесшумно выскочили из окопа и бросились к окопу БО немцев. 100 м до него мы пробежали, навер-

ное, секунд за 20-30. Группа прикрытия залегла и изготовилась к бою. Моя группа обеспечения (Мясников, Незабудько и Павленко) ринулась к блиндажу. А группа захвата (Колоярский, Мазуренко, Ваня Котко) — к пулеметчику. Саша Мазуренко с ходу огрел обезумевшего немца прикладом по голове, да так, что тот и концы отдал. Моя группа подбежала к блиндажу, и в открытые двери мы метнули пару гранат-лимонок. Взрыв, дым и из дверей вываливается раненый немец огромного роста, падает у двери, стонет. Петя кричит: «Не стрелять! Хватай раненого, а то пулеметчику крышка». Подхватили мы его и назад к своим.

С командиром 2-го батальона Глушковым (до этого он командовал разведротой дивизии) было договорено, что ровно через 5 минут, как мы бросимся к окопу фашистов, его пушки , минометы и фланговые пулеметы откроют огонь по переднему краю немцев. Когда мы уже подбегали назад к своей первой траншее, ударили наши пушки, минометы и пулеметы. Я еще подумал: «Запоздали наши». Но оказывается, нет. Ударили, как договорились, через 3 минуты. Выходит, вся наша операция заняла такое короткое время. Наверное, мы установили тогда групповой мировой рекорд в беге на 100 метров в сапогах и с облегченной выкладкой.

Вот за этого «языка», который оказался очень кстати перед Яссо-Кишиневской операцией, все мы 12 человек получили ордена Славы и Красной звезды. Теперь мы уже не хотели никакого АДО, потому что знали, что дом отдыха во время войны не для солдата. Ему нужно воевать, а не отдыхать. Я получил орден Красной звезды.

20 августа 1944 г. началась Яссо-Кишиневская операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, завершившаяся окружением и уничтожением крупной группировки фашистских войск. Перед самой операцией нашу 301-ю дивизию перебросили с плацдарма Гура-Быкулай на Кицканский плацдарм (южнее Тирасполя), откуда мы начали наступление (пока в составе 57-й армии, а 5-й Уд. армии наступает правее, на Кишинев).

У нас ранило начальника разведки дивизии майора Четверикова П.С. Вместо него назначен майор Яровой Ф.Л., капитан Гришко так и остался помощником. 20 августа я находился на НП полка вместе с Радаевым Николаем Николаевичем. Утром рано сюда же прибыл командир 301-й дивизии Антонов Владимир Семенович (уж больно он строгим выглядит, все стараются отойти от него подальше. На НП собралось много народу, тесно). В 6-00 началась артподготовка. Она

была такой продолжительной и такой сильной, что фашисты в передней своей траншее не выдержали и начали разбегаться, кто к себе в тыл, а часть — к нашей передовой. Комдив сразу же приказал нам, разведчикам, вылавливать их. Это были обезумевшие от страха солдаты (почти все без оружия, побросали у себя в траншее). Собрали мы человек 20.

Первые две траншеи наша пехота прошла быстро, а далее фашисты начали отчаянно сопротивляться и контратаковать нас с танками. Один из них прорвался к КП полка. Ему наперерез бросился начальник штаба полка подполковник Гумеров (звали его Исхак, причем звали так и рядовые, и офицеры. Он не обижался, если слышал). Вместе со своим ординарцем они забросали танк гранатами, и он загорелся, но продолжал некоторое время метаться по полю, пока не взорвался (видимо, снаряды взорвались). Зрелище было не из приятных: мечется этот горящий факел по полю и давит все, что попадет под гусеницы, того и гляди тебя раздавит.

Надо сказать, что командир полка Радаев до этого случая очень плохо относился к начальнику штаба. Радаев хотел нашего Кончева выдвинуть на должность начальника штаба, а прислали Гумерова. Но после этого боя они оба крепко подружились. Вскоре Гумерова перевели на один из полков нашей дивизии, так Радаев даже заплакал при расставании.

25 августа дивизия форсировала реку Когильник в районе Албина. Этим самым мы замкнули окружение двух немецких армейских корпусов 30-го и 52-го (потом эту группировку назовут Гура-Галбенская). Наши части развернулись фронтом на восток и приняли на себя мощный удар фашистских войск, вырывающихся из окружения и сосредоточившихся в лесах восточнее Гура-Галбенэ.

В ночь с 25 на 26 августа 1944 г. началось кровопролитное сражение в этом районе. Фашисты прорывались колоннами, лезли напролом, как обезумевшие. Наши орудия били прямой наводкой прямо по колоннам, пулеметы и автоматы строчили непрерывно. А фашисты все лезли и лезли'. Густой туман и дым мешали видеть, где свои, а где группа немцев. Они толпами метались по оврагу, разгоняемые нашим огнем.

К утру было все кончено. Ни одному фашистскому солдату не удалось прорваться на запад. Сотни вражеских трупов, разбитая техника валялись повсюду. Только в районе КП нашего полка мы захватили 150 пленных, а вообще их было тысячи. Когда мы увидели ут-

ром колонну пленных, то ужаснулись. Как это они нас не смяли? В этом бою погибла жена Радаева — Катя.

Наш 9-й стр. корпус снова вошел в состав 5-й Уд. армии генерал-лейтенанта Берзарина Николая Эрастовича. Нас вывели из боя и начали грузить в эшелоны на ст. Веселый Кут. Едем под Варшаву (об этом уже сообщило солдатское радио). Ехали 2 недели (погрузились 7 сентября) через Тульчин, Шпола. Фастов, Житомир, Коростель, Сарны и прибыли в Ковель. Здесь 20 сентября 1944 г. нас с Павликом вызвал начальник разведки нашего 1054-го полка 301-й дивизии майор Кончев Петр Иванович и сказал: «Направляю вас, ребята, на курсы младших лейтенантов 5-й Уд. армии. Учиться будете несколько месяцев, станете офицерами. Тебя, Вася, весной не приняли, так как ты 27-го года рождения. Сейчас пришлось переделать тебе дату на 1926 год. Запомни: отныне и навсегда родился ты 29 октября 1926 года. И никогда, и никому не заикайся больше о 10 февраля 1927 года, а то и ты, и я пойдем под трибунал. Понял?» Рядом стояла его жена Нина, наш взводный санинструктор. Она добавила: «Может, за это время и война кончится. Живы останетесь. 29 октября — день рождения комсомола и твой, чтоб не забыл».

Собрали мы свои пожитки, попрощались с ребятами взвода (к этому времени взвод конной разведки ликвидировали и нас опять слили в один взвод — 26 человек). К вечеру прибыли на курсы, которые располагались на окраине Ковеля, а вскоре перебрались в лес к западу от города.

Прибыли мы с Павликом сюда во всеоружии: автоматы ППШ, шашка на боку, шпоры, на ремне пистолет трофейный «парабеллум», две «лимонки», два запасных диска. «Парабеллумы» и «лимонки» у нас сразу отобрали насовсем, шашки и шпоры сдали на хранение старшине. Но у обоих в карманах остались пистолеты «браунинг», а у меня еще сзади под рубашкой — синенькая яйцевидная трофейная граната. С нею я уже целый год не расстаюсь. Это, так сказать, мой тайный арсенал, как было в госпитале в Сочи. Тогда в мае 1943 г. я прибыл в госпиталь в Мацесту, имея при себе пистолет «браунинг» и яйцевидную немецкую гранату. Однажды медсестра ночью решила поправить у меня подушку, а там я прятал свою гранату (пистолет прятал под матрацем). Граната с грохотом упала на пол, медсестра в ужасе завизжала, прибежал дежурный врач (грузин). Врач сразу заявил: «Завтра выпишем тебя, бандита. Иди, куда хочешь, нам такие бальные нэ нужны». Но так как я был лежачим больным, меня не выписали, но гранату отобрали (а пистолет нет).

Зачислили нас с Павликом Незабудько во взвод разведки, и началась напряженная учеба, очень для нас интересная. Ребята попались опытные разведчики, и на занятиях мы обменивались опытом проведения разведпоиска. Всех очень интересовали наши поиски в Молдавии: «дневной» и «подкоп». «Дневной» поиск мы даже отрабатывали на тактических занятиях. Я выступал в роли командира взвода, а Павлику ставил задачу как командиру группы захвата. Потом мы еще раз отрабатывали этот вариант, но уже для начальства. Присутствовали начальник курсов полковник Лебедев, начальник учебного отдела подполковник Нутензон и все начальники разведок полков и дивизий, входивших в 5-ю Ударную армию. За проведенные занятия (видимо, всем понравились они) нам с Павликом объявили благодарность и вручили каждому ценный подарок — часы.

Мы внимательно следили за действиями нашей 301-й дивизии и 5-й Ударной армии. На политинформациях нам часто сообщали об этом.

Учился я на курсах младших лейтенантов хорошо, учеба мне давалась легко. И вообще мне всю жизнь училось легко. 9-й класс в 1942 году окончил лишь с одной четверкой (по дисциплине), остальные — пятерки. Курсы младших лейтенантов окончил на все пятерки и лишь по глупости получил одну тройку по бронетанковому делу

В конце сентября курсы переехали в Польшу в город Коссув (это недалеко от Кюстрина, примерно 20-25 км, так что фронт был рядом). Спали мы на кроватях с белоснежными простынями и укрывались верблюжьими одеялами. Кормили нас прекрасно, в столовой ели из мисок, а не из котелков (первое, второе, компот, чай, хлеба — сколько съешь и т.п.). От такой райской жизни мы даже округлились, поправились. Но вскоре «жирок» наш спал, так как начались каждодневные учения, походы, марш-броски (занимались по 10-12 часов в день). А у нас, разведчиков, к тому же ночные поиски, вылазки и т.п.

Преподавателем тактики разведки был капитан Волков. Это был асс — разведчик! Он из нас выжимал все соки, приговаривая: «Тяжело в учении — легко в бою! Кто сказал?», и мы хором отвечали: «Суворов!»

Очень любил я занятия по топографии. Для меня было в диковинку хождение по азимуту, нахождение сторон света по звездам или в лесу. Нравились мне и такие предметы, как военная администрация, бронетанковое дело (особенно вождение танка, мотоцикла, автомобиля).

Вечерами мы писали письма родным и близким, приводили себя в порядок и с упоением учились танцевать. Настрой был такой: «Войне

скоро конец, воевать нам уже вряд ли придется, поэтому надо готовиться к мирной жизни». Но нежданно-негаданно нагрянула война и к нам.

5-я Ударная армия захватила обширный плацдарм на западном берегу р. Одер. А на ее восточном берегу фашисты удерживали крепость Кюстрин. И вот в начале марта 1945 г. войска армии начали штурм крепости. Большая группа немецких войск вырвалась из крепости на восток, вошла в леса и повернула на юг в сторону Франкфурта-на-Одере. По пути фашисты разгромили наш медсанбат, уничтожили всех раненых и зверски расправились с медперсоналом.

Для ликвидации прорвавшейся группировки немцев были брошены части, снятые с фронта, в том числе и наши курсы. Из нашего разведвзвода создали две разведгруппы. Одной поручили командовать мне, другой — Павлику Незабудько. Я со своей группой скрытно двинулся в лес, разведал силы и средства противника, их расположение. Возвращаясь назад, мы захватили «языка» (№ 16). Попался офицер, матерый фашист, волком глядел на нас, но вел себя тихо. Быстро доставили его к полковнику Лебедеву. Пленный дал много ценных сведений.

К утру блокированная фашистская группировка общими усилиями была ликвидирована. Вечером мы хоронили убитых и жертв разгрома фашистами нашего медсанбата. Трупы были обезображены. Братскую могилу заставили рыть пленных. Они же участвовали в захоронении («Смотрите, гады, что вы наделали с нашими ранеными и персоналом медсанбата»). Были горячие головы, которые пытались тут же расстрелять этих извергов. Ведь они, — эти пленные, не СС и не гестапо, а обычные солдаты. Но как издевались над нашими ранеными и над медсестрами и врачами. Ужас!

Начальник курсов издал приказ, всем участвовавшим в операции объявлена благодарность. Человек 20 представлены к награде, в том числе я и Павлик (обоих представили к ордену Славы), но, забегая вперед, скажу, что никакой награды мы не получили. Вскоре кончилась война, Курсы в мае 1945 года расформировали. Радость победы и это чувство — «жив, жив, жив!» — заслонило все, и не было никакого желания искать свои награды, а сейчас, когда солдатский орден Славы даже не объявлен государственной наградой, — тем более...

Через неделю после разгрома Кюстринской группировки немцев мы закончили курсы. Приказом командующего 5-й Ударной армии нам присваивалось первичное офицерское звание «младший лейте-

нант». Командарм Берзарин Н.Э. вручил каждому офицерские погоны с одним просветом и одной малюсенькой звездочкой. Одели нас перед этим в новенькую офицерскую форму (китель, брюки-галифе, хромовые сапоги, суконная пилотка), вооружили револьверами системы «наган», дали первичную офицерскую экипировку: 2 простыни, 2 наволочки, одеяло байковое (зачем они нам на фронте? Все это мы отдали обслуживающему персоналу курсов и преподавателям). Вечером был торжественный ужин с музыкой и танцами. Очень было здорово!

Здесь я впервые за всю войну выпил спиртное и сразу, как говорится, «окосел». На фронте выдавали фронтовые сто грамм (всем — осенью, зимой, а разведчикам — круглый год). Тем, кто не пил, заменяли водку сахаром (в том числе и мне). Кроме того, я не курил, и вместо табака мне старшина еще порцию сахара выдавал. Обычно это давалось утром. И в это же время выдавали на целый день хлеб. Старички обычно делили хлеб на две половины: одну съедали утром, другую — вечером. А я съедал весь сахар и весь хлеб утром (убьют еще днем и хлеб пропадет. Лучше съем все сразу). Вечером же (это был у нас обед и ужин) суп, кашу и чай (если он был) съедал без хлеба и сахара.

На другой день зачитали нам приказ о назначении. Мы с Павликом Незабудько возвращались в свой 1054-й стрелковый полк 301-й стр. дивизии: я — командиром взвода пешей разведки, он — командиром взвода конной разведки (этот взвод только назывался так, лошадей у нас уже давно отобрали для кавалерии).

22 марта 1945 г. прибыли в свой полк. Командир полка подполковник Радаев Н.Н. вручил нам новенькие автоматы ППС (Симонова). Они компактны, удобны в ношении, но часто отказывают в бою (забьется песком и не стреляет, часто бывают перекосы затвора). Мы их по прибытии в свои взвод разведки сразу же поменяли на ППШ (Шпагина). Этот автомат понадежнее, да и диск имеет не 36, а 72 патрона. Для разведчиков это очень важно, когда в разведпоиске нет времени на перезаряжение. Разведчики нам очень обрадовались. Петя Колоярский стал адъютантом командира полка. Петра Ивановича Кончева повысили в должности до первого заместителя начальника штаба полка (ПНШ-1), начальником разведки полка назначен капитан Солопченко. Старшина Курбан Назаров, Коля Мясников, Петя Сагарь, Афанасий Ветютнев, Толя Павленко, Нина Кончева — вся эта кубанская «старая гвардия» была на месте, только наград у них по-

прибавилось, почти все получили за Вислу и за Одер по ордену (их теперь полегче получить).

На фронте пока затишье. Идут бои местного значения. После ликвидации Кюстринской группировки немцев плацдарм за рекой Одер расширился до 45 км по фронту и 10 км в глубину. Просторно стало и безопасно для передвижения.

В один из дней самого конца марта всех командиров разведвзводов и разведрот армии собрали в Нейштадте на восточном берегу р. Одер. Оказывается, на заключительное заседание военного трибунала. Судили взвод разведки одного из полков, входивших в состав 5-й Уд. армии. Когда шла Висло-Одерская операция, а она длилась около месяца (14.01.45 — 12.02.45 г.) и по размаху была самой крупной за всю ВОВ, этот взвод во главе со своим командиром сначала заблудился, оторвался от своего полка, а затем попросту дезертировал в полном составе и начал заниматься грабежами, убийствами, разбоем и т.п. Их захватили, и вот состоялся суд. Всех их 16 человек осудили к расстрелу и потом расстреляли перед строем войск. Нас, видимо, собрали, чтобы мы приняли к сведению и не сделали подобное. Но тут начальство переусердствовало. Нашим войскам оставалась последняя операция по взятию Берлина, и конец войне. К тому же до Берлина было каких-либо 60 км (а от Вислы до Одера — 500 км!).

Получили подробные топокарты с аэросъемкой фашистской обороны на Берлинском направлении. Здесь немцы создали три оборонительных полосы, а сам Берлин был разделен на 9 секторов обороны. Крепкий орешек предстояло нам взять.

Все дни и ночи перед началом наступления, а оно намечено на середину апреля, делаем вылазки к обороне немцев, чтобы засечь огневые точки, уточнить расположение траншей и ходов сообщения. Оборона у фашистов настолько плотная, что о. захвате «языка» и говорить не приходится. Начальство это понимает и не требует этого от нас.

16 апреля 1945 г. в 3 часа утра началась Берлинская наступательная операция войск 1-го Белорусского фронта. Полтора часа длилась артиллерийская подготовка. Все вокруг гудело от выстрелов артиллерии, залпов «катюш» и разрывов снарядов. Затем поле боя озарилось светом сотен прожекторов. Мы сами не были в курсе дела, а фашисты тем более. И это имело колоссальный эффект. Пленные потом с ужасом говорили, что у русских появилось какое-то новое оружие. Но все равно огрызались они яростно. Перед нашей дивизи-

ей оборонялась 18-я мотодивизия СС. Пленных почти не было, дрались эти головорезы до последнего. Продвигались очень медленно. Только через 3 дня удалось захватить г. Буков (это в 8-10 км от начала наступления). Фашисты непрерывно контратакуют. Иногда их автоматчики прорываются к самому КП нашего полка, приходится занимать круговую оборону и отражать их атаки.

Наша 301-я дивизия начала прорыв немецкой обороны, находясь в первом эшелоне корпуса; 248-я дивизия — во втором эшелоне, а 230-я дивизия — в резерве командарма.

21 апреля 1945 г. захватили г.Альт-Ландсберг, довольно крупный узел сопротивления немцев. Все здания в городе приспособлены к обороне, на улицах устроены баррикады с надолбами и противотанковыми «ежами» впереди. Слева от нас Зееловские высоты, там застряла 8-я гв. армия. Ее войска сильно отстали от нас. Это дает возможность фашистам контратаковать нас по левому флангу.

Утром 22 апреля ворвались в пригород Берлина Карлхорст. Мы первыми достигли столицы Германии. И, видимо, не случайно нашего командарма Берзарина Сталин назначил первым комендантом Берлина. К вечеру подошли к р. Шпрее, на которой стоит сам Берлин. Река довольно широкая (250-300 м) и глубокая, но фашисты не успели организовать оборону на противоположном берегу. Мне приказано со взводом первым форсировать реку и разведать противника в Трептов-парке, что на той стороне. Пока я получал задачу у командира полка, ребята достали где-то несколько лодок. Установили на их носу пулеметы, погрузились и пошли. Темнота невероятная. Реку форсировали без происшествий. В Трептов-парке противника не оказалось. Мы двинулись к жилому кварталу. По пути осматривали дачи в парке. В подвале одной из них захватили немца, который переодевался в гражданскую одежду. Это был наш самый последний «язык» № 17. Сопротивлялся он отчаянно. Саша Мазуренко успокоил его своим кулаком-молотом, да так, что фашист чуть богу душу не отдал.

Бои в городе запомнились тем, что драться приходилось не только за каждый дом, но и, так сказать, эшелонированно: пехота брала 1-й и последующие этажи, а разведчики очищали подвалы. Особенно досаждали нам «фаустники». Они выбивали наши танки. Правда, дальность стрельбы у них не превышает 300 м. Это заставило наши танки немного поотстать. Очень много немцев сдается в плен. Мы не успеваем группировать их в отряды и отправлять на сборные пункты. Вдоль улиц жители домов выбрасывают белые флаги (простыни).

Утром 26 апреля на КП полка прибыл комдив Антонов. Меня вызвали к нему, и он поставил задачу: проникнуть на площадь Аллиансплац (примерно в 1 км), захватить здание банка, с которого простреливалось несколько улиц, подходящих к площади. Удерживать здание банка до подхода частей дивизии.

Дали мне двух связистов с катушками провода, пару телефонных аппаратов и одного сапера с взрывчаткой. Собрал взвод, посоветовались, как лучше выполнить задачу. Решили пробраться в тыл к немцам не поверху, а по подвалам и водосточным трассам. Спустились мы в водосточный колодец во дворе дома, где был КП полка. Здесь я оставил телефониста и одного разведчика, с нами поддерживали постоянную связь по телефону. Двинулись вперед, разматывая сначала одну, а затем другую катушку. Время от времени у колодцев, выглядывая наружу, ориентировался также по компасу. Этот километр мы шли часа 3-4, но наконец-то вышли во двор дома, который надо было захватить. Быстро перебежали под стенку дома, беспрепятственно вошли в подъезд. Везде все разбросано, много бумаг валяется, видимо, немцы в спешке бежали. Заняли две комнаты на первом этаже и одну на втором. Забаррикадировались сейфами. На втором этаже нашли брошенный пулемет и много лент с патронами. Он нам очень пригодился. Из окон выставили три красных флажка (такие нам давали для водружения на Рейхстаге). Тогда были взводные, ротные, батальонные, полковые, дивизионные и другие флажки, кому-то взбрело в голову, что все мы должны водрузить свой флаг (или флажок) на Рейхстаге. Флажки мы выставили, чтобы наши не побили нас. По телефону успел доложить о выполнении задачи, и тут же связь прервалась.

Мой взвод удерживал этот объект 1,5 суток. Немцы никак не могли нас выкурить из здания. Бросали гранаты под двери, но наши сейфы выдерживали. Приходилось стрелять и в потолок, и в пол, чтобы выгнать противника оттуда. Рано утром подошли наши. Флажки указали, где мы засели, и они сюда не били. К обеду все здания, прилегающие к Аллиансплац, были захвачены нашими и я смог доложить комдиву о выполнении задачи. Он похвалил меня, поблагодарил ребят, приказал на всех оформить представление к ордену. Сюда же прибыл комкор генерал Рослый. Антонов доложил ему, как мы выполнили задачу. Генерал Рослый сказал: « Не будем откладывать в долгий ящик». Позвал адъютанта и тут же вручил мне орден Александра Невского. Сюда же прибыл к комкору и командир 230-й диви-

зии полковник Шишков Д.К. Он доложил, что в 988-м полку у него выбыли из строя сразу три командира стрелковых рот и один комбат. Генерал Рослый указал на меня и сказал Шишкову: «Вот тебе для замены один ротный, бери его»...

Вечером 28 апреля я был уже в подвале на переднем крае 3-го батальона 988-го полка и принял 8-ю роту. А в роте было всего 14 человек, в том числе активных штыков 8, остальные — старшина, ездовой, ординарцы, связные и т.п. Командовал этой ротой я (в бою) всего 4 дня, так как 2 мая утром фашистский гарнизон Берлина капитулировал.

На второй день вечером ко мне в роту привели старшину Н., который служил писарем отделения кадров дивизии и умудрился получить там за какие-то «подвиги» (это в 15 км от передовой!) 4 ордена, в том числе 2 ордена Славы, и 2 медали «За отвагу». Хотел представить себя к ордену Славы 1-й степени, но комдив поймал его и приказал отослать на передовую в стрелковую роту. Так он попал в мою 8-ю роту.

Надо отдать должное этому старшине. После войны он у меня в роте был старшиной роты, и рота по всем показателям была лучшей в полку.

Вечером 30 апреля наш 3-й стрелковый батальон майора Евплова Николая Гавриловича подошел к северной части серого громадного здания Рейхсканцелярии. Это была резиденция Гитлера, а рядом его бункер. В этом бункере Гитлер несколько часов назад (это мы узнали потом) отравился. По Рейхсканцелярии ударили наши 203-мм гаубицы, пробили несколько дыр в здании, через которые мы проникли внутрь. Почти сутки наш батальон и полк 301-й дивизии дрались за это здание, пока не выкурили последнего фашиста из него.

Немного севернее Рейхсканцелярии располагались Брандербургские ворота, а сразу за ними — Рейхстаг. Его штурмом взяла 150-я стр. дивизия 3-1 Ударной армии.

Итак, в 10-00 2 мая 1945 г. после капитуляции немцев наступил для нас мир, закончилась ВОЙНА. Но до Дня Победы оставалось еще долгих 6 дней, в течение которых гибли наши молодые парни и девушки. Ох, как было их жалко, ведь вот она, Победа, а они уходят из жизни, не познав, не увидев ее до конца, не испытав по-настоящему радости жизни...

Закончилась величайшая в истории Великой Отечественной войны битва — битва за Берлин. Да, пожалуй, это была величайшая битва

во всей истории войн человечества. Здесь столько участвовало боевой техники и войск, что хватило бы на много операций и битв. Вот, к примеру, во время уличных боев в Берлине стрелковый полк наступал обычно вдоль одной улицы: справа — 1-й батальон, слева — 2-й батальон, сзади «подчищает» 3-й батальон. В ротах было очень мало людей (к примеру, в моей 8-й роте всего было 9 активных штыков вместе со мной, ротным командиром). А поддерживали нас танковый батальон (8-10 танков), 2-3 пушечных дивизиона 76-100-мм (около 30 орудий), батарея (3 орудия) большой мощности (203,2 мм), минометный полк или дивизион (120-160-мм минометы). Это помимо того, что батальон имел 2 свои пушки (45-мм), свой минвзвод (3х82 мм), а полк — батарею 76-мм пушек и минроту (9х120-мм), да еще дивизионные средства.

Был получен приказ маршала Жукова: «Беречь людей. Патронов и снарядов не жалеть!» Вот и не жалели. Стоило только из окна дома выстрелить «фаустнику» или пулеметчику, сейчас же ротный или батальонный командир дает заявку артиллеристам, и те лупят по этому дому, пока он не завалится.

Наша армия (5-я Ударная армия) наступала на главном направлении и первой ворвалась в Берлин. Первым комендантом Берлина, как я же упоминал, Сталин назначил нашего командарма генерал-полковника Берзарина.

Война для нас закончилась, Пройден огромный путь от Кубани до Берлина длиною в два года. Только почти в самом конце этого пути я стал командовать 8-й стрелковой ротой 3 стрелкового батальона 988-го стрелкового полка 230-й Донецко-Берлинской стрелковой дивизии.

В этот же день я повел роту к Рейхстагу, где мы расписались углем на его стенах. Я поставил свой автограф («Вася Яценко с Кубани») на самом верху левой колонны. Надо сказать, что все там было настолько исписано (особенно старались тыловики), что мы 4 мая еле нашли место, где расписаться.

Расположили нас в здании школы. Здесь была казарма для солдат. Офицеров поместили в доме напротив. У каждого офицера была отдельная комната, мягкая кровать, белоснежные простыни и шикарная столовая, где можно было пить, есть сколько угодно и что угодно. Солдат тоже прекрасно кормили.

Разрешили послать посылки родным в Союз, офицерам — 10 кг, солдатам — 5 кг (в том числе послать родным тех офицеров и солдат, которые были ранены или погибли в ходе Берлинской операции).

Наша дивизия захватила большие мануфактурные склады, и из них нам выдали материал для посылок. Мой старшина роты Навара В.Т. умудрился как-то послать каждому не по одной, а по две посылки, в том числе родным тех, кто был ранен или убит в ходе боев за Берлин. Мама моя получила обе посылки. Их содержимое ей потом очень помогло в голодный 1946 год.

Начиная со 2 мая 1945 года, несем комендантскую службу в Берлине, занимаемся боевой подготовкой. Роту пополнили личным составом до полного штата (130 человек). Кроме трех взводов (по 38 человек), введено в штат роты отделение ротных пулеметов (2 пулемета «Горюнова»). Пополнение личного состава прибыло из запасных полков и учебных центров (в основном 1927 года рождения).

При патрулировании, когда еще шла война (до 8 мая), были случаи обстрела наших патрулей из подвалов или развалин. Стреляли матерые фашисты из тех, кто не хотел идти в плен и собирался отсидеться в подвалах. Но их быстро переловили. После 9 мая никаких перестрелок уже не было. «Вервольфы» (оборотни) оказались блефом. Зря о них трубил Геббельс. У немцев была кишка тонка, чтобы стать партизанами. Это тебе не русский мужик.

Вспоминается, как мы встретили день окончания войны. Казармы наши располагались в Карлхорсте, то есть, там, где подписывался акт о капитуляции Германии. Поэтому мы узнали об этом, наверное, раньше всех. Уже 7 мая вечером мы знали, что назавтра в здании инженерного училища будет подписание этого документа. Всю ночь никто не спал. Наутро снова все на ногах, и так весь день. А когда поздно ночью мы узнали, что подписание состоялось, весь полк вышел на улицу, и началась пальба в воздух. Стреляли все из всех видов оружия (кроме пушек и минометов). Даже маршал Жуков, когда услышал пальбу и узнал, в чем дело, сказал: «Пусть салютуют. Они этого заслужили».

В сентябре 1945 г. весь наш 3 батальон выехал за Одер в Польшу на уборку урожая. Весной, когда стояли мы в обороне, тыловики и вторые эшелоны сеяли хлеб и сажали картошку на землях, которые по Ялтинской конференции отходили Польше. Сейчас урожай созрел. Немцев оттуда выселили, а поляков пока не привезли. Вся сельхозтехника немцев осталась на месте, и мы, используя её, быстро убрали урожай и отправили его в Союз.

После уборки урожая мы вернулись назад в Олимпишесдорф под Берлином, но дивизия, оказывается, передислоцировалась да-

леко на север, на Балтику. Пришлось нам двигаться туда. Прибыли к 7 ноября.

Весь 1946 год мы держали береговую оборону по Балтике и занимались боевой подготовкой. В отпуск не пускают. А в самом конце года 230-ю дивизию переформировывают в 17-ю мехдивизию и передислоцируют обратно в Олимпишесдорф. Я командовал ротой автоматчиков, а затем разведывательной ротой 19 мехполка.

Только в августе 1946 года мне удалось взять отпуск. Я провёл дома месяц с родителями, навещал родственников. Ещё во время отпуска я женился.

В феврале 1950 года из Германии я был переведён в Пуховичи, что под Минском. Назначили меня командиром разведроты сначала 28-го мотострелкового полка, а затем отдельной разведроты 8-й гв.танковой дивизии. В последующем сформировали 295-й отдельный разведбатальон. Меня назначили комбатом, и формировать этот батальон пришлось мне.

В 1955 году я поступил в Военную академию им. Фрунзе и закончил её в1958 году с одной четверкой, остальные пятерки. По окончании ВАФ меня назначили начальником штаба 113-го гвардейского мотострелкового полка 83-й гв.МСД, Прикарпатский ВО, г. Ровно. Прослужил я там до 1960 года.

В 1960 году я со своей семьёй уехал в Москву учиться в Военно-дипломатическую академию. Сразу нам дали квартиру с мебелью, так что не надо было ничего приобретать. В академии я проучился 3 года и 7 лет провёл за рубежом, служил в Советских представительствах в Швеции и Финляндии.

Через 2 года после возвращения собирались в поездку в Норвегию, уже визы были на руках, но внезапно заболела жена, поэтому отъезд не состоялся.

Началась моя служба в Генеральном штабе. Сначала в должности старшего офицера, затем начальника группы, заместителя начальника направления и начальника направления — консультанта начальника Генерального штаба (маршала Огаркова Н.В.). Работа была интересной, хорошо спорилась у меня. Получили мы прекрасную трехкомнатную квартиру вблизи м. Динамо. Выросли и выучились дети.

Я начал писать диссертацию. Когда она была уже на стадии завершения, я попросился на преподавательскую работу в нашу Военно-дипломатическую академию на кафедру «Вооруженные силы иностранных государств». Кафедрой командовал мой однокашник по ака-

демии Бурмистров Николай Андреевич, с которым я впервые столкнулся в 1958 году в Военной академии им. Фрунзе.

Защитил я успешно кандидатскую диссертацию на степень кандидата военных наук, и, наконец, пришел срок завершать мою службу в Вооруженных силах СССР. Прослужил я в них 42 года 5 месяцев и 7 дней (с 1 августа 1942 до 7 января 1985 года). Три года из них был непосредственно на фронте.

После увольнения из армии я еще целых 7 лет продолжал трудиться. В 1985-1986 гг. в институте повышения квалификации руководящего состава Лесбумпрома был заведующим кафедрой гражданской обороны, затем — кафедрой текущей политики и международных отношений (обе эти кафедры мне пришлось создавать на пустом месте, а это, пожалуй, потруднее, чем формировать отдельный разведбатальон).

В 1986 г. по просьбе командования ГРУ работал консультантом в 6-м институте Министерства обороны

В 1986 г. перешел работать поближе к дому, в Институт повышения квалификации руководящего состава профтехобразования. Опять создавал и был заведующим кафедрой гражданской обороны и кафедрой «Текущая политика и международные отношения». Проработал здесь до 1992 года.

В середине 90-х лежал в госпитале, где начал писать мемуары. Книгу назвал «От Кавказа до Берлина 1013 дней и ночей с боями и пешком» и выпустил её тиражом 25 экземпляров для родных и близких, но главное, для внуков, чтобы они не забывали свои корни и знали, что такое фашизм и как нелегко досталась победа над ним.

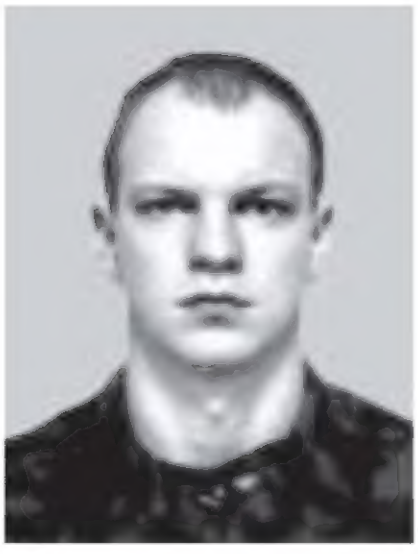
Сейчас работаю в Общевойсковой военной академии вот уже 3 года.

Имею награды:
ордена:
— Александра Невского;
— Отечественной войны 1 степени;
— Красной Звезды;
— «За службу в вооружённых силах»;
медали:
— «За отвагу»;
— «За боевые заслуги»;
— «За победу над Германией»;

— «За оборону Кавказа»;
— «За освобождение Варшавы»;
— «За взятие Берлина», а также юбилейные медали.

Иностранные медали:
— «За храбрость» (Польша);
— «За победу» (Болгария);
— «За победу» (МНР).

Апрель 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Скрипко Алексей Анатольевич***, студент 3-го курса Московского государственного горного университета

Оргкомитет Академии исторических наук по изданию воспоминаний о войне «От солдата до генерала» в составе:

руководителя Оргкомитета Шоля Евгения Ивановича

и членов Оргкомитета — Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Смирнов Геннадий Викторович, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича— **выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний**:

преподавателям факультетов военного обучения: Московского авиационного института (государственного технического университета) — полковнику Пустовалову Геннадию Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Корневу Олегу Ивановичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Почуеву Сергею Анатольевичу, Шкуратову Андрею Анатольевичу; Московского инженерно-физического института — полковнику Яркову Сергею Борисовичу, подполковникам Некандрову Игорю Владимировичу, Андрееву Юрию Николаевичу, Мальцеву Александру Михайловичу; Московского государственного текстильного университета им. Косыгина — полковнику Лысаку Сергею Владимировичу, подполковнику Кудрявину Александру Львовичу; Московского государственного горного университета — подполковникам Скоробогатову Владимиру Адамовичу, Попову Игорю Аркадьевичу, майору Нурматову Андрею Владимировичу; Московского государственного строительного университета — подполковникам Хоботову Михаилу Федоровичу, Ковалеву Владимиру Владимировичу, Дроботу Юрию Николаевичу, Бобыку Юрию Николаевичу, Шевченко Юрию Анатольевичу, Широкому Виктору Вячеславовичу, Шамшетдинову Рашиду Хайдаровичу, Мурзину Андрею Юрьевичу; Московского государственного университета природообустройства — Колесниченко Николаю Викторовичу, а также мастерам Профессионального училища №5 г. Москвы — Миловой Ольге Владимировне, Ауге Арнольду Львовичу.

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 4

Редакторы *М.С. Винниченко, Т.В. Моисеева, Р.Н. Фурсова*
Компьютерная верстка *О.Г. Лавровой*

ИБ № 514

Подписано в печать 6.02.2004 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,18. Тираж 750 экз. Зак. 2672/1704. С.144.

Издательство МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993
Типография Издательства МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993